ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ДВИЖУЩИЕСЯ КАРТИНКИ

Moving Pictures

Движущиеся картинки
Терри Пратчетт

Аннотация
Терри Пратчетт. Движущиеся картинки

Аннотация

Готовьтесь, достойные жители Анк-Морпорка, ибо вас ждет самое необычное зрелище во всем Плоском мире! Движущиеся картинки уже здесь! Так что запасайтесь хлопнутыми зернами, устраивайтесь поудобнее и внимайте подлинной истории Голывуда. Волшебники и тролли, продавцы горячих сосисок и говорящий Чудо-Пес Господ, Твари из Подземельных Измерений и отважный Библиотекарь из Незримого Университета. А еще – целая тысяча слонов!

Самостоятельный роман легендарного цикла «Плоский мир» в легендарной «черной» серии! Терри Пратчетт стал легендой и классиком еще при жизни: его романы переведены на 38 языков и проданы суммарным тиражом около 100 миллионов экземпляров.

Терри Пратчетт
Движущиеся картинки

Terry Pratchett
MOVING PICTURES
MOVING PICTURES © Terry & Lyn Pratchett 1990
First published by Victor Gollancz Ltd, London

© Демидов Р., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Смотрите…

Это космос. Его еще иногда называют последним рубежом.

(Вот только, разумеется, *последнего* рубежа быть не может, потому что тогда ему не для чего будет служить рубежом, но уж предпоследний-то рубеж из космоса получается отличный…)

На фоне звездной россыпи повисла туманность, огромная и черная, и посреди нее сияет, точно безумие богов, красный гигант.

А потом это сияние оказывается бликом в огромном глазу, и затмевается веком, и тьма взмахивает ластами, и Великий А’Туин, звездная

черепаха, продолжает свой путь сквозь пустоту.

На спине у него стоят четыре слона. На их плечах, окаймленный водой, блистающий под лучами крошечного солнышка, величественно обращающийся вокруг гор своего ледяного Пупа, лежит Плоский мир — мир в себе и зеркало миров.

Он почти нереален.

Реальность — явление не цифровое, а аналоговое и не работает по принципу «вкл./выкл.». Она *градуальна*. Иными словами, предметы точно так же отличаются реальностью, как, скажем, весом. Например, одни люди реальнее других. По приблизительным подсчетам, на любой планете живет всего-то около пятисот *реальных* людей; именно поэтому они все никак не перестанут неожиданно сталкиваться друг с другом.

Плоский мир нереален ровно настолько, насколько это возможно, чтобы сохранять в себе частичку реальности, достаточную, чтобы он существовал.

Достаточную, чтобы он угодил в реальные неприятности.

Где-то в тридцати милях по вращению от Анк-Морпорка, там, где Круглое море встречается с Краевым океаном, на продуваемом ветрами, по-

росшем взморником, покрытом дюнами клочке земли шумел прибой.

Холм был виден за многие мили отсюда. Пусть и не слишком высокий, среди дюн он высился, точно опрокинутый корабль или особенно неудачливый кит; его покрывали низкорослые деревца. Дождь здесь проливался лишь тогда, когда у него не оставалось другого выбора. И, хотя в окружающих дюнах хозяйничал ветер, на невысокой вершине холма царила вечная звенящая тишина.

На протяжении сотен лет все здесь оставалось неизменным, кроме очертаний дюн.

До сегодняшнего дня.

На длинном изгибе пляжа стояла кособокая хижина, построенная из плавника, хотя в данном случае слово «построенная» оскорбило бы всех когда-либо существовавших умелых строителей кособоких хижин; даже если бы морю доверили накидать в кучу обломки дерева, оно и то лучше справилось бы с работой.

И вот внутри этой самой хижины только что умер старик.

— Ох, — сказал он. Открыл глаза и оглядел внутреннее убранство хижины. Последние десять лет оно выглядело каким-то расплывшимся.

Потом он спустил на землю свои… ну, если не ноги, то, по крайней мере, воспоминания о своих ногах, и встал с подстилки из приморского вереска. И вышел наружу, в алмазно-ясное утро. Он с любопытством подметил, что даже после смерти до сих пор одет в призрачное подобие своего церемониального облачения — оно было заляпано и оборвано, но в нем все еще узнавался бордовый плюш с золотым кантом. Или одежда умирает вместе с тобой, подумалось ему, или твое сознание по привычке облачается в знакомый наряд.

Та же самая привычка привела его к груде плавника рядом с хижиной. Но когда он попытался поднять несколько веток, его руки прошли сквозь них.

Он выругался.

И лишь после этого заметил у кромки воды фигуру, устремившую взгляд в море. Она опиралась на косу. Ветер трепал ее черный балахон.

Он заковылял к ней, потом вспомнил, что умер, и перешел на размашистый шаг. Размашисто шагать ему не приходилось уже несколько десятков лет, однако навык возвращался на удивление быстро.

Не успел он одолеть и половины пути, как темная фигура обратилась к нему.

— ДЕККАН РИБОБ, — сказала она.

— Это я.

— ПОСЛЕДНИЙ СТРАЖ ДВЕРИ.

— Да, что-то вроде того.

Смерть заколебался.

— ТЫ ЛИБО СТРАЖ, ЛИБО НЕТ, — сказал он.

Деккан почесал нос. «Ну разумеется, — подумал он, — самого-то себя касаться можно. А то ведь на кусочки развалишься».

— По-хорошему-то, Стража должна посвятить в таинства Верховная Жрица, — объяснил он. — Только Верховные Жрицы все кончились уж много тысяч лет как. А меня всему обучил старик Тенто, который тут до меня жил. Он просто взял и сказал мне однажды: «Деккан, я, кажись, помираю, так что теперь все на тебе, а то ведь ежели не останется тех, кто помнит, так все начнется по новой, а ты сам понимаешь, что это значит». Ну, я-то был не против. Но порядочным таинст-вопосвящением это не назовешь.

Он посмотрел на песчаный холм.

— Только мы с ним оставались, — проговорил он. — А после него про Голывуд один я и помнил. А теперь…

Его рука взметнулась к губам.

— Ай-ай-ай, — выдохнул он.

— ДА, — согласился Смерть.

Неверным было бы сказать, что на лице Деккана Рибоба промелькнул испуг, потому что в тот момент его лицо находилось в нескольких ярдах от него и носило этакую застывшую усмешку, словно до него дошла наконец-то соль шутки. Но душа Деккана определенно была обеспокоена.

— Видишь, какая штука, — пустилась она в сбивчивые объяснения, — сюда ведь никто не приходит, разве что рыбаки с соседнего залива, а они тут только рыбу оставляют и сразу удирают, суеверные потому что, а я ведь не мог взять и пойти искать себе ученика, потому что нужно было за костром следить и гимны петь…

— ДА.

— …это ведь страшная ответственность, когда, кроме тебя, работу делать некому…

— ДА, — согласился Смерть.

— Ну да, конечно, *тебе* ли не знать…

— ВЕРНО.

— …ну и вот, я все надеялся, что сюда занесет какого-нибудь моряка с разбившегося корабля или охотника за сокровищами, а я бы ему пересказал все, что мне говорил старик Тенто, и гимнам бы его обучил, и все бы устроил перед тем, как копыта отбросить…

— ДА?

— А нельзя мне этак потихонечку…

— НЕТ.

— Так я и думал, — уныло вздохнул Деккан.

Он перевел взгляд на волны, захлестывавшие берег.

— А ведь тут когда-то, тысячу лет назад, был большой город, — сказал он. — Там, где море теперь. Когда штормит, слышно, как под водой бьют старые храмовые колокола.

— Я ЗНАЮ.

— Бывало, ветреными ночами я сиживал здесь и слушал. Воображал, как там, внизу, мертвые звонят в колокола.

— НО ТЕПЕРЬ НАМ ПОРА УХОДИТЬ.

— Старик Тенто говорил, что тут, под холмом, зарыто что-то такое, что может управлять людьми. Заставить их выделывать странные штуки, — сказал Деккан, неохотно следуя за шествующей фигурой. — Но я никаких странных штук не выделывал.

— НО ТЫ ВЕДЬ ПЕЛ ГИМНЫ, — ответил Смерть. И щелкнул пальцами.

Его конь оставил попытки щипать редкую поросль на дюнах и подбежал к Смерти. Деккан удивился, заметив, что на песке остаются следы

копыт. Он-то ожидал увидеть искры или хотя бы оплавленный камень.

— Э-э, — сказал он, — а ты не расскажешь мне, э-э… что будет дальше?

Смерть объяснил.

— Так я и думал, — мрачно проговорил Деккан.

Костер, горевший на невысоком холме всю ночь, обрушился, подняв в воздух фонтан пепла. Но несколько угольков продолжали тлеть.

Вскоре им предстояло погаснуть.

…

…

..

.

Они погасли.

.

..

…

…

Еще целый день после этого ничего не происходило. Потом в маленькой впадинке на краю угрюмого холма сместились несколько песчинок, открыв небольшую ямку.

И что-то вырвалось на волю. Что-то незримое. Что-то радостное, самовлюбленное и чудесное. Что-то эфемерное, словно идея, — собственно, это

она и была. Сумасбродная идея.

Она была так стара, что возраст ее не уместился бы ни в один известный человечеству календарь, и были у нее только память и нужда. Она помнила жизнь в других временах и других вселенных. Она нуждалась в людях.

Идея поднялась к звездам, меняя облик, закручиваясь струйкой дыма.

На горизонте сияли огни.

Она *любила* огни.

Несколько мгновений идея созерцала их, а потом невидимой стрелой нацелилась на город и устремилась к нему.

А еще она любила *действие*…

Минуло несколько недель.

Говорят, что все дороги ведут в Анк-Морпорк, величайший из городов Плоского мира.

По крайней мере, *говорят*, что говорят, что все дороги ведут в Анк-Морпорк.

Это не так. Все дороги ведут из Анк-Морпорка, просто некоторые люди ходят по ним не в ту сторону.

Поэты давно забросили попытки описать этот город. Теперь самые ушлые из них пытаются его выгораживать. Ну да, говорят они, может, он и воняет, может, он и перенаселен, может, он

немножко и напоминает Ад, в котором погасили костры и разместили на год стадо мучимых недержанием коров, но ведь нельзя не признать, что он полон чистейшей, сочной, кипучей *жизнью.* И эти слова правдивы, хоть и сказаны поэтами. Но те, кто не посвятил себя стихосложению, возражают: и что? Матрасы тоже частенько бывают полны жизнью, но им-то оды никто не посвящает. Жители Анк-Морпорка ненавидят свой город и, если им доводится его покинуть, отправившись по делам, или на поиски приключений, или, чаще всего, дожидаться истечения срока давности, они с нетерпением ожидают возвращения, чтобы вновь насладиться ненавистью к нему. Они налепляют на свои телеги наклейки со словами «Анк-Морпорк: Ненавидь или Выметайся». Они зовут его Большим Койхреном, в честь фрукта[1].

Время от времени кто-нибудь из правителей города окружает Анк-Морпорк стеной, формально — для защиты от врагов. Но Анк-Морпорк не боится врагов. И даже встречает их с распростертыми объятиями — если, конечно, у этих врагов

---

[1] Примечания: 1

Этот фрукт растет лишь в некоторых районах Очудноземья. Он достигает двадцати футов в длину, покрыт шипами цвета ушной серы и пахнет словно муравьед, отобедавший неправильными муравьями.

водятся деньжата[2]. Он переживал наводнения, пожары, набеги, революции и драконов. Да, иногда лишь по воле случая, — но он их переживал. Жизнелюбивый и безнадежно корыстный дух города не сдавался ни перед чем.

До нынешних пор.

Ба-бах.

Взрыв вышиб окна, дверь и снес большую часть дымохода.

На улице Алхимиков такие случаи были не в новинку. Соседи *предпочитали* взрывы — те были хотя бы понятными и быстро закачивались. Они были лучше запахов, которые подкрадывались исподтишка.

Взрывы были частью обстановки — той, которая еще осталась.

А этот был особенно хорош, даже по стандартам местных ценителей. В глубинах клубящегося чер-

---

[2] Примечания: 2

В знаменитом издании Гильдии торговцев «Дабро пажаловаться в Анк-Морпоркъ, горад тысичи сюрпризов» с недавних пор имеется целый раздел, озаглавленный «Што делать, если ты — захватчик-варвар?», в котором содержатся сведения о ночной жизни города, местах, где можно задешево купить народные поделки, и, в рубрике «О-степь-енись», список ресторанов, где подают приличное кобылье молоко и яковый пудинг. Не один вандал в остроконечном шлеме, возвращаясь в свою холодную юрту, задавался вопросом, куда это запропастились его деньги и как он сделался владельцем дурно сотканного ковра, литра скверного вина и фиолетового набивного ослика в соломенной шляпке.

ного дыма просматривалось багровое сердце, а такое увидишь нечасто. Кирпичная кладка оплавилась сильнее обычного. По общему мнению, зрелище вышло впечатляющее.

Ба-бах.

Через пару минут после взрыва из бесформенного пролома на месте двери вывалилась фигура. Она лишилась волос, а та одежда, что на ней еще осталась, пылала.

Фигура подковыляла к небольшой толпе, любовавшейся разрушениями, и по прихоти судьбы положила перепачканную сажей руку на плечо Себя-Режу-Без-Ножа Достабля — продавца горячих мясных пирогов и сосисок в тесте, обладавшего почти волшебной способностью возникать там, где можно что-нибудь продать.

— Я слово ищу, — проговорила фигура мечтательным, потрясенным тоном. — Прям вот на языке…

— Волдырь? — предположил Достабль.

Потом к нему вернулось коммерческое чутье.

— После таких переживаний, — добавил он, протягивая кусок теста, в котором скрывалось столько переработанных органических отходов, что он готов уже был вот-вот обрести разум, — тебе обязательно нужно перекусить горячим

мясным пирожком…

— Не-не-не. Не волдырь. Это такое слово, которое говоришь, когда что-то открыл. Выбегаешь на улицу и кричишь, — поспешно сказала дымящаяся фигура. — Особенное слово, — добавила она, морща лоб под слоем сажи.

Толпа, неохотно убедившаяся в том, что взрывов больше не будет, сгрудилась вокруг них. Это могло быть почти так же интересно.

— Ага, верно, — подтвердил какой-то старик, набивая трубочку. — Выбегаешь на улицу и кричишь: «Пожар! Пожар!»

Вид у него был торжествующий.

— Не, не то…

— Или «На помощь!», или…

— Нет, он прав, — сказала женщина с корзиной рыбы на голове. — Есть такое специальное слово. Оно заморское.

— Верно, верно, — поддакнул ее сосед. — Специальное заморское слово для тех, кто что-то открыл. Его какой-то иностранный тип придумал, когда ванну принимал…

— А вот *я*, например, — сказал старик с трубкой, раскуривая ее от тлеющей шляпы алхимика, — не понимаю, с чего людям в нашем городе бегать и кричать варварские слова только потому, что им

ванна нужна. Да и вообще, посмотрите на него. Он ванну не принимал. Она ему не помешает, но он ее не принимал. И с чего ему тогда кричать заморские словечки? У нас и свои неплохие слова для того, чтобы кричать, имеются.

— Это какие? — спросил Себя-Режу-Без-Ножа.

Курильщик задумался.

— Ну, — сказал он, — например… «Я чего-то открыл»… или там… «Ура»…

— Да нет, я про того типа, который был из Цорта или еще откуда… Он сидел в ванне, что-то придумал, выскочил на улицу и заорал.

— А что заорал-то?

— Не знаю. Может, «Дайте мне полотенце!».

— Попробовал бы он у нас такое отмочить — точно заорал бы, — жизнерадостно сказал Достабль. — А вообще, дамы и господа, у меня тут с собой сосиски в тесте, от которых у вас…

— Эврика, — сказал покрытый сажей алхимик, раскачиваясь взад-вперед.

— И ничего я не вру, — возмутился Достабль.

— Да нет, я слово вспомнил. «Эврика». — Почерневшее лицо алхимика расплылось в беспокойной улыбке. — Это значит «Нашел».

— Что нашел? — не понял Достабль.

— То, что искал. Я вот нашел. Октоцеллюлозу.

Поразительное вещество. В руках у меня было. Но я поднес его слишком близко к огню, — проговорила фигура озадаченным тоном человека, на волосок разминувшегося с сотрясением мозга. — Оч-чень важный факт. Надо его записать. «Ни в коем случае не нагревать». Оч-чень важный. Надо записать оч-чень важный факт.

И он, шатаясь, убрел обратно в дымящиеся руины.

Достабль посмотрел ему вслед.

— И что это было? — спросил он. Потом пожал плечами и закричал: — Пирожки с мясом! Горячие сосиски! В тесте! Такие свежие, что свинья еще пропажу не заметила!

Выбравшаяся из-под холма мерцающая, вихрящаяся идея была всему этому свидетельницей. Алхимик даже и не подозревал, что она рядом. Он знал только, что был сегодня необычайно изобретателен.

А теперь идею заинтересовал ум торговца.

Она знала этот склад ума. Она его обожала. Ум, способный торговать пирогами из кошмарных снов, годился и для торговли грезами.

Она взлетела.

На далеком холме бриз ворошил холодный серый пепел.

А ниже, в трещинке, что во впадинке меж двух камней, где боролся за жизнь хилый кустик можжевельника, пришла в движение крошечная струйка песка.

Ба-бах.

Потолочная штукатурка тонким слоем припорошила стол Наверна Чудакулли, нового аркканцлера Незримого Университета, который как раз пытался обвязать леской особенно несговорчивую муху.

Чудакулли выглянул в витражное окно. Над окраиной Морпорка поднималось облако дыма.

— Казначе-ей!

Казначей примчался через несколько секунд, совершенно запыхавшись. Громкие звуки его нервировали.

— Это алхимики, мэтр, — выдохнул он.

— Уже третий раз за неделю. Треклятые торговцы фейерверками, — пробормотал аркканцлер.

— Увы, мэтр, — отозвался казначей.

— И что они там делают?

— Не могу сказать, мэтр, — ответил казначей, переводя дыхание. — Никогда не интересовался алхимией. Она чересчур… чересчур…

— Опасна, — убежденно закончил аркканцлер. — Они только и делают, что смешивают все

подряд и говорят: «Эй, а что будет, если добавить сюда капельку вон той желтой штуки?», а потом по две недели ходят без бровей.

— Я хотел сказать «непрактична», — поправил его казначей. — Они пытаются сложным путем добиться того, для чего у нас есть простейшая бытовая магия.

— А я думал, они пытаются вывести у себя из почек философские камни, или что-то в этом роде, — сказал аркканцлер. — Все это полная чепуха, вот что я тебе скажу. Ладно, я пошел.

Аркканцлер начал потихоньку пробираться к выходу из комнаты, и казначей поспешно замахал перед его лицом стопкой бумаг.

— Прежде чем вы уйдете, аркканцлер, — отчаянно заговорил он, — может быть, уделите время тому, чтобы подписать несколько…

— Не сейчас, — отрезал аркканцлер. — Мне тут кое-куда надо сходить, ага?

— Ага?

— Вот именно. — Дверь захлопнулась.

Казначей посмотрел на нее и вздохнул.

За долгие годы Незримый Университет перевидал самых разных аркканцлеров. Больших, маленьких, коварных, слегка безумных, крайне безумных — они приходили, исполняли свои обя-

занности — в отдельных случаях так недолго, что художники не успевали дорисовать парадные портреты для Главного зала, — а потом умирали. В мире магии у пожилого волшебника шансы на долговременную карьеру примерно такие же, как у испытателя пого-стиков на минном поле.

Но с точки зрения казначея это не имело особого значения. Да, имя время от времени менялось, но самым важным было то, что хоть какой-нибудь аркканцлер в университете имелся всегда, а самой главной задачей аркканцлера, как считал казначей, было ставить подписи на бумагах, предпочтительнее — по мнению казначея, — не читая.

Но этот аркканцлер был не похож на прочих. Начать с того, что он вообще редко появлялся на рабочем месте, разве только чтобы сменить перепачканную одежду. А еще он кричал на людей. Обычно — на казначея.

А ведь в свое время им показалось хорошей идеей назначить аркканцлером человека, нога которого уже сорок лет не ступала на порог Университета.

В последние годы разнообразные магические ордены так часто собачились между собой, что старшие волшебники в кои-то веки решили: Уни-

верситету нужен период стабильности, чтобы можно было хоть несколько месяцев замышлять недоброе и плести интриги в тишине и покое. Покопавшись в архивах, они обнаружили Чудакулли Карего, который, став магом седьмого уровня в невероятно юном возрасте, двадцати семи лет, предпочел Университету фамильные владения в глубоком захолустье.

Он казался идеальным кандидатом.

— Вот кто нам нужен, — хором сказали они. — Чистый лист. Новая метла. Деревенский волшебник. Возврат к этим, как их там, *корням* чародейства. Неунывающий старичок с трубочкой и искорками в глазах. Такой, который одну травинку от другой умеет отличить и которому в лесу всякий зверь — брат. Он, наверное, еще и под звездами спит. И знает, о чем ветер шепчет, — а как же иначе. И каждое дерево по имени может назвать — вот увидите. И с птичками беседует.

Послали гонца. Чудакулли Карий вздохнул, ругнулся, отыскал в огороде посох, служивший шестом для пугала, и отправился в путь.

«А если он какие неудобства доставлять станет, — добавили про себя волшебники, — так от того, кто с деревьями разговаривает, отделаться будет — пара пустяков».

А потом он прибыл, и оказалось, что Чудакулли Карий действительно беседовал с птичками. Точнее, он на них орал, обычно что-то вроде: «Подстрелил тебя, зар-раза!»

Твари земные и птицы небесные и впрямь знали Чудакулли Карего. Они так наторели в распознавании образов, что в радиусе примерно двадцати миль от владений Чудакулли пускались в бегство, прятались, а в самых безвыходных ситуациях бросались в отчаянную атаку, едва завидев остроконечную шляпу.

В течение двенадцати часов после приезда Чудакулли поселил в буфетной свору охотничьих драконов, расстрелял из своего чудовищного арбалета воронов на древней Башне Искусства, выпил дюжину бутылок красного вина и завалился в кровать в два часа ночи, распевая песню с такими словами, что кое-кому из самых старых и забывчивых волшебников пришлось закопаться в словари.

А в пять часов он вскочил и отправился стрелять уток на болота в низовьях реки.

А вернувшись, стал жаловаться, что в округе нет приличной реки для ловли форели. (В реке Анк рыбачить было невозможно; крючки уходили под воду, только если на них хорошенько

попрыгать.)

А еще он заказывал к завтраку пиво.

А еще он травил *анекдоты*.

С другой стороны, подумал казначей, он хотя бы не вмешивался в управление Университетом. Чудакулли Карий не имел ни малейшего желания чем-либо управлять — разве что сворой гончих. Все, что нельзя было подстрелить, затравить или поймать на крючок, его интересовало мало.

Пиво на завтрак! Казначей содрогнулся. До полудня волшебники пребывали не в лучшей форме, и во время завтраков в Главном зале царила хрупкая тишина, которую нарушали только кашель, тихое шарканье слуг да время от времени чей-нибудь стон. Громкие требования почек, кровяной колбасы и пива были тут в новинку.

Этого ужасного человека не боялся один лишь старик Ветром Сдумс, которому стукнуло уже сто тридцать лет: он был глух и, хотя прекрасно разбирался в древних магических письменах, события дня нынешнего воспринимал только после предварительного оповещения и тщательных разъяснений. Он кое-как усвоил тот факт, что новый аркканцлер будет из числа этаких старичков-лесовичков, заметить перемены ему предстояло только через неделю, а то и две, а пока

что он вел с Чудакулли вежливые культурные беседы, основанные на сохранившихся у него крохах воспоминаний о природе и всем таком прочем.

Примерно такие:

«Полагаю, мм, для вас довольно непривычно, мм, спать в настоящей постели, а не под, мм, звездами?» Или: «А вот эти, мм, штуки называются “ножами” и “вилками”, мм». Или: «Как, мм, по-вашему, эта *зеленая* штука на яичнице, мм, это, случайно, не петрушка?»

Но поскольку новый арккканцлер никогда не уделял особого внимания тому, что говорится вокруг, пока он ест, а Сдумс никогда не замечал, что ему не отвечают, ладили они довольно неплохо.

Да и вообще, казначею и так было из-за чего беспокоиться.

Из-за алхимиков, например. Алхимикам доверять нельзя. Они слишком серьезно ко всему относятся.

Ба-бах.

Этот «ба-бах» оказался последним. За следующие дни не произошло ни одного, даже самого завалящего взрыва. Город вновь успокоился; это оказалось ошибкой.

Казначею и в голову не пришло, что отсутствие

взрывов не означало, что алхимики бросили свою затею, какой бы она там ни была. Оно означало, что затея *удалась*.

Была полночь. Прибой захлестывал пляж и фосфорически светился в ночи. Но возле древнего холма его шум казался мертвым, словно пробивался сквозь несколько слоев бархата.

Яма в песке сделалась уже довольно большой.

Если бы вы поднесли к ней ухо, вам могло показаться, что вы слышите аплодисменты.

Была все еще полночь. Полная луна висела над дымом и испарениями Анк-Морпорка, возносясь благодарности за то, что ее отделяют от них несколько тысяч миль неба.

Здание Гильдии Алхимиков было новым. Оно всегда было новым. За последние два года оно взлетало на воздух и отстраивалось четыре раза, в последний раз — без лекционного и демонстрационного залов, в надежде, что это хоть как-то поможет.

Этой ночью в здание, таясь, вошло множество закутанных в плащи фигур. Через несколько минут свет в окне на верхнем этаже погас.

Точнее, почти погас.

Там, наверху, что-то происходило. Ненадолго окно озарилось странным мерцанием. За этим

последовало громкое рукоплескание.

И еще шум. На этот раз не взрыв, а странное механическое мурлыканье, словно доносившееся из жестяной бочки, в которой лежала довольная кошка.

Вот такое: *кликакликакликаклика… клик.*

Оно продолжалось несколько минут, под аккомпанемент восторженных воплей. А потом кто-то сказал:

— Вот и все, ребята.

— И что это было за «все»? — поинтересовался на следующее утро патриций Анк-Морпорка.

Стоявший перед ним человек поежился от страха.

— Не знаю, ваша светлость, — ответил он. — Они меня внутрь не пустили. За дверью оставили ждать, ваша светлость.

Он нервно переплел пальцы. Суровый взгляд патриция пригвоздил его к месту. Это был хороший взгляд, и хорош он был, помимо прочего, тем, что не давал людям умолкнуть даже тогда, когда им казалось, что они уже все рассказали.

Лишь сам патриций знал, сколько шпионов у него в городе. Этот работал прислужником в Гильдии Алхимиков. Однажды ему не повезло предстать перед патрицием по обвинению в

злонамеренном безделье, после чего он по собственной воле выбрал судьбу шпиона[3].

— Это *все*, ваша светлость, — прохныкал он. — Я слышал только те щелчки, а видел только какое-то мерцающее *сияние* под дверью. И, э-э, еще они сказали, что здесь плохой дневной свет.

— Плохой? Чем же?

— Э-э. Не знаю, сэр. Они просто сказали, что он плохой. И что нужно отправиться куда-нибудь, где он получше. Э-э. И еще попросили меня принести им еды.

Патриций зевнул. В причудах алхимиков было что-то бесконечно скучное.

— Вот как, — сказал он.

— Вот только они поели всего за пятнадцать минут до этого, — выпалил слуга.

— Возможно, от того, чем они занимались, разыгрывается аппетит, — предположил патриций.

— Ага, а кухня была уже закрыта на ночь, так что мне пришлось пойти и купить целый лоток горячих сосисок в тесте у Себя-Режу-Без-Ножа Достабля.

— Вот как. — Патриций опустил взгляд на ле-

---

[3] Примечания: 3

Альтернативой было по собственной воле выбрать судьбу человека, брошенного в яму со скорпионами.

жащие на столе бумаги. — Благодарю вас. Можете идти.

— И знаете что, ваша светлость? Сосиски им понравились. Они им на самом деле понравились!

Поразительным было уже то, что у алхимиков вообще была Гильдия. Волшебники точно так же несговорчивы, но при этом по натуре склонны к иерархии и соревнованиям. Им *не обойтись* без организации. Какой смысл быть волшебником седьмого уровня, если нет предыдущих шести уровней, на которые можно поглядывать свысока, и восьмого, к которому можно стремиться? Другие волшебники нужны обязательно, чтобы ненавидеть их и презирать.

А вот алхимики всегда были сами по себе и корпели в темных комнатах или тайных подвалах в вечной погоне за большим кушем — философским камнем, эликсиром жизни. Как правило, это были худые красноглазые мужчины с бородами, похожими больше не на бороды, а на группки отдельных волос, сгрудившихся вместе для самозащиты, и многих из них отличало то отсутствующее, не от мира сего выражение лица, которое появляется, когда слишком много времени проводишь в компании кипящей ртути.

Не то чтобы алхимики ненавидели других ал-

химиков. Зачастую они их просто не замечали или принимали за моржей.

Поэтому их крохотная, презираемая Гильдия даже и не пыталась возвыситься до могущественного статуса, например, Гильдии Воров, или Попрошаек, или Убийц, вместо этого посвятив себя помощи вдовам и семьям тех алхимиков, которые чрезмерно расслабленно отнеслись, скажем, к цианистому калию, или сделали отвар из каких-нибудь интересных грибочков, выпили его и шагнули с крыши, играя с феечками. Правда, вдов и сирот было не так уж много, потому что алхимикам сложно поддерживать длительные отношения с другими людьми, и если уж они и женятся, то, как правило, лишь для того, чтобы было кому держать реторты.

По большому счету, алхимики Анк-Морпорка совершили лишь одно открытие: как из золота сделать меньше золота.

До недавних пор…

Теперь же их переполняло нервозное возбуждение людей, которые внезапно обнаружили на своем банковском счете целое состояние и теперь не могут решить, рассказать об этом кому-нибудь или просто схватить деньги и удрать.

— Волшебникам это не понравится, — сказал

один из них, худой и нерешительный человек по имени Колыбелли. — Они скажут, что это магия. А вы ведь знаете, как они бесятся, когда им кажется, что ты не волшебник, но занимаешься магией.

— Магия тут ни при чем, — отрезал Томас Сильверфиш, президент Гильдии.

— Но бесы-то используются.

— Это не магия. Это простой оккультизм.

— И еще саламандры.

— Самые обычные создания природы. Ничего плохого в них нет.

— Ну да. Но они *все равно* скажут, что это магия. Ты же их знаешь.

Алхимики мрачно кивнули.

— Они — ретрограды, — сказал Сендзивог, секретарь Гильдии. — Разжиревшие чарократы. И остальные Гильдии не лучше. Что они знают о неостановимом прогрессе? Какое им до него дело? Они уже давно могли бы создать что-то подобное — но разве создали? Нет! Только *подумайте*, мы ведь можем сделать жизни людей намного… ну, лучше. Возможности безграничны.

— Образовательные, — сказал Сильверфиш.

— Исторические, — сказал Колыбелли.

— И развлекательные, разумеется, — добавил

Жалоби, казначей Гильдии. Он был крошечным, нервным человечком. Впрочем, многие алхимики были нервными; станешь тут нервным, когда не знаешь, что в следующую секунду выкинет реторта булькающей дряни, с которой ты экспериментируешь.

— Ну да. Естественно, и развлекательные тоже, — сказал Сильверфиш.

— Какие-нибудь великие исторические драмы, — продолжил Жалоби. — Только представьте! Собираешь актеров, они играют спектакль всего один раз, и люди по всему Диску могут смотреть его, сколько захотят! И на жалованье огромная экономия, кстати, — добавил он.

— Только это нужно делать со вкусом, — сказал Сильверфиш. — На нас возложена огромная ответственность: убедиться, что никто не станет делать ничего... — Он осекся. — Ну... знаете... *низкопробного.*

— Они нам не позволят, — мрачно проговорил Колыбелли. — Знаю я этих волшебников.

— Я об этом думал, — ответил Сильверфиш. — Свет тут все равно никуда не годится. Мы все это признали. Нам нужно чистое небо. И нужно уехать подальше отсюда. Кажется, мне известно подходящее местечко.

— Знаете, я до сих пор поверить не могу, что мы это делаем, — сказал Жалоби. — Месяц назад это была всего лишь безумная идея. А теперь все сработало! Как по волшебству! Только не по волшебству, сами понимаете, — быстро добавил он.

— Это не просто иллюзия, а *реальная* иллюзия, — сказал Колыбелли.

— Не знаю, задумывался ли кто-нибудь об этом, — начал Жалоби, — но мы можем на этом и подзаработать. А?

— Но это не имеет значения, — ответил Сильверфиш.

— Нет. Нет, конечно же, не имеет, — пробормотал Жалоби. И взглянул на остальных. — Может быть, еще раз посмотрим? — предложил он застенчиво. — Я могу покрутить ручку. И, и… ну, я знаю, что от меня в этом проекте было немного проку, но зато я, гм, вот какую штуку придумал.

Он извлек из кармана мантии пухлый мешочек и бросил его на стол. Мешочек опрокинулся, и из него выкатились несколько мягких бесформенных шариков.

Алхимики уставились на них.

— А что это? — спросил Колыбелли.

— Ну, — неловко сказал Жалоби, — это вот как делается: берешь немного кукурузы, кладешь

ее, скажем, в реторту номер три, добавляешь масло для жарки, накрываешь тарелкой, потом нагреваешь — и она начинает взрываться, ну, то есть не *серьезно* взрываться, конечно, а когда она закончит, ты снимаешь тарелку и видишь, что кукуруза трансформировалась в эти, э-э, штуки… — Он посмотрел на их непонимающие лица. — Их можно есть, — пробормотал он извиняющимся тоном. — Если добавить соль и сливочное масло, вкус будет как у сливочного масла с солью.

Сильверфиш протянул покрытую химическими пятнами руку и осторожно взял кусочек воздушного лакомства. Задумчиво пожевал его.

— Не знаю, с чего я это придумал, — говорил покрасневший Жалоби. — Просто мне вдруг пришло в голову, что так будет *правильно*.

Сильверфиш продолжал жевать.

— Вкус как у картона, — сказал он наконец.

— Извините, — пробормотал Жалоби, пытаясь сгрести остальные шарики обратно в мешочек. Сильверфиш мягко коснулся его плеча.

— Впрочем, — сказал он, выбирая еще один кусочек, — в этом *действительно* что-то есть. Они и впрямь кажутся *правильными*. Как, ты говорил, они называются?

— Да никак, — ответил Жалоби. — Я их зову просто хлопнутыми зернами.

Сильверфиш взял еще один шарик.

— Вот странно, их хочется брать еще и еще, — сказал он. — Что-то в них есть аппетитное. Хлопнутые зерна, да? Хорошо. Что ж… господа, давайте покрутим ручку еще раз.

Колыбелли принялся перематывать пленку в неволшебном фонаре.

— Ты, кажется, говорил, что знаешь место, где мы сможем как следует развернуться и где волшебники нам не помешают? — спросил он.

Сильверфиш зачерпнул горсть хлопнутых зерен.

— Оно у берега моря, — сказал он. — Приятное и солнечное местечко, давно уже всеми забытое. Там ничего нет, кроме продуваемого ветрами леса, храма и песчаных дюн.

— Храма? Боги могут серьезно взбелениться, если… — начал Жалоби.

— Слушайте, — сказал Сильверфиш, — да это место уже несколько веков как заброшено. Ничего там нет. Ни людей, ни богов, никого. Только солнечный свет и земля, которая нас дожидается. Это наш шанс, ребята. Нам не дозволяется творить магию, мы не можем творить золото, мы

даже денег натворить не можем — так давайте творить *движущиеся картинки.* Давайте творить *историю*!

Алхимики расправили плечи и просветлели.

— Да, — сказал Колыбелли.

— О. Точно, — сказал Жалоби.

— За движущиеся картинки, — сказал Сендзивог, поднимая горсть хлопнутых зерен. — А как ты узнал об этом месте?

— О, я… — Сильверфиш осекся. Он выглядел озадаченным. — Не знаю, — сказал он наконец. — Не… не могу вспомнить. Должно быть, слышал о нем когда-то давно и забыл, а потом оно всплыло у меня в голове. Сами знаете, как оно бывает.

— Ага, — кивнул Колыбелли. — Как у меня с пленкой. Я будто *вспоминал*, как ее делать. Мозги какие только странные штуки не выкидывают.

— Точно.

— Точно.

— Просто для этой идеи настало время.

— Точно.

— Точно.

— Твоя правда.

За столом повисло несколько встревоженное молчание. Так бывает, когда несколько умов пытаются нащупать ментальными пальцами

источник своего беспокойства.

Воздух как будто мерцал.

— А как это место называется? — спросил в конце концов Колыбелли.

— Не знаю, как оно называлось в прежние дни, — ответил Сильверфиш, откидываясь на спинку стула и подтягивая к себе хлопнутые зерна. — А сейчас его зовут Голывудом.

— Голывуд, — повторил Колыбелли. — Звучит… знакомо.

И снова воцарилось молчание, пока алхимики обдумывали это. Нарушил его Сендзивог.

— Ну ладно, — жизнерадостно сказал он. — Голывуд, мы идем к тебе.

— Ага, — поддакнул Сильверфиш и потряс головой, словно прогоняя неуютную мысль. — Странное дело. У меня такое ощущение… будто мы уже туда шли… все это время.

В нескольких тысячах миль под Сильверфишем полусонно рассекал звездную ночь Великий А'Туин, космическая черепаха.

Реальность — это кривая.

Но проблема не в этом. Проблема в том, что реальности на самом деле не так много, как должно быть. Согласно некоторым из наиболее мистических текстов, хранящихся на полках библиотеки

Незримого Университета…

…ведущего учебного заведения Плоского мира в области волшебства и плотных обедов, в котором собрано столько книг, что они искажают Пространство и Время…

…по крайней мере девять десятых всей когда-либо созданной реальности находятся за пределами мультивселенной, а поскольку мультивселенная по определению включает в себя все, что только существует, она оказывается под изрядным давлением.

За границами вселенных лежат заготовки реальностей — то, что могло бы существовать, то, что, возможно, будет существовать, то, чего никогда не существовало, самые безумные идеи — и все это хаотически создается и рассоздается, как элементы в зреющих сверхновых.

А изредка, там, где стенки миров слегка истончились, оно может просочиться *внутрь*.

А реальность, соответственно, утечь наружу.

Результат этого похож на те глубоководные горячие гейзеры, возле которых диковинные морские создания находят для себя достаточно тепла и еды, чтобы создать недолговечный крошечный оазис бытия в среде, в которой никакого бытия быть не должно.

Идея Голывуда невинно и радостно просочилась в Плоский мир.

А реальность начала утекать наружу.

И ее заметили. Ибо снаружи обитают Твари, чье умение вынюхивать крохотные и хрупкие скопления реальности таково, что на его фоне способность акул чуять кровь в воде даже упоминания не стоит.

Они начали окружать утечку.

Над дюнами собиралась гроза, но достигнув невысокого холма, тучи словно расступались. Лишь несколько капель дождя упало на иссохшую землю, а ураган обернулся легчайшим ветерком.

Он засыпал песком следы давно потухшего костра.

Ниже по склону, там, где яма сделалась уже достаточно большой, чтобы в нее мог пролезть, скажем, барсук, сдвинулся с места и укатился прочь маленький камешек.

Месяц пролетел быстро. Задерживаться ему не хотелось.

Казначей почтительно постучался в дверь кабинета аркканцлера и открыл ее.

Арбалетная стрела пригвоздила его шляпу к доскам.

Аркканцлер опустил арбалет и сердито воззрился на казначея.

— Чертовски опрометчивый поступок, — заявил он. — Из-за тебя чуть несчастный случай не произошел.

Казначей не оказался бы там, где был сегодня — точнее, там, где была десять секунд назад спокойная и собранная сторона его личности, а не там, где он был сейчас, то есть на грани легкого инфаркта, — если бы не обладал поразительной способностью оправляться от нежданных потрясений.

Он вытащил стрелу и снял шляпу с нарисованной мелом на старинной древесине мишени.

— Ничего страшного, — сказал он. Без титанических усилий такого спокойствия в голосе добиться было невозможно. — Дырку почти не видно. А, гм, почему вы стреляли в дверь, мэтр?

— Подумай головой, дружище! Снаружи темно, а клятые стены из камня сложены. Ты что же, думаешь, что я в них стрелять стану?

— А-а, — ответил казначей. — Вы знаете, а ведь этой двери пять сотен лет, — добавил он с тщательно отмеренной долей укоризны.

— Оно и видно, — бесцеремонно брякнул аркканцлер. — Здоровенная такая черная шту-

кенция. Что нам здесь нужно, дружище, так это поменьше камней и деревяшек и побольше жизнерадостности. Ну, ты понимаешь — чуток охотничьих гравюр. Украшеньица какие-нибудь.

— Я займусь этим лично, — не моргнув глазом, со-врал казначей. И вспомнил о зажатой под мышкой стопке бумаг. — А тем временем, мэтр, может быть, вы…

— Отлично, — перебил его аркканцлер, нахлобучивая на голову остроконечную шляпу. — Молодец. А я пойду взгляну на больного дракона. Мелкий поганец уже несколько дней к дегтю не притрагивается.

— …подпишете пару документов… — поспешно затараторил казначей.

— Не до того мне, — отмахнулся аркканцлер. — Здесь и так от чертовых бумажек не продохнуть. Кстати… — Он посмотрел сквозь казначея, словно внезапно о чем-то вспомнил. — Я утром одну странную штуку увидел, — сказал он. — Во дворе мартышка гуляла. Наглая такая.

— Ах да, — жизнерадостно ответил казначей. — Это Библиотекарь.

— Он что, питомца завел?

— Нет, вы меня не поняли, аркканцлер, — весело объяснил казначей. — Это *и был* Библио-

текарь.

Аркканцлер уставился на него.

Улыбка казначея застыла.

— Библиотекарь — *мартышка*?

У казначея ушло много времени на то, чтобы прояснить ситуацию, после чего аркканцлер сказал:

— То есть ты говоришь, что этот бедолага превратился в мартышку из-за магии?

— Из-за несчастного случая в библиотеке, да. Магический взрыв. Был человек — стал орангутан. И не называйте его мартышкой, мэтр. Он — обезьяна.

— А что, есть какая-то разница?

— По-видимому, есть. Он становится, э-э, крайне агрессивным, если его назвать мартышкой.

— Надеюсь, он задницу людям не показывает?

Казначей закрыл глаза и содрогнулся:

— Нет, мэтр. Вы думаете о павианах.

— А-а. — Аркканцлер задумался. — А они здесь не работают?

— Нет, мэтр. Только Библиотекарь, мэтр.

— Я этого не потерплю. Ни за что не потерплю. Нельзя, чтобы по Университету слонялись здоровенные волосатые твари, — твердо заявил аркканцлер. — Избавьтесь от него.

— Боги, нет! Он лучший Библиотекарь, какой у нас только был. И с лихвой отрабатывает свою зарплату.

— Да ну? И как же мы ему платим?

— Орешками, — быстро ответил казначей. — К тому же он единственный, кто понимает, как вообще устроена библиотека.

— Так превратите его назад. Не дело человеку мартышкой жить.

– *Обезьяной*, мэтр. И, боюсь, ему так больше нравится.

— С чего ты взял? — подозрительно осведомился арккканцлер. — Он разговаривает?

Казначей заколебался. С Библиотекарем такая проблема возникала постоянно. Все так к нему привыкли, что с трудом припоминали то время, когда библиотекой *не заправлял* желтозубый примат, обладающий силой троих мужчин. Дайте непривычному время — и оно станет привычным. Вот только когда приходилось давать объяснения кому-то со стороны, звучали они странно. Казначей нервно откашлялся.

— Он говорит «у-ук», арккканцлер, — объяснил он.

— И что это значит?

— Это значит «нет», арккканцлер.

— А как в таком случае по-обезьяньи будет «да»?

Этого-то вопроса казначей и боялся.

— «У-ук», арккканцлер, — ответил он.

— Так ведь это тот же самый «у-ук», что и раньше!

— О нет. Уверяю вас, нет. Модуляции совершенно иные… я имею в виду, когда привыкнешь… — Казначей пожал плечами. — Наверное, мы просто научились его понимать, арккканцлер.

— Ну, по крайней мере, он поддерживает себя в форме, — едко заметил арккканцлер. — В отличие от прочих из вас. Я сегодня утром вошел в Необщий зал, а там была куча народу — и все храпели!

— Это старший преподавательский состав, мэтр, — сказал казначей. — С моей точки зрения, они находятся в идеальной форме.

– *Идеальной*? Да декан выглядит так, словно он кровать проглотил!

— О, мэтр, — сказал казначей, снисходительно улыбаясь, — но ведь слово «идеальная», как я его понимаю, означает «полностью соответствующая своей функции», а я бы сказал, что тело декана идеально пригодно для того, чтобы целый день сидеть и поглощать еду в огромных

количествах.

Казначей позволил себе маленькую улыбку.

Аркканцлер смерил его взглядом, старомодным настолько, что он мог бы принадлежать аммониту.

— Это что, шутка? — спросил он подозрительным тоном человека, неспособного понять, что такое «чувство юмора», хоть ты битый час объясняй ему на диаграммах.

— Всего лишь наблюдение, мэтр, — осторожно ответил казначей.

Аркканцлер покачал головой:

— Терпеть не могу шутки. Терпеть не могу поганцев, которые целыми днями только и делают, что пытаются острить. Это все оттого, что вы круглые сутки сидите взаперти. Несколько двадцатимильных пробежек — и декан станет другим человеком.

— Ну да, — отозвался казначей. — Мертвым.

— Здоровым.

— Да, но все равно мертвым.

Аркканцлер раздраженно зашуршал бумагами у себя на столе.

— Тунеядство, — пробормотал он. — Одно сплошное тунеядство. Незнамо во что Университет превратили. Дрыхнут целыми днями, в

мартышек превращаются. Когда я был студентом, нам и *в голову* не приходило в мартышек превращаться.

Аркканцлер поднял недовольный взгляд.

— Ну и чего ты хотел? — рявкнул он.

— Что? — переспросил обескураженный казначей.

— Ну, ты же чего-то от меня хотел, разве нет? Ты ведь пришел, чтобы о чем-то меня попросить. Наверное, потому, что я один тут не сплю и не ору с дерева каждое утро, — добавил аркканцлер.

— Э-э. А это, кажется, делают гиббоны, аркканц-лер.

— Что? Что? Будь любезен, дружище, не пори че-пуху!

Казначей собрался с духом. Он не понимал, почему должен терпеть такое обращение.

– *На самом деле* я хотел поговорить с вами об одном из студентов, мэтр, — холодно сказал он.

— Студентов? — рявкнул аркканцлер.

— Да, мэтр. Знаете, кто это? Худые такие, с бледными лицами? Мы ведь *университет*, помните? Студенты к ним прилагаются, вроде как крысы…

— Я думал, мы платим людям, которые с ними разбираются.

— Преподавателям. Да. Но бывают случаи… В

общем, аркканцлер, взгляните, пожалуйста, на эти итоги экзаменов…

Была полночь — не та полночь, что раньше, но очень на нее похожая. Старый Том, безъязыкий колокол с университетской колокольни, только что звучно промолчал двенадцать раз подряд.

Тучи выжали из себя на город последние капли дождя. Анк-Морпорк раскинулся под немногочисленными мокрыми звездами, реальный, словно кирпич.

Думминг Тупс, студент-волшебник, отложил учебник и потер лицо.

— Ну ладно, — сказал он. — Спроси меня о чем-нибудь. Давай. О чем угодно.

Виктор Тугельбенд, студент-волшебник, взял свой потрепанный экземпляр «Некротелекомникона в переложении для студентов, с практическими упражнениями» и открыл на случайной странице. Он лежал на кровати Думминга. Точнее, его лопатки лежали. Тело его устремлялось вверх по стене. Для расслабленного студента это совершенно естественная поза.

— Так, — сказал он. — Ага. Так? Как… ага… как зовут внемерное чудовище с характерным криком «Тычосказалтычосказалтычосказал»?

— Йоб Шоддот, — немедленно ответил Дум-

минг.

— Верно. Какой жуткой пыткой изводит своих жертв чудовище Тшут Аклатеп, Инфернальная Звездная Жаба С Миллионом Головастиков?

— Оно… только ты не подсказывай… оно выкручивает им руки и показывает иконографии своих детенышей, пока у них мозги не коллапсируют.

— Ага. Никогда не мог понять, как это происходит, — признался Виктор, перелистывая страницы. — Хотя после того, как в тысячный раз скажешь: «Да у него точь-в-точь твои глаза», ты, наверное, и так уже готов с собой покончить.

— Ты так много знаешь, Виктор, — уважительно сказал Думминг. — Удивительно, что ты до сих пор студент.

— Гм, да, — ответил Виктор. — Гм. Наверное, просто на экзаменах не везет.

— Ну давай, — поторопил его Думминг. — Спроси меня еще о чем-нибудь.

Виктор снова открыл книгу.

На мгновение воцарилась тишина.

Потом он спросил:

— Где находится Голывуд?

Думминг зажмурился и начал колотить себя по лбу.

— Погоди, погоди… не подсказывай… — Он

открыл глаза. — Так, в смысле «Где находится Голывуд»? — резко спросил он. — Не помню ничего ни про какой Голывуд.

Виктор уставился на страницу. Никакого Голывуда на ней не упоминалось.

— Я готов был поклясться, что слышал… Наверное, просто почудилось, — неубедительно закончил он. — Это все от подготовки к экзамену.

— Да. Голова кругом идет, верно? Но оно того стоит, чтобы стать волшебником.

— Ага, — сказал Виктор. — Дождаться не могу.

Думминг захлопнул книгу.

— Дождь кончился. Айда за стену, — сказал он. — Мы заслужили выпивку.

Виктор погрозил ему пальцем.

— Только по одной. Надо быть трезвыми, — сказал он. — Завтра выпускной экзамен. Нужен ясный ум!

— А то! — отозвался Думминг.

Разумеется, быть на экзамене трезвым очень важно. Немало славных карьер в областях подметания улиц, собирания фруктов и бренчания на гитарах в подземных переходах взросли из непонимания этого простейшего факта.

Но у Виктора была особая причина оставаться

начеку.

Он мог допустить ошибку и сдать экзамен.

Его покойный дядюшка завещал ему небольшое состояние вовсе не для того, чтобы Виктор стал волшебником. Хотя старик этого и не понимал, составляя свою последнюю волю. Он-то думал, что помогает своему племяннику получить образование, однако Виктор Тугельбенд был по-своему смышленым юношей и пришел к следующим выводам.

Каковы достоинства и недостатки жизни волшебника? Ну, ты зарабатываешь некоторый престиж, зато часто попадаешь в опасные ситуации и вечно рискуешь быть убитым своими собратьями-магами. Карьера уважаемого трупа Виктора не привлекала.

С другой стороны…

Каковы достоинства и недостатки жизни *студента*-волшебника? У тебя куча свободного времени, определенная вольность в плане активного поглощения пива и распевания скабрезных песен, убить тебя никто не пытается, разве что в будничном, анк-морпоркском смысле, а благодаря наследству ты можешь обеспечить себе скромную, но благоустроенную жизнь. Престижа, конечно, никакого, зато ты жив и можешь это

осознать.

Поэтому Виктор потратил немалое количество сил на то, чтобы внимательно изучить прописанные в завещании условия, запутанные правила экзаменации Незримого Университета, а также все экзаменационные билеты за последние полвека.

Проходной балл на выпускном экзамене равнялся восьмидесяти восьми.

Провалить экзамен было бы легко. *Провалиться* может любой идиот.

Но дядя Виктора не был дураком. Одно из условий завещания гласило, что стоит Виктору хоть раз набрать меньше восьмидесяти баллов, поток денег испарится, как плевок на горячей плите.

И в каком-то смысле дядя победил. Немногие студенты в истории учились столь же прилежно, как Виктор. Говорили, что познаниями в магии он может потягаться и с некоторыми из величайших волшебников. Он проводил долгие часы в удобном библиотечном кресле за чтением гримуаров. Он исследовал формы ответов и методы экзаменации. Он переслушивал лекции до тех пор, пока не мог оттарабанить их наизусть. Преподаватели считали его самым одаренным и уж точно самым усердным студентом за последние

десятилетия, и тем не менее каждый раз на выпускном экзамене он умело и уверенно набирал ровно восемьдесят четыре балла.

Объяснению это не поддавалось.

Аркканцлер дошел до последней страницы.

Наконец он сказал:

— Ага. Понятно. Жалеешь парнишку, да?

— Думаю, вы не вполне понимаете, о чем я, — отозвался казначей.

— По-моему, все ясно как день, — возразил аркканцлер. — Парень каждый раз пролетает на волосок от выпуска. — Он вытащил один из листков. — Но ведь здесь написано, что три года назад он сдал экзамен. Набрал девяносто один балл.

— Да, аркканцлер. Но он подал апелляцию.

– *Апелляцию*? Потому что *сдал* экзамен?

— Он заявил, будто экзаменаторы не заметили, что он запутался в аллотропах октирона в шестом вопросе. Заявил, что не сможет жить с таким бременем на совести. Заявил, что если он несправедливо обойдет более достойных и знающих студентов, то будет терзаться до скончания дней. Как видите, на следующих двух экзаменах он набрал только восемьдесят два и восемьдесят три балла.

— Это почему?

— Мы считаем, что он перестраховывался, мэтр.

Аркканцлер побарабанил пальцами по столу.

— Я этого не потерплю, — сказал он. — Нельзя, чтобы кто-то всю жизнь оставался *почти* волшебником и посмеивался над нами в, в… во что там люди посмеиваются?

— Полностью с вами согласен, — промурлыкал казначей.

— Нужно его выставить дураком, — решительно заявил аркканцлер.

— Лучше из Университета, мэтр, — поправил его казначей. — Выставить дураком — значит просто тыкать в него пальцами и потешаться над ним.

— Ага. Отлично. Так и поступим, — оживился аркканцлер.

— Нет, мэтр, — терпеливо проговорил казначей. — Дураками он выставляет *нас*, а *мы* выставим его из Университета.

— Точно. Устроим выставку, — сказал аркканцлер. Казначей закатил глаза. — Или не устроим, — добавил аркканцлер. — Так ты хочешь, чтобы я ему на дверь указал, да? Ну так пришли его сюда с утречка, и…

— Нет, аркканцлер. Так мы поступить не впра-

ве.

— Не вправе? Я думал, мы тут главные!

— Да, но, имея дело с господином Тугельбендом, нужно быть очень осторожными. Он большой знаток регламента. Поэтому я подумал, что завтра на экзамене мы можем подсунуть ему вот этот билет.

Аркканцлер взял протянутую ему бумажку. Прочитал ее, неслышно шевеля губами.

— Всего один вопрос.

— Да. И он либо сдаст экзамен, либо провалит. Посмотрел бы я, как он наберет восемьдесят четыре балла на *этом* вопросе.

В каком-то смысле, который его наставники, к их немалому раздражению, никак не могли нащупать, Виктор Тугельбенд также был и самым ленивым человеком в истории.

Ленивым не в простом, обыденном значении этого слова. Обыденная лень — это всего лишь отсутствие стараний. Виктор миновал этот этап уже очень давно, просвистел мимо банальной праздности и перешел на другую ступень. На уклонение от работы у него уходило больше сил, чем у большинства людей — на тяжкий труд.

Ему никогда не хотелось стать волшебником. Ему вообще мало чего хотелось, разве только что-

бы его оставили в покое и не будили до полудня. Когда он был маленьким, ему задавали вопросы вроде: «И кем же ты хочешь стать, малыш?», а он отвечал: «Не знаю. А что вы можете мне предложить?»

Но долго это продолжаться не могло. Недостаточно было быть тем, кто ты есть, — требовалось еще и работать, чтобы стать кем-то другим.

Он пытался. Довольно долгое время он пытался захотеть стать кузнецом, потому что это ремесло казалось интересным и романтичным. Но к нему прилагались тяжкий труд и неподатливые куски металла. Тогда он попытался захотеть стать наемным убийцей, потому что это ремесло казалось эффектным и романтичным. Но к нему прилагались тяжкий труд и, если закопаться поглубже, необходимость время от времени кого-то убивать. Тогда он попытался захотеть стать актером, потому что это ремесло казалось драматичным и романтичным, но к нему прилагались пыльные трико, тесные трактиры и, к бесконечному удивлению Виктора, тяжкий труд.

Он согласился поехать в Университет, потому что это было проще, чем туда не ехать.

На лице Виктора часто гостила слегка озадаченная улыбка. Из-за нее у людей возникало

ощущение, что он немного умнее их. На самом деле обычно он просто пытался разобраться в том, что они только что сказали.

А еще у него были тонкие усики, которые при удачном освещении придавали ему галантный вид, а при неудачном — вид человека, только что отведавшего густого шоколадного коктейля.

Усиками Виктор гордился. А от тех, кто становился волшебником, ожидалось, что они перестанут бриться и отпустят бороду, похожую на можжевеловый куст. Взглянув на самых старых волшебников, можно было предположить, что они, подобно китам, добывают пропитание из воздуха с помощью усов.

Была уже половина второго. Он брел из «Залатанного барабана» — таверны, пользовавшейся самой дурной репутацией в городе. Когда Виктор двигался, всегда казалось, что он бредет — даже если он бежал.

А еще он был вполне трезв и поэтому весьма удивился, обнаружив себя на площади Сломанных Лун. Ведь направлялся он к маленькому переулочку за зданием Университета и к той части стены, где очень удобно расположенные выдвигающиеся кирпичи уже многие сотни лет помогали студентам-волшебникам втихаря

обходить правила Незримого Университета — а точнее, перелезать через них.

А площадь была в другой стороне.

Виктор развернулся, чтобы убрести обратно, но вдруг остановился. На площади творилось что-то не-обычное.

Обычно там можно было увидеть рассказчика историй, или музыкантов, или предпринимателя, разыскивающего перспективных покупателей для таких бесхозных анк-морпоркских достопримечательностей, как Башня Искусства или Бронзовый мост.

Но сейчас на площади были только какие-то люди, устанавливавшие большой экран — нечто вроде натянутой между шестов простыни.

Виктор лениво подошел к ним.

— Чем вы тут заняты? — дружелюбно поинтересовался он.

— Представление готовим.

— О. Актерство, — без особого интереса проговорил Виктор.

Он поплелся обратно сквозь волглую тьму, но остановился, услышав из мрака между двумя домами чей-то голос.

Который очень тихо прошептал: «Помогите».

— Просто отдай его мне, понял? — сказал дру-

гой голос.

Виктор подбрел ближе и, прищурившись, вгляделся в тени.

— Эй! — позвал он. — У вас там все в порядке?

Какое-то время было тихо, а потом низкий голос сказал:

— Что ж тебе спокойно-то не жилось, парень.

«У него нож, — подумал Виктор. — Он идет на меня с ножом. Это значит, что либо меня сейчас пырнут, либо мне придется удирать, а это такая трата сил».

Люди, не уделяющие должного внимания предложенным фактам, могли бы подумать, что Виктор Тугельбенд окажется толстым и нездоровым. На самом же деле он был, без сомнения, самым атлетичным студентом Университета. Таскать на себе лишний вес — значит слишком сильно напрягаться, поэтому Виктор заботился о том, чтобы никогда его не набирать, и держал себя в форме, потому что с приличными мышцами все получается легче, чем с мешками жира.

Поэтому он ударил наотмашь, тыльной стороной руки. Удар не просто достиг цели, он отправил грабителя в полет.

Потом Виктор взглянул на несостоявшуюся жертву, которая все еще жалась к стене.

— Надеюсь, вы не пострадали, — сказал он.

— Не двигайся!

— И в мыслях не было, — сказал Виктор.

Фигура вышла из теней. Под мышкой у нее был сверток, а руки она вытягивала перед собой в чудном жесте: указательные и большие пальцы расставлены под прямыми углами и приставлены друг к другу, так что крошечные юркие глазки как будто смотрели сквозь рамку.

«Должно быть, сглаз отгоняет, — подумал Виктор. — Вон сколько у него символов на платье — волшебник, наверное».

— Потрясающе! — воскликнул мужчина, прищурившись сквозь рамку из пальцев. — Голову чуток поверни, хорошо? Отлично! Нос, конечно, так себе, но мы с этим что-нибудь сделаем.

Он сделал шаг вперед и попытался приобнять Виктора за плечи.

— Повезло тебе, — сказал он, — что ты меня встретил.

— Правда? — удивился Виктор, который думал, что все было как раз наоборот.

— Ты как раз тот, кто мне нужен, — продолжал мужчина.

— Простите, — сказал Виктор. — Я-то думал, что вас грабят.

— Ему была нужна вот эта штука, — сказал мужчина, похлопав по свертку. Тот зазвенел, будто гонг. — Только она бы ему не пригодилась.

— Она ничего не стоит? — спросил Виктор.

— Она бесценна.

— Ну и ладно, — сказал Виктор.

Мужчина бросил попытки обхватить рукой оба плеча Виктора, которые были весьма широки, и удовольствовался одним.

— Но многие были бы разочарованы, — сказал он. — Так вот. Ты хорошо умеешь стоять. У тебя приличный профиль. Послушай, парень, а не хочешь ли ты заняться движущимися картинками?

— Э-э, — протянул Виктор. — Нет. Не думаю.

Мужчина уставился на него с открытым ртом.

— Ты точно услышал, что я сказал? — уточнил он. — Про движущиеся картинки?

— Да.

— Все хотят заниматься движущимися картинками!

— Нет, спасибо, — вежливо сказал Виктор. — Уверен, что это достойная работа, но двигать картинки мне не очень интересно.

— Да я ведь про *движущиеся картинки* говорю!

— Да, — спокойно ответил Виктор. — Я слы-

шал.

Мужчина покачал головой.

— Ну, — сказал он, — ты меня удивил. За несколько недель ты первый, кто не желает попасть в движущиеся картинки. Я как тебя увидел, так сразу подумал: в награду за то, что он сделал сегодня ночью, он захочет работать в движущихся картинках.

— Что ж, спасибо, — сказал Виктор. — Но не думаю, что это по мне.

— Все равно я тебе задолжал. — Невысокий мужчина покопался в кармане и достал карточку. Виктор взял ее. На ней было написано:

ТОМАС СИЛЬВЕРФИШ ИНТЕРЕСНАЯ И ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ СИНЕМАТОГРАФИЯ Однокатушечная и двухкатушечная Практически не взрывоопасная Голывуд, дом № 1

— Это на случай, если передумаешь, — сказал Сильверфиш. — Меня в Голывуде все знают.

Виктор уставился на карточку.

— Спасибо, — поблагодарил он отсутствующим тоном. — Э-э. Вы ведь волшебник?

Сильферфиш бросил на него свирепый взгляд.

— С чего это ты взял? — резко спросил он.

— На вас платье с магическими символами…

– *Магическими символами*? Приглядись по-

внимательнее, мальчик! Это ни в коем случае не сомнительные символы нелепой и устаревшей системы верований! Это знаки просвещенного ремесла, чей яркий, новый рассвет еще только… э-э, рассветает. Магические символы! — едко и презрительно повторил Сильверфиш. А потом добавил: — И это не платье, а мантия.

Виктор взглянул на множество звезд, полумесяцев и прочих штуковин. Знаки просвещенного ремесла, чей рассвет еще только рассветал, казались ему точь-в-точь похожими на сомнительные символы нелепой и устаревшей системы верований, но упоминать об этом сейчас, наверное, не стоило.

— Простите, — сказал он. — Мне было плохо видно.

— Я — алхимик, — провозгласил лишь отчасти смягчившийся Сильверфиш.

— А-а, свинец в золото превращаете, — сказал Виктор.

— Не свинец, парень. *Свет*. Со свинцом это не работает. *Свет* — в золото…

— Правда? — вежливо удивился Виктор, когда Сильверфиш принялся устанавливать посреди площади треногу.

Собиралась небольшая толпа. В Анк-Морпорке

небольшие толпы возникали легко. В этом городе жили одни из самых талантливых зрителей во вселенной. Они готовы были смотреть на что угодно, особенно если существовала вероятность, что кто-нибудь забавным образом пострадает.

— Может, останешься на показ? — предложил Сильверфиш и куда-то убежал.

Алхимик. Что ж, подумал Виктор, всем известно, что алхимики слегка двинутые. Это было совершенно нормально.

Кто захочет тратить свое время на то, чтобы двигать картинки? Они по большей части и на своем месте неплохо смотрятся.

— Сосиски в тесте! Покупайте, пока горячие! — завопил кто-то у него над ухом. Виктор обернулся.

— О, привет, господин Достабль, — сказал он.

— Вечер добрый, парень. Хочешь вкусную горячую сосисочку?

Виктор посмотрел на лоснящиеся трубочки, выложенные на лотке, висевшем на шее Достабля. Пахли они аппетитно. Так было всегда. А потом ты вгрызался в них и в который уже раз обнаруживал, что Себя-Режу-Без-Ножа Достабль нашел применение таким частям животных, о которых и сами животные не подозревали. Достабль

опытным путем выяснил, что с достаточным количеством жареного лука и горчицы люди могут съесть *что угодно*.

— Для студентов — скидки, — заговорщически прошептал Достабль. — Пятнадцать пенсов, и это я себя без ножа режу.

Он коварно приподнял крышку сковородки, выпустив облако пара.

Манящий запах жареного лука сделал свое грязное дело.

— Только одну, — осторожно сказал Виктор.

Достабль подхватил сосиску со сковородки и прихлопнул ее булочкой с ловкостью поймавшей муху лягушки.

— Вкусные — умереть можно, — весело пообещал он.

Виктор отщипнул кусочек лука. Это, по крайней мере, было безопасно.

— А что это такое? — спросил он, ткнув большим пальцем в сторону хлопающего экрана.

— Какая-то развлекуха, — ответил Достабль. — Горячие сосиски! Пальчики оближешь! — Он снова понизил голос до обычного заговорщического шипения. — Я слыхал, что в других городах народ в восторге, — добавил он. — Какие-то движущиеся картинки вроде. Они там все обка-

тывали, прежде чем в Анк-Морпорк приехать.

Они смотрели, как Сильверфиш с парочкой помощников ковыряются в установленном на треножник ящике. Неожиданно в круглой дырке в передней части ящика загорелся белый свет и озарил экран. Из толпы донеслись вялые возгласы.

— А, — сказал Виктор. — *Понятно*. И это все? Это же самый обычный театр теней. Мой дядя, бывало, так меня забавлял. Знаешь ведь, что это? Ты складываешь руки перед источником света, и из тени получается этакая картинка-силуэт.

— Ах да, — неуверенно сказал Достабль. — «Большой слон», например, или «лысый орел». Мой дедушка такое делал.

— А мой дядя в основном показывал «калечного кролика», — вспомнил Виктор. — У него, по правде сказать, не очень хорошо получалось. Порой совсем уж неудобно выходило. Мы все сидели и отчаянно пытались угадать, что это — «удивленный ежик» или «бешеный горностай», а он обижался и уходил спать, потому что мы не понимали, что на самом деле он показывал «Лорд Генри Скокс и Его Солдаты Побеждают Троллей в Битве при Псевдополисе». Не понимаю, что такого особенного в тенях на экране.

— Насколько я слышал, тут все по-другому, — сказал Достабль. — Я недавно одному из них продал большую экстрасосиску, так он сказал, что они показывают картинки очень быстро. Склеивают кучу картинок вместе и показывают одну за другой. Очень, очень быстро.

— Но не слишком быстро, — строго сказал Виктор. — Если они будут пролетать слишком быстро, их и разглядеть не успеешь.

— Он сказал, что в этом и есть секрет — ты не видишь, как они пролетают, — объяснил Достабль. — Их нужно видеть все одновременно, что ли.

— Так они ведь размажутся, — сказал Виктор. — Ты его об этом не спросил?

— Э-э, нет, — ответил Достабль. — По правде сказать, он сразу после этого куда-то заторопился. Сказал, что как-то странно себя чувствует.

Виктор задумчиво посмотрел на остаток сосиски в тесте и вдруг почувствовал, что и на него тоже кто-то смотрит.

Он опустил взгляд. У его ног сидел пес.

Он был маленьким, криволапым и худым, по большей части серым, но местами с бурыми, белыми и черными пятнами — и он неотрывно смотрел на Виктора.

Это определенно был самый пронзительный взгляд, с каким Виктор когда-либо сталкивался. Он был не угрожающим и не заискивающим. Он был всего лишь очень долгим и очень внимательным, как будто песик запоминал все детали, чтобы потом предоставить властям полный словесный портрет.

Убедившись, что он привлек внимание Виктора, пес перевел взгляд на сосиску.

Ощущая себя чудовищем из-за того, что так жестоко обходится с несчастным, ничего не понимающим животным, Виктор уронил ее. Пес поймал и проглотил сосиску единым экономным движением.

На площадь подтягивалось все больше народу. Себя-Режу-Без-Ножа Достабль отошел в сторону и шумно торговался с теми припозднившимися гуляками, которые были уже слишком пьяны, чтобы их опыт мог возобладать над оптимизмом; впрочем, любого, кто покупал еду в час ночи после буйного вечера, все равно в итоге стошнило бы, так почему бы, собственно, и не рискнуть.

Постепенно Виктора окружила большая толпа. В ней попадались не только люди. В нескольких футах от себя он распознал большую каменистую фигуру Детрита, древнего тролля, хорошо знако-

мого всем студентам, поскольку ему находилась работа везде, откуда требовалось вышвыривать людей за деньги. Тролль заметил его и попытался подмигнуть. Для этого ему потребовалось закрыть оба глаза, поскольку Детрит плохо справлялся со сложными задачами. Считалось, что если попробовать научить Детрита читать и писать, а потом усадить и заставить пройти тест на уровень интеллекта, этот самый уровень окажется чуть ниже, чем у стула.

Сильверфиш взял в руки мегафон.

— Дамы и господа, — сказал он, — сегодня вам выпала привилегия быть свидетелями поворотного момента в истории Века… — Он опустил мегафон, и Виктор услышал, как алхимик быстрым шепотом спрашивает у одного из своих помощников: «Какой сейчас век? Точно?», а потом Сильверфиш снова поднял мегафон и продолжил прежним сочным и оптимистичным тоном: — Века Летучей Мыши! Ни много ни мало — рождения Движущихся Картинок! Картинок, что движутся без помощи магии!

Он подождал аплодисментов. Их не было. Толпа просто пялилась на него. Чтобы добиться оваций от анк-морпоркской толпы, одних восклицательных знаков на концах предложений было

недостаточно.

Несколько утратив кураж, Сильверфиш продолжил:

— Говорят, что Увидеть — значит Поверить! Но, дамы и господа, вы не поверите Своим Собственным Глазам! Вам предстоит узреть Триумф Естественных Наук! Чудо Столетия! Открытие, Способное Потрясти Мир… нет, осмелюсь даже сказать, Всю Вселенную!..

— Надеюсь, это будет получше, чем та чертова сосиска, — проговорил тихий голос возле колена Вик-тора.

— …Обуздание Механизмов Природы для создания Иллюзий! Иллюзий, дамы и господа, не имеющих никакого отношения к Магии!..

Виктор скользнул взглядом вниз. Внизу никого не было, кроме маленького песика, который активно чесался. Он медленно поднял голову и сказал:

— Гав?

— …Потенциал для Образования! Исскуства! Истории! Благодарю вас, дамы и господа! Дамы и господа, Вы Еще Ничего Не Видели!

За этим последовала еще одна оптимистичная пауза для аплодисментов.

Кто-то в первом ряду толпы сказал:

— Это верно. Вообще ничего.

— Ага, — согласилась его соседка. — Когда ты уже закончишь трепаться и начнешь тени показывать?

— Точно! — выкрикнула другая женщина. — Сделай «калечного кролика». Мои детишки его обожают.

Виктор ненадолго отвел взгляд, чтобы усыпить подозрения пса, а потом повернулся и пристально на него уставился.

Пес дружелюбно оглядывал толпу и, похоже, не обращал на него никакого внимания.

Виктор на пробу поковырялся пальцем в ухе. Должно быть, эхо шутки шутит или что-то еще. Дело было не в том, что пес издал звук «гав», хотя уже это — сам по себе уникальный случай; большинство собак во вселенной *никогда* не гавкают, их лай более сложен: «Вуууг», например, или «хвхууф». Нет, дело было в том, что он вообще не залаял. Он *сказал* «Гав».

Виктор помотал головой и снова поднял взгляд, как раз когда Сильверфиш спрыгнул с помоста перед экраном и жестом велел одному из своих помощников начать вращение ручки, торчавшей сбоку ящика. Послышался скрежет, перешедший в равномерное щелканье. На экране затанцевали

смутные тени, а потом…

Одной из последних вещей, которые запомнил Виктор, был послышавшийся рядом с коленом голос:

— Могло быть и хуже, приятель. Я ведь мог и «мяу» сказать.

Голывуд грезит…

И вот прошло восемь часов.

Проснувшийся с жуткого похмелья Думминг Тупс виновато посмотрел на пустой стол по соседству. Пропускать экзамены было не в духе Виктора. Он всегда говорил, что наслаждается риском.

— Приготовьтесь перевернуть билеты, — донесся с конца зала голос наблюдателя. Шестьдесят грудных клеток шестидесяти потенциальных волшебников стиснуло жуткое, невыносимое напряжение. Думминг судорожно крутил в пальцах счастливую ручку.

Стоявший за кафедрой волшебник перевернул песочные часы.

— Можете приступать, — сказал он.

Кое-кто из студентов — тех, что посамоуверенней, — перевернул листки щелчком пальцев. Думминг немедленно их возненавидел.

Он потянулся за своей счастливой чернильни-

цей, но с перепугу промахнулся и перевернул ее. Билет захлестнул миниатюрный черный потоп.

А Думминга почти так же безнадежно захлестнули паника и стыд. Он промокнул чернила полой мантии, размазав их по столешнице тонким слоем. Его счастливую сушеную лягушку унесло волной.

Сгорая от стыда, роняя капли чернил, он умоляюще посмотрел на председателя комиссии, а потом перевел упрашивающий взгляд на пустой стол по соседству.

Волшебник кивнул. Благодарный Думминг бочком перебрался через проход, дождался, пока уймется колотящееся сердце, а потом очень осторожно перевернул лежавший на столе листок.

Десять секунд спустя, вопреки всякой логике, он снова его перевернул — на случай, если произошла ошибка и остаток вопросов каким-то образом очутился на обратной стороне.

Его окружала напряженная тишина, в которой скрипели от натуги пятьдесят девять умов.

Думминг снова перевернул листок.

Быть может, это какая-то ошибка. Но нет… вот и печать Университета, и подпись арккканцлера, и все остальное. Так что, возможно, это какое-то особое испытание. Возможно, прямо сейчас они

наблюдают за ним и ждут, что он сделает.

Думминг украдкой огляделся. Другие студенты, похоже, трудились изо всех сил. Наверное, это все-таки ошибка. Да. Чем больше он об этом думал, тем логичнее казалось это объяснение. Должно быть, аркканц-лер сначала подписал листки, а потом, когда писцы их заполняли, один из них только-только закончил с архиважнейшим первым вопросом, когда его куда-то позвали, и никто этого не заметил, и листок попал на стол Виктора, вот только Виктора не было, и листок достался Думмингу, а это значило, решил он в неожиданном приступе набожности, что боги *хотели*, чтобы он ему достался. В конце концов, Думминг не виноват в том, что из-за какой-то оплошности получил вот такой листок. Упустить такую возможность, скорее всего, будет чем-то вроде святотатства.

Они обязаны принять то, что ты сдаешь. Думминг не зря жил в одной комнате с величайшим в мире специалистом по экзаменационным процедурам и кое-что усвоил.

Он снова посмотрел на вопрос: «Ваше имя?»

И ответил на него.

А чуть погодя несколько раз подчеркнул ответ с помощью счастливой линейки.

А еще чуть погодя, чтобы показать свое прилежание, написал чуть выше: «Ответ на вопрос номер Один:».

А еще через десять минут добавил строчкой ниже: «Что и является моим именем» — и тоже подчеркнул.

«Бедолага Виктор очень пожалеет, что упустил такой шанс», — подумал он.

Куда он, интересно, запропастился?

Дороги к Голывуду еще не было. Тот, кто хотел туда добраться, должен был двигаться по Щеботанскому тракту, а потом, в какой-то неотмеченной точке посреди скудного пейзажа, сойти и направиться в сторону дюн. Насыпь поросла дикими лавандой и розмарином. Слышны были только жужжание пчел и далекая песня жаворонка, но они лишь делали тишину еще более очевидной.

Виктор Тугельбенд сошел с тракта там, где насыпь была разбита и утрамбована множеством телег и, судя по всему, возрастающим день ото дня количеством ног.

Путь оставался долгий. Виктор поплелся дальше.

Где-то в глубине его сознания тихий голосок задавал вопросы вроде «Где я? Зачем я это де-

лаю?», а еще какая-то часть его мозга знала, что на самом деле ему это делать не обязательно. Подобно жертве гипнотизера, которая сознает, что на самом деле ее не загипнотизировали и она может в любой момент опомниться, просто сейчас ей этого не хочется, он позволил своим ногам подчиниться зову.

Он не был уверен, почему это делает. Просто знал, что есть нечто такое, частью чего он должен стать. Нечто такое, чего может больше никогда не быть.

Где-то позади, стремительно сокращая расстояние, пытался ехать на лошади Себя-Режу-Без-Ножа Достабль. Прирожденным всадником он не был и время от времени падал — это была одна из причин, по которым он до сих пор не нагнал Виктора. Второй причиной было то, что перед отъездом из города Достабль задержался, чтобы задешево продать свой сосисочный бизнес одному гному, который поверить не мог своей удаче (а попробовав сосиски, так ей и не поверил).

Достабля что-то звало, и голос у него был золотой.

А далеко за спиной Достабля волочил кулаки по песку тролль Детрит. Трудно было сказать, о чем он думает, — так же трудно, как сказать, о

чем думает почтовый голубь. Он просто знал, что должен быть не там, где находится сейчас.

И наконец, еще дальше по дороге ехала упряжка из восьми лошадей, доставлявшая в Голывуд древесину. Ее возница ни о чем особенном не думал, хотя его слегка озадачивало то, что случилось, когда он в предрассветной темноте покидал Анк-Морпорк. Из придорожного мрака донесся крик: «Именем городской стражи приказываю остановиться!», и возница остановился, но больше ничего не произошло, а когда он огляделся, рядом никого не было.

Упряжка прогрохотала мимо, открыв взгляду во-ображаемого наблюдателя крошечную фигурку Чудо-пса Гаспода, который пытался устроиться поудобнее среди лежавших в повозке бревен. Он тоже направлялся в Голывуд.

И тоже не знал почему.

Но намеревался это выяснить.

Никто не поверил бы в последние годы Века Летучей Мыши, что за всем происходящим в Плоском мире зорко и внимательно следят существа более развитые, чем Человек, или, по крайней мере, куда более неприятные; что в то время, как люди занимались своими делами, их исследовали и изучали, может быть, так же тщательно, как

голодавший три дня человек изучает меню «Все-Что-Сможешь-Проглотить-За-Доллар» снаружи «Реберного дома Харги»…

Хотя если подумать… большинство волшебников поверило бы, если бы им кто-нибудь рассказал.

А Библиотекарь так уж точно поверил бы.

И госпожа Мариэтта Космопилит из дома три по Щеботанской улице Анк-Морпорка тоже поверила бы. Но она также верила, что мир — круглый, что упрятанный в ящик с нижним бельем зубчик чеснока помогает отгонять вампиров, что время от времени полезно бывает прогуляться и посмеяться, что в каждом есть что-нибудь хорошее, нужно только знать, где искать, и что три мерзких маленьких гнома каждый вечер подглядывают за тем, как она раздевается[4].

Голывуд!..

…пока что ничего особенного собой не представлял. Всего лишь холм у моря, а по другую сторону холма — множество дюн. Это было одно из тех прекрасных местечек, которые прекрасны, только если у тебя есть возможность, по-быстрому насладившись его красотой, отправиться

---

[4] Примечания: 4
Вот в этом она была права, но лишь по чистой случай-ности.

куда-нибудь, где водятся горячие ванны и холодные напитки. Проводить в этом местечке хоть сколько-нибудь долгое время — чистое наказание.

И тем не менее там вырос город… или что-то вроде. Деревянные времянки возводились сразу же, стоило кому-нибудь привезти груз дерева, такие примитивные, будто их строители не желали уделять им время, которое могли потратить на что-то куда более важное. Это были простые квадратные коробки из досок.

Если не считать фасадов.

Спустя многие годы Виктор заметил, что тому, кто хотел понять Голывуд, следовало понять его здания.

Ты видел коробку на песке. У нее была более-менее остроконечная крыша, но значения это не имело, потому что в Голывуде *никогда* не бывало дождей. Щели в ее стенах были заткнуты старыми тряпками. Вместо окон зияли дыры — стекло было слишком хрупким, чтобы везти его от самого Анк-Морпорка. И сзади фасад напоминал огромный деревянный щит, поддерживаемый системой подпорок.

Но спереди он был кричащей, резной, цветастой, изукрашенной, барочной архитектурной

феерией. Разумные горожане Анк-Морпорка делали дома неприметными, чтобы не привлекать внимания, и приберегали украшения для внутренних помещений. Голывуд же выворачивал свои дома наизнанку.

Виктор шел по тому, что называлось здесь главной улицей, словно во сне. Рано утром он проснулся в дюнах. Почему? Он решил отправиться в Голывуд, но зачем? Виктор не помнил. Помнил только, что тогда это решение казалось ему очевидным. Убедительных причин насчитывались сотни.

Вспомнить бы хоть одну.

Впрочем, времени на то, чтобы ворошить воспоминания, у его мозга не было. Он был слишком сильно занят тем, что ощущал зверский голод и чудовищную жажду. В карманах Виктора отыскалось только семь пенсов. Этого не хватило бы и на миску супа, не говоря уже о приличном обеде.

А приличный обед был ему нужен. После приличного обеда все должно было проясниться.

Виктор проталкивался сквозь толпу. Состояла она, похоже, в основном из плотников, но попадались и другие люди, перетаскивавшие оплетенные бутыли или таинственные ящики. И все они двигались быстро и решительно, движи-

мые какой-то ведомой лишь им могучей целью.

Кроме него.

Виктор тащился по импровизированной улице, пялился на дома и чувствовал себя кузнечиком, по ошибке заскочившим в муравейник. И здесь, похоже, не было…

— Смотри, куда прешь!

Виктора отбросило к стене. Когда он восстановил равновесие, та, с кем он столкнулся, уже скрылась в толпе. Он остекленело посмотрел ей вслед, а потом бросился догонять.

— Эй! — крикнул он. — Прости! Прошу прощения! Госпожа?

Она остановилась и нетерпеливо дождалась его.

— Ну? — спросила она.

Ростом она была на фут ниже Виктора, а о фигуре ее что-то сказать было сложно, поскольку по большей части она утопала в платье с чудовищным количеством рюшей; платье, впрочем, было не настолько чудовищно, как огромный блондинистый парик в белых кудряшках. А лицо ее было все выбелено гримом, за исключением глаз, густо обведенных черным. Больше всего она напоминала изрядно невыспавшийся абажур.

— Ну? — повторила девушка. — Говори скорее!

Меня через пять минут снова рисуют!

— Э-э…

Она смягчилась.

— Подожди, сама догадаюсь, — сказала она. — Ты только что здесь оказался. Все для тебя в новинку. Что делать, ты не знаешь. Тебе хочется есть. А денег у тебя нет. Так?

— Да! *Как* ты узнала?

— Да все с этого начинают. А теперь ты хочешь прорваться в клики, верно?

— Клики?

Она закатила глаза в сердцевине черных кругов.

— Движущиеся картинки!

— О…

«А ведь *хочу*, — подумал он. — Я этого не знал, но я хочу. Да. Поэтому я сюда и пришел. Почему я сразу не понял?»

— Да, — сказал он. — Да, именно это я и хочу сделать. Хочу, эм, прорваться. И как люди это делают?

– *Люди* очень-очень долго ждут. Пока *людей* не заметят. — Девушка оглядела его с ног до головы, не скрывая презрения. — Может, к плотнику наймешься? Голывуду всегда нужны хорошие помощники плот-ников.

После чего она развернулась и скрылась, потерялась в толпе занятых людей.

— Э-э, спасибо, — сказал ей вслед Виктор. — Спасибо. — И добавил погромче: — Надеюсь, твоим глазам скоро полегчает!

Он позвенел монетками в кармане.

Плотницкая работа отпадала. Слишком уж это было похоже на тяжкий труд. Однажды он ее попробовал и очень скоро пришел с деревом к соглашению: Виктор его не трогает, а оно не трескается.

У очень-очень долгого ожидания были свои привлекательные стороны, но для него нужны были деньги.

Неожиданно пальцы Виктора сомкнулись на маленьком прямоугольничке. Он вытащил его и осмотрел.

Карточка Сильверфиша.

Голывудский дом № 1 оказался парочкой лачуг, обнесенных высоким забором. У ворот выстроилась очередь. В ней смешались тролли, гномы и люди. Похоже, стояли они здесь уже давненько; некоторые так естественно смотрелись, когда уныло обмякали, оставаясь при этом на ногах, что вполне могли оказаться эволюционировавшими для этой цели потомками изначальных

доисторических обитателей очереди.

У калитки стоял крепкий здоровяк, оглядывавший очередь с самодовольным видом, типичным для облеченных мелкой властью людей.

— Простите… — начал Виктор.

— Господин Сильверфиш этим утром больше не нанимает, — одной стороной рта сказал здоровяк. — Так что вали.

— Но он говорил, что если я когда-нибудь окажусь в…

— Дружище, я ведь сказал, чтобы ты валил?

— Да, но…

Калитка в заборе приоткрылась. Наружу выглянуло маленькое бледное лицо.

— Нам нужен тролль и парочка людей, — сказало оно. — Один день, обычная ставка.

Калитка снова закрылась.

Здоровяк выпрямился и сложил рупором покрытые шрамами ладони.

— Ну ладно, поганцы! — прокричал он. — Вы его слышали! — Он окинул очередь профессиональным взглядом скотовода. — Ты, ты и ты, — сказал он, ткнув пальцем.

— Прошу прощения, — услужливо проговорил Виктор, — но, кажется, на самом деле первым в очереди был вон тот…

Его отпихнули с дороги. Трое счастливчиков прошаркали внутрь. Виктору показалось, что он заметил блеск переходящих из рук в руки монет. Потом привратник обратил к нему разъяренное красное лицо.

— А *ты*, — сказал он, — отправляйся в конец очереди. И оставайся там!

Виктор посмотрел на него. Потом на калитку. Потом на длинную колонну отчаявшихся.

— Э-э, нет, — сказал он. — Пожалуй, нет. Но все равно спасибо.

— Тогда проваливай!

Виктор дружелюбно улыбнулся привратнику. Дошел до угла забора и повернул. Забор уходил в узкую долину.

Виктор покопался в традиционном для переулков мусоре и нашел бумажку. Закатал рукава. И лишь потом внимательно осмотрел забор и отыскал пару болтавшихся досок, которые, после некоторых усилий, позволили ему проникнуть внутрь.

Место, в котором он очутился, было завалено древесиной и грудами ткани. Вокруг никого не было.

Целеустремленно шагая — Виктор знал, что никто никогда не остановит целеустремленно

шагающего человека с закатанными рукавами и отчетливо виднеющейся бумажкой в руке, — он отправился покорять деревянно-холщовую страну чудес «Интересной и Познавательной Синематографии».

Здесь встречались дома, нарисованные с обратной стороны других домов. Здесь встречались деревья, которые спереди были деревьями, а сзади — мешаниной подпорок. Повсюду кишела деятельность, хотя, насколько мог сказать Виктор, на самом деле никто ничего не производил.

Он увидел, как человек в длинном черном плаще, черной шляпе и с похожими на швабру усами привязывает к одному из деревьев девушку. Останавливать его, похоже, никто не собирался, хотя девушка сопротивлялась. Парочка людей без особого интереса наблюдала за этим, а еще один мужчина стоял за массивным ящиком на треноге и крутил ручку.

Девушка выбросила умоляющую руку, беззвучно открыла и закрыла рот.

Один из наблюдателей встал, перебрал лежавшую рядом стопку досочек и выставил одну из них перед ящиком.

Досочка была черной. На ней были написаны белые слова: «Нет! Нет!»

Человек отошел. Злодей подкрутил усы. Человек вернулся с другой досочкой. На этот раз на ней было написано: «Ахар! Моя гордая красавитца!»

Другой сидящий наблюдатель поднял рупор.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Так, делаем пятиминутный перерыв, а потом все возвращаемся сюда и снимаем большую драку.

Злодей отвязал девушку. Они убрели прочь. Вращавший ручку мужчина остановился, зажег сигаретку и открыл крышку ящика.

— Все слышали? — спросил он.

Раздался писклявый хор.

Виктор подошел к человеку с рупором и постучал его по плечу.

— Срочное сообщение для господина Сильверфиша! — сказал он.

— Он там, в офисе, — мужчина ткнул большим пальцем себе за плечо, даже не оглянувшись.

— Спасибо.

В первой постройке, в которую заглянул Виктор, не было ничего, кроме исчезавших во мраке рядов маленьких клеток. Какие-то неразличимые создания бросались на прутья и галдели. Виктор поспешно захлопнул дверь.

За следующей дверью обнаружился Сильверфиш, стоявший у стола, заваленного кусками

стекла и бумажными сугробами. Он не обернулся.

— Поставьте вон туда, — рассеянно пробормотал он.

— Господин Сильверфиш, это я, — сказал Виктор.

Сильверфиш повернулся и посмотрел на него туманным взглядом, словно Виктор сам был виноват в том, что его имя ничего не значит.

— Да?

— Я пришел наниматься на ту работу, — подсказал ему Виктор. — Вы помните?

— Какую еще работу? Что я должен помнить? — переспросил Сильверфиш. — Как вообще ты сюда попал?

— Я прорвался в движущиеся картинки, — ответил Виктор. — Но не сделал ничего такого, что нельзя поправить с помощью молотка и нескольких гвоздей.

На лице Сильверфиша проступила паника. Виктор достал карточку и помахал ею — как он надеялся, успокаивающе.

— Анк-Морпорк? — напомнил он. — Пару ночей назад? Когда вам угрожали?

На Сильверфиша снизошло осознание.

— Ах да, — сказал он еле слышно. — А ты — тот

юноша, который мне помог.

— И вы сказали прийти к вам, если мне захочется двигать картинки, — сказал Виктор. — Тогда мне не хотелось, а теперь хочется.

Он широко улыбнулся Сильверфишу.

Но при этом подумал: «Сейчас он попытается выкрутиться. Он жалеет, что сделал мне это предложение. Он отправит меня обратно в очередь».

— Ну разумеется, — сказал Сильверфиш, — множество очень талантливых людей хотят попасть в движущиеся картинки. У нас вот-вот появится звук. Кстати, а ты не плотник? У тебя в алхимии опыт есть? Может, ты бесов дрессировал? Вообще что-нибудь руками делать умеешь?

— Нет, — ответил Виктор.

— А петь?

— Чуть-чуть. В ванне. Но не очень хорошо, — признался Виктор.

— А танцевать?

— Нет.

— А что с мечами? Знаешь, как фехтовать?

— Немного, — сказал Виктор. Иногда он упражнялся с мечом в спортивном зале. Но всегда без оппонента, потому что волшебники, как правило, ненавидят физическую активность, и кроме него единственным обитателем Университета, кото-

рый заглядывал в спортзал, был Библиотекарь, да и то лишь для того, чтобы покачаться на канатах и кольцах. Однако Виктор выработал перед зеркалом энергичную и уникальную технику, и зеркалу еще предстояло его победить.

— Понятно, — мрачно проговорил Сильверфиш. — Петь не умеет. Танцевать не умеет. Немного фехтует.

— Зато я дважды спас вам жизнь, — сказал Виктор.

— Дважды? — рявкнул Сильверфиш.

— Да, — ответил Виктор. И сделал глубокий вдох. Это было рискованно. — Тогда, — сказал он, — и сейчас.

Последовала долгая пауза.

После чего Сильверфиш сказал:

— Мне правда не кажется, что это необходимо.

— Простите, господин Сильверфиш, — взмолился Виктор. — На самом деле я совсем не такой, но вы обе-щали, и я прошел весь этот путь, а денег у меня нет, а есть хочется, и я готов сделать все, что вы попросите. Вообще все. *Пожалуйста.*

Сильверфиш с сомнением оглядел его.

— Даже актерствовать? — спросил он.

— Что?

— Расхаживать и притворяться, что ты что-то

делаешь, — любезно объяснил Сильверфиш.

— Да!

— Жалость какая, а ведь такой умный, образованный юноша, — пробормотал Сильверфиш. — Чем ты вообще занимаешься?

— Я учусь на вол… — начал Виктор. Потом вспомнил о неприязни Сильверфиша к волшебникам и поправился: — На секретаря.

— На волосекретаря? — переспросил Сильверфиш.

— Вот только я не знаю, как у меня получится с актерством, — признался Виктор.

Силверфиш удивленно посмотрел на него.

— О, у тебя все будет нормально, — утешил он. — Плохо сыграть в движущихся картинках очень трудно.

Он покопался в кармане и достал монетку в один доллар.

— Вот, — сказал он. — Иди поешь чего-нибудь.

Потом смерил Виктора взглядом.

— Ты чего-то ждешь? — уточнил он.

— Ну, — сказал Виктор, — я надеялся, что вы объясните мне, что происходит.

— В смысле?

— Пару ночей назад я посмотрел ваш… ваш *клик,* — он ощутил легкую гордость оттого, что

вспомнил термин, — в Анк-Морпорке, и неожиданно мне больше всего на свете захотелось очутиться здесь. Я в жизни раньше ничего по-настоящему не хотел!

На лице Сильверфиша распустилась облегченная улыбка.

— Ах, это, — сказал он. — Это просто магия Голывуда. Не такая, как у волшебников, — поспешно добавил он, — где сплошь суеверия и шарлатанство. Нет. Это магия для обычных людей. Твой разум кипит от возможностей. Мой так точно кипел, — добавил он.

— Да, — неуверенно согласился Виктор. — Но как она работает?

Сильверфиш просиял.

— Ты хочешь знать? — спросил он. — Ты хочешь знать, как все работает?

— Да, я…

— Понимаешь, большинство людей меня разочаровывают, — перебил его Сильверфиш. — Ты им показываешь настоящее чудо, такое, как рисовальный ящик, а они только и говорят, что «О». И никогда не спрашивают, как он работает. Господин Птах!

Последние слова он прокричал. Вскоре на другой стороне лачуги отворилась дверь и вошел

мужчина.

На шее у него был ремень с рисовальным ящиком. С пояса свисали разнообразные инструменты. Руки были в пятнах от химикалий, а брови отсутствовали — Виктору предстояло узнать, что это верный признак человека, хоть немного работавшего с октоцеллюлозой. Кепку он носил задом наперед.

— Это Гафер Птах, — радостно представил его Сильверфиш. — Наш главный рукоятор. Гафер, это Виктор. Он будет у нас играть.

— О, — сказал Гафер, глянув на Виктора, словно мясник — на тушу. — Правда?

— И он хочет знать, как все работает! — добавил Сильверфиш.

Гафер бросил на Виктора еще один желчный взгляд.

— Шпагат, — мрачно сказал он. — Все здесь держится на шпагате. Ты поразился бы, как быстро тут все развалилось бы, если б не я и мой моточек шпагата.

Неожиданно из ящика у него на шее донеслась какая-то суматоха. Гафер шленул по нему ладонью.

— А ну-ка уймитесь, — велел он. И кивнул Виктору. — Они капризничают, когда график

нарушается, — объяснил он.

— А что в ящике? — спросил Виктор.

Гафер подмигнул Сильверфишу.

— Готов поспорить, сгораешь от любопытства.

Виктор припомнил существ в клетках, которых увидел в сарае.

— По звуку похоже на обыкновенных демонов, — осторожно сказал он.

Гафер одобрительно посмотрел на него — так смотрят на глупого пса, который вдруг исполнил хитрый трюк.

— Ага, верно, — признал он.

— Но почему они не разбегаются? — спросил Виктор.

Гафер ухмыльнулся.

— Чудесная штука этот шпагат, — сказал он.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль относился к тем редким людям, мышление которых представляет собой прямую линию.

Большинство людей думает кривыми и зигзагами. Например, они начинают с мысли: «Интересно, как бы это мне разбогатеть?», а потом следуют непостоянным курсом, включающим в себя мысли вроде: «Интересно, что сегодня на обед?» и «Интересно, не одолжит ли мне кто-нибудь пятерку?».

А вот Достабль был одним из тех, кто способен понять, какой мыслью должен завершиться этот процесс — в нашем случае это будет «Я невероятно богат», — прочертить между ними линию, а потом медленно и терпеливо думать в этом направлении, пока не доберется до точки назначения.

Впрочем, это ему не помогало. Как он обнаружил, в процесс всегда закрадывалась какая-нибудь мелкая, но значимая оплошность. Обычно она касалась странного нежелания людей покупать то, что он продавал.

Однако сейчас все его сбережения лежали в кожаном мешочке во внутреннем кармане жилета. Он провел в Голывуде целый день. Он взглянул на здешнюю беспорядочную организацию — уж какая была — глазами бывалого дельца. Казалось, что вписаться ему некуда, но это была не проблема. Наверху место есть всегда.

День вопросов и пристального наблюдения в конце концов привел его к «Интересной и Познавательной Синематографии». Теперь Достабль стоял на противоположной стороне улицы и внимательно приглядывался.

Он пригляделся к очереди. Он пригляделся к привратнику. Он принял решение.

Достабль прошелся вдоль очереди. Мозги у него были. Он *знал*, что они у него были. Теперь он нуждался в мускулах. Где-то здесь наверняка можно было…

— День добрый, господин Достабль.

Эта плоская голова, эти бугристые руки, эта загнутая нижняя губа, этот надтреснутый голос, говоривший о коэффициенте интеллекта размером с грецкий орех. Сложить все это вместе, и получится…

— Ento я, Детрит, — сказал Детрит. — Какая не-ожиданная встреча, да?

Улыбка, которую он адресовал Достаблю, была как трещина, расколовшая устой моста.

— Привет, Детрит. В картинках работаешь? — спросил Достабль.

— Не то чтобы работаю, — застенчиво ответил Детрит.

Достабль украдкой оглядел тролля, чьи щербатые кулаки, как правило, служили решающим аргументом в любой уличной драке.

— Просто ужасно, — сказал он. Достал мешочек с деньгами и отсчитал пять долларов. — А на меня поработать не хочешь, Детрит?

Детрит уважительно приложил ладонь к выступу лба.

— Рад стараться, господин Достабль, — сказал он.

— Тогда нам туда.

Достабль ленивой походкой вернулся к голове очереди. Привратник выставил руку, перегораживая ему путь.

— А ты куда это собрался, приятель? — поинтересовался он.

— У меня назначена встреча с господином Сильверфишем, — сказал Достабль.

— И ему об этом, конечно же, известно? — спросил привратник тоном, который намекал, что лично он в такое не поверит, даже если увидит написанным на небесах.

— Пока что нет, — ответил Достабль.

— В таком случае, друг мой, отправляйся-ка в…

— Детрит?

— Да, господин Достабль?

— Стукни этого человека.

— Рад стараться, господин Достабль.

Рука Детрита прочертила дугу углом в 180 градусов, на конце которой было забвение. Привратник оторвался от земли, пробил калитку и рухнул на ее обломки, пролетев двадцать футов. Очередь одобрительно завопила.

Достабль довольно посмотрел на тролля. На

Детрите не было ничего, кроме изодранной набедренной повязки, прикрывавшей то, что тролли считали нужным прикрывать.

— Очень хорошо, Детрит.

— Рад стараться, господин Достабль.

— Но нам нужно будет подыскать тебе костюм, — сказал Достабль. — А теперь, пожалуйста, посторожи калитку. Никого не пропускай.

— Рад стараться, господин Достабль.

Две минуты спустя маленький серый песик протрусил между короткими и кривыми ногами тролля и перескочил через останки калитки; Детрит его не тронул, потому что собаки, как всем известно, это не «никто».

— Господин Сильверфиш? — спросил Достабль.

Сильверфиш, опасливо пересекавший студию с коробкой свежей пленки, замедлился, увидев тощую фигуру, бросившуюся к нему, точно давно потерянный хорек. На лице у Достабля было выражение, с которым что-то длинное, гладкое и белое обычно выплывает из рифов на теплое мелководье, где плещутся детишки.

— Да? — сказал Сильверфиш. — Вы кто? Как вы сюда…

— Меня зовут Достабль, — представился Достабль. — Но ты можешь звать меня просто

«Себя-Режу».

Одной рукой он ухватил и яростно затряс безвольную ладонь Сильверфиша, другую положил ему на плечо и сделал шаг вперед. Это одновременно производило впечатление крайней приветливости и означало, что если Сильверфиш попробует отшатнуться, то вывихнет себе локоть.

— И я хотел бы, чтобы ты знал, — продолжил Достабль, — что мы все крайне впечатлены тем, что вы, ребята, тут делаете.

Сильверфиш посмотрел на свою сотрясаемую в дружеском жесте руку и неуверенно улыбнулся.

— Правда? — выдавил он.

— Все это… — Достабль ненадолго отпустил плечо Сильверфиша, чтобы экспансивно обвести рукой творящийся вокруг энергичный хаос. — Поразительно! — воскликнул он. — Восхитительно! А эта ваша последняя вещица, как она там называлась?..

— «Суматоха в лавке», — сказал Сильверфиш. — Вы ведь о той, где вор крадет сосиски, а лавочник за ним гоняется?

— Ага, — подтвердил Достабль; не сходившая с его лица улыбка сделалась натянутой всего лишь на секунду или две, прежде чем вновь стать

абсолютно искренней. — Ага. Именно о ней. Потрясающе! Совершенно гениально! Превосходно выдержанная метафора!

— Этот клик стоил нам почти двадцать долларов, знаете ли, — с застенчивой гордостью поведал Сильверфиш. — Плюс сорок пенсов за сосиски, разумеется.

— Подумать только! — поразился Достабль. — И его, должно быть, посмотрели сотни людей, верно?

— Тысячи, — поправил Сильверфиш.

Теперь для улыбки Достабля невозможно было бы подобрать сравнение. Если бы у нее получилось стать хоть чуточку шире, у него отвалилась бы верхушка головы.

— Тысячи? — переспросил он. — Правда? Так много? И, конечно же, все они платят вам по, э-э, сколько?..

— О, мы пока что просто собираем пожертвования, — признался Сильверфиш. — Просто чтобы покрыть затраты, пока мы еще на стадии экспериментов. — Он опустил взгляд. — Кстати, — добавил он, — не могли бы вы перестать трясти мою руку?

Достабль последовал за его взглядом.

— Конечно! — сказал он и отпустил руку Силь-

верфиша. Она какое-то время еще продолжала дергаться вверх-вниз из-за мышечного спазма.

Достабль на мгновение умолк; он выглядел как человек, поглощенный беседой с каким-то внутренним богом. Потом он сказал:

— Ты знаешь, Томас — я ведь могу называть тебя Томас? — когда я увидел этот шедевр, я подумал: Достабль, за этим стоит истинный художник…

— …а откуда вы знаете, что меня зовут…

— …истинный художник, подумал я, который должен свободно следовать своей музе, а не сгибаться под бременем мелких управленческих забот, я ведь прав?

— Ну… вся эта возня с документами и правда не-много…

— Вот и я так подумал, — перебил его Достабль, — и сказал себе: Достабль, ты немедленно должен отправиться туда и предложить ему свои услуги. Ты знаешь какие. Административные. Снять ношу с его плеч. Позволить ему заниматься тем, что он умеет лучше всего — я ведь прав? Том?

— Я… я… я… конечно, это правда, что моя сильная сторона — это скорее…

— Точно! Точно! — воскликнул Достабль. — Том, я согласен!

Глаза Сильверфиша остекленели.

— Э-э, — сказал он.

Достабль игриво стукнул его кулаком в плечо.

— Просто покажи мне документы, — сказал он, — а потом сможем пойти и заняться тем, что ты там лучше всего делаешь.

— Э-э. Да, — сказал Сильверфиш.

Достабль ухватил его за руки и выкрутил убедительность на тысячу ватт.

— Это для меня очень важный момент, — хрипло проговорил он. — Даже выразить не могу, как он для меня важен. Могу честно сказать, что это счастливейший день в моей жизни. Я хочу, чтобы ты это знал, Томми. Искренне.

Благоговейную тишину испортило негромкое хихиканье.

Достабль медленно оглянулся. Позади них никого не было, кроме мелкой серой дворняги, сидевшей в тени от кучи бревен. Дворняга заметила выражение его лица и склонила голову набок.

— Гав? — спросила она.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль быстро оглянулся в поисках чего-нибудь, чем можно было бы в нее швырнуть, понял, что это выбьется из его образа, и вновь повернулся к плененному Сильверфишу.

— Ты знаешь, — сказал он, ничуть не преувеличивая, — мне невероятно повезло, что я тебя встретил.

Обед в таверне стоил Виктору доллара и парочки пенсов. Состоял он из миски супа. Продавец супа объяснил, что все стоит так дорого, потому что продукты приходится везти издалека. Вокруг Голывуда ферм не было. Да и вообще, кто станет растить овощи, когда можно делать клики?

После этого Виктор отправился на пробы к Гаферу.

На пробах ему пришлось минуту простоять неподвижно, пока рукоятор по-совиному пялился на него поверх рисовального ящика. Когда минута истекла, Гафер сказал:

— Ясно. У тебя врожденный талант, парень.

— Но я же ничего не делал, — удивился Виктор. — Ты просто велел мне не двигаться.

— Ага. Вот именно. Нам именно такие люди и нужны. Которые не двигаться умеют, — объяснил Гафер. — А всякое там жеманное актерство пусть в театрах остается.

— Но вы ведь так и не объяснили мне, что демоны делают в ящике, — напомнил Виктор.

— А вот что, — сказал Гафер, откидывая пару защелок. На Виктора уставился ряд крошечных

злобных глазок. — Вот эти шесть демонов, — Гафер осторожно указал на них пальцем, остерегаясь когтей, — смотрят в маленькую дырочку спереди ящика и зарисовывают то, что видят. Их обязательно должно быть шесть, понятно? Двое рисуют, четверо дуют на картинку, чтобы высохла. Потому что следующая уже на подходе, ясно? Каждый раз, когда поворачивается *вот эта* ручка, прозрачная лента немного проматывается вниз, открывая место для новой картинки.

Он повернул ручку. Ящик сказал *кликаклика*, а бесы заверещали.

— Что это с ними? — спросил Виктор.

— А, — сказал Гафер, — это *потому*, что ручка еще и вращает вот это колесико с кнутами. Это единственный способ заставить их работать быстро. Обычные бесы — ленивые чертяки. В общем, тут все взаимо-связано. Чем быстрее ты крутишь ручку, тем быстрее проматывается пленка и тем быстрее им приходится рисовать. Нужно тщательно подобрать скорость. Это очень важное ремесло — рукояторство.

— А вам не кажется, что это, ну, *жестоко*?

Гафер явно удивился:

— О нет. Вовсе нет. У меня перерыв каждые полчаса. Требование Гильдии Рукояторов.

Он прошел вдоль верстака туда, где стоял другой ящик с откинутой задней панелью. На этот раз на Виктора, скорбно моргая, воззрились из клетки заторможенного вида ящерицы.

— Не слишком это надежно, — сказал Гафер, — но лучше мы ничего не придумали. Саламандры обычно лежат весь день в пустыне и впитывают свет, а если их напугать — они его выделяют. Это механизмом самозащиты называется. Так вот, когда пленка проматывается, а вон та шторка открывается и закрывается, их свет проходит *сквозь* пленку и вот эти линзы и попадает на экран. Все очень просто.

— А как вы их пугаете? — спросил Виктор.

— Ручку видишь?

— О.

Виктор задумчиво потыкал пальцем в рисовальный ящик.

— Ну ладно, — сказал он. — Значит, у вас получается куча маленьких картинок. И вы их быстро проматываете. Тогда на экране должно все смазываться, но не смазывается же.

— А-а, — протянул Гафер, постучав себя по носу. — Это секрет Гильдии Рукояторов. Передается от одного посвященного другому, — напыщенно добавил он.

Виктор бросил на него проницательный взгляд.

— А я думал, картинки всего несколько месяцев снимают.

Гаферу хватило совести отвести глаза.

— Ну да, сейчас мы скорее раздаем его кому попало, — признал он. — Но дай нам несколько лет — и мы начнем передавать его… *Не трогай?*

Виктор с виноватым видом отдернул руку от сложенных на верстаке жестянок.

— Там внутри пленка, — сказал Гафер, осторожно их отодвигая. — С ней надо очень осторожно. Ее нельзя нагревать, потому что она сделана из октоцеллюлозы, и резких встрясок она тоже не любит.

— И что с ней тогда случается? — спросил Виктор, не сводя глаз с жестянок.

— Кто знает? Выживших не было, так что нам никто не рассказал. — Гафер посмотрел на лицо Виктора и осклабился.

— Об *этом* не беспокойся, — сказал он. — Ты-то будешь перед ящиком стоять.

— Только я не умею играть, — признался Виктор.

— А делать что тебе говорят умеешь? — спросил Гафер.

— Что? Ну-у. Да. Наверное.

— А это все, что от тебя требуется, парень. Это все. А, и еще большие мышцы.

Они вышли под раскаленное солнце и направились к сараю Сильверфиша.

Который был занят.

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль знакомился с движущимися картинками.

— Что я себе представляю, — сказал Достабль, так это, ну… вот, посмотри. Что-то вроде этого.

Он поднял табличку.

На ней кривыми буквами было выведено:

После этаво паказа пачиму бы не заглянуть В «Реберный Дом Харги» Лучшая Гарячая Кухния

— А что такое «гарячая кухния»? — поинтересовался Виктор.

— Это по-иностранному, — объяснил Достабль. Он хмуро поглядывал на Виктора. Оказаться под одной крышей с кем-то вроде него в планы Достабля не входило. Он-то надеялся иметь дело только с Сильверфишем. — Означает «еда», — добавил он.

Сильверфиш уставился на табличку.

— И что это? — спросил он.

— Может быть, — очень осторожно проговорил

Достабль, — ты поднимешь эту табличку в конце показа?

— Это еще зачем?

— Потому что такой человек, как Шэм Харга, может отвалить за это огро… большую сумму.

Все внимательно посмотрели на табличку.

— Я обедал в «Реберном Доме Харги», — припомнил Виктор. — Я бы не сказал, что еда там лучшая. Она не лучшая. Далеко не лучшая. — Он немножко по-думал. — Собственно говоря, от лучшей она далека настолько, насколько это вообще возможно.

— Это не имеет значения, — резко ответил Достабль. — Это совершенно *не важно*.

— Но, — начал Сильверфиш, — если мы будем повсюду говорить, что «Реберный Дом Харги» — лучшее место в городе, что подумают в других ресторанах?

Достабль навалился на стол.

— А вот что, — сказал он. — «Почему мы не придумали это первыми?»

Он выпрямился. Во взгляде Сильверфиша просвечивало непонимание.

— Объясни-ка еще раз, пожалуйста, — попросил он.

— Они захотят сделать то же самое! — сказал

Достабль.

— Я понял, — вклинился Виктор. — Они захотят, чтобы мы поднимали таблички с надписями вроде: «На самом деле лучшая кухня в городе не у Харги, а у нас».

— Как-то так, как-то так, — протараторил Достабль, злобно поглядев на него. — Над формулировкой придется подумать, но как-то так.

— Но… но… — Сильверфиш изо всех сил пытался не потерять нить разговора. — Харге ведь это не по-нравится? Если он заплатит нам, чтобы мы написали, что он лучше всех, а потом мы возьмем деьги у других людей и напишем, что они лучше всех, тогда он…

— Заплатит нам еще больше, — закончил Достабль, — чтобы мы написали это еще раз, да покрупнее.

Все уставились на него.

— И ты думаешь, что это сработает? — спросил Сильверфиш.

— Да, — отрезал Достабль. — Послушай как-нибудь с утречка уличных торговцев. Они ведь не кричат: «Почти свежие апельсины, чуток помятые, по терпимой цене!», правда? Нет, они кричат: «Хватайте апельсины, таких больше никогда не попробуете!» Это называется «пред-

принимательский подход».

Он снова навалился на стол.

— И кажется мне, — сказал он, — что вам она здесь как раз пригодилась бы.

— Похоже на то, — выдавил Сильверфиш.

— А подзаработав, — продолжил Достабль, чей голос, как лом, расширял трещины в реальности, — ты сможешь как следует развернуться со своим искусством.

Сильверфиш немного просветлел.

— Это правда, — сказал он. — Например, отыскать какой-нибудь способ добавить звук…

Достабль его не слушал. Он указал на прислоненную к стене стопку дощечек.

— А это что? — спросил он.

— А, — сказал Сильверфиш. — Это была моя идея. Мы подумали, что хорошим предпринимательским подходом, — он смаковал эти слова, будто они были каким-то незнакомым и редким лакомством, — будет рассказать людям о других движущихся картинках, которые мы снимаем.

Достабль взял одну из дощечек, вытянул перед собой и критически оглядел.

На ней было написано:

На следущей недели мы будим паказывать «Пелиас и Мелисанда», Рамантическую Трагедь В

Двух Катушках. Спасибо за внимание.

— О, — сухо сказал Достабль.

— Неужели что-то не так? — спросил окончательно поверженный Сильверфиш. — На ней же написано все, что им нужно знать, разве нет?

— Можно? — спросил Достабль и взял со стола Сильверфиша мелок. Какое-то время он увлеченно что-то писал на обратной стороне дощечки, а потом перевернул ее.

Теперь она гласила:

Богги и Люди Гаварили, Што Этаму Не Бывать, Но Они Не Жилали Слушать! «Пелиас и Мелисанда», История Запретнай Любви! Абжигающая Страсть, Адалевшая Прастранство и Время! Вы Будите Патрясены! При участии 1000 слонов!

Виктор и Сильверфиш прочитали этот текст очень внимательно, словно меню, написанное на чуждом языке. Это, собственно, и *был* чуждый язык, но, что еще хуже, при этом он был их собственным.

— Так, так, — проговорил Сильверфиш. — О боги… Не помню, чтобы там было что-то по-настоящему *запретное.* Гм. Этот клик просто очень исторический. Я подумал, что это поможет, ну, вы понимаете, детям и так далее. Расскажет им об истории. Знаете, эти двое ведь так и не встретились,

вот в чем трагедия. Все это очень, гм, печально. — Он не отводил взгляда от таблички. — Хотя, должен сказать, что-то в этом определенно есть. Гм. — Похоже, его что-то беспокоило. — Не припомню, чтобы там были слоны, — признался он, словно это была его вина. — Я тогда весь день присутствовал на съемках и не припомню момента, в котором участвовала тысяча слонов. Уверен, я бы это заметил.

Достабль уставился на него. Он не знал откуда, но теперь, когда он об этом задумался, к нему начали приходить вполне отчетливые идеи насчет того, что должно фигурировать в движущихся картинках. Тысяча слонов была отличным началом.

— Ни одного слона? — уточнил он.

— Вроде как нет.

— А танцовщицы есть?

— Э-э, нет.

— Ну а безумные погони и люди, висящие над пропастью на кончиках пальцев?

Сильверфиш немного приободрился.

— Кажется, в одной сцене есть балкон, — сказал он.

— Да? А кто-нибудь на нем висит на кончиках пальцев?

— Не думаю, — сказал Сильверфиш. — Кажется, Мелисанда с него склоняется.

— Хорошо, а зрители затаят дыхание, ожидая, что она свалится?

— Я *надеюсь*, что они будут читать монолог Пелиаса, — брюзгливо ответил Сильверфиш. — Он у нас пять табличек занял. Мелким шрифтом.

Достабль вздохнул.

— Я точно знаю, что нужно народу, — сказал он, — и это не куча мелких буковок. Ему нужна услада для глаз!

— После мелких буковок? — ехидно спросил Виктор.

— Ему нужны танцовщицы! Ему нужны впечатления! Ему нужны слоны! Ему нужны люди, падающие с крыш! Ему нужны мечты! Мир полон маленьких людей с большими мечтами!

— Это в смысле гномов и карликов, да? — спросил Виктор.

— Нет!

— Скажите, господин Достабль, — поинтересовался Сильверфиш, — а чем именно вы занимаетесь?

— Торгую разными товарами, — ответил Достабль.

— В основном сосисками, — уточнил Виктор.

— И еще разными товарами, — резко сказал Достабль. — Я торгую сосисками только тогда, когда в продаже разных товаров намечаются спады.

— И, по-вашему, опыт торговца сосисками означает, что вы умеете делать хорошие движущиеся картинки? — спросил Сильверфиш. — Продавать сосиски может кто угодно! Правда же, Виктор?

— Ну… — неуверенно протянул Виктор. Продать Достаблевы сосиски не смог бы никто, кроме Достабля.

— Вот видите, — сказал Сильверфиш.

— Дело в том, — сказал Виктор, — что господин Достабль способен продавать сосиски даже тем, кто их у него *уже покупал.*

— Это верно, — кивнул Достабль. И широко улыбнулся Виктору.

— А человек, способный продать сосиски господина Достабля дважды, способен продать что угодно, — закончил Виктор.

Следующее утро выдалось ярким и безоблачным, как всегда в Голывуде, и они начали съемку «Увликательнейших и Ниобычайных Приключений Коэна-Варвара». Достабль утверждал, что потратил на них весь вечер.

Название, однако, принадлежало Сильверфишу. Хотя Достабль и заверил его, что Коэн-Варвар

— персонаж практически исторический и определенно познавательный, вариант «Далина кровищи» Сильверфиш зарубил.

Виктору выдали нечто, с виду напоминавшее кожаный кошелек, но оказавшееся его костюмом. Он пере-оделся за парочкой валунов.

Еще ему вручили огромный тупой меч.

— Значит, так, — сказал Достабль, сидевший на стуле с холщовым сиденьем, — вот что ты делаешь: дерешься с троллями, подбегаешь к девушке, отвязываешь ее от шеста, дерешься с другими троллями, а потом отбегаешь вон за тот камень. Я это вижу так. Что скажешь, Томми?

— Ну, я… — начал Сильверфиш.

— Отлично, — сказал Достабль. — Ну ладно. Да, Виктор?

— Ты сказал «тролли». Какие еще тролли? — спросил Виктор.

Парочка валунов медленно распрямилась.

— Ты, господин, ни о чем не беспокойся, — сказал ближайший. — Мы со стариком Галенитом свое дело знаем.

— Тролли! — воскликнул Виктор и попятился.

— Ага, верно, — сказал Галенит. И картинно взмахнул дубиной, из которой торчал гвоздь.

— Но, но… — начал Виктор.

— Что? — спросил второй тролль.

Но вы же *тролли*, хотелось сказать Виктору, свирепые ожившие каменюки, которые живут в горах и бьют путников по головам огромными дубинами, очень похожими на те, что вы держите сейчас, а *я*, когда мне сказали «тролли», подумал, что это будут обычные люди, наряженные в, ну, не знаю, покрашенные серой краской мешки или что-то такое.

— О, хорошо, — еле слышно сказал он. — Гм.

— И не верь этим россказням про то, что мы якобы людей едим, — сказал Галенит. — Это все клевета. Ну правда, мы же из камней сделаны, с чего нам людей есть.

— Пожирать, — поправил второй тролль. — Ты хотел сказать «пожирать».

— Ага. С чего нам людей пожирать? Мы всегда плюемся потом. И вообще, мы с этим завязали, — добавил он. — Хотя и не начинали. — Он дружески пихнул Виктора локтем и чуть не сломал ему ребро. — Тут хорошо, — заговорщически поведал он. — Нам дают три доллара в день плюс доллар на защитный крем для дневной работы.

— А иначе мы в камень до ночи превращаемся, а это такая морока, — сказал его напарник.

— Ага, из-за этого съемки задерживаются, да

еще и люди о нас спички зажигают.

— А еще мы, согласно контракту, получаем по пять пенсов за то, что приходим со своими дубинами, — добавил второй тролль.

— Может, все-таки приступим… — начал Сильверфиш.

— Почему троллей только двое? — возмутился Достабль. — Что такого героического в драке с двумя троллями? Я же вроде просил, чтобы их было двадцать?

— Мне и двоих хватит, — сообщил Виктор.

— Послушайте, господин Достабль, — сказал Сильверфиш, — я знаю, что вы пытаетесь помочь, но элементарная экономика…

Сильверфиш и Достабль заспорили. Рукоятор Гафер вздохнул и откинул заднюю стенку рисовального ящика, чтобы накормить и напоить недовольных бесов.

Виктор оперся на меч.

— А вы, значит, много в кликах снимаетесь? — спросил он у троллей.

— Ага, — сказал Галенит. — Все время. Вот, например, в «Королевском выкупе» я играл тролля, который выбегал и колошматил людей. А в «Темном лесу» я играл тролля, который выбегал и колошматил людей. А вот в «Таинственной горе»

я играл тролля, который выбегал и напрыгивал на людей. А то ведь на одинаковых ролях много не заработаешь.

— А ты тем же самым занимаешься? — спросил Виктор у второго тролля.

— О, Моррена у нас типажный актер, верно? — сказал Галенит. — Лучший в нашем деле.

— И кого он играет?

— Утесы.

Виктор непонимающе уставился на него.

— Это потому, что он весь в расщелинах, — говорил между тем Галенит. — И не только утесы. Видел бы ты, как он играет древний монолит. У тебя бы дух захватило. Давай, Морри, покажи ему свою надпись.

— Да ну, — сказал Моррена, стеснительно улыбаясь.

— Я вот думаю взять себе для картинок новое имя, — продолжил Галенит. — Что-нибудь эффектное. Например, Кремень.

Он посмотрел на Виктора — взволнованно, насколько тот мог судить, хотя и не был специалистом по спектру выражений, доступному для лица, которое выглядело так, словно его высекли из гранита пинками ног, обутых в сапоги с железными носами.

— Как тебе? — спросил Галенит.

— Э-э. Очень неплохо.

— Я подумал, что это имя *подинамичнее*, — объяснил предполагаемый Кремень.

Виктор услышал, как из его рта вылетают слова:

— Или Скала. Скала — хорошее имя.

Тролль уставился на него, беззвучно шевеля губами, словно прикидывал на себя псевдоним.

— Вот это да, — сказал он. — Мне такое и в голову не приходило. Скала. Мне *нравится*. А ведь с таким именем мне больше, чем три доллара в день, платить должны.

— Может, начнем уже? — сурово спросил Достабль. — Может, мы и сможем позволить себе больше троллей, если этот клик получится успешным, но только если не выйдем за рамки бюджета, так что нужно управиться до обеда. Значит, так, Морри и Галенит…

— Скала, — поправил Скала.

— Что, правда? Ну ладно, в общем, вы двое выбегаете и нападаете на Виктора, ясно? Ну ладно… *крутим*…

Рукоятор завращал ручку рисовального ящика. Послышалось негромкое щелканье, бесы хором завизжали. Виктор стоял с видом человека, в

любой момент готового к действию.

— Это значит, что пора начинать, — терпеливо объяснил Сильверфиш. — Тролли выбегают из-за камней, а ты отважно защищаешься.

— Но я не знаю, как драться с троллями! — завопил Виктор.

— Давай так, — сказал новонареченный Скала. — Сначала ты паришь удар, а потом мы изо всех сил стараемся по тебе не попасть.

И тут до Виктора дошло.

— Вы хотите сказать, что это все *понарошку*? — поразился он.

Тролли обменялись короткими взглядами, в которых тем не менее отчетливо читалось: не правда ли, поразительно, что вот эти создания вроде как заправляют миром?

— Ага, — ответил Скала. — Именно. Все не по-настоящему.

— Нам нельзя тебя убивать, — успокоил Виктора Моррена.

— Точно, — сказал Скала. — Мы этого *ни за что* не сделаем.

— Нас за такие дела гонораров лишают, — мрачно заключил Моррена.

Твари собирались возле трещинки в реальности, пожирая свет и тепло тем, что у них сходило

за глаза. Их уже набралась целая толпа.

Когда-то существовал проход. Нельзя сказать, что они помнили об этом, потому что у них не было ничего настолько сложного, как память. У них едва было что-то настолько сложное, как головы. Но инстинкты и чувства у них были.

Им нужен был проход.

Они его нашли.

Все получилось неплохо — с шестого раза. Главная проблема заключалась в том, что тролли в порыве энтузиазма лупили друг друга, землю, воздух, а частенько — и себя самих. В итоге Виктор просто сосредоточился на том, чтобы попадать по дубинам, когда они проносились мимо.

Достабль, похоже, был вполне доволен. Гафер — нет.

— Они слишком много двигались, — пожаловался он. — То и дело из картинки выпадали.

— Это же была *битва*, — сказал Сильверфиш.

— Да, но я же не могу ящик перетаскивать, — сказал рукоятор. — Бесы падают.

— А нельзя их как-нибудь закрепить? — спросил Достабль.

Гафер поскреб подбородок.

— Наверное, можно им ноги к полу прибить, — предложил он.

— В любом случае пока сойдет и так, — сказал Сильверфиш. — Теперь рисуем сцену, где ты спасаешь девушку. Где она? Я точно велел ей прийти сюда. Почему ее нет? Почему никто никогда не делает так, как я им говорю?

Рукоятор вытащил изо рта бычок.

— Она рисуется в «Атважном Искателе Приключениев» на той стороне холма, — сообщил он.

— Но его же еще вчера должны были закончить! — возопил Сильверфиш.

— Пленка взорвалась, — объяснил рукоятор.

— Проклятье! Ну ладно, сделаем пока следующую битву. Ей не обязательно при этом присутствовать, — недовольно сказал Сильверфиш. — Так, друзья мои. Рисуем сцену, в которой Виктор сражается с кошмарным Балгрогом.

— А что такое Балгрог? — спросил Виктор.

Дружеская, но очень тяжелая рука похлопала его по плечу.

— Это такое традиционное злобное чудище, а на самом деле — крашенный зеленым Морри с приклеенными крыльями, — объяснил Скала. — Пойду помогу ему с покраской.

Он уковылял прочь.

Похоже, пока что Виктор никому был не нужен.

Он воткнул свой нелепый меч в песок, убрел в сторонку и отыскал клочок тени под чахлыми оливковыми деревцами. Здесь тоже были валуны. Виктор осторожно по ним постучал. Они, похоже, живыми не были.

В земле нашлась прохладная впадинка, которая была почти уютной по раскаленным меркам Голывудского холма.

Откуда-то даже задувал ветерок. Прислонившись к валунам, Виктор ощутил, что от них веет холодом. «Под землей, наверное, много пещер», — подумал он.

…а далеко оттуда, в Незримом Университете, в продуваемом сквозняками, украшенном множеством колонн коридоре, одно маленькое устройство, на которое уже много лет никто не обращал никакого внимание, вдруг начало издавать шум…

Так вот какой он, Голывуд. На экране он смотрится совсем иначе. Судя по всему, движущиеся картинки требуют постоянного ожидания, а еще, если он верно все понимает, перескоков во времени. События происходят раньше тех, позже которых происходят. Чудовища — это всего лишь облитый зеленой краской Морри с приклеенными крыльями. И ничего реально реального.

Как ни странно, это захватывало.

— Как же мне это надоело, — сказал кто-то рядом с ним.

Виктор поднял взгляд. По другой тропинке к нему подошла девушка. Ее лицо, покрытое бледным гримом, раскраснелось от нагрузки, волосы нелепыми кудряшками спадали на глаза, а одета она была в платье, которое, пусть и явно сшитое по фигуре, предназначалось для девочки, которая была лет на десять младше и очень любила кружавчики.

Девушка была весьма привлекательна, хотя в глаза это бросалось не сразу.

— И знаешь, что они говорят, если им пожаловаться? — требовательно спросила она. На самом деле этот вопрос предназначался не Виктору. Просто у него была свободная пара ушей.

— Даже не представляю, — вежливо ответил он.

— Они говорят: «Есть целая куча других людей, которые только и ждут шанса попасть в движущиеся картинки». Вот что они говорят.

Она прислонилась к узловатому деревцу и начала обмахиваться соломенной шляпкой.

— И здесь слишком жарко, — пожаловалась она. — А мне еще нужно рисоваться в дурацкой

однокатушечной картинке у Сильверфиша, который понятия не имеет, что делает. С каким-то мальчишкой, у которого наверняка несет изо рта, в волосах запуталась солома, а на лбу хоть скатерть расстилай.

— И с троллями, — спокойно добавил Виктор.

— О *боги*. Что, с Морри и Галенитом?

— Да. Только Галенит теперь зовет себя Скалой.

— А я думала, он Кремнем хотел назваться.

— «Скала» ему нравится больше.

Из-за камней донеслось тоскливое блеяние Сильверфиша, который вопрошал, куда это все подевались, когда они ему нужны. Девушка закатила глаза.

— О *боги*. И ради этого я пропускаю обед?

— Ты всегда успеешь поесть его у меня со лба, — сказал Виктор и поднялся.

Он с удовлетворением ощутил затылком ее задумчивый взгляд, вернулся за мечом и сделал несколько пробных взмахов, вложив в них больше силы, чем требовалось.

— Ты ведь тот парень с улицы, да? — спросила она.

— Именно. А ты — та девушка, которую должны были рисовать, — сказал Виктор. — Смотрю,

разрисовали тебя изрядно.

Она с любопытством посмотрела на него.

— Как ты смог так быстро найти работу? Большинству приходится неделями дожидаться шанса.

— Я всегда говорил: шансы нужно не ждать, а ловить, — сказал Виктор.

— Но *как*…

Но Виктор уже беззаботно убрел прочь. Девушка потащилась за ним, все еще капризно надувая губы.

— А-а, — саркастически протянул Сильверфиш, поднимая взгляд. — Ну надо же. Все на месте. Ну хорошо. Начнем с того места, где он находит ее привязанной к шесту. Вот что делаешь *ты*, — сказал он Виктору, — отвязываешь ее, оттаскиваешь в сторону и дерешься с Балгрогом, а *ты*, — он ткнул пальцем в девушку, — ты… ты… ты просто следуешь за ним и выглядишь такой… такой *спасенной*, как только можешь, поняла?

— Это у меня хорошо получается, — обреченно ответила она.

— Нет, нет, нет, — сказал Достабль и обхватил голову руками. — Только не снова то же самое!

— Разве ты не этого хотел? — поинтересовался Сильверфиш. — Не драк и спасений?

— Должно быть что-то еще! — воскликнул Достабль.

— Например? — требовательно спросил Сильверфиш.

— Ну, я не знаю. Пыпыщ. Вжух. Старое доброе э-ге-гей.

— Смешные звуки? У нас немые картинки.

– *Все* делают клики про то, как люди бегают, дерутся и падают, — сказал Достабль. — Должно быть что-то еще. Я смотрел, что вы тут рисуете, и, по мне, так оно все какое-то одинаковое.

— А по мне, так все сосиски какие-то одинаковые, — буркнул Сильверфиш.

— Но они-то *и должны* быть одинаковыми! Народ этого и ждет!

— Так я и даю ему то, что он ждет, — сказал Сильверфиш. — Люди ожидают увидеть еще больше того, что они ожидают увидеть. Битвы и погони и все такое прочее…

— Прошу прощения, господин Сильверфиш, — позвал его рукоятор, перекрикивая сердитый галдеж бесов.

— Что такое? — рявкнул Достабль.

— Прошу прощения, господин Достабль, но через четверть часа мне их кормить надо.

Достабль застонал.

Впоследствии Виктор никак не мог припомнить, что именно произошло в следующие несколько минут. Так оно обычно и бывает. Мгновения, резко меняющие вашу жизнь, наступают внезапно — как те, когда вы умираете.

Он точно помнил, что было еще одно условное сражение — с Морри при участии того, что могло бы стать устрашающим кнутом, если бы тролль без конца не запутывался в нем ногами. А когда кошмарный Балгрог был повержен и скрылся из виду, корча страшные рожи и придерживая крылья одной рукой, Виктор повернулся и перерезал веревки, которыми привязали к шесту девушку, и как раз должен был резко утащить ее вправо, как вдруг…

…послышался шепот.

В нем не было слов, но было что-то, являвшееся их сутью, проникавшее сквозь уши Виктора прямиком в его хребет, не тратя времени на остановку в мозгу.

Он заглянул в глаза девушки, гадая, слышит ли она то же самое.

А откуда-то издалека слова все-таки *доносились*. Сильверфиш говорил: «Ну давай, пошевеливайся, что ты так на нее уставился?», а рукоятор говорил: «Они от рук отбиваются, если их вовремя не по-

кормить», а Достабль голосом, свистящим, точно брошенный нож, говорил: «Не смей прекращать крутить ручку».

Границы зрения Виктора заволокло туманом, и в этом тумане проступали силуэты, менявшие форму и исчезавшие, прежде чем он успевал их рассмотреть. Беспомощный, как муха в потоке смолы, владеющий своей судьбой не более чем мыльный пузырь в урагане, он склонился и поцеловал ее.

Сквозь звон в его ушах пробивались новые слова:

— Зачем он это *делает*? Разве я велел ему это сделать? Никто не велел ему это сделать!

— …а потом мне приходится за ними выгребать, а это, скажу я вам, совсем не…

– *Крути ручку! Крути ручку!* — верещал Достабль.

— А теперь он зачем *так* на нее смотрит?

— Ух ты!

– *Если перестанешь крутить ручку, тебе в этом городе больше не работать!*

— Слушай, господин, я ведь член Гильдии Рукоя-торов…

— Не останавливайся! *Не останавливайся!*

Виктор выплыл на поверхность. Шепот утих,

сменившись далеким шумом волн. Реальность возвратилась, жаркая и резкая, и солнце было пришпилено к небесам, точно медаль за превосходную погоду.

Девушка глубоко вздохнула.

— Я… ой… прости, пожалуйста, — забормотал Виктор, пятясь от нее. — Я правда не знаю, что на меня нашло…

Достабль заскакал на месте.

— Вот оно, *вот* оно! — завопил он. — Когда будет готово?

— Говорю же, мне бесов надо кормить и убирать за ними…

— Конечно, конечно… зато у меня будет время нарисовать афиши, — сказал Достабль.

— Я уже их подготовил, — холодно сообщил Сильверфиш.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, — возбужденно протараторил Достабль. — Не сомневаюсь, что подготовил. Не сомневаюсь, что на них написано что-то вроде: «Возможно, вам будет Любопытно взглянуть на Интересную Движущуюся Картинку»!

— И что тут не так? — требовательно спросил Сильверфиш. — Всяко лучше, чем горячая сосиска!

– *Говорю* же, когда ты продаешь сосиски — ты не топчешься на месте и не ждешь, когда люди их *захотят*, а идешь и заставляешь их почувствовать голод. А *еще* — мажешь сосиски горчицей. Вот именно это твой паренек сейчас и сделал.

Достабль похлопал Сильверфиша по плечу, а другой рукой сделал широкий жест.

— Разве ты не видишь? — спросил он. И застыл. Странные мысли приходили к нему быстрее, чем он успевал их думать. У него голова шла кругом от возбуждения и перспктив.

— «Кленок Страсти», — сказал он. — Вот как мы ее назовем. Не в честь какого-то старого хрыча, который небось давно уже копыта отбросил. «Кленок Страсти». Да. Бурная Сага о… о Влечении и Жаркой, Жаркой, Жаркой *какеетам* под Палящим Первобытным Солн-цем Измученного Континента! Романтика! Очарование! В трех Незабываемых Катушках! Захватывающие Битвы Насмерть С Плотоядными Чудовищами! Вы *завопите*, когда тысяча слонов…

— У нас всего одна катушка, — брюзгливо пробубнил Сильверфиш.

— Днем снимем еще! — провозгласил Достабль, вращая глазами. — Всего-то и нужно, что больше драк и чудовищ!

— Но слонов-то у нас точно нет! — завопил Сильверфиш.

Скала поднял щербатую руку.

— Что? — рявкнул Сильверфиш.

— Если у вас есть чуток серой краски и что-нибудь для ушей, мы с Морри можем…

– *Никто* еще не делал трехкатушечный клик, — задумчиво проговорил Гафер. — Это непросто будет. Почти десять минут, как-никак. — Он задумался. — Наверное, можно сделать катушки побольше…

Сильверфиш понял, что его загнали в угол.

– *Послушайте*, — начал он.

Виктор не сводил глаз с девушки. Остальные на них внимания не обращали.

— Э-э, — промямлил он. — Кажется, нас друг другу не представили?

— Тебе это, похоже, не помешало, — сказала она.

— Обычно я себя так не веду. Я, наверное… заболел. Или что-то в этом роде.

— О, отлично. И мне, видимо, от этого должно полегчать?

— Может, присядем в теньке? Тут очень жарко.

— У тебя взгляд сделался таким… жгучим.

— Правда?

— Это было очень странно.

— Я и *чувствовал* себя очень странно.

— Знаю. Дело в этом месте. Оно в тебя проникает. Ты знаешь, — спросила она, усаживаясь на песок, — что для обращения со всякими там бесами есть целая куча правил: что их нельзя утомлять, чем их можно кормить и так далее. А вот на нас всем наплевать. Даже с троллями лучше обращаются.

— Наверное, это как-то связано с тем, что в них семь футов росту и тысяча фунтов весу, — предположил Виктор.

— Меня зовут Теда Уизел, но друзья зовут меня Джинджер, — представилась она.

— А меня зовут Виктор Тугельбенд. Гм. Но друзья зовут меня Виктор, — сказал Виктор.

— Это ведь твой первый клик?

— Как ты догадалась?

— Ты так выглядел, будто всем этим наслаждался.

— Ну, это ведь лучше, чем работать, разве нет?

— Подожди, пока проведешь здесь столько же, сколько я, — едко сказала она.

— А сколько ты здесь?

— Почти с самого начала. Пять недель.

— Надо же. Все случилось так *быстро*.

— И это лучшее, что когда-нибудь случалось, — ровным голосом сказала Джинджер.

— Ну, наверное… скажи, а нам можно пойти пообедать? — спросил Виктор.

— Нет. Нас могут позвать в любую минуту, — сказала Джинджер.

Виктор кивнул. В общем и целом он без особенных проблем жил, упрямо, но спокойно делая то, что хотел, и не понимал, почему должен от этого отказываться даже и в Голывуде.

— Тогда им придется кричать, — сказал он. — Я хочу поесть и выпить чего-нибудь холодненького. Возможно, я просто перегрелся на солнышке.

Джинджер колебалась:

— Ну, здесь, конечно, есть столовая, но…

— Отлично. Веди.

— Здесь людей вышвыривают только так…

— Что, не сделав третьей катушки?

— Они говорят «Народу, который хочет пробиться в движущиеся картинки, и без вас полно»…

— Отлично. Это значит, что у них будет весь остаток дня для того, чтобы найти среди них парочку наших двойников. — Виктор прошагал мимо Морри, который тоже пытался укрыться в тени камня.

— Если нас кто-нибудь будет искать, — сказал

Виктор, — мы ушли на обед.

— Что, прямо сейчас? — поразился тролль.

— Да, — твердо сказал Виктор и двинулся дальше.

Сзади доносились голоса Достабля и Сильверфиша, схлестнувшихся в яростном споре, а время от времени — реплики рукоятора, говорившего расслабленным тоном человека, который знает, что ему сегодня в любом случае заплатят шесть долларов.

— …назовем ее эпопеей. О ней лет сто еще будут говорить.

— Ага, о том, как мы обанкротились!

— Слушай, я знаю, где можно сделать цветные гравюры практически за бесценок…

– …Я тут подумал: может, у меня получится шпагатом привязать к рисовальному ящику колесики, и тогда его можно будет перевозить с места на место…

— И люди скажут: «Ах, этот Сильверфиш — вот создатель движущихся картинок, у которого хватило духу дать народу то, что он хочет» — вот что они скажут. Человек, который раздвинул эти, какихтам, искусства…

– …а если сделать этакий шест на вертлюге, так мы сможем рисовальный ящик прямо

вплотную…

— Что? Ты правда думаешь, что они так скажут?

— Поверь мне, Томми.

— Ну… ладно. Ладно. Только никаких слонов. Я хочу, чтобы ты это уяснил. Никаких слонов.

— Странная штуковина, — сказал аркканцлер. — Какая-то куча глиняных слонов. Ты же вроде говорил, что это машина?

— Скорее… скорее *устройство*, — неуверенно поправил его казначей. Он потыкал устройство пальцем. Глиняные слоны закачались. — Кажется, его собрал Умелец Риктор. Это было еще до меня.

Оно было похоже на большой узорчатый горшок ростом почти с человека ростом с большой горшок. По верхнему краю висели на мелких бронзовых цепочках восемь глиняных слонов; один из них после казначеева прикосновения раскачивался взад-вперед.

Аркканцлер заглянул внутрь.

— Сплошные рычаги и мехи́, — с отвращением заметил он.

Казначей повернулся к университетской управительнице.

— Скажите, госпожа Герпес, — спросил он, —

что именно произошло?

Госпожа Герпес, дородная, розовая и затянутая в корсет, пригладила свой рыжий парик и подтолкнула крошечную служанку, которая рядом с ней смотрелась точно буксирчик.

— Расскажи его светлости, Ксандра, — велела она.

Судя по виду Ксандры, находиться здесь ей совсем не хотелось.

— Понимаете, сэр, пожалуйста, сэр, я пыль вытирала, понимаете…

— Она-с пыль-с вытирала-с, — услужливо пояснила госпожа Герпес. Когда на нее находил острый приступ классового почтения, она могла порождать букву «с» даже там, где это было не предусмотрено природой.

— …а потом он как зашумит…

— Он-с зашумел-с, — сказала госпожа Герпес. — Поэтому она рассказала мне, ваша светлость, как-с и-с полагается-с.

— Как звучал этот шум, Ксандра? — спросил казначей так ласково, как только смог.

— Пожалуйста, сэр, он звучал как-то вроде… — она закатила глаза, — «вумм… вумм… вумм… вумм… вуммвуммвумм ВУММ*ВУММ*… плиб», сэр.

— Плиб, — очень серьезно повторил казначей.

— Да, сэр.

— Плиб-с, — эхом отозвалась госпожа Герпес.

— Это он так в меня плюнул, — пояснила Ксандра.

— Исторг слюну-с, — поправила ее госпожа Герпес.

— Как я понимаю, один из слонов выплюнул маленький свинцовый шарик, — сказал казначей. — Это и был, э-э, «плиб».

— Вот как, — сказал арккансцлер. — Я не потерплю, чтобы всякие там горшки в людей харкались.

Госпожу Герпес передернуло.

— С чего он это сделал? — спросил Чудакулли.

— Не могу сказать, мэтр. Я думал, вы можете знать. Кажется, Риктор читал здесь лекции в то время, когда вы были студентом. Госпожу Герпес весьма заботит, — добавил казначей тоном, по которому становилось ясно, что когда госпожу Герпес что-то заботит, проигнорировать это может только весьма недальновидный арккансцлер, — что на прислугу будет оказано магическое воздействие.

Арккансцлер постучал по горшку костяшками пальцев:

— Это старик Риктор-Счетовод, что ли? Ты о

нем говоришь?

— Видимо, да, аркканцлер.

— Совершенный псих. Считал, что все на свете измерить можно. Не только длину, и вес, и тому подобное, а вообще все. «Если что-то существует, — говорил, — значит, оно измеримо». — Глаза Чудакулли затуманились воспоминаниями. — Какие только странные штуковины он не изобретал. Думал, что можно измерить истину, и красоту, и сны, и все такое прочее. Так это, значит, одна из игрушек старика Риктора? Интересно, что она измеряет.

— Я-с считаю, — высказалась госпожа Герпес, — что ее стоит-с убрать куда-нибудь, где-с она никому не навредит-с, если вы не-с возражаете-с.

— Да, да, да, разумеется, — торопливо ответил казначей. Удержать прислугу в Незримом Университете было непросто.

— Избавьтесь от него, — велел аркканцлер.

Казначей пришел в ужас.

— О нет, сэр, — сказал он. — Мы *никогда* ничего не выбрасываем. К тому же он может быть очень ценным.

— Хм-м-м, — протянул Чудакулли. — Ценным?

— Это наверняка важный исторический артефакт, мэтр.

— Тогда оттащи его ко мне в кабинет. Я ведь говорил, что его нужно украсить. Пусть будет вот этакая броская безделушка. А теперь я пошел. Надо кое с кем переговорить насчет дрессировки грифона. Доброго вам дня, дамы…

— Гм, аркканцлер, а не можете ли вы подписать, — начал казначей, но обращался он к закрывающейся двери.

Никто не спросил у Ксандры, какой именно из глиняных слонов выплюнул шарик; впрочем, это им ничего бы не сказало.

Тем же вечером парочка грузчиков перенесла единственный рабочий ресограф[5] во вселенной в кабинет аркканцлера.

Никто так и не сообразил, как озвучить движущиеся картинки, однако звук, в первую очередь ассоциировавшийся с Голывудом, все-таки был. Это был стук молотков.

Голывуд набрал критическую массу. Новые дома, новые улицы, новые *районы* возникали в одну ночь. А в тех местах, где наспех обученные подмастерья-алхимики еще не освоились как следует с самыми сложными этапами производства октоцеллюлозы, исчезали даже быстрее. Но большого

---

[5] Примечания: 5

Букв.: «вещностнописец», т. е. устройство для обнаружения и измерения нарушений в ткани реальности.

значения это не имело. Стоило дыму рассеяться — и кто-то уже снова стучал молотком.

Голывуд разрастался путем деления. Требовались только некурящий парнишка с недрожащими руками, способный читать алхимические знаки, рукоятор, мешок бесов да солнечный свет. Ах да, и немножко людей. Но в них недостатка не было. Если ты не умел разводить бесов, смешивать химикалии или ритмично вращать ручку, ты всегда мог приглядывать за лошадьми или работать официантом, носить интересное выражение лица и надеяться. А если и это не получалось — стучать молотком. Шаткие постройки одна за другой окружали древний холм, их тонкие доски уже коробились и выгорали под безжалостным солнцем, однако потребность в новых все не убывала.

Ведь Голывуд звал. С каждым днем он привлекал все больше людей. И они не затем прибывали, чтобы становиться конюхами, или официантками, или плотниками быстрого реагирования. Они прибывали, чтобы делать движущиеся картинки.

И сами не знали почему.

Как прекрасно знал Себя-Режу-Без-Ножа Достабль, если двое или больше людей соберутся в

одном месте, кто-нибудь обязательно попытается продать им сомнительного вида сосиску в тесте.

Теперь, когда сам Достабль нашел себе иное призвание, эту нишу заняли другие.

Одним из них был клатчец Нодар Боргль, чей огромный сарай, где каждый звук отдавался эхом, был не рестораном, а скорее кормовой фабрикой. В одном его конце стояли огромные дымящиеся чаны. Остальное место занимали столы, а за столами…

Виктор был поражен.

…сидели тролли, люди и гномы. И несколько номов. И, кажется, даже парочка эльфов — самых неуловимых обитателей Плоского мира. И множество других существ — Виктор надеялся, что это были тролли в костюмах, потому что иначе всех ожидали большие проблемы. И все они ели, причем, что самое невероятное, не друг друга.

— Берешь тарелку, встаешь в очередь, а потом платишь, — объяснила Джинджер. — Это называется самообслуживание.

— То есть ты платишь до того, как поешь? А если окажется, что еда кошарная?

Джинджер мрачно кивнула:

— Вот поэтому ты и платишь заранее.

Виктор пожал плечами и наклонился к гному,

стоявшему за прилавком:

— Мне, пожалуйста…

— Рагу, — сказал гном.

— А какое рагу?

— А оно разным не бывает. На то оно и рагу, — буркнул гном. — Рагу есть рагу.

— Я имел в виду, из чего оно сделано? — уточнил Виктор.

— Если спрашиваешь — значит, недостаточно проголодался, — сказала Джинджер. — Два рагу, Фрунт-кин.

Виктор взглянул на серовато-коричневую массу, налитую в его тарелку. Странные сгустки, вынесенные на поверхность таинственными конвекционными потоками, на мгновение показывались, а потом скрывались — хотелось надеяться, что навсегда.

Боргль был сторонником Достаблевой кулинарной школы.

— Или рагу, или ничего, парнишка. — Повар осклабился. — Полдоллара. Дешево, за полцены.

Виктор неохотно расстался с деньгами и огляделся в поисках Джинджер.

— Сюда, — позвала она, присаживаясь за один из длинных столов. — Привет, Громоног. Привет, Брекчия, как делишки? Это Вик. Он новенький.

Привет, Сниддин, я тебя и не заметила.

Виктор обнаружил себя зажатым между Джинджер и горным троллем, одетым во что-то, с виду похожее на кольчугу, но оказавшееся голывудской кольчугой, то есть кое-как сплетенной веревкой, окрашенной серебрянкой.

Джинджер завязала оживленную беседу с четырехдюймовым номом и гномом, одетым в половинку медвежьего костюма, отчего Виктор почувствовал себя немножко лишним.

Тролль кивнул ему, а потом посмотрел на свою тарелку и скорчил рожу.

— Они енто пемзой называют, пожаловался он. — Даже лаву соскрести не потрудились. И песка совсем не чувствуешь.

Виктор уставился на тарелку тролля.

— А я и не знал, что тролли едят камни, — ляпнул он, не успев себя остановить.

— А почему нет?

— Ну, вы же из них сделаны.

— Ага. Но ты вот из мяса сделан — а что ты ешь?

Виктор взглянул на свою тарелку.

— Хороший вопрос, — проговорил он.

— Вик рисуется в клике у Сильверфиша, — сказала, обернувшись, Джинджер. — Похоже, они

собираются делать трехкатушечник.

Вокруг с интересом забормотали.

Виктор осторожно отложил нечто желтое и дрожащее на край тарелки.

— Скажите, — задумчиво начал он, — а когда вы играете в картинках, вы не… вы не слышите что-то вроде… не чувствуете, что вы… — он заколебался. Все смотрели на него. — Я хочу сказать, вам никогда не казалось, будто что-то играет через вас? Я не знаю, как еще это объяснить.

Его соседи по столу расслабились.

— Енто просто Голывуд, — сказал тролль. — Он в тебя проникает. Енто оттого, что тут так много творческой энергии.

— Хотя у тебя приступ был очень сильный, — добавила Джинджер.

— Такое постоянно случается, — задумчиво сказал гном. — Это просто Голывуд. На прошлой неделе мы с ребятами работали над «Гномьими историями» и вдруг запели хором. Ни с того ни с сего. Как будто у нас в головах возникла одна и та же песня. Каково?

— А что за песня? — спросила Джинджер.

— Не представляю. Мы ее «Песней Хайхо» назвали. Там и слов-то других не было. Хайхо-хайхо. Хайхо-хайхо.

— По-моему, у вас, гномов, все песни такие, — пророкотал тролль.

Был уже третий час, когда они вернулись на площадку для рисования движущихся картинок. Рукоятор, откинув заднюю крышку ящика, скоблил пол крошечной лопаткой.

Достабль дремал на своем холщовом стуле, накрыв лицо носовым платком. А вот Сильверфиш бодрствовал.

— Где вас двоих носило? — завопил он.

— Я проголодался, — сказал Виктор.

— Ну так, значит, ты голодным и останешься, мальчик мой, потому что…

Достабль приподнял уголок платка.

— Давайте начинать, — пробубнил он.

— Но ведь нельзя же, чтобы актеры нам указы-вали…

— Закончим клик, а *потом уже* его вышвырнем, — сказал Достабль.

— Точно! — Сильверфиш погрозил Виктору с Джинджер пальцем. — Вам в этом городе больше не работать!

С горем пополам они пережили этот день. Достабль заставил их привести лошадь, а потом обругал рукоятора, потому что рисовальный ящик все еще нельзя было перемещать. Бесы жа-

ловались. Пришлось поставить лошадь мордой к ящику; Виктор подпрыгивал в седле, изображая, что скачет. Как сказал Достабль, для движущихся картинок этого было достаточно.

После этого Сильверфиш нехотя выдал им по два доллара и прогнал.

— Он расскажет остальным алхимикам, — обреченно сказала Джинджер. — Они же все приятели.

— Я смотрю, мы за день получаем только два доллара, а тролли — три, — заметил Виктор. — Почему?

— Потому что троллей, которые хотят рисоваться в движущихся картинках, не так много, — объяснила Джинджер. — А хороший рукоятор вообще получает шесть-семь долларов за день. Актеры значения не имеют.

Она повернулась и сердито посмотрела на него.

— У меня все было хорошо, — сказала она. — Не замечательно, но хорошо. Я много работала. Люди думали, что на меня можно положиться. Я строила карьеру…

— В Голывуде карьеры не построить, — возразил Виктор. — Это как строить дом на болоте. Здесь все не по-настоящему.

— Но мне это нравилось! А ты все испортил! И мне, видимо, придется возвращаться в дурацкую деревеньку, о которой ты, наверное, даже не слышал! Обратно в треклятые доярки! Спасибо тебе огромное! Каждый раз, увидев коровий зад, я буду вспоминать о тебе!

Она в бешенстве умчалась по направлению к городу, оставив Виктора наедине с троллями. После долгого молчания Скала откашлялся.

— У тебя есть где переночевать? — спросил он.

— Кажется, нет, — еле слышно ответил Виктор.

— Мест вечно для всех не хватает, — сказал Морри.

— Я думал, что посплю на пляже, — сказал Виктор. — Здесь, в конце концов, довольно тепло. Думаю, мне не помешает хороший отдых. Спокойной ночи.

И он убрел по направлению к берегу.

Солнце садилось, и ветер с моря принес немного прохлады. Вокруг темнеющей громады холма загорались огни Голывуда. Голывуд расслаблялся лишь во мраке. Когда твое основное сырье — дневной свет, ты не тратишь его зря.

На пляже было довольно приятно. Туда почти никто не забредал. Плавник, растрескавшийся и покрытый коркой соли, не годился для строи-

тельства. Он длинной белой полосой окаймлял границу прилива.

Виктор набрал его достаточно, чтобы развести костер, а потом улегся и стал смотреть на прибой.

С вершины соседней дюны, спрятавшись за кустиком сухой травы, за ним внимательно наблюдал Чудо-Пес Господ.

Было два часа пополуночи.

Она поймала их в свои сети и радостно струилась из-под холма, наполняя мир своим блеском.

Голывуд грезит…

Он грезит за всех.

В горячей спертой тьме дощатой хижины Джинджер Уизел грезила о красных ковровых дорожках и рукоплещущих толпах. И о решетке. Во сне она раз за разом возвращалась к решетке, и дующий оттуда теплый ветер подымал ее юбки…

В чуть менее жаркой тьме чуть более дорогой хижины Сильверфиш, создатель движущихся картинок, грезил о рукоплещущих толпах и о том, что ему вручают приз за лучшую движущуюся картинку в истории. Это была огромная статуя.

В песчаных дюнах беспокойно спали Скала и Морри — тролли по природе ночные создания, и сон в темноте противоречит их многовековым

инстинктам. Они грезили о горах.

На пляже, под звездами, Виктор грезил о топоте копыт, развевающихся одеждах, пиратских кораблях, схватках на мечах и о люстрах…

На соседней дюне спал, закрыв один глаз, Чудо-Пес Гаспода и грезил о волках.

А вот Себя-Режу-Без-Ножа Достабль не грезил, потому что не спал.

Дорога в Анк-Морпорк была долгой, к тому же он предпочитал продавать лошадей, а не ездить на них, но все же он ее одолел.

Грозы, так осторожно огибавшие Голывуд, ничуть не боялись Анк-Морпорка, и поэтому там лил дождь. Ночную жизнь города он, впрочем, не останавливал — только мочил.

Нет такой вещи, которую невозможно купить в Анк-Морпорке, даже посреди ночи. Достаблю нужно было совершить множество покупок. Ему нужны были афиши. Ему нужны были самые разные вещи. Многие из них имели отношение к идеям, родившимся у него в голове за время долгой поездки, и теперь он должен был очень тщательно объяснить их другим людям. И объяснить быстро.

Когда он наконец вышел на заплетающихся ногах в серый свет зари, дождь падал сплошным

занавесом. Канавы переполнились. Отвратительные гаргульи умело блевали с крыш на головы прохожих, хотя теперь, в пять часов утра, толпы несколько разошлись.

Достабль набрал полную грудь густого городского воздуха. *Настоящего* воздуха. Вам пришлось бы долго искать, прежде чем найти воздух более настоящий, чем в Анк-Морпорке. Вдохнув его лишь однажды, можно было понять, что до вас этим воздухом многие тысячи лет дышали другие люди.

Впервые за несколько дней Достабль ощутил, что мыслит ясно. Такое уж странное влияние оказывал Голывуд. Пока ты находился в нем, все казалось естественным, казалось, что именно такой жизнь и должна быть, но стоило уехать из него и оглянуться — и ты словно смотрел на блистающий мыльный пузырь. Как будто в Голывуде ты был немного другим человеком.

Что ж, Голывуд был Голывудом, а Анк был Анком, и Анк был стабилен и, по мнению Достабля, неуязвим для всяких голывудских странностей.

Он шлепал по лужам и слушал дождь.

Вскоре он впервые в жизни заметил, что у дождя есть ритм.

Странно. Можно прожить в городе всю жизнь,

потом уехать, вернуться и лишь тогда услышать, что у дождевых капель, срывающихся с водосточных труб, есть свой ритм: ДАМди-дам-дам, дамди-дамди-ДАМ-ДАМ…

Несколько минут спустя сержант Колон и капрал Шноббс из Ночной Стражи, укрывшись в дверном проеме, дружески делили самокрутку и занимались тем, в чем Ночная Стража была особенно хороша: держались в тепле и сухости и избегали неприятностей.

Они были единственными свидетелями того, как безумная фигура, шлепавшая по улице под ливнем, начала выделывать пируэты между лужами, ухватилась за водосточную трубу, огибая угол, и, пристукивая каблуками, скрылась из виду.

Сержант Колон передал напарнику размокший бычок.

— Это ведь старина Себя-Режу Достабль был? — спросил он, помолчав.

— Ага, — ответил Шнобби.

— Счастливый он какой-то, тебе не показалось?

— Тронулся, наверное, — предположил Шнобби. — Песни под дождем распевает.

Вумм… вумм…

Аркканцлер, заполнявший племенную книгу своих драконов и наслаждавшийся вечерним стаканчиком перед камином, поднял взгляд.

…вумм… вумм… вумм…

— Чтоб тебя! — пробормотал он и подошел к большому горшку. Тот раскачивался из стороны в сторону, как будто здание сотрясалось.

Аркканцлер зачарованно смотрел.

…вумм… вуммвумм*вуммВУММ*.

Горшок остановился и затих.

— Странно, — сказал аркканцлер. — Чертовски странно.

Плиб.

На другом конце комнаты разлетелся осколками графинчик с бренди.

Чудакулли Карий набрал полную грудь воздуха.

— Казна*чееей*!

Виктора разбудила мошкара. Воздух уже прогрелся. День снова обещал быть ясным.

Он забрел на отмель, чтобы умыться и прочистить голову.

Посмотрим… у него есть вчерашние два доллара и горстка пенни. Он может себе позволить остаться здесь еще на какое-то время, особенно если будет спать на пляже. А Борглево рагу, хоть

и считалось едой лишь формально, было достаточно дешевым — хотя, если подумать, питание в этом месте грозило неловкими столкновениями с Джинджер.

Виктор сделал еще шаг — и ушел под воду.

Раньше ему не доводилось купаться в море. Он всплыл, едва не захлебнувшись, и отчаянно забарахтался на месте. До пляжа было всего несколько ярдов.

Виктор расслабился, дал себе время восстановить дыхание и неспешно поплыл от берега туда, где не было волн. Вода была кристально чистой. Он видел, как дно резко уходит вниз, сменяясь — Виктор ненадолго всплыл, чтобы глотнуть воздуха, — неясной синевой, в которой едва-едва можно было, сквозь кишащие косяки рыб, разглядеть очертания разбросанных на песке светлых прямоугольных камней.

Он нырнул и пытался доплыть до самого дна, пока у него не зазвенело в ушах. Самый огромный омар, какого ему доводилось видеть, махнул в его сторону усиками из-за каменного шпиля и скрылся в глубинах.

Виктор, задыхаясь, выплыл на поверхность и вернулся на берег.

Что ж, если с движущимися картинками не

выгорит, здесь вполне можно рассчитывать на карьеру рыбака.

А можно и просто поселиться на пляже. У кромки дюн лежало столько высушенного ветрами плавника, что им можно было бы несколько лет отапливать весь Анк-Морпорк. В Голывуде разводить костры никому и в голову не придет — разве что для готовки или для дружеских посиделок.

А здесь кто-то занимался именно этим. Выходя на берег, Виктор заметил, что чуть дальше плавник на пляже навален не хаотически, а явно с какой-то целью, аккуратными кучами. Еще дальше был сложен из камней примитивный очаг.

Его засыпало песком. Быть может, кто-то еще жил на пляже, дожидаясь шанса прорваться в движущиеся картинки. Если приглядеться, груда бревен за полускрытыми песком камнями выглядела так, словно их намеренно стащили в одно место. Глядя со стороны моря, можно было вообразить, что несколько бревен образуют арочный проход.

Быть может, этот человек все еще там. Быть может, у него найдется что-нибудь попить.

Там и вправду отыскался человек. Но в питье он не нуждался уже несколько месяцев.

Было восемь утра. Безама Плантера, владельца

«Одиоза», одного из повылезших в Анк-Морпорке, как грибы после дождя, картиночных залов, разбудил громовой стук в дверь.

Ночь прошла неудачно. Горожане Анк-Морпорка любили новизну. Беда была в том, что они любили ее недолго. Первую неделю дела у «Одиоза» шли прекрасно, во вторую неделю он сработал в ноль, а теперь умирал. Ночной показ почтили своим присутствием один мертвый гном и орангутан, который пришел со своим арахисом. Доходы Безама зиждились на продажах арахиса и хлопнутых зерен, поэтому он проснулся в дурном настроении.

Он распахнул дверь и осоловело выглянул наружу.

— Мы закрыты до двух часов, — сообщил он. — Дневной сеанс. Тогда и приходи. Свободных мест навалом.

Он захлопнул дверь. Та отскочила от башмака Достабля и ударила Безама по носу.

— Я пришел обсудить специальный показ «Кленка Страсти», — сказал Достабль.

— Специальный показ? Какой еще специальный показ?

— Тот, который я пришел обсудить.

— Мы ничего не показываем ни про какие спе-

циальные страстные клинки. Мы показываем «Захватывающую…».

— Господин Достабль говорит, что вы показываете «Кленок Страсти», — пророкотал кто-то.

Достабль привалился к дверному косяку. За его спиной высился утес. Он выглядел так, словно кто-то швырялся в него стальными шариками тридцать лет кряду.

Утес согнулся пополам и склонился к Безаму.

Безам узнал Детрита. Детрита узнавали все. Он был не из тех троллей, которых можно забыть.

— Но я даже ничего не *слышал* о… — начал Безам.

Достабль извлек из-под плаща огромную жестянку и ухмыльнулся.

— А вот афиши, — добавил он, доставая толстый белый рулон.

— Господин Достабль разрешил мне налепить парочку на стену, — гордо поведал Детрит.

Безам расправил афишу. От ярких красок слезились глаза. На ней была изображена надувшая губы девушка, весьма отдаленно напоминавшая Джинджер и одетая в блузку, которая была ей слишком мала, и Виктор, который одной рукой перебрасывал ее через плечо, а другой — отбивался от многочисленных чудовищ. Вдалеке

извергались вулканы, рассекали небеса драконы и пылали города.

— «Движущеяся Картинка, Каторую Нисмагли Запретить!» — неуверенно прочитал Безам. — «Абжигающее Приключение Под Роскаленным Дабела Сонцем Неизведанного Кантинента! Мущина И Женщинна В Вадавароте Абизумевшаго Мира!! Племенные *Делорес Де Грех* в роли Женщины и *Виктор Мараскино* в роли Коэна-Варвара!!! ТРЕПЕТ! ПРИКЛЮЧЕНИЯ!! СЛОНЫ!!! Скоро в ближайшем Картиначном Зале!!!!»

Он перечитал афишу заново.

— И какого племени эта Делорес де Грех? — подозрительно спросил он.

— Там должно было быть «пламенные», — объяснил Достабль. — Как звезды — мы поэтому и звездочки вокруг их имен нарисовали, видишь? — Он склонился поближе и перешел на пронзительный шепот: — Но говорят, что она дочь клатчского пирата и его дикой, непокорной рабыни, а *он* — сын… сын… изгнанного волшебника и отчаянной бродячей танцовщицы фламенко.

— Надо же! — невольно поразился Безам. Достабль мысленно похлопал себя по спине. Его и самого это впечатлило.

— Думаю, тебе стоит начать показ где-нибудь через часик, — посоветовал он.

— Так рано утром? — удивился Безам. На этот день у него был запланирован клик «Захватывающая Штудия Гончарного Ремесла», что его весьма тревожило. Это предложение казалось куда более многообещающим.

— Да, — твердо сказал Достабль. — Его захочет посмотреть куча народу.

— Ну не знаю, — усомнился Безам. — У картиночных залов дела в последнее время идут не очень.

— Этот клик они посмотреть захотят, — заверил Достабль. — Поверь мне. Разве я тебе когда-нибудь врал?

Безам почесал голову:

— Ну, как-то в прошлом месяце ты продал мне сосиску в тесте и пообещал…

— Это был риторический вопрос, — перебил его Достабль.

— Агась, — подтвердил Детрит.

Безам обмяк.

— О. Ну ладно. В риторике я не мастак, — признал он.

— Вот и здорово, — сказал Достабль, ухмыляясь как хищная резная тыква. — Ты, главное,

откройся вовремя, а потом сиди и греби деньги лопатой.

— О. Хорошо, — слабо пробормотал Безам.

Достабль дружески приобнял его.

— А теперь, — сказал он, — поговорим о процентах.

— А что такое проценты?

— Возьми-ка сигару, — предложил Достабль.

Виктор медленно шел по безымянной главной улице Голывуда. Под ногтями у него был песок.

Он не был уверен, что поступил правильно.

Скорее всего, тот человек был старым бродягой, который жил дарами моря, и однажды просто уснул и не проснулся, хотя покрытая пятнами бордовая с золотом мантия — не самая типичная для бродяги одежда. Трудно было сказать, как давно он умер. Сухость и соленый воздух — отличные консерванты; они сохранили старика таким, каким он, должно быть, был при жизни — то есть похожим на мертвеца.

Судя по его обиталищу, море дарило ему довольно странные штуки.

Виктору пришло в голову, что нужно кому-то сообщить, но в Голывуде, скорее всего, не нашлось бы ни единого человека, которому это было бы интересно. С большой вероятностью в

мире был лишь один человек, которого беспокоила судьба старика, и он узнал о ней первым.

Виктор похоронил тело в песке за хижиной из плавника.

Он завидел впереди заведение Боргля. И решил рискнуть и позавтракать там. К тому же ему нужно было где-то присесть, чтобы почитать книгу.

Это была не та вещь, какую ожидаешь найти на берегу, в хижине из плавника, стиснутой в пальцах мертвеца.

На обложке стояло название: «Книга Про Кино».

На первой странице аккуратным округлым почерком человека, которому буквы давались нелегко, было написано следующее: «Это Хроника Стражей ПараХолма переписаная мной Декканом патаму что старрая на листки развалилась».

Виктор осторожно переворачивал плотные страницы. На них теснились почти одинаковые записи. Дат не было, но значения это не имело, потому что все дни оказались похожи друг на друга.

«Паднялся. Схадил в туалет. Падбросил дров в кастер, объявил Днивной Сеанс. Паел. Набрал дерева. Падбросил дров в кастер. Паискал еды на холме. Спел Гимн Вечерниго Сеанса. Ужин. Спел

Гимн Начного Сеанса. Схадил в туалет. Уснул.

Паднялся. Схадил в туалет. Падбросил дров в кастер, спел Гимн Днивного Сеанса. Паел. Круллет-рыбак с Челюстной бухты аставил 2-х хароших марских окуней. Набрал дерева. Правозгласил Вечерний Сеанс, падбросил дров в кастер. Прибрался Ужин. Спел Гимн Начного Сеанса. Уснул. Праснулся в Полночь, схадил в туалет, праверил кастер, но дрова еще были не нужны».

Краем глаза Виктор заметил официантку.

— Мне, пожалуйста, вареное яйцо, — сказал он.

— Рагу. Рыбное рагу.

Он поднял взгляд и увидел горящие злостью глаза Джинджер.

— А я и не знал, что ты официантка, — сказал он.

Джинджер демонстративно протерла солонку.

— Я до вчерашнего дня тоже не знала, — ответила она. — Повезло мне, что девицу, которая работала у Боргля по утрам, пригласили в новую картинку «Союз-алхимика», да? — Она пожала плечами. — А если удача мне действительно улыбнется, я могу и дневную смену тоже заполучить.

— Послушай, я не хотел…

— Рагу. Бери или уходи. Этим утром уже трое клиентов сделали и то и другое.

— Я возьму. Ты не поверишь, но я нашел эту книгу в руках…

— Мне не разрешается болтать с клиентами. Это не лучшая работа в городе, но ее я из-за тебя терять не собираюсь, — отрезала Джинджер. — Рыбное рагу, да?

— О. Да. Извини.

Он перелистывал страницы от конца к началу. До Деккана был Тенто, который так же три раза в день пел гимны и иногда получал в подарок рыбу, и точно так же ходил в туалет, но либо делал это не так прилежно, либо не всегда считал эти походы достойными увековечивания. А до него гимнопевцем служил некто Меггелин. На пляже жила целая череда людей, а если заглянуть чуть дальше в прошлое, оказывалось, что когда-то их там была целая группа, а еще более ранние записи имели более официальный характер. Впрочем, понять это было сложно. Они, похоже, были записаны шифром — строчками и строчками сложных маленьких рисунков…

На стол перед ним бухнули миску первичного бульона.

— Послушай, — сказал Виктор. — Во сколько

ты закончишь…

— Ни во сколько, — ответила Джинджер.

— Я просто хотел спросить, не знаешь ли ты, где…

— Нет.

Виктор вгляделся в мутную поверхность рагу. Боргль исходил из принципа, «если что-то живет в воде — это рыба». Там скрывалось нечто фиолетовое, и ног у него было не меньше десятка.

Но Виктор все равно его съел. Это стоило ему тридцати пенсов.

А потом, поскольку Джинджер с головой ушла в какую-то работу за стойкой и, как Виктор ни пытался привлечь ее внимание, каким-то образом всегда оказывалась к нему спиной, оставаясь неподвижной, он отправился искать себе новую работу.

Виктор ни разу в жизни не зарабатывал себе на жизнь. Ему всегда казалось, что работа — это то, что бывает с другими.

Безам Плантер поправил лоток на шее жены.

— Ну ладно, — сказал он. — Все на месте?

— Хлопнутые зерна отсырели, — сказала она. — И сосиски никак не разогреть.

— Будет темно, милая. Никто не заметит. — Он подтянул ремешок и отошел. — Вот так. Ну, ты

знаешь, что делать. Посередине показа я останавливаю картинку и показываю карточку с надписью «Пачиму бы ни папробовать асвежающие холодные напитки и хлопнутые зерна?», а потом ты выходишь из вон той двери и идешь по проходу.

— Можно еще и освежающие холодные сосиски упомянуть, — сказала госпожа Плантер.

— И, наверное, тебе не стоит больше показывать людям их места с факелом, — добавил Безам. — Слишком часто ты пожары устраиваешь.

— Но ведь иначе мне ничего не видно, — пожаловалась она.

— Да, но прошлым вечером мне пришлось вернуть тому гному деньги. Ты же знаешь, как они трясутся над своими бородами. Вот что, милая, я выдам тебе клетку с саламандрой. Они с раннего утра на крыше сидят, должны уже быть готовы к работе.

Так оно и было. Ящерицы дремали на дне своих клеток, тельца их еле заметно вибрировали, впитывая свет. Безам выбрал шесть самых налитых энергией, неловко спустился обратно в проекторскую и высыпал их в световой ящик. Намотал на бобину Достаблеву пленку и посмот-

рел в темноту.

Ну хорошо. Можно и пойти посмотреть, есть ли снаружи хоть кто-то.

Он, зевая, прошаркал к главному входу.

Потянулся вверх и открыл задвижку.

Потянулся вниз и открыл вторую задвижку.

Распахнул двери.

— Ладно, ладно, — проворчал он. Показывайте ваши…

Он пришел в себя в проекторской; госпожа Плантер отчаянно обмахивала его фартуком.

— Что случилось, — прошептал Безам, пытаясь изгнать из головы воспоминания о топчущих его ногах.

— У нас полный зал! — воскликнула она. — А очередь снаружи все не убывает! На всю улицу растянулась! Это все те пакостные афиши!

Безам неловко, но решительно поднялся на ноги.

— Уймись, женщина, и бегом на кухню хлопать зерна! — рявкнул он. — А потом поможешь мне нарисовать новые таблички! Если они стоят в очереди за пятипенсовыми местами, они и за десятипенсовыми постоят!

Он закатал рукава и ухватился за рукоятку.

В первом ряду сидел с мешком арахиса на ко-

ленях Библиотекарь. Несколько минут спустя он перестал жевать и распахнул рот, не отводя глаз от мелькающих изображений.

— Подержать вашу лошадь, господин? Госпожа?

— Нет!

К середине дня Виктор заработал два пенса. Нельзя сказать, что ни у кого не было лошадей, которых требовалось подержать, просто все эти люди почему-то не хотели доверять их Виктору.

В конце концов к нему приблизился, увлекая за собой четверку лошадей, горбатый человечек, стоявший дальше по улице. Виктор наблюдал за ним уже несколько часов, искренне поражаясь тому, что кто-то может искренне улыбнуться такому морщинистому гомункулу, не говоря уже о том, чтобы доверить ему лошадь. Однако дела у него шли превосходно, а вот широкие плечи, мужественный профиль и честная, открытая улыбка Виктора определенно служили помехой в ремесле держателя лошадей.

— Ты ведь новичок, да? — спросил человечек.

— Да, — признался Виктор.

— А-а. Я сразу понял. Ждешь, чтобы ухватить удачу за хвост и пробиться в клики, верно? — Он ободряюще улыбнулся.

— Нет. Я ее уже ухватил, — сказал Виктор.

— А здесь тогда чего делаешь?

Виктор пожал плечами:

— Выпустил.

— А, вот оно что. Дагосподин, спасибогосподин, даблагословятвасбогигосподин, этоверногосподин, — протараторил человечек, принимая очередные поводья.

— Помощник тебе, наверное, не нужен? — грустно поинтересовался Виктор.

Безам Плантер не сводил взгляда с лежавшей перед ним горы монет. Себя-Режу-Без-Ножа Достабль провел над ней руками, и она сделалась горкой поменьше, но все равно это была самая большая куча денег, которую Безаму случалось видеть наяву.

— И мы до сих пор показываем ее каждую четверть часа! — выдохнул Безам. — Мне пришлось нанять мальчишку, чтобы он крутил ручку! Я не знаю даже, что мне делать с такими деньгами!

Достабль потрепал его по плечу.

— Купи зал побольше, — посоветовал он.

— Я думал об этом, — признался Безам. — Да. Что-нибудь с красивенькими колоннами на входе. А моя дочка Каллиопа хорошо играет на орга́не, получится хорошее сопровождение. И

еще должна быть куча позолоты и завитушек…

Его глаза заволокло туманом.

Она нашла еще один ум.

Голывуд грезит.

…и будет это дворец, подобный прославленному Рокси, что в Клатче, или самому богатому на свете храму, и девушки-рабыни начнут продавать там хлопнутые зерна и арахис, а Безам Плантер станет по-хозяйски расхаживать по нему в красном бархатном сюртуке с золотой окантовкой…

— Гм-м-м? — еле слышно переспросил он; на лбу его бисеринами выступил пот.

— Пошел я, говорю, — повторил Достабль. — Когда занимаешься движущимися картинками, нельзя переставать двигаться, знаешь ли.

— Госпожа Плантер сказала, вам надо делать больше картинок с тем молодым человеком, — сказал Безам. — Весь город только о нем говорит. Она рассказывала, что некоторые дамы чувств лишились, когда он устремил на них этот свой жгучий взгляд. Она пять раз картинку пересматривала, — добавил он с внезапным подозрением в голосе. — А эта девушка! Боги!

— Можешь не беспокоиться, — горделиво сказал Достабль. — Они у меня под…

Внезапно на лице у него проступило сомнение.

— Увидимся, — бросил он и выбежал из здания.

Оставшись в одиночестве, Безам окинул взглядом заросший паутиной «Одиоз», и перегревшееся воображение его наполнило темные уголки зала пальмами в горшках, позолотой и упитанными херувимчиками. Под ногами захрустели арахисовая шелуха и пакеты из-под хлопнутых зерен. «Надо бы прибраться перед следующим показом, — подумал Безам. — Та мартышка наверняка снова будет первой в очереди».

Потом он зацепился взглядом за афишу «Кленка Страсти». Поразительно, что ни говори. Ни слонов, ни вулканов, вместо чудовищ — тролли, увешанные всякой бутафорией, но тот крупный план… о-о… сначала ахнули все мужчины, потом ахнули все женщины… Волшебство какое-то. Он довольно улыбнулся изображениям Виктора и Джинджер.

«Интересно, что эта парочка сейчас поделывает? — подумал он. — Небось едят икру с золотых блюд и прохлаждаются по колено в бархатных подушках — сладко им живется».

— Тебе, парень, похоже, несладко живется, — заметил держатель лошадей.

— Боюсь, я никак не соображу, как правильно держать лошадей, — сказал Виктор.

— А, это непростое ремесло, — сказал человечек. — Нужно обучиться подхалимству и грубоватой, но не слишком дерзкой, жизнерадостной болтовне настоящего держателя лошадей. Люди ведь не просто хотят, чтобы ты приглядел за их лошадью. Им нужно правильное обслуживание.

— Правда?

— Им нужна забавная беседа и обмен колкостями, — сказал человечек. — А держать лошадь под уздцы — это дело десятое.

До Виктора начало доходить.

— Это представление, — сказал он.

Держатель лошадей постучал себя по напоминающему клубничину носу.

— Верно!

В Голывуде пылали факелы. Виктор проталкивался сквозь толпу на главной улице. Каждый бар, каждая таверна, каждая лавка распахнули свои двери. Между ними волновалась и текла река людей. Виктор попытался подпрыгнуть, чтобы отыскать знакомое лицо.

Он был одинок, потерян и голоден. Ему хотелось с кем-нибудь поговорить, а ее нигде не было.

— Виктор!

Он обернулся. Скала налетел на него, точно лавина.

— Виктор! Друг мой! — Кулак, размером и твердостью напоминавший фундаментный камень, игриво стукнул его по плечу.

— О, привет, — понуро сказал Виктор. — Гм. Как делишки, Скала?

— Отлично! Отлично! Завтра мы рисуем «Жуткую Грозу Троллье Долины»!

— Я очень рад за тебя, — отозвался Виктор.

— Ты — мой человек-талисман! — прогремел Скала. — Скала! Какое имя! Пойдем выпьем!

Виктор принял его приглашение. Впрочем, выбора у него толком и не было, потому что Скала стиснул его руку и, рассекая толпу, словно ледокол, наполовину повел, наполовину поволок его к ближайшей двери.

Вывеску освещал голубой фонарь. Большинство морпоркцев умели читать по-тролльски, это был ничуть не сложный язык. Остроконечные руны складывались в слова «Голубая глина».

Это был бар для троллей.

Единственный свет здесь исходил от горнов, стоявших за стойкой из цельной каменной плиты. Он освещал троицу троллей, игравших на… ну, на каких-то ударных, но что именно — Виктор

различить не смог, потому что громкость была такая, что звук сделался осязаемым и заставлял глазные яблоки вибрировать. Дым горнов заволакивал потолок.

— Что брать будешь? — проревел Скала.

— Мне ведь не обязательно пить расплавленный металл? — дрожащим голосом спросил Виктор. Голосу приходилось дрожать на пределе сил, чтобы его услышали.

— У нас тут всякие человеческие напитки есть! — проорала стоявшая за барной стойкой троллиха. Она определенно была женского пола. Сомнений тут быть не могло. Она слегка напоминала те статуи богинь плодородия, которые высекали тысячи лет назад первобытные люди, но главным образом походила на холм. — Мы очень космополитичны.

— Тогда мне пиво!

— А мне серный цвет на камнях, Рубина! — добавил Скала.

Теперь, когда Виктор попривык к мраку, а его барабанные перепонки милосердно онемели, он смог оглядеть бар.

За столами сидело множество троллей, а кое-где попадались гномы, что было удивительно. Гномы и тролли обычно уживались, как… ну, как

гномы и тролли. В родных горах они пребывали в состоянии непрекращающейся вендетты. В Голывуде все определенно было по-другому.

— Можно нам поговорить в тишине? — прокричал Виктор в заостренное ухо Скалы.

— Конечно! — Скала отставил свой напиток. Из него торчал сиреневый бумажный зонтик, обугливавшийся от жара.

— Ты не знаешь, где Джинджер? Помнишь ее? Джинджер?

— Она работает у Боргля!

— Только по утрам! Я только что оттуда! Куда она уходит, когда не работает?

— Да кто же знает, кто куда уходит?

Окутанный дымом ансамбль внезапно умолк. Один из троллей взял небольшой булыжник и начал нежно выбивать из него медленный, прилипчивый ритм, который льнул к стенам, подобно дыму. И из этого дыма, словно галеон из тумана, возникла Рубина с нелепым боа из перьев на шее.

Это было похоже на континентальный дрейф с женственными формами.

Она запела.

Тролли стояли в почтительном молчании. Вскоре Виктор услышал всхлип. По лицу Скалы

катились слезы.

— О чем она поет? — прошептал Виктор.

Скала наклонился к нему.

— Это древняя песня народа троллей, — сказал он. — Она о Янтаре и Яшме. Они были… — он замялся и развел руками, подбирая слово. — Друзьями. Близкими друзьями?

— Кажется, я понимаю, о чем ты, — сказал Виктор.

— И вот однажды Янтарь принесла своему троллю ужин в пещеру и увидела его, — Скала замахал руками, делая абстрактные, но превосходно передававшие суть жесты, — с другой троллихой. Поэтому она пошла домой, и взяла свою дубину, и вернулась, и забила его до смерти — бац, бац, бац. Потому что он был ее тролль и он ее предал. Это очень романтичная песня.

Виктор глядел во все глаза. Рубина, колыхаясь, сошла с крохотной сцены и плавно заскользила мимо посетителей, точно небольшая гора на четырех колесах. «В ней, должно быть, тонны две, — подумал он. — Если она присядет ко мне на колено, меня придется сворачивать в рулон, как коврик».

— А что она сказала этому троллю? — спросил он, когда по бару прокатилась волна гулкого

хохота.

Скала почесал нос.

— Это игра слов, — сказал он. — Перевести очень сложно. Но в общих чертах она сказала: «Это легендарный Скипетр Магмы, того, что был Горным Королем, Победителем Тысяч и даже Десятков Тысяч, Повелителем Золотой Реки, Хозяином Мостов, Покорителем Темных Глубин, Сокрушителем Множества Врагов, — он глотнул воздуха, — у тебя в кармане или ты просто рад меня видеть?»

Виктор наморщил лоб.

— Я не понимаю, — признался он.

— Наверное, я плохо перевел, — сказал Скала. Он отпил расплавленной серы. — Я слышал, «Союзалхимик» ищет…

— Скала, это место какое-то странное, — тревожно сказал Виктор. — Ты разве не чувствуешь?

— Чем это оно странное?

— Здесь все как будто, ну, *искрит*. Никто не ведет себя так, как должен. Ты знал, что здесь когда-то стоял огромный город? Там, где сейчас море. Огромный город! И он просто сгинул!

Скала задумчиво потер нос. Тот выглядел точно первая попытка неандертальца изготовить топор.

— И еще все себя странно ведут! — продолжал Виктор. — Как будто они сами и то, чего они хотят, — это самое важное на свете!

— Я вот думаю, — начал Скала.

— Да? — спросил Виктор.

— Я вот думаю, может, мне стесать с носа полдюйма камня? Мой кузен Брекчия знает одного каменщика, тот ему уши подправил — просто картинка. Что скажешь?

Виктор тупо уставился на него.

— Я о чем: с одной стороны, он у меня великоват, а с другой стороны — это же стереотипный тролльский нос, верно? То есть выглядеть-то я, наверное, лучше стану, но, может быть, в нашем деле лучше выглядеть так по-тролльски, как только можно. Вот Морри, например, себе лицо цементом подправил, так теперь с ним ночью страшно повстречаться. Ты как думаешь? Я твое мнение ценю, потому что ты человек с идеями.

Он улыбнулся Виктору широкой кремниевой улыбкой.

В конце концов Виктор сказал:

— У тебя отличный нос, Скала. Когда к нему приделан такой тролль, как ты, он далеко пойдет.

Скала довольно ухмыльнулся и глотнул еще серы. Извлек из стакана стальную палочку для

помешивания коктейлей и слизал с нее аметист.

— Ты правда думаешь… — начал он и лишь тогда заметил, что рядом с ним образовалось небольшое пустое место. Виктор исчез.

— Ничего я ни про кого не знаю, — заявил держатель лошадей, косясь на устрашающую громаду Де-трита.

Достабль пожевал сигару. Дорога из Анка выдалась тряской, даже в его новой карете, а еще он пропустил обед.

— Высокий парнишка, странноватый такой, с тонкими усишками, — подсказал он. — Он ведь на тебя работал, да?

Держатель лошадей сдался.

— Хороший держатель лошадей из него все равно не получится, — сказал он. — Слишком много о работе думает. Он, кажется, перекусить пошел.

Виктор сидел в темном переулке, прижавшись спиной к стене, и пытался думать.

Он помнил, как однажды, в детстве, перегрелся на солнце. Чувствовал он себя тогда примерно как сейчас.

Что-то тихо шлепнулось на утоптанный песок у его ног.

Кто-то бросил перед ним шляпу. Виктор уставился на нее.

А потом этот кто-то заиграл на губной гармошке. Получалось у него не сильно хорошо. По большей части он не попадал в ноты, а когда попадал — они дребезжали. Какая-то мелодия во всем этом, конечно, была — как бывает немножко говядины в гамбургерах.

Виктор вздохнул и выудил из кармана парочку пенни. Он бросил их в шляпу.

— Да, да, — сказал он. — Очень здорово. А теперь уходи.

До его ноздрей дошел странный запах. Трудно было сказать, на что он похож — возможно, на запах древнего и немного отсыревшего коврика из детской.

Виктор поднял взгляд.

— Гав-гав, блин, — сказал Чудо-Пес Гаспод.

Тем вечером в заведении Боргля решили поэкспериментировать с салатом. До ближайшего места, где растили салат, было тридцать небыстрых миль.

— Ентo чего такое? — требовательно спросил тролль, демонстрируя нечто вялое и бурое.

Фрунткин, дежурный повар, попробовал угадать.

— Сельдерей? — предположил он. Потом пригляделся. — Да, точно сельдерей.

— Он *бурый*.

— Ну да. Ну да! Спелый сельдерей и должен быть бурым! — торопливо ответил Фрунткин. — Это значит, что он созрел, — добавил он.

— Он должен быть *зеленым*.

— Не. Это ты с помидорами путаешь, — заявил Фрунткин.

— Ага, а это что за жидкая дрянь? — спросил человек из очереди.

Фрунткин выпрямился во весь рост.

— Это, — сказал он, — маянез. Я его сам сделал. По *книжке*, — добавил он гордо.

— Ага, я так и подумал. — Человек потыкал маянез пальцем. — Масло, яйца и уксус в этом, похоже, не участвовали, да?

— Спесиалитэ де ляр майсон, — сообщил Фрунткин.

— Верю, верю, — сказал человек. — Вот только он мой салат атакует.

Фрунткин гневно стиснул свой черпак.

— Послушай-ка… — начал он.

— Да нет, все в порядке, — успокоил его потенциальный клиент. — Слизняки взяли его в оборонительное кольцо.

От входа донесся какой-то шум. Тролль Детрит проламывался через толпу, а следом за ним важ-

ной поступью шел Себя-Режу-Без-Ножа Достабль.

Тролль плечом отпихнул очередь и уставился на Фрунткина.

— Господин Достабль хочет поговорить, — сказал он, потянулся через стойку, поднял гнома за перепачканную едой рубашку и подвесил его перед Достаблем.

— Кто-нибудь видел Виктора Тугельбенда? — спросил Достабль. — Или ту девчонку, Джинджер?

Фрунткин открыл рот, чтобы выругаться, но передумал.

— Парень был здесь полчаса назад, — пропищал он. — Джинджер работает тут по утрам. Не знаю, куда она уходит.

— А *Виктор* куда ушел? — спросил Достабль. Он достал из кармана мешочек. Тот зазвенел. Глаза Фрунткина притянулись к нему, как будто они были подшипниками, а мешочек — мощным магнитом.

— Не знаю, господин Себя-Режу, — ответил гном. — Он ее тут не увидел и снова куда-то ушел.

— Ясно, — сказал Достабль. — В общем, если снова его увидишь, скажи, что я его ищу и хочу сделать его звездой, понял?

— Звездой. Понял, — кивнул гном.

Достабль залез в мешочек с деньгами и извлек оттуда десять долларов.

— И я хочу заказать на сегодня ужин, — добавил он.

— Ужин. Понял, — проблеял гном.

— Стейк и креветки, пожалуй, — сказал Достабль. — А к ним — обласканные солнцем свежие овощи, а потом — клубнику со сливками.

Фрунткин уставился на него.

— Э… — начал он.

Детрит ткнул в гнома пальцем так, что он закачался взад-вперед.

— А я, — сказал тролль, — буду… буду… хорошенько выветренный базальт с гарниром из свежевырубленного песчаникового конгломерата. Усек?

— Э-э. Да, — ответил Фрунткин.

— Поставь его на место, Детрит. Он не хочет с нами зависать, — велел Достабль. — Только *осторожно*.

Он оглядел окружавшие их заинтригованные лица.

— Запомните, — сказал он. — Я ищу Виктора Тугельбенда, чтобы сделать его звездой. Если кто-нибудь из вас его увидит, так и передайте. Ах

да, Фрунткин, стейк — с кровью.

Он зашагал к выходу.

Когда Достабль скрылся, болтовня захлестнула столовую, точно прибой.

— Сделать его звездой? На что ему звезда?

– А я и не знала, что звездой можно что-нибудь сделать… я думала они, ну, знаете, к небу приклеены…

— По-моему, он имел в виду, сделать *его* звездой. В смысле самого Виктора. Превратить его *самого* в звезду.

– А как можно превратить человека в звезду?

— Не знаю. Может, сжимать его, пока он не станет совсем маленьким, а потом взорвется и превратится в огромный шар пылающего водорода?

– О боги!

— Да! А какой у него тролль злющий!

Виктор не отводил взгляда от пса.

Тот не мог с ним заговорить. Ему наверняка показалось. Но ведь он и в прошлый раз так подумал, разве нет?

— Интересно, как тебя зовут? — проговорил Виктор, потрепав его по голове.

— Гаспод, — ответил Гаспод.

Ладонь Виктора застыла.

— Два пенса, — устало сказал пес. — Единственный, блин, в мире пес, играющий на губной гармошке. И два пенса.

«Это все солнце, — подумал Виктор. — Я же без шляпы хожу. Еще минута — и я проснусь на прохладных простынях».

— Ну, ты ведь не очень хорошо играешь. Я так и не смог узнать мелодию, — сказал он, растягивая губы в фальшивой улыбке.

— Да ты и не должен узнавать чертову мелодию, — сказал Господ, тяжело уселся на песок и азартно почесал ухо задней лапой. — Я же *собака*. Ты должен быть чертовски потрясен уже тем, что я могу выжать хоть один чертов звук из этой чертовой штуковины.

«Как бы мне лучше выразиться? — подумал Виктор. — Может, просто сказать: “Прости, мне кажется или ты разгова… Нет, наверное, нет”».

— Э-э, — сказал он. «Эй, а ты довольно болтлив для… нет».

— Блохи, — пояснил Господ, сменив лапу и ухо. — Заели — сил нет.

— Ужас какой.

— А еще эти тролли. Терпеть их не могу. У них запах неправильный. Клятые ходячие каменюки. А попробуешь их укусить — зубами плеваться

будешь. Это неестественно.

«Кстати, о естественности, я не мог не заметить, что…»

— А уж пустыня эта чертова, — сказал Гаспод.

«Ты — говорящий пес».

— Ты, должно быть, гадаешь, — сказал Гаспод, вновь устремив на Виктора свой проницательный взгляд, — как так получилось, что я умею говорить.

— Даже и в мыслях не было, — заверил его Виктор.

— Вот и у меня тоже, — сказал Гаспод. — До недавних пор. За всю жизнь ни одного клятого слова не сказал. Работал на одного мужика в большом городе. Трюки всякие исполнял. Мячик на носу балансировал. На задних лапах ходил. Через обруч скакал. А потом обходил зрителей со шляпой в зубах. Ну, сам понимаешь. Шоу-бизнес. А потом одна тетка треплет меня по голове и говорит: «Ах, какой милый песик, он так выглядит, словно все понимает», а я себе думаю: «Хо-хо, дамочка, да я уже даже и не пытаюсь», и вдруг слышу, как эти самые слова исходят из моей собственной пасти. Ну и, в общем, подхватил я шляпу и удрал со всех лап, пока они еще пялились.

— Почему? — спросил Виктор.

Господ закатил глаза.

— А какая, по-твоему, жизнь ждет настоящего говорящего пса? — поинтересовался он. — Не нужно было мне разевать свою дурацкую пасть.

— Но *со мной-то* ты разговариваешь, — сказал Виктор.

Господ хитро на него покосился.

— Ага, вот только попробуй кому-нибудь об этом рассказать, — ответил он. — Да и вообще, с тобой можно. У тебя вид. Я его за милю узнаю.

— Ты это о чем? — спросил Виктор.

— Ну, тебе ведь кажется, что ты не сам себе хозяин, верно? — сказал пес. — Ты чувствуешь, что кто-то думает за тебя?

— О боги.

— И из-за этого у тебя загнанный вид, — объяснил Господ. И снова подхватил зубами шляпу. — Два пенса, — пробубнил он неразборчиво. — Оно, конечно, мне все равно их никак не потратить, но… два пенса.

Он по-собачьи пожал плечами.

— В каком смысле загнанный вид? — спросил Виктор.

— Он у вас у всех такой. Много званых, да мало избранных, типа.

– Какой еще вид?

— Как будто тебя сюда призвали, а ты не знаешь зачем. — Гаспод снова попытался почесаться. — Я видел, как ты играл Коэна-Варвара, — добавил он.

— Гм… и как тебе? — поинтересовался Виктор.

— Ну, если старик Коэн об этом не прослышит, все у тебя будет нормально.

— Я спросил, как давно он здесь был? — рявкнул Достабль. Рубина исполняла что-то на крошечной сцене проникновенным голосом, похожим на скрип кораб-ля, угодившего в густой туман и серьезные неприятности:

— ГрооООоууонноггхрххооООо…[6]

— Да он вот только что вышел! — проревел Скала. — Я тут песню слушать пытаюсь, разве не видишь?

— …Ооуооугрххффргхоо ООо…[7]

Себя-Режу-Без-Ножа подтолкнул Детрита, который расслабился и с отвисшей челюстью

---

[6] Примечания: 6

СУБТИТР: «Снофа флюпилась я» (букв.: «испытываю приятное ощущение от того, что меня ударил по голове камнем Хондродит, бог любви у троллей»). *Примеч.*: Хондродита ни в коем случае не стоит путать с Гигалитом, богом, дарующим троллям мудрость, ударяя их камнем по голове, или Силикарусом, богом, дарующим троллям удачу, ударяя их камнем по голове, или с мифологическим героем Монолитом, который первым отвоевал секрет камня у богов.

[7] Примечания: 7

СУБТИТР: «Потшему мое сертце раскалыфается на мелкие камешки?»

наблюдал за выступлением.

До этого момента жизнь старого тролля была очень простой: люди платят тебе деньги, а ты за то бьешь других людей.

Но теперь она начала усложняться. Рубина только что ему подмигнула.

Странные и незнакомые чувства бесчинствовали в побитом судьбой сердце Детрита.

— …гроооОООооохоофооОООо…[8]

— Пойдем уже! — гаркнул Достабль.

Детрит кое-как поднялся на ноги и бросил на сцену последний тоскующий взгляд.

— …ооОООгооООмоо. ООхххооо[9].

Руби послала ему воздушный поцелуй. Детрит залился румянцем цвета свежеотшлифованного граната.

Гаспод вывел Виктора из переулка и направился на заросшую мелким кустарником песчаную пустошь за городом.

— Это место какое-то неправильное, — пробормотал он.

— Оно не похоже на другие, — сказал Виктор. — Но в каком смысле «неправильное»?

---

[8] Примечания: 8
СУБТИТР: «Какие тейстфия мне слетует претпринять?»

[9] Примечания: 9
СУБТИТР: «…Я не фластна нат собою. Прифет, большой парень».

Гаспод выглядел так, будто ему хотелось сплюнуть.

— Вот, скажем, я, — продолжал он, не обращая внимания на то, что его перебили. — Я пес. Мне в жизни ничего не снилось, кроме погонь за всякой живностью. И секса еще, конечно. И вдруг ко мне начинают приходить сны. *Цветные*. Я напугался чуть не до кондрашки. Я ведь цветов до этого никогда не видел, понимаешь? У собак зрение черно-белое — ну да ты об этом и так должен знать, ты же книжки читаешь. И вот что я тебе скажу: красный цвет — то еще клятое потрясение. Ты-то думал, что на обед у тебя белая косточка с серыми пятнами, — и вдруг оказывается, что ты годами жрал этакое жуткое красно-фиолетовое месиво.

— А что за сны? — спросил Виктор.

— Да позорище клятое, — сказал Гаспод. — В одном, например, смыло мост, а я должен был побежать и лаем всех предупредить, веришь? А в другом загорелся дом, и я вытаскивал наружу детей. А еще в одном какие-то детишки заблудились в пещерах, а я их нашел и привел к ним поисковую команду… только я ведь детей *ненавижу*. В последнее время стоит только голову опустить — и я уже кого-то спасаю, или откуда-то вывожу,

или грабителей ловлю, или еще что. Ну правда, мне семь лет, у меня чумка, у меня парша, у меня столько блох, что просто жуть, и мне вообще не сдалось быть героем каждый раз, как я засыпаю.

— Ух ты. Ну разве жизнь не интересная штука, — проговорил Виктор, — когда смотришь на нее чужими глазами?..

Гаспод воздел к небесам гноящийся желтый глаз.

— Э-э. А куда мы идем, — спросил Виктор?

— Повидаться с кое-какими ребятами из Голывуда, — ответил Гаспод. — Потому что здесь творится что-то *странное*.

— На холме? А я и не знал, что там люди живут.

— А они не люди, — сказал Гаспод.

На склоне Голывудского холма горел маленький костерок из веточек. Виктор разжег его, потому что… ну, потому что он успокаивал. Потому что так поступают люди.

А ему обязательно нужно было напомнить себе, что он человек и, скорее всего, не сошел с ума.

Дело было не в том, что он разговаривал с собакой. Люди часто говорят с собаками. И с кошками тоже. И, может быть, даже с кроликами. А вот беседы с мышью и утенком могли показаться

чем-то странным.

— А ты думаешь, *нам* хотелось разговаривать? — сердито вопросил кролик. — Был я обычный кролик, вполне этим довольный, и вдруг *ррраз* — и начал думать. А это, скажу я тебе, изрядная помеха, если ты ищешь счастливой кроличьей жизни. Для нее нужны трава и секс, а не размышления вроде: «А если задуматься — зачем все это?»

— Да, но ты хотя бы траву ешь, — заявил Гаспод. — Трава хотя бы с тобой не разговаривает. Когда хочется есть, последнее, что тебе нужно, — клятый этический парадокс в твоей миске.

— Ты думаефь, это у тебя проблемы, — сказал кот, очевидно читавший его мысли. — Я вообфе уфе на рыбу перефел. А то налофифь лапу на обед, а он завопит: «На помофь!» — и у тебя больфие проблемы.

Воцарилось молчание. Они посмотрели на Виктора. И мышь тоже. И утенок. Утенок выглядел особенно воинственным. Должно быть, до него доходили слухи об апельсиновом соусе.

— Ага. Вот мы, например, — сказала мышь. — Гоняется он за мной, — она указала на возвышавшегося над ней кота, — по кухне. Возня, писки, паника. Потом у меня в голове возникает этакий

шипящий звук, и я вижу сковородку — понимаешь? Секунду назад я вообще не знала, что такое «Жарка», а теперь я хватаюсь за ручку, он поворачивает за угол — *быдыщ.* А он такой шатается и спрашивает: «Это кто меня стукнул?» А я ему и отвечаю: «Я». И тут до нас обоих доходит. Мы разговариваем.

– *Конфептуализируем*, — поправил ее кот. Он был черным, с белыми лапками, уши его выглядели так, словно по ним стреляли дробью, а покрытая шрамами морда выдавала в нем кота, успевшего прожить восемь жизней на полную катушку.

— Вот именно, — подтвердила мышь.

— Расскажите ему, что вы сделали дальше, — велел Господ.

— Мы пришли сюда, — сказал кот.

— Из Анк-Морпорка? — спросил Виктор.

— Да.

— Но до него же почти тридцать миль!

— Ага, и уж поверь мне, — сказал кот, — поймать попутку, когда ты — кот, непросто.

— Видишь? — спросил у Виктора Господ. — И такое случается постоянно. В Голывуд кто только ни приходит. Они не знают, зачем пришли, знают только, что это важно. И ведут себя не так, как

вели бы в любом другом месте. Я за всем этим наблюдал. Тут что-то странное творится.

Утенок закрякал. Где-то во всем этом крылись слова, но так изуродованные несовместимостью клюва и гортани, что Виктор ни одного не разобрал.

Животные сочувственно его выслушали.

— В чем дело, друг? — спросил кролик.

— Утенок говорит, — перевел Гаспод, — что это похоже на миграцию. Говорит, ощущение точно такое же.

— Да? Мне-то далеко идти не пришлось, — признался кролик. — Мы и так на дюнах жили. — Он вздохнул. — Три счастливых года и четыре кошмарных дня, — добавил он.

Внезапно Виктора осенило.

— А старика, который жил на пляже, ты знал? — спросил он.

— А, его. Да. Знал. Он постоянно сюда приходил.

— Каким он был человеком? — спросил Виктор.

— Слушай, парень, четыре дня назад у меня в словаре было только два глагола и одно существительное. Как по-твоему, что я о нем думал? Я знаю только, что он нас не трогал. А мы его, наверное,

ходячим камнем каким-нибудь считали.

Виктор подумал о книге, лежавшей у него в кармане. Пение гимнов и разжигание костров. Что за человек станет этим заниматься?

— Я не знаю, что здесь происходит, — сказал он. — Но хотел бы выяснить. Слушайте, а имена у вас есть? Мне как-то неловко общаться с теми, у кого нет имен.

— Только у меня, — сказал Гаспод. — Я ведь пес. Меня в честь знаменитого Гаспода назвали, знаешь ли.

— Один мальчишка как-то раз назвал меня Кисонькой, — с сомнением проговорил кот.

— А я думал, у вас есть имена на вашем собственном языке, — признался Виктор. — Ну, знаете, Мощные Лапищи или Стремительный Охотник. Или что-то в этом роде.

Он поощрительно улыбнулся.

Животные смотрели на него долгими пустыми взглядами.

— Он книжек начитался, — объяснил Гаспод. — Видишь ли, какая штука, — добавил он, яростно почесываясь, — животные обычно не заморачиваются с именами. Мы ведь знаем, кто мы такие.

— Но Стремительный Охотник мне нравится, кстати, — сообщила мышь.

— Я думал, что это скорее кошачье имя, — сказал Виктор, которого начал прошибать пот. — А у мышек имена милые и короткие, например… например, Писк.

— Писк? — холодно переспросила мышь.

Кролик ухмыльнулся:

— А… а кроликов, мне всегда казалось, должны звать Ушастик. Или Господин Попрыгун.

Кролик перестал ухмыляться и дернул ушами.

— Послушай-ка, приятель… — начал он.

— Вы знаете, — жизнерадостно сказал Господ, пытаясь вдохнуть жизнь в разговор, — я слышал, есть такая легенда, что первые два человека на свете дали имена всем животным. Поневоле задумаешься, верно?

Виктор достал книгу, чтобы прикрыть смущение. Пение гимнов и подбрасывание дров в костер. Три раза в день.

— Тот старик… — начал он.

— Да что в нем такого важного? — спросил кролик. — Он просто пару раз в день поднимался на холм и шумел. По нему можно было подводить… подводить… — он замялся. — В общем, он в одно и то же время это делал. Несколько раз в день.

— Три раза. Три представления. Как в каком-нибудь театре, может быть? — пробормотал Виктор,

проведя пальцем по странице.

— Мы не умеем считать до трех, — кисло сказал кролик. — У нас после одного сразу «много». Много раз. — Он сердито посмотрел на Виктора. — *Господин Попрыгун*, — убийственно добавил он.

— А люди приносили ему рыбу, — продолжал Виктор. — Поблизости никого больше нет. Должно быть, они живут за многие мили отсюда. Люди проплывали многие мили, только чтобы отдать ему рыбу. Как будто он не хотел есть ту, которая водится в этом заливе. А она здесь просто *кишит*. Когда я купался, я таких огромных омаров видел — вы не поверите.

— И как ты их называл? — поинтересовался Господин Попрыгун, который был не из тех кроликов, что легко забывают обиду. — Господин Пощелкун?

— Да, я хочу сразу кое-что прояснить, — пропищала мышь. — В городе я была главная в доме. Любой другой мыши могла трепку задать. Я хочу нормальное имя, парень. А кто назовет меня каким-нибудь Пискуном, — она взглянула на Виктора, — тот напрашивается, чтобы у него башка приняла форму сковороды, я понятно излагаю?

Утенок разразился долгим кряканьем.

— Уймитесь, — сказал Гаспод. — Утенок гово-

рит, что это все связано между собой. И то, что люди, тролли и все прочие сюда пришли. И то, что животные вдруг заговорили. Утенок говорит, что здесь есть что-то, ставшее этому причиной.

— Откуда утенку это знать? — спросил Виктор.

— Слушай, дружище, — сказал кролик, — вот когда *сам* научишься летать через море, причем так, чтобы каждый раз находить хотя бы тот же самый чертов *континент*, — тогда и начинай говорить гадости про уток.

— О, — сказал Виктор. — Ты имеешь в виду загадочное животное чутье, да?

Все злобно уставились на него.

— В общем, надо с этим кончать, — сказал Гаспод. — Все эти рефлексии и разговоры — для вас, людей. Вы к этому привычные. Только тут какая штука — кто-то должен выяснить, почему все это происходит…

Животные продолжали злобно смотреть на Вик-тора.

— Ну… — неуверенно сказал он, — может быть, нам поможет эта книга? Первые страницы написаны на каком-то древнем языке. Я не могу… — Он осекся. Волшебников в Голывуде не любили. Наверное, не стоило упоминать здесь об Университете и о его скромной связи с ним. — Я

хотел сказать, — продолжил Виктор, осторожно подбирая слова, — что знаю в Анк-Морпорке кое-кого, кто, возможно, способен их прочитать. Он, кстати, тоже животное. Обезьяна.

— А с загадочным чутьем у него как? — поинтересовался Гаспод.

— У него их несколько, — заверил Виктор.

— В таком случае… — начал было кролик.

— Тихо, — велел Гаспод. — Кто-то идет.

На холм всходил кто-то с факелом в руке. Утенок неуклюже взмыл в воздух и улетел. Остальные растворились в тенях. Лишь пес никуда не сбежал.

— А ты разве не будешь прятаться? — прошептал Виктор.

Гаспод поднял бровь.

— Гав? — переспросил он.

Факел выписывал зигзаги между кустами, точно светлячок. Порой он на мгновение замирал, а потом устремлялся в каком-то совершенно неожиданном направлении. Пламя было очень ярким.

— Кто это? — спросил Виктор.

Гаспод понюхал воздух.

— Человек, — заключил он. — Женщина. Носит дешевые духи. — Его нос снова задергался. —

Называются «Игрушка Страстей». — Он снова принюхался. — Одежда недавно выстирана, не накрахмалена. Туфли старые. Толстый слой студийного грима. Она была у Боргля и ела… — он снова пошевелил носом, — … рагу. Небольшую тарелку.

— А рост ее ты определить не можешь? — съязвил Виктор.

— Судя по запаху — примерно пять футов и два дюйма, может, два с половиной, — предположил Гаспод.

— Да *перестань*!

— Побудь часок в моей шкуре, а потом уже лжецом называй.

Виктор засыпал свой костерок песком и пошел вниз по склону.

Когда он приблизился к факелу, тот остановился. Виктор успел заметить женскую фигуру, одной рукой сжимавшую шаль, в которую она была закутана, а другой поднимавшую факел высоко над головой. А потом огонь погас так внезапно, что в глазах у Виктора заплясали синие и фиолетовые пятна. Изящная фигурка за ними сделалась черной тенью на фоне заката.

Она сказала:

— Что ты делаешь у меня… что я… почему ты

в… где… — а потом, словно наконец-то осознав ситуацию, переключилась в другой режим и уже куда более знакомым голосом вопросила: — А *ты* что здесь делаешь?

— Джинджер? — удивился Виктор.

— Что?

Он помедлил. Что вообще полагается говорить в подобных ситуациях?

— Э-э, — выдавил он. — Тут очень красиво по вечерам, тебе не кажется?

Джинджер недовольно взглянула на Гаспода.

— Это ведь та гадкая собачонка, что вечно шляется возле студии, да? — спросила она. — Терпеть не могу мелких шавок.

— Тяв-тяв, — отозвался Гаспод. Джинджер уставилась на него. Виктор практически мог прочитать ее мысли: «Он сказал “тяв-тяв”. Он ведь собака, а собакам именно такие звуки и положено издавать, разве нет?»

— Я больше кошатница, — неуверенно сказала она.

— Да? Да? Может, ты и слюной умываешься? — спросили откуда-то снизу.

– *Что* ты сказал?

Виктор отшатнулся, отчаянно размахивая руками.

— Не смотри на меня так! — воскликнул он. — Это не я!

— Да ну? А кто же это сказал — пес, что ли? — требовательно спросила она.

— Кто, я? — переспросил Господ.

Джинджер застыла. Ее глаза медленно совершили круг и уставились вниз, туда, где лениво почесывал ухо Господ.

— Гав? — спросил он.

— Этот пес сказал… — начала Джинджер, показав на него дрожащим пальцем.

— Знаю, — сказал Виктор. — Это значит, что ты ему нравишься.

Он посмотрел ей за спину. На холм поднимался еще один огонек.

— С тобой еще кто-то пришел? — спросил Виктор.

— Со мной? — Дженджер обернулась.

К огоньку прибавился хруст сухих веток, и из сумерек вышел Достабль, следом за которым, словно особенно жуткая тень, тащился Детрит.

— А-*га*! — воскликнул Достабль. — Застал вас врасплох, голубки, да?

Виктор уставился на него, раскрыв рот.

— Как ты нас назвал? — спросил он.

– *Как* ты нас назвал? — спросила Джинджер.

— Я вас двоих по всему городу ищу, — сообщил Достабль. — Кто-то мне сказал, что видел, как вы пошли сюда. Очень романтично. Это можно как-нибудь использовать. На афишах будет хорошо смотреться. Ну ладно, — он приобнял обоих. — Пойдем.

— Куда? — спросил Виктор.

— Начнем рисовать с самого утра, — сказал Достабль.

— Но господин Сильверфиш сказал, что мне в этом городе больше не работать… — начал Виктор.

Достабль открыл было рот, но на секунду замешкался.

— А. Да. Но я решил дать вам еще один шанс, — медленно сказал он, что для него было весьма не-обычно. — Ага. Шанс. Вы ведь люди молодые. Своенравные. Я сам таким был. И вот я подумал: «Достабль, пусть даже ты себя без ножа зарежешь, но дай им еще один шанс». Оплата, конечно, пониже будет. Доллар в день — как вам?

Виктор увидел, как лицо Джинджер осветилось внезапной надеждой.

Он открыл рот.

— Пятнадцать долларов, — сказал чей-то голос. Не его.

Виктор закрыл рот.

— Что-что? — переспросил Достабль.

Виктор открыл рот.

— Пятнадцать долларов. С пересмотром через неделю. Пятнадцать долларов — или ничего.

Виктор закрыл рот и закатил глаза.

Достабль замахал пальцем перед его носом, а потом застыл.

— А мне это нравится! — сказал он наконец. — Ты своего не упускаешь. Ну ладно. Три доллара.

— Пятнадцать.

— Мое последнее предложение — пять, парень. Там, в городе, тысячи человек, которые с радостью за него ухватятся, понимаешь?

— Назовите двух, господин Достабль.

Достабль покосился на Детрита, потерявшегося в грезах о Рубине, а потом уставился на Джинджер.

— Хорошо, — сказал он. — Десять. Потому что вы мне нравитесь. Но это я себя без ножа режу.

— Договорились.

Достабль протянул ладонь. Виктор посмотрел на свою так, словно впервые ее увидел, и пожал ему руку.

— А теперь давайте-ка спускаться, — сказал Достабль. — Нам еще много что нужно органи-

зовать.

Он зашагал между деревьями. Потрясенные Виктор и Джинджер смиренно последовали за ним.

— Ты с ума сошел? — прошипела Джинджер. — Так торговаться! Мы могли упустить свой шанс!

— Я ничего не говорил! Я думал, это ты! — сказал Виктор.

— Это был ты! — настаивала Джинджер.

Их взгляды встретились.

И опустились вниз.

— Тяв, тяв, — сказал Чудо-Пес Гаспод.

Достабль обернулся.

— Это что за шум? — спросил он.

— О, это… это просто песик, которого мы подобрали, — поспешно ответил Виктор. — Его зовут Гаспод. Ну, в честь того самого знаменитого Гаспода.

— Он умеет показывать трюки, — злорадно добавила Джинджер.

— Песик-артист? — Достабль склонился и потрепал Гаспода по круглой голове.

— Грр, грр.

— Вы поразитесь, на что он способен, — сказал Виктор.

— Поразитесь, — эхом отозвалась Джинджер.

— Уродливый только, чертяка, — сказал Достабль. Он устремил на Гаспода долгий изучающий взгляд, но это было словно вызвать многоножку на чемпионат по пинкам. Гаспод был способен переглядеть зеркало.

Достабль, похоже, обудмывал какую-то идею.

— А знаете что… приведите его с собой утром. Народ любит посмеяться, — сказал он.

— О, он очень смешной, — пообещал Виктор. — Животик надорвать можно.

Спускаясь с холма, он услышал за своей спиной тихий голос:

— Я с тобой за это еще посчитаюсь. И, кстати, с тебя доллар.

— Это еще за что?

— Агентские, — объяснил Чудо-Пес Гаспод.

Над Голывудом высыпали звезды. Это были гигантские шары разогретого до миллионов градусов водорода, такие раскаленные, что даже гореть не могли. Многие из них раздувались до невероятных размеров, прежде чем погибали и съеживались до крошечных, озлобившихся карликов, о которых помнили одни только сентиментальные астрономы. А пока что они сияли благодаря метаморфозам, недоступным мастерству алхимиков, и превращали обыден-

ные скучные химические элементы в чистейший свет.

Над Анк-Морпорком только что прошел дождь.

Старшие волшебники сгрудились вокруг вазы со слониками. По строгому приказу Чудакулли ее сослали обратно в коридор.

— Я помню Риктора, — сказал декан. — Тощий. Немного зацикленный на своих идеях. Но умный.

— Хе-хе. Я помню его мышиный счетчик, — донеслось из древнего кресла-каталки Ветром Сдумса. — Он мышей считал.

— Сам горшок — это довольно… — начал было казначей, а потом переспросил: — Как это — считал мышей? Они что, на маленьком конвейере туда заезжали?

— О нет. Понимаешь, его только завести нужно было, и он стоял себе, жужжал и пересчитывал всех мышей в здании, мм, а потом их число показывалось на таких мелких колесиках с циферками.

— Зачем?

— Мм? Наверное, ему просто хотелось сосчитать всех мышей.

Казначей пожал плечами.

— Этот горшок, — повторил он, присматри-

ваясь, — на самом деле довольно древняя ваза эпохи Минь.

Он выжидающе умолк.

— А почему она называется Минь? — как по команде спросил аркканцлер.

Казначей щелкнул по горшку. *Миннньь* — отозвался тот.

— И эти вазы, значит, плевались в людей свинцовыми шариками? — осведомился Чудакулли.

— Нет, мэтр. Он просто поместил внутрь свою… машинерию. Чем бы она ни была. Что бы она ни делала.

…вумм…

— Погодите-ка. Он качнулся, — сказал декан.

…вумм… вумм…

Волшебники в неожиданной панике уставились друг на друга…

— Что происходит? Что происходит? — спросил Ветром Сдумс. — Почему никто, мм, не объясняет мне, что происходит?

…вумм… вумм…

— Бежим! — предложил декан.

— Куда? — трясущимся голосом уточнил казначей.

…вуммВУММ…

— Я старый человек, и я *требую*, чтобы кто-ни-

будь объяснил мне, что…

Тишина.

— Ложись! — завопил аркканцлер.

Плиб.

На столбе за его спиной появилась выщербина.

Чудакулли поднял голову:

— Боги, как я чертовски удачно пригну…

Плиб.

Второй шарик лишил его шляпу макушки.

Несколько минут волшебники, трясясь, лежали на каменном полу. Потом приглушенный голос декана спросил:

— Как думаете, это все?

Аркканцлер поднял голову. Лицо его, вечно красное, сейчас просто-таки сияло.

— Казначееей!

— Да, мэтр?

— Вот это я и называю настоящей стрельбой!

Виктор перевернулся на другой бок.

— Взстф, — сказал он.

— Господин Достабль говорит: шесть утра, проснись и пой, — сообщил Детрит, ухватился за простыни и стащил их на пол.

— Шесть часов? Да это же еще *ночь*! — простонал Виктор.

— Господин Достабль говорит, день будет

долгий, — сказал тролль. — Господин Достабль говорит, что нужно быть на месте к половине седьмого. Так оно и будет.

Виктор натянул штаны.

— Поесть-то мне, надеюсь, дадут? — саркастически поинтересовался он.

— Господин Достабль говорит, что господин Достабль позаботится о еде, — ответил Детрит.

Из-под кровати донеслось пыхтение. Появился Гаспод, окутанный ароматами старого коврика, и занялся утренним почесыванием.

— Что… — начал он и лишь потом увидел тролля. — Тяв, тяв, — поправился он.

— Ой. Собачка. Люблю собачек, — сказал Детрит.

— Гав.

— Сырыми, — уточнил тролль. Но сказать это с положенной злобой у него не получилось. В голове у Детрита не переставали колыхаться видения Руби в ее перьевом боа и трех акрах красного бархата.

Гаспод яростно почесал ухо.

— Гав, — тихо сказал он. А когда Детрит ушел, добавил: — Весьма угрожающий «гав».

К приходу Виктора склон холма уже кишел людьми. Разбили парочку палаток. Кто-то дер-

жал верблюда. В тени колючего дерева лопотали несколько клеток с бесами.

А посреди всего этого спорили Достабль с Сильверфишем. Достабль приобнимал алхимика за плечо.

— Этот жест о многом говорит, — донеслось откуда-то из района коленей Виктора. — Он значит, что какого-нибудь бедолагу вот-вот обдерут как липку.

— Для тебя это будет шаг вперед, Том! — заверял Достабль. — Ну правда, сколько человек в Голывуде могут назвать себя вице-президентом по административным делам?

— Да, но это моя компания! — взвыл Сильверфиш.

— Безусловно! Безусловно! — воскликнул Достабль. — Должность вице-президента по административным делам именно это и *означает*.

— Правда?

— Разве я тебе когда-нибудь врал?

Сильверфиш наморщил лоб.

— Ну, — протянул он, — вчера ты говорил, что…

– *Метафорически*, я имею в виду, — поспешно сказал Достабль.

— О. Гм. Метафорически? Наверное, нет…

— Вот видишь. Так, где этот художник? — Достабль резко развернулся, отчего создалось впечатление, что Сильверфиша только что выключили.

К нему подбежал человек, сжимавший под мышкой папку.

— Да, господин Достабль?

Достабль вытащил из кармана клочок бумаги.

— Я хочу, чтобы афиши были готовы сегодня вечером, понял? — предупредил он. — Вот. Это название клика.

— «Писчанковые тени», — прочитал художник. И наморщил лоб. Для Голывуда он был избыточно образован. — Это про грызунов, что ли? — спросил он.

Но Достабль не слушал. Он наступал на Виктора.

— Виктор! — воскликнул он. — Дружище!

— Оно его захватило, — тихо сказал Гаспод. — И, похоже, сильнее, чем остальных.

— Что его захватило? Как ты узнал? — прошептал Виктор.

— Отчасти по малозаметным признакам, которых ты, похоже, не замечаешь, — ответил Гаспод, — а отчасти — потому, что ведет он себя как полный придурок.

— Как я рад тебя видеть! — заливался Достабль; глаза его безумно сияли.

Он приобнял Виктора и то ли повел, то ли потащил его к палаткам.

— Это будет отличная картинка! — объявил он.

— О, здорово, — вяло отозвался Виктор.

— Ты играешь главаря бандитов, — сказал Достабль, — только он, конечно же, отличный парень, с женщинами хорошо обращается и все такое, и вот вы совершаете набег на деревню, и ты похищаешь там одну девушку-рабыню, а потом заглядываешь в ее глаза — и влюбляешься в нее, а потом случается большой набег, и сотни людей на слонах бросаются в…

— На верблюдах, — поправил Достабля стоявший у него за спиной тощий юноша. — У нас только вер-блюды.

— Я просил слонов!

— А получил верблюдов.

— Верблюды, слоны, — небрежно отмахнулся Достабль. — Главное — *экзотика*, понятно? А потом…

— И он у нас только один, — добавил юноша.

— Кто один?

— Верблюд. Мы нашли только одного верблюда.

— Но у меня тут десятки ребят с простынями на головах, которые ожидают верблюдов! — завопил Достабль, размахивая руками. — Кучу верблюдов, по-нятно?

— У нас есть только один верблюд, потому во всем Голывуде есть только один верблюд, да и то лишь потому, что один парень из Клатча сюда на нем приехал, — сказал юноша.

— Ты должен был заказать еще! — рявкнул Достабль.

— Господин Сильверфиш запретил.

Достабль зарычал.

— Может, если верблюд будет очень быстро бегать, покажется, что их несколько, — оптимистично предположил юноша.

— А если так: прогнать верблюда перед рисовальным ящиком, велеть рукоятору остановить бесов, провести верблюда обратно, посадить на него другого наездника, потом снова запустить ящик и снова его прогнать? — сказал Виктор. — Может, сработает?

Достабль уставился на него, разинув рот.

— Что я вам говорил? — вопросил он, обращаясь к небесам. — Этот парень — гений! Мы ведь так получим сотню верблюдов по цене одного, верно?

— Только это значит, что пустынные бандиты будут ездить цепочкой, — сказал юноша. — Массированной атаки не получится.

— Ну да, ну да, — безразлично проговорил Достабль. — Логично. Мы просто покажем табличку, на которой вожак говорит… говорит… — Он на секунду задумался. — Говорит: «Следуйте за мной гуськом, бваны, чтобы обмануть ненавистного врага». Годится?

Он кивнул Виктору.

— Ты ведь незнаком с моим племянником, Соллом? — спросил он. — Умненький парнишка. Даже в школу чуть не поступил. Я его вчера сюда привез. Он у нас вице-президент по рисованию движущихся картинок.

Солл и Виктор обменялись кивками.

— По-моему, «бваны» — неправильное слово, дядя, — сказал Солл.

— А что, оно разве не клатчское? — спросил Достабль.

— Формально да, но так, кажется, говорят в другой части Клатча, и, может быть, лучше было бы написать «эффенди» или что-то в этом…

— Да что угодно, лишь бы иностранное, — сказал Достабль тоном, намекающим, что вопрос решен. Он снова похлопал Виктора по спине. —

Ну ладно, парень, давай переодевайся. — Он хохотнул. — Сотня верблюдов! Вот это умище!

— Прошу прощения, господин Достабль, — сказал художник, неловко топтавшийся неподалеку. — Я тут кое-что не понимаю…

Достабль выхватил у него бумажку.

— Что тут можно не понять? — рявкнул он.

— То место, где вы описываете госпожу де Грех…

— Так это же очевидно, — сказал Достабль. — Мы ведь хотим создать атмосферу экзотической, манящей, но далекой романтики усеянного пирамидами Клатча — и, естественно, для этого мы берем символ таинственного и непостижимого континента, понятно? Почему я должен всегда всем все объяснять?

— Я просто подумал… — начал художник.

— Просто рисуй, что просят!

Художник взглянул на бумажку.

— «У нее, — прочитал он, — лицо Свинсы».

— Именно, — сказал Достабль. — Именно!

— Я подумал, может, вы имеете в виду Сфинкса…

— Вы его только послушайте! — снова воззвал к небесам Достабль. А потом гневно воззрился на художника. — Она что же, по-твоему, на мужика

похожа? Свинс — мужик, а женщина — Свинса. А теперь берись за дело. Я хочу, чтобы завтра с утра афиши уже по всему городу висели.

Художник бросил на Виктора измученный взгляд, который был тому уже хорошо знаком. Такой был у всех, кому не повезло долгое время общаться с Достаблем.

— Будет сделано, господин Достабль, — сказал художник.

— Вот и отлично.

Достабль повернулся к Виктору.

— А ты почему не переоделся? — спросил он.

Виктор стремительно нырнул в палатку. Маленькая старушка[10], формой напоминавшая деревенский каравай, помогла ему облачиться в костюм, сшитый, похоже, из простыней, неумело перекрашенных в черный цвет — впрочем, учитывая, в каких условиях жили голывудцы, вполне возможно, эти простыни попросту стащили с чьей-то постели. Потом старушка вручила ему кривой меч.

— А почему он выгнутый? — спросил Виктор

---

[10] Примечания: 10

Госпожа Мариэтта Космопилит, бывшая швея из Анк-Морпорка, которую сны привели в Голывуд, где ее умелое обращение с иглой весьма ценилось. Прежде починявшая носки, теперь она вязала бутафорские кольчуги для троллей и могла в мгновение ока соорудить из ничего пару гаремных шаровар.

— Кажется, он такой и должен быть, милок, — с сомнением сказала она.

— А я думал, мечи должны быть прямыми, — пробормотал Виктор. Снаружи доносились вопли Достабля, спрашивавшего у небес, почему его окружают одни идиоты.

— Может, они прямые, когда новые, а потом гнутся, — предположила старушка, похлопав его по руке. — Так со многими вещами случается.

Она широко улыбнулась.

— Если ты готов, милок, я пойду пособлю юной даме, а то вдруг на нее какие мелкие гномы таращатся.

Она уковыляла наружу. Из соседней палатки послышались бряцание металла и недовольный голос Джинджер.

Виктор сделал несколько пробных выпадов мечом.

Гаспод наблюдал за ним, склонив голову набок.

— И кого ты изображаешь? — спросил он наконец.

— Вроде как вожака шайки пустынных бандитов, — ответил Виктор. — Романтичного и неотразимого.

— Чем не отразимого?

— Видимо, ничем. Гаспод, а что ты имел в виду, когда говорил, что «оно захватило Достабля»?

Пес выкусывал что-то из лапы.

— А ты в глаза ему загляни, — посоветовал он. — Они у него даже хуже твоих.

— Моих? А с моими что не так?

В этот момент в палатку просунул голову Детрит.

— Господин Достабль говорит, ты ему нужен прямо сейчас, — сообщил он.

— Глаза? — продолжал Виктор. — У меня что-то с глазами?

— Гав.

— Господин Достабль говорит… — начал Детрит.

— Ладно, ладно! Иду!

Виктор вышел из своей палатки в тот же момент, когда Джинджер вышла из своей. Он зажмурился.

— Ой, прости, — пробормотал он. — Я сейчас вернусь и дождусь, пока ты оденешься…

— Я *уже* оделась.

— Господин Достабль говорит… — повторил за их спинами Детрит.

— Пойдем, — сказала Джинджер, хватая Виктора за руку. — Нельзя заставлять всех ждать.

— Но ты… твоя… — Виктор опустил взгляд, но это не помогло. — У тебя пупок в бриллианте, — выдавил он.

— С ним я смирилась, — сказала Джинджер и пошевелила плечами, чтобы все легло примерно туда, куда положено. — А вот эти две крышки от кастрюль очень мешают. Теперь я понимаю, каково приходится тем бедным девушкам в гаремах.

— И ты *не против* того, что люди увидят тебя в таком наряде? — поразился Виктор.

— С чего бы мне быть против? Это же движущиеся картинки. Здесь все не по-настоящему. И вообще, ты себе не представляешь, что приходится делать девочкам за куда меньшие суммы, чем десять долларов в день.

— Девять, — напомнил Гаспод, все еще таскавшийся следом за Виктором.

— Так, ребята, собираемся! — прокричал в рупор Достабль. — Сыны Пустыни, постройтесь вот здесь, пожалуйста. Рабыни… где рабыни? Хорошо. Рукояторы?..

— Никогда не видела столько людей в одном клике, — прошептала Джинджер. — Он, должно быть, больше сотни долларов стоит!

Виктор разглядывал Сынов Пустыни. Судя по

всему, Достабль заглянул к Борглю и нанял те двадцать посетителей, что сидели ближе всего к двери, не обращая внимания на то, насколько они впишутся в картинку, а потом выдал им то, что, по его представлению, носили на голове пустынные бандиты. Здесь были троллевидные Сыны Пустыни — Скала узнал Виктора и помахал ему — и гномоподобные Сыны Пустыни, а в конец шеренги пристраивался маленький, мохнатый и яростно чешущийся Сын в тюрбане, надетом по самые лапы.

— …хватаешь ее, очаровываешься ее красотой, а потом перекидываешь ее через луку, — вторгся в его сознание голос Достабля.

Виктор отчаянно прокрутил в голове наполовину расслышанные указания.

— Через что? — переспросил он.

— Это часть седла такая, — прошипела Джинджер.

— А-а.

— А потом ты уезжаешь в ночь, а все Сыны следуют за тобой, распевая будоражащие кровь песни пустынных бандитов…

— Никто их не услышит, — услужливо напомнил Солл. — Но если они будут открывать и закрывать рты, это поможет создать эту самую…

атомосферу.

— Но сейчас ведь не ночь, — заметила Джинджер. — Сейчас ясное утро.

Достабль уставился на нее.

Пару раз открыл и закрыл рот.

— Солл! — завопил он.

— Мы *не можем* рисовать ночью, дядя, — поспешно отозвался его племянник. — Иначе бесы ничего не *разглядят*. Я не понимаю, почему мы не можем просто показать в начале сцены табличку с надписью «Ночь», чтобы…

— Магия движущихся картинок так не работает! — рявкнул Достабль. — Это дилетантство какое-то!

— Простите, — вмешался Виктор. — Простите, но разве есть какая-то разница — бесы ведь наверняка смогут нарисовать черное небо со звездами?

На мгновение воцарилось молчание. Потом Достабль перевел взгляд на Гафера.

— Они ведь смогут? — спросил он.

— Не-а, — ответил рукоятор. — Их и то, что они видят-то, сложно заставить нарисовать, не говоря уже о том, чего они не видят.

Достабль потер нос.

— Я готов к переговорам, — сказал он.

Рукоятор пожал плечами:

— Вы не понимаете, господин Достабль. На что им деньги? Бесы их только сожрут. Но если мы начнем требовать, чтобы они рисовали то, чего нет, у нас возникнет куча…

— А может, сделаем вид, что это очень яркая луна? — предложила Джинджер.

— Отличная мысль, — сказал Достабль. — Вставим табличку, на которой Виктор говорит Джинджер что-нибудь вроде: «Как ярка сегодня луна, бвана».

— Ага, что-то вроде, — дипломатично отозвался Солл.

Был полдень. Голывудский холм блестел под солн-цем, как хорошенько облизанная мармелад-ка со вкусом шампанского. Рукояторы вращали свои ручки, статисты оживленно метались из стороны в сторону, Достабль орал на всех подряд, а история синематографа навсегда обогатилась сценой, в которой три гнома, четыре человека, два тролля и пес несутся на одном верблюде и в ужасе вопят, чтобы он остановился.

Виктора представили верблюду. Тот, моргая, глядел на него из-под длинных ресниц и, судя по всему, жевал мыло. Он стоял на коленях, и был у него вид верблюда, у которого выдалось нелегкое

утро и который не потерпит неуважительного обращения. Он уже успел лягнуть троих.

— А как его зовут? — боязливо спросил Виктор.

— Мы его зовем Злющим Сукиным Сыном, — сообщил новоназначенный вице-президент по делам верблюдов.

— Что-то непохоже на настоящее имя.

— Для этого верблюда — самое то, — горячо заверил его дрессировщик.

— Ничего нет плохого в том, чтобы быть сукиным сыном, — сказал кто-то у него за спиной. — Я — сукин сын. И *папаша мой* был сукиным сыном, ты, поганец в засаленной ночной сорочке.

Дрессировщик нервно улыбнулся Виктору и обернулся. Позади никого не было. Он опустил взгляд.

— Гав, — сказал Господ и повилял чем-то, что почти могло сойти за хвост.

— Ты не слышал, сейчас никто ничего не говорил? — осторожно поинтересовался дрессировщик.

— Не-а, — ответил Виктор. Он склонился к уху верблюда и — на случай, если это был особенный голывудский верблюд, — прошептал:

— Я — друг, хорошо?

Злющий Сукин Сын дернул плотным, точно

ковер, ухом[11].

— А как на нем ездить? — спросил Виктор.

— Когда хочешь, чтобы он пошел вперед, нужно его обругать и ударить палкой, а когда хочешь, чтобы он остановился, нужно его обругать и ударить палкой со всей силы.

— А когда хочешь, чтобы он свернул?

— О, это уже задача для продвинутых наездников. Лучше всего будет слезть и повернуть его вручную.

— Начинаем, когда будешь готов! — прокричал в рупор Достабль. — Значит, так: ты подъезжаешь к шатру, спрыгиваешь с верблюда, дерешься с огромными евнухами, врываешься в шатер, вытаскиваешь девицу, забираешься на верблюда и уезжаешь. Усек? Справишься?

— С какими еще огромными евнухами? — спросил Виктор, глядя, как верблюд раскладывается в стоячее положение.

Один из огромных евнухов робко поднял руку.

— Это я. Морри, — сказал он.

— О. Привет, Морри.

— Привет, Вик.

— А я — Скала, — представился второй огром-

---

[11] Примечания: 11

Верблюды слишком умны, чтобы выставлять напоказ свой ум.

ный евнух.

— Привет, Скала.

— Привет, Вик.

— По местам, — приказал Достабль. — Мы… что такое, Скала?

— Э-э, господин Достабль, мне просто интересно… а какая у меня мотивация в этой сцене?

— Мотивация?

— Ага. Э-э. Понимаете, мне обязательно ее нужно знать, — объяснил Скала.

— Я тебя уволю, если не сделаешь все как надо, — как тебе такая мотивация?

Скала широко улыбнулся.

— Отлично, господин Достабль.

— Ладно, — сказал Достабль. — Все готовы… *крутим*!

Злющий Сукин Сын неловко повернулся, выбрасывая ноги под причудливыми верблюжьими углами, и перешел на сложную трусцу.

Ручка пришла в движение…

Воздух замерцал.

И Виктор очнулся. Это было словно медленно всплывать из розового облака или восхитительного сна, который, как бы вы ни пытались его удержать, утекает из твоей памяти по мере того, как разгорается солнечный свет, оставляя по себе

ощущение страшной утраты; ничто — вы знаете это наверняка, — ничто из того, что готовит вам сегодняшний день, не будет и вполовину так же хорошо, как этот сон.

Он моргнул. Картинки истаяли. Виктор ощутил боль в мышцах, как будто он недавно трудился изо всех сил.

— Что случилось? — пробормотал он.

Потом опустил взгляд.

— Ух ты, — вырвалось у него. Там, где раньше была одна только верблюжья шея, его взгляду предстала ширь едва прикрытых тканью ягодиц. Жизнь определенно налаживалась.

— Почему, — ледяным голосом спросила Джинджер, — я лежу на верблюде?

— Понятия не имею. А ты не собиралась?

Она соскользнула на песок и попыталась поправить свой костюм.

Только в этот момент они оба осознали, что у них есть зрители.

В их числе был Достабль. И Достаблев племянник. И рукоятор. И статисты. И разношерстные вице-президенты, и всякие прочие люди, которые, судя по всему, материализуются везде, где только производятся движущиеся картинки. И еще Чудо-Пес Гаспод.

И все они, кроме злорадно хихикавшего пса, стояли с разинутыми ртами.

Рукоятор продолжал машинально вращать ручку. Потом взглянул на нее так, словно видел впервые, и перестал.

Достабль вышел из того странного транса, который им завладел.

— О-го-*го*, — сказал он. — Вот это да.

– *Волшебство*, — выдохнул Солл. — Настоящее волшебство.

Достабль подтолкнул рукоятора.

— Все зарисовал? — спросил он.

— Что зарисовал? — хором переспросили Виктор и Джинджер.

Потом Виктор заметил сидящего на песке Морри. На руке у него была солидная выщербина; Скала чем-то ее заштукатуривал. Тролль заметил выражение лица Виктора и тускло ему улыбнулся.

— Думаешь, ты Коэн-Варвар, да? — спросил он.

— Ага, — поддержал его Скала. — И вовсе не обязательно было называть его так, как ты его назвал. А если будешь так мечом размахивать, так мы потребуем лишний доллар в день как надбавку за сколы на производстве.

На клинке Виктора было несколько зазубрин.

Он, как ни пытался, не смог понять, откуда они там взялись.

— Послушайте, — отчаянно взмолился он. — Я не понимаю. Я никого никак не называл. Мы что, уже рисуем?

— Я только что сидела в шатре — а в следующую секунду дышу верблюдом, — капризно сказала Джинджер. — Может, кто-нибудь мне объяснит, что происходит?

Но их, похоже, никто не слушал.

– *Почему* мы не можем озвучивать картинки? — вопрошал Достабль. — Там были такие смачные реплики. Я, конечно, ни слова не понял, но смачную реплику я сразу узнаю, как только услышу.

— Попугаи, — скучным голосом предложил рукоятор. — Самые обычные очудноземские зеленые. Удивительные птички. Память — как у слона. Купить пару десятков попугаев самых разных размеров — и будет у нас полный вокальный…

Они углубились в подробное обсуждение технических моментов.

Виктор позволил себе соскользнуть с шеи верблюда, пригнулся, чтобы пролезть под его шеей, и подошел к Джинджер.

— Послушай, — взволнованно сказал он. — Это было как в прошлый раз. Только сильнее. Как сон какой-то. Рукоятор начал рисовать картинки, и все превратилось в сон.

— Да, но что мы на самом деле *сделали*? — спросила она.

— Что ты сделал, — сказал Скала, — так это примчался к шатру на верблюде, спрыгнул, налетел на нас, как ветряная мельница…

— …а еще скакал по камням и смеялся… — добавил Морри.

— Ага, а потом сказал Морри: «Защищайся, ты, Гнусный Черный Страж», — продолжил Скала. — Саданул ему по руке так, что аж зазвенело, прорезал дырку в шатре…

— А мечом ты знатно орудуешь, — одобрительно сказал Морри. — Показушничаешь, конечно, но орудуешь знатно.

— Да я *вообще* не знаю, как… — начал Виктор.

— …а она лежала внутри, вся такая томленая, — сказал Скала. — Ты ее подхватил, а она и говорит…

— Томленая? — слабо переспросила Джинджер.

— Томная, — сказал Виктор. — Я думаю, он имел в виду «томная».

— …а она и говорит: «Ах, неужели это сам… сам…» — Скала засомневался. — Богатский Вор, что ли.

— Баб-Гадский, — подсказал Морри, потирая руку.

— Точно, а еще она сказала: «Тебе грозит великая опасность, ибо мой отец поклялся убить тебя», а Виктор сказал: «Но теперь, о ярчайшая из роз, я могу открыть, что на самом деле имя мне — Песчанковая Тень…»

— А «томная» что значит? — подозрительно уточнила Джинджер.

— И еще он сказал «Бежим со мной в мою касбу», или еще что-то такое, а потом сделал эту штуку, которую вы, люди, губами делаете…

— Свистнул? — безнадежно надеясь, предположил Виктор.

— Не, другую штуку. С таким чмоканьем, будто пробку из бутылки вытаскивают, — сказал Скала.

— Поцеловал, — холодно заключила Джинджер.

— Ага. Не мне, конечно, судить, — продолжил Скала, — но вроде как это было очень долго. И очень, ну, поцелуйно.

— Я подумал, вас водой придется разливать, —

сказал за спиной у Виктора тихий собачий голос. Он, не глядя, пнул, но ни по кому не попал.

— А потом он снова запрыгнул на верблюда, и ее затащил, а потом господин Достабль закричал: «Стоп, стоп, что тут вообще творится, почему никто не объяснит мне, что тут вообще творится?» — сказал Скала. — А потом ты спросил: «Что случилось?»

— Уж и не помню, когда я в последний раз видел, чтобы так мечом махали, — признался Морри.

— О, — сказал Виктор. — Надо же. Спасибо.

— А как ты кричал — «Ха!» и «Получи, собака!». Очень профессионально, — похвалил Морри.

— Ясно, — сказал Виктор. Потянулся вбок и ухватил Джинджер за руку. — Нам нужно поговорить, — прошипел он. — В каком-нибудь тихом месте. За палаткой.

— Если ты думаешь, что я собираюсь остаться с тобой наедине… — начала Джинджер.

— Слушай, сейчас не время вести себя как…

На плечо Виктора легла тяжелая рука. Он повернулся и увидел, что мир затмила собой туша Детрита.

— Господин Достабль велел, чтобы никто никуда не уходил, — сообщил тот. — Всем оставаться

здесь, пока господин Достабль не скажет иначе.

— Ты редкостная заноза, ты это знаешь? — спросил у него Виктор. Детрит сверкнул ему широкой драгоценной ухмылкой[12].

— Господин Достабль обещал сделать меня вице-президентом, — гордо поведал он.

— По каким делам? — уточнил Виктор.

— По делам вице-президентов, — ответил Детрит.

Чудо-Пес Гаспод тихо заворчал. Верблюд, до этого лениво пялившийся на небо, бочком подобрался к Детриту и неожиданно лягнул его в поясницу. Тролль завопил. Гаспод с довольным и невинным видом оглядел окружающий мир.

— Пойдем, — мрачно сказал Виктор. — Пока он не нашел, чем стукнуть верблюда.

Они уселись в теньке за палаткой.

— Я хочу, чтобы ты себе уяснил, — холодно проговорила Джинджер, — что я ни разу в жизни не пыталась выглядеть томной.

— А стоило бы попробовать, — рассеянно отозвался Виктор.

— Что?

— Извини. Послушай, что-то заставило нас

---

[12] Примечания: 12
У троллей алмазные зубы.

вести себя вот так. Я понятия не имею, как обращаться с мечом. Я всегда им просто размахивал. А ты что почувствовала?

— Знаешь, как чувствуешь себя, когда слышишь, что кто-то что-то сказал, и понимаешь, что витала в облаках?

— Как будто твоя жизнь истаяла, а ее место заняло что-то другое.

Они молча обдумали это.

— Ты думаешь, это как-то связано с Голывудом? — спросила Джинджер.

Виктор кивнул. И вдруг кинулся вбок и приземлился на Гаспода, который внимательно за ними наблюдал.

— Тяв, — сказал Гаспод.

— А теперь *слушай*, — прошипел ему на ухо Виктор. — Хватит этих твоих намеков. Говори, что ты такое в нас заметил? А то отдам тебя Детриту. С гор-чицей.

Песик заизвивался в его хватке.

— А может, мы наденем на тебя намордник, — присоединилась Джинджер.

— Я не опасный! — взвыл Гаспод, царапая лапами песок.

— Как по мне, говорящая собака — это очень опасно, — сказал Виктор.

— Чудовищно опасно, — подтвердила Джинджер. — Никогда не знаешь, что она может сказать.

— Вот видите? Вот видите? — тоскливо проговорил Гаспод. — Я ведь знал, что ничего хорошего не выйдет, если я признаю, что умею говорить. С собакой такого происходить не должно.

– *Но произойдет*, — пообещал Виктор.

— Ну ладно. Ладно. Много пользы это вам принесет, — пробубнил Гаспод.

Виктор ослабил хватку. Песик сел и отряхнулся от песка.

— Вам все равно не понять, — проворчал он. — Другая собака поняла бы, а вам не понять. Это видовой опыт, ясно? Как поцелуи. *Вы* вот знаете, что это такое, а я — нет. Это не собачий опыт. — Он заметил предостережение в глазах Виктора и продолжил: — Дело в том, что вы выглядите так, будто принадлежите этому месту. — Гаспод внимательно посмотрел на них. — Видите? Видите? — продолжил он. — *Говорю же*, вам не понять. Дело… дело в *территориальности*, ясно? Вы по всем признакам находитесь ровно там, где и должны. Почти все здесь чужаки, а вы — нет. Э-э. Ну, вы замечали, наверное, что некоторые собаки лают на вас, когда вы приходите в новое

место? Это не только запах виноват, у нас еще есть фантастическое чувство уместности. Знаете, как некоторым людям неуютно становится, если они видят, что картина повешена криво? Вот это то же самое, только хуже. Как будто вы сейчас должны находиться здесь, и больше нигде.

Гаспод снова посмотрел на них и старательно почесал ухо.

— Да какого черта, — пробормотал он. — Вот в чем беда: я могу объяснить это по-собачьи, но слушаете-то вы по-человечьи.

— Звучит словно какая-то мистика, — сказала Джинджер.

— Ты что-то говорил про мои глаза, — напомнил Виктор.

— Ну да. А ты на них смотрел?

Гаспод кивнул Джинджер:

— И ты тоже, дамочка.

— Не говори ерунды, — сказал Виктор. — Как мы можем посмотреть на собственные глаза?

Гаспод пожал плечами.

— Ну посмотрите друг на друга, — предложил он.

Они автоматически повернулись друг к другу.

Наступила долгая пауза. Гаспод воспользовался ею, чтобы шумно помочиться на колышек

палатки.

В конце концов Виктор сказал:

— Ух ты.

— У меня тоже? — спросила Джинджер.

— Да. Это разве не больно?

— У себя спроси.

— Вот видите, — сказал Гаспод. — И к Достаблю приглядитесь, когда увидите его в следующий раз. *По-настоящему* приглядитесь, я имею в виду.

Виктор потер заслезившиеся глаза.

— Кажется, будто Голывуд призвал нас сюда, и что-то с нами сделал, и… и…

– …*заклеймил* нас, — с горечью закончила Джин-джер. — Вот что он сделал.

— На самом деле это, гм, выглядит довольно привлекательно, — галантно сказал Виктор. — Придает им этакий блеск.

На песок упала чья-то тень.

— Ах вот вы где, — сказал Достабль. Он положил руки на плечи поднявшихся Виктора и Джинджер в подобии объятия. — Вы, молодежь, вечно куда-то вместе убегаете, — лукаво заметил он. — И это хорошо для дела. Хорошо для дела. Очень романтично. Но нам нужно рисовать клик, у меня тут куча людей простаивает без толку, вас дожидаясь, так что давайте-ка сделаем это.

— Видите, о чем я? — очень тихо прошептал Гаспод.

Если знаешь, что ищешь, пропустить это было невозможно.

В серединке обоих глаз Достабля сияло по крошечной золотой звездочке.

В самом сердце великого темного континента Клатч воздух был тяжел и полон обещанием грядущего сезона дождей.

Из тростников у медленной бурой реки доносилось кваканье лягушек-быков[13]. На илистых отмелях нежились крокодилы.

Природа затаила дыхание.

Из голубятни Ажурала Н'Коута, скотовода, донеслось громкое воркование. Он прервал свою дрему на веранде и пошел посмотреть, в чем дело.

Несколько облезлых, продававшихся за бесценок ахтилоп Согну, что зевали и толпились на жаре, испуганно подняли головы, когда Н'Коут одним махом перескочил ступеньки веранды и рванул в их сторону.

Он обогнул загон для зебр и подбежал к своему помощнику М'Бу, который мирно вычищал стра-

---

[13] Примечания: 13
Но из прокатной версии их вырезали.

усиный помет.

— Сколько… — Н'Коут осекся и запыхтел.

М'Бу, которому было двенадцать, отбросил лопату и похлопал его по спине.

— Сколько… — совершил еще одну попытку Н'Коут.

— Снова перетрудились, шеф? — заботливо спросил М'Бу.

– *Сколько у нас слонов?*

— Я только что за ними убирал, — сказал М'Бу. — У нас их три.

— Уверен?

— Да, шеф, — спокойно ответил М'Бу. — Со слонами ошибиться трудно.

Ажурал уселся в красной пыли и поспешно начал выводить палочкой цифры.

— У старика Мулуккая наверняка найдется полдюжины, — бормотал он. — А у Тазикеля всегда есть десятка два, а у жителей дельты обычно…

— Кому-то нужны слоны, шеф?

— …пятнадцать голов, он сам мне говорил, и лесорубы, наверное, могут задешево продать мне партию — ну, скажем, дюжины две…

— Кому-то нужно *много* слонов, шеф?

— …говорил, что видел стадо по дороге в Т'Этсе, тут никаких проблем не будет, а есть еще всякие

долины возле…

М’Бу привалился к ограде и стал ждать.

— Где-то две сотни плюс-минус десять слонов, — заключил Ажурал, отбрасывая палочку. — И близко не хватит.

— Не бывает плюс-минус десяти слонов, шеф, — твердо заявил М’Бу. Он знал, что пересчет слонов — наука точная. Это в количестве жен запутаться можно, но только не в слонах. Слон либо есть, либо его нет.

— Нашему агенту в Клатче пришел заказ, — Ажурал сглотнул, — на тысячу слонов. Тысячу! Немедленно! С оплатой по доставке!

Ажурал уронил письмо на землю.

— Заказ из Анк-Морпорка, — с тоской проговорил он. И вздохнул. — А как было бы здорово.

М’Бу почесал голову и взглянул на собиравшиеся над горой Ф’тванги тяжелые тучи. Вскоре пересохший вельд загрохочет под ударами дождя.

Потом он наклонился и поднял палочку.

— Ты что делаешь? — спросил Ажурал.

— Карту рисую, шеф, — ответил М’Бу.

Ажурал покачал головой:

— Без толку, парень. До Анка тысячи три, что ли, миль. Я чересчур размечтался. Слишком мно-

го миль, слишком мало слонов.

— Мы можем двинуться через равнины, шеф, — предложил М'Бу. — На равнинах слонов много. Послать вперед гонцов. По пути мы без проблем наберем кучу голов. Равнина просто кишит чертовыми слонами.

— Нет, нам придется идти в обход, через побережье, — возразил скотовод, проводя в песке длинную извилистую линию. — Потому что *здесь*, — он постучал по сухой земле, — и вот *здесь*, — он снова постучал, устроив легкое сотрясение мозга выглянувшей наружу саранче, которая оптимистично приняла первый стук за начало дождя, — джунгли. А в джунглях дороги нет.

М'Бу отобрал у него палочку и прочертил сквозь джунгли прямую линию.

— Там, куда отправляется тысяча слонов, им дороги не нужны, шеф.

Ажурал задумался. Потом взял палочку и нарисовал рядом с джунглями ряд зазубрин.

— Но вот здесь находятся Горы Солнца, — сказал он. — Они очень высокие. Там множество глубоких ущелий. И ни одного моста.

М'Бу принял палочку, указал ею на джунгли и ухмыльнулся.

— Я знаю, где недавно было выкорчевано очень много первосортных деревьев, шеф, — сказал он.

— Да? Ну ладно, парень, но ведь нам нужно как-то затащить их в горы.

— Так уж получилось, шеф, что в ту сторону направляется тысяча могучих слонов.

М'Бу снова ухмыльнулся. В его племени было принято затачивать зубы до игольной остроты[14]. Он вернул палочку.

У Ажурала медленно отвисла челюсть.

— Клянусь семью лунами Назрима, — выдохнул он. — А ведь у нас может получиться. Это же всего тринадцать или четырнадцать сотен миль. А то и меньше. Да. У нас и правда может получиться.

— Вот именно, шеф.

— Ты знаешь, я всегда мечтал совершить в своей жизни что-то грандиозное. Что-то *настоящее*, — проговорил Ажурал. — А то ведь тут страуса продашь, там жирафа… разве тебя за такое запомнят… — Он устремил взгляд на сиренево-серый горизонт. — У нас же получится, да? — спросил он.

— Конечно, шеф.

— Прямо через горы?

---

[14] Примечания: 14

Не по каким-то особенным религиозным причинам. Им просто нравился эффект, который они производили, когда ухмылялись.

— Конечно, шеф.

Если как следует приглядеться, можно было заметить, что фиолетово-серое сверху увенчано белым.

— Но ведь горы довольно высокие, — сказал Ажурал; в голосе его промелькнуло сомнение.

— Склон идет вверх, склон идет вниз, — философски заметил М'Бу.

— Это верно, — согласился Ажурал. — То есть *в среднем* дорога выйдет ровная.

Он снова взглянул на горы.

— Тысяча слонов, — прошептал он. — Ты слышал, парень, что при строительстве гробницы короля Леонида Эфебского камень перевозила сотня слонов? А две сотни, как гласит история, участвовали в строительстве дворца Рокси в городе Клатч.

Издалека донесся рокот грома.

— Тысяча слонов, — повторил Ажурал. — Тысяча слонов. Интересно, зачем им столько?

Остаток дня Виктор провел как в трансе.

Было больше скачек на верблюде и драк, больше перескоков во времени. Виктор до сих пор не мог уложить это в голове. Судя по всему, пленку можно было разрезать, а потом склеить заново — так, чтобы события происходили в нужном

порядке. А некоторым событиям происходить вообще было необязательно. Он видел, как художник нарисовал табличку, которая гласила: «Во Султановом Дворце, часом поздже».

Вот так в небытие канул целый час Времени. Конечно же, Виктор понимал, что на самом деле никто хирургически не удалил этот час из его жизни. В книгах такое случалось на каждом шагу. И на сцене тоже. Как-то он смотрел выступление бродячих актеров, и спектакль переместился с «Поля битвы при Цорте» в «Эфебскую крепость, той же ночью», стоило лишь ненадолго опустить занавес из мешковины, из-за которого слышались приглушенные стуки и проклятия менявших декорации людей.

Но здесь все было иначе. Отрисовавшись в одной сцене, через десять минут ты принимался за другую, разворачивавшуюся днем раньше, потому что Достабль арендовал палатки для обеих сцен и не желал платить за них больше необходимого. Приходилось забывать обо всем, кроме того, что происходит сейчас, а это было непросто, когда ты каждую секунду ждешь, что на тебя нахлынет то неуловимое ощущение…

Оно не нахлынуло. После очередной вялой боевой сцены Достабль объявил, что клик закончен.

— А концовку мы разве рисовать не будем? — удивилась Джинджер.

— Вы ее еще утром сделали, — напомнил ей Солл.

— О.

Послышалась трепотня — это бесов выпустили из ящика, и они теперь сидели, качая ножками, на краю крышки и передавали по кругу крошечную самокрутку. Статисты выстроились в очередь за деньгами. Верблюд лягнул вице-президента по делам верблюдов. Рукояторы извлекли из ящиков огромные катушки пленки и удалились проводить таинственные ночные рукояторские обряды разрезания и склеивания. Госпожа Космопилит, вице-президент по гардеробным делам, собрала костюмы и куда-то уковыляла — возможно, снова застилать ими кровати.

Несколько акров поросшего кустарником заднего двора перестали быть бескрайними дюнами Великого Нефа и снова сделались поросшим кустарником задним двором. Виктору казалось, что примерно то же самое происходит и с ним.

Творцы магии движущихся картинок расходились по одному и по двое, смеясь, шутя и договариваясь чуть позже встретиться у Боргля.

Джинджер и Виктор остались одни в ширящем-

ся круге пустоты.

— Я так же себя чувствовала в первый раз, когда из деревни уехал цирк, — проговорила Джинджер.

— Господин Достабль говорит, завтра мы будем рисовать новый клик, — сказал Виктор. — Похоже, он их сочиняет на ходу. Зато мы заработали по десять долларов. Минус комиссионные Гаспода, — сознательно добавил он. А потом глупо улыбнулся Джинджер. — Не вешай нос, — сказал он. — Ты же занимаешься тем, о чем всегда мечтала.

— Не говори ерунды. Пару месяцев назад я даже не *знала* о движущихся картинках. Их вообще еще не было.

Они бесцельно побрели в сторону города.

— А *кем* ты хотела стать? — спросил Виктор.

Джинджер пожала плечами:

— Я не знала. Знала только, что не хочу быть до-яркой.

Дома Виктор встречал доярок. Он попытался вспомнить о них хоть что-нибудь.

— А мне всегда казалось, что это интересная работа — доить коров, — неуверенно сказал он. — Лютики всякие. И свежий воздух.

— Тебе холодно и мокро, а стоит только за-

кончить — и треклятая корова опрокидывает ведерко. Не надо мне рассказывать о работе доярки. Или пастушки. Или гусятницы. Я нашу ферму до чертиков ненавидела.

— О.

— А еще, когда мне исполнилось пятнадцать, меня хотели выдать за двоюродного брата.

— А это разрешается?

— О да. Там, откуда я родом, все выходят замуж за двоюродных братьев.

— Почему? — удивился Виктор.

— Наверное, чтобы было чем заняться в субботу вечером.

— О.

— А *ты* кем-нибудь хотел стать? — спросила Джинджер, уместив всего в две буквы столько презрения, что его хватило бы на целое предложение.

— Да, в общем, нет, — ответил Виктор. — Любое ремесло кажется интересным, пока ты им не займешься. А потом ты обнаруживаешь, что это просто очередная работа. Готов поспорить, даже люди вроде Коэна-варвара, просыпаясь поутру, думают: «О *нет*, опять целый день попирать сандалиями драгоценные троны мировых владык».

— А он этим и правда занимается? — спросила

вопреки себе заинтересованная Джинджер.

— Если верить историям — да.

— Зачем?

— Понятия не имею. Просто работа такая, видимо.

Джинджер зачерпнула горсть песка. В нем попадались крошечные белые ракушки, которые оставались в ее ладони, пока все остальное утекало сквозь пальцы.

— Я помню, как в нашу деревню приехал цирк, — сказала она. — Мне было десять. Там выступала девушка в усыпанных блестками трико. Она ходила по канату. Даже сальто на нем крутила. Все кричали и хлопали. *Мне* они даже на дерево залезть не разрешали, а *ей* хлопали. Тогда я и приняла решение.

— А-а, — протянул Виктор, пытавшийся разобраться в психологической подоплеке всего этого. — Ты решила, что кем-то станешь?

— Не пори чепуху. Я решила, что стану не просто кем-то.

Она швырнула ракушки в закат и рассмеялась.

— Я стану самой великой знаменитостью в мире, все меня полюбят, и я буду жить вечно.

— Всегда полезно знать, чего хочешь, — дипломатично заметил Виктор.

— Знаешь, в чем самая страшная на свете трагедия? — спросила Джинджер, не обращая на него ни малейшего внимания. — На свете куча людей, которые никогда не выяснят, чего они по-настоящему хотят и в чем они по-настоящему хороши. Сыновья станут кузнецами, потому что их отцы были кузнецами. Скверные пахари, которые могли бы волшебно играть на флейте, состарятся и умрут, ни разу в жизни не увидев музыкального инструмента. Множество людей никогда не узнает о своих талантах. Может, они вообще *родились* в такое время, когда об этих талантах вообще не узнать.

Она перевела дыхание:

— Трагедия в том, что все эти люди никогда не поймут, кем могли бы стать на самом деле. Во всех этих упущенных шансах. Так вот, Голывуд — это *мой* шанс. Моя возможность узнать!

Виктор кивнул.

— Да, — сказал он. Магия для обычных людей — вот как это назвал Сильверфиш. Человек начинает вращать ручку — и твоя жизнь меняется.

— И не только мой, — продолжала Джинджер. — Это шанс для *всех нас*. Тех, кто не волшебник, не король и не герой. Голывуд похож на большой кипящий котел с рагу, и на этот раз наверх всплы-

вают другие ингредиенты. И вот люди уже могут делать что-то *новое*. Ты знаешь, что женщинам нельзя играть в театрах? А в Голывуде — можно. А еще в Голывуде тролли могут найти роботу, для которой не нужно колошматить людей. А чем занимались рукояторы, пока у них не было ручек, чтобы крутить?

Джинджер махнула рукой куда-то в сторону далекого сияния Анк-Морпорка.

— Теперь они пытаются придумать, как добавить к движущимся картинкам звук, — сказала она, — а где-то *там* есть люди, которые окажутся потрясающими… потрясающими *звукарями.* Они даже еще об этом не знают — но они уже есть. Я чувствую их. Они есть.

Ее глаза сияли золотом. «Возможно, это просто закат, — подумал Виктор, — но…»

— Благодаря Голывуду сотни людей понимают, кем именно они хотят быть, — говорила между тем Джинджер. — А тысячи и тысячи — получают возможность на часок забыться. Это встряска для всего чертова мира!

— Вот именно, — сказал Виктор. — Это-то меня и беспокоит. Нас как будто расставляют по местам. Ты думаешь, что мы используем Голывуд, но это Голывуд использует нас. Всех нас.

— Как? Зачем?

— Я не знаю, но…

— Взгляни хоть на волшебников, — продолжила Джинджер, содрогаясь от праведного гнева. — На что вообще годна их магия?

— Ну, она вроде как не дает миру развалиться… — начал Виктор.

— Вот волшебное пламя и прочие такие штуки они создавать умеют хорошо — но могут ли они создать буханку хлеба? — Джинджер была не в настроении кого-то слушать.

— Ненадолго, — беспомощно ответил Виктор.

— В смысле?

— В чем-то настолько *реальном*, как буханка хлеба, содержится очень много… ну… наверное, это можно назвать энергией, — объяснил Виктор. — Для того чтобы создать столько энергии, нужна большая сила. Только очень хороший волшебник может сотворить буханку, которая протянет в этом мире больше чем долю секунды. Но, понимаешь, магия ведь не для этого нужна, — быстро добавил он, — потому что этот мир…

— Да какая разница? — перебила его Джинджер. — Голывуд делает что-то для обычных людей. Магия экрана…

— Да что на тебя нашло? Прошлой ночью…

— Это было прошлой ночью, — нетерпеливо сказала Джинджер. — Разве ты не понимаешь? Мы можем чего-то добиться. Мы можем кем-то *стать*. Благодаря Голывуду. Мир станет для нас…

— Омаром, — сказал Виктор.

Джинджер раздраженно махнула рукой.

— Да каким угодно морским гадом, — сказала она. — Хотя я думала об устрице.

— Правда? А я вот думал об омарах.

— Казначееей!

«В моем возрасте нельзя столько бегать, — подумал казначей, спеша по коридору на зов аркканцлера. — И чем его так заинтересовала эта проклятая штуковина? Чертов горшок!»

— Спешу, мэтр! — дрожащим голосом крикнул он.

Рабочий стол аркканцлера был покрыт слоем древних документов.

Когда умирал волшебник, все его бумаги складывали в один из дальних концов библиотеки. Стеллаж за стеллажом, полные тихо плесневеющих документов оби-талища таинственных жучков и сухой гнили, уходили в неведомую даль. Волшебники то и дело говорили друг другу, что исследователи могут откопать здесь истинные

сокровища — ах, если бы только у кого-нибудь нашлось на это время.

Казначей злился. Он так и не смог отыскать Библио-текаря. Орангутан в последнее время куда-то запропал. Казначею пришлось копаться на полках *лично*.

— Кажется, это последние, аркканцлер, — сказал он, обрушивая на стол пыльную бумажную лавину. Чудакулли отмахнулся от облака моли.

— Бумажки, бумажки, бумажки, — проворчал он. — Сколько, по-твоему, здесь чертовых бумажек, а?

— Э-э… Двадцать три тысячи восемьсот тринадцать, аркканцлер, — сообщил казначей. Он вел строгий учет.

— Ты только посмотри, — сказал аркканцлер. — «Звездный регистратор»… «Счетчик обращений — для использования в районах с большой миссионерской активностью»… «Болотомер»… Болотомер! Да у него в голове был полный бардак!

— У него был весьма упорядоченный ум, — поправил его казначей.

— Это одно и то же.

— А это, гм, действительно так важно, аркканцлер? — осторожно поинтересовался казначей.

— Чертова посудина в меня шариками стреляла, — ответил Чудакулли. — Дважды!

— Уверен, что это было, хм, непреднамеренно…

— Я хочу узнать, как она сделана! Ты только представь себе, какие перспективы для охоты открываются!

Казначей попытался представить себе эти перспективы.

— Не думаю, что в намерения Риктора входило изготовление какого-либо охотничьего приспособления, — без особой надежды заметил он.

— Да кому какое дело, что там входило в его намерения? Где сейчас эта штуковина?

— Я велел паре слуг обложить ее мешками с песком.

— Хорошая идея. Она…

…вумм… вумм…

Приглушенный звук доносился из коридора. Волшебники обменялись многозначительными взглядами.

…вумм… *вумм*ВУММ.

Казначей затаил дыхание.

Плиб.

Плиб.

Плиб.

Аркканцлер бросил взгляд на стоявшие на каминной полке песочные часы.

— Он теперь каждые пять минут это делает, — сказал он.

— И по три шарика выстреливает, — добавил казначей. — Придется заказать еще мешков с песком.

Он бегло просмотрел стопку бумаг. И зацепился взглядом за одно из слов.

«Реальности».

Казначей взглянул на покрывавшие страницу строчки. Они были написаны очень мелким, тесным, старательным почерком. Кто-то говорил ему, что это оттого, что у Риктора-Счетовода был анально-удерживающий тип характера. Казначей не знал, что это значило, и надеялся никогда не узнать.

Соседним словом было «измерения». Взгляд казначея пополз выше и вобрал подчеркнутый заголовок целиком: «Заметки относительно объективного измерения реальности».

В верхней части страницы была диаграмма. Казначей уставился на нее.

— Нашел что-нибудь? — спросил аркканцлер, не поднимая головы.

Казначей упрятал бумажку в рукав мантии.

— Ничего особенного, — ответил он.

У подножия холма с шумом накатывал на берег прибой. (… а под водой расхаживали задом наперед по затопленным улицам омары…)

Виктор бросил в костер еще один кусок плавника. Соль окрасила пламя синим.

— Я ее не понимаю, — признался он. — Вчера она была нормальной, а сегодня ей вдруг что-то в голову ударило.

— Суки! — сочувственно отозвался Гаспод.

— Ну, так далеко заходить бы я не стал, — сказал Виктор. — Она просто холодная.

— Ледышки! — сказал Гаспод.

— Вот что разум с половой жизнью делает, — заметил Какой-Я-Тебе-Господин Попрыгун. — У кроликов таких проблем не бывает. Пообщались — разбежались.

— Попробуй принефти ей мыфку, — посоветовал кот. — Только не иф чифла прифутфтвующих, — виновато добавил он, избегая гневного взгляда Вовсе-Не-Писк.

– *Моей* общественной жизни разум тоже не поспособствовал, — горько сказал Господин Попрыгун. — Неделю назад все было пучком. А теперь мне вдруг захотелось светских бесед, а эти только и делают, что сидят да носами подергива-

ют. Полным дураком себя чувствуешь.

Раздалось придушенное кряканье.

— Утенок спрашивает, сделал ли ты что-нибудь с книгой, — сказал Господ.

— Я почитал ее, когда у нас был перерыв на обед.

Утенок снова раздраженно крякнул.

— Утенок говорит: «Да, но ты что-нибудь с ней сделал?» — перевел Господ.

— Слушайте, ну я же не могу просто так взять и смотаться в Анк-Морпорк, — огрызнулся Виктор. — Это же сколько часов нужно! А мы и так весь день рисуемся!

— Попроси отгул на день, — предложил господин Попрыгун.

— В Голывуде никто отгулов не просит! — сказал Виктор. — Меня один раз уже уволили, спасибо.

— И взяли обратно за большие деньги, — напомнил Господ. — Странно, да? — Он почесал ухо. — Скажи ему, что в твоем договоре указано, что ты можешь взять отгул.

— У меня нет никакого договора. Ты же *знаешь*. Ты работаешь — тебе платят. Все просто.

— Ага, — сказал Господ. Ага. Ага? Устный договор. Все просто. Мне это *нравится*.

Ночь близилась к концу, и Детрит неловко топтался в тени у задней двери «Голубой глины». Целый день его тело терзала незнакомая страсть. Стоило ему закрыть глаза — и он видел фигуру, похожую на небольшой холм.

Ему пришлось взглянуть правде в глаза.

Детрит влюбился.

Да, он провел множество лет в Анк-Морпорке, избивая людей за деньги. Да, это была жестокая, лишенная дружбы жизнь. Одинокая жизнь. Он смирился с тем, что его ожидает горькая холостяцкая старость, — и тут Голывуд неожиданно преподнес ему шанс, о котором Детрит даже и не мечтал.

Его воспитывали в строгости, и он смутно припоминал лекцию, которую ему, тогда еще юному троллю, прочел отец. Если ты встретил девушку, которая тебе нравится, нельзя просто так на нее кидаться. Для таких вещей существуют правила.

Детрит спустился на берег и отыскал там камень. Но не обычный булыжник. Он присматривался очень внимательно и нашел большой, отшлифованный морем камень с розовыми прожилками и крапинками белого кварца. Девушкам такие нравятся.

Теперь он робко ждал, пока Рубина закончит

ра-боту.

Детрит пытался сообразить, что ей сказать. Никто никогда не объяснял ему, о чем говорить с женщинами. Он был не из умников вроде Скалы или Морри, у которых язык был хорошо подвешен. По сути, у Детрита никогда не возникало нужды в том, что можно было назвать словарным запасом. Он угрюмо поковырялся ногой в песке. Разве он ровня такой умной даме?

Послышался тяжелый топот, и дверь открылась. Объект его мечтаний вышел в ночь и глубоко вздохнул, что подействовало на Детрита примерно так же, как прикосновение ледяного кубика к шее.

Он панически оглядел свой камень. Теперь, в сравнении с ней, тот казался не таким уж и большим. Но, может быть, самое главное — то, как ты с ним управляешься.

Ну что ж, час настал. Говорят, что первый раз не забывается никогда…

Он замахнулся камнем и ударил Рубину точно между глаз.

И вот тут-то все и пошло наперекосяк.

Традиция гласила, что, когда девушка придет в себя (и если камень соответствовал принятым нормам), она должна немедленно согласиться

на все, что предложит тролль, т. е. на ужин человечиной при свечах — хотя, разумеется, теперь это было не принято, по крайней мере, если существовала хоть какая-то вероятность быть пойманными.

Чего она делать точно была не должна — так это, прищурившись, отвесить кавалеру такую оплеуху, что у того глаза в орбитах задребезжали.

— Ты глупый тролль! — закричала Рубина на описывавшего вихляющие круги Детрита. — Ты зачем это сделал? Ты что, думаешь, я только с горы спустилась? Ты почему все неправильно сделал?

— Но, но, — начал устрашенный ее гневом Детрит, — я не мог попросить у твоего отца разрешения тебя ударить, я ведь не знаю, где он живет…

Рубина высокомерно вскинула нос.

— Все эти старомодные ухаживания — такое бескультурье, — фыркнула она. — Очень несовременно. А мне неинтересны тролли, — добавила она, — которые не идут в ногу со временем. Камнем по голове — это, конечно, очень сентиментально, — продолжала Рубина, и уверенность покидала ее голос по мере того, как она при-

ближалась к концу фразы, — но лучшие друзья девушек — это бриллианты.

Она осеклась. Даже ей самой эти слова показались странными.

А уж Детрита они и подавно привели в недоумение.

— Что? Енто ты хочешь, чтобы я себе зубы вышиб? — спросил он.

— Ну ладно, не бриллианты, — уступила Рубина. — Но ты должен… должен… — Она умолкла.

Она и сама до конца не понимала, что именно он должен сделать. Но Рубина провела в Голывуде уже несколько недель, а если Голывуд что и умел делать, так это *менять* своих жителей; в Голывуде она влилась в огромное межвидовое масонское сестринство и быстро училась. Она много общалась с сочувствующими человеческими девушками. И с гномихами. Боги, даже у *гномов* ритуалы ухаживания были лучше[15]. А уж у людей — и вовсе *потрясающие.*

А троллихе предлагалось только ждать, когда ее по-быстрому стукнут по голове, а потом проводить остаток жизни в подчинении и готовить

---

[15] Примечания: 15

Все гномы бородаты и облачены во множество слоев одежды. Их ухаживание заключается в первую очередь в том, чтобы деликатно и ненавязчиво выяснить, какого пола их избранник.

все, что супруг притащит в пещеру.

Ну нет, пора было что-то менять. Когда Рубина в следующий раз вернется домой, тролльи горы ожидает самое великое потрясение со времен последнего столкновения континентальных плит. А пока что она намеревалась начать с собственной жизни.

Она неопределенно покрутила в воздухе массивной рукой.

— Ты должен петь песни под окном у девушки, — сказала она, — а еще… еще дарить ей *уграах.*

— Уграах?

— Да. *Красивые* уграах[16].

Детрит почесал голову.

— Ento зачем? — спросил он.

На мгновение Рубина запаниковала. Она тоже никак не могла сообразить, что такого важного в дарении несъедобных растений, но признаваться в этом не собиралась.

— Странно, что ты этого не знаешь, — едко сказала она.

---

[16] Примечания: 16

В языке троллей 5400 слов, обозначающих камни, и лишь одно — для растений. «Уграах» — это все, начиная ото мха и заканчивая гигантскими секвойями. С точки зрения троллей, то, что несъедобно, имен не заслуживает.

Сарказм прошел мимо Детрита. Как и большинство вещей.

— Понял, — сказал он. И добавил: — Я не такой бескультурный, как ты думаешь. Я очень современный. Вот увидишь.

Воздух полнился стуком молотков. Здания распространялись от безымянной главной улицы, захватывая дюны. В Голывуде у земли хозяев не было; если она была пустой — ты на ней строил.

У Достабля было теперь два офиса. В одном он сам орал на людей, а в другом, побольше, снаружи, люди орали друг на друга. Солл орал на рукояторов. Рукояторы орали на алхимиков. Бесы шлялись по любой плоской поверхности, тонули в кофейных чашках и орали друг на друга. Два экспериментальных зеленых попугая орали сами на себя. Люди, одетые в странные костюмы, забредали внутрь и орали просто так. Сильверфиш орал, потому что никак не мог взять в толк, отчего его стол перетащили во внешний офис, хотя студия принадлежит ему.

У двери во внутренний офис невозмутимо сидел Гаспод. За последние пять минут ему отвесили один несильный пинок, подкинули одну размокшую печеньку и один раз потрепали его по голове. По собачьему разумению, счет был в

его пользу.

Он пытался подслушивать все разговоры сразу. Это было весьма познавательно. Например, кое-кто из приходивших и оравших людей приносил с собой мешочки денег…

— Что ты сказал?

Этот вопль донесся из внутреннего офиса. Гаспод поднял другое ухо.

— Мне, э-э, нужен отгул, господин Достабль, — сказал Виктор.

– *Отгул?* Ты не желаешь работать?

— Всего на день, господин Достабль.

— Ты ведь не думаешь, что я стану платить людям за то, что они берут отгулы? Я деньги из воздуха доставать не умею, знаешь ли. У нас и прибыли-то никакой нет. Может, еще и арбалет мне к виску приставишь?

Гаспод перевел взгляд на мешочки, лежавшие перед Соллом, который яростно пересчитывал кучки монет. И цинично приподнял бровь.

В офисе было тихо. «О нет, — подумал Гаспод. — Молодой болван забывает свои реплики».

— Мне не нужны деньги, господин Достабль.

Гаспод расслабился.

— Тебе не нужны деньги?

— Нет, господин Достабль.

— Но работа-то тебе, наверное, будет нужна, когда вернешься? — саркастически поинтересовался Достабль.

Гаспод напрягся. Он долго дрессировал Виктора.

— Ну да, господин Достабль. Но я подумывал узнать, что мне может предложить «Союзалхимик».

Раздался звук, очень сильно напоминавший грохот ударившейся о стену спинки стула. Гаспод злорадно ухмыльнулся.

На стол перед Соллом бросили еще один мешочек с деньгами.

– *«Союзалхимик»!*

— Похоже, у них наметился большой прогресс в плане звуковых кликов, господин Достабль, — скромно сказал Виктор.

— Да они же любители! И *мошенники*!

Гаспод насупился. Дальше он Виктора натаскать не успел.

— Ну так это и хорошо, господин Достабль!

— В каком это смысле?

— Ну, было бы ужасно, если бы они оказались мошенниками, да еще и *профессионалами*.

Гаспод кивнул. Молодец. Молодец.

Послышался стук шагов, поспешно огибавших

стол. Когда Достабль заговорил снова, в его голосе можно было пробурить скважину и продавать добытое по десять долларов за баррель.

— Виктор! Вик! Я же тебе был как родной дядя!

«Ну да, — подумал Гаспод. — Он тут много кому как родной дядя. Потому что тут работают сплошь его племянники».

Он перестал слушать, отчасти потому, что отгул Виктору был уже гарантирован, и даже оплачиваемый, но главным образом из-за того, что в комнату ввели другого пса.

Большого и лоснящегося. С шерстью блестящей, как мед.

Гаспод опознал в нем чистокровную овцепикскую гончую. Пес уселся рядом с ним — как будто рядом с угольной баржой пришвартовалась восхитительно стильная гоночная яхта.

Он услышал, как Солл спросил:

— Так это, значит, дядюшкина новая затея, да? Ну и как его зовут?

— Лэдди, — ответил дрессировщик.

— И сколько мы за него отдали?

— Шестьдесят долларов.

— За *пса?* Не тем мы занимаемся.

— Заводчик говорит, он всякие разные трюки выделывать может. Умненький-разумненький,

говорит. Как раз то, что нужно господину Достаблю.

— Ну ладно, привяжи его вон там. А если вторая псина драку затеет, вышвырни ее.

Гаспод устремил на Солла долгий многозначительный взгляд. А потом, когда от них отвлеклись, придвинулся поближе к новичку, оглядел его с лап до головы и тихонько заговорил уголком пасти.

— Ты тут зачем? — спросил он.

Пес уставился на него с полным изящества недоумением.

— С хозяином приехал или как? — продолжил Гаспод.

Пес тихо заскулил.

Гаспод перешел на упрощенный собачий, представлявший собой смесь повизгиваний и фырканья.

– *Эй*? — спросил он. — *Есть кто дома*?

Пес неуверенно застучал хвостом.

– *Кормят здесь паршиво*, — сообщил Гаспод.

Пес поднял свою крайне породистую морду.

– *Куда я попал?* — спросил он.

– *Это Голывуд*, — дружелюбно ответил Гаспод. — *Меня Гаспод зовут. В честь знаменитого Гаспода. Если что хочешь узнать, только…*

— Сколько много двуногих. Ы-ы-ы… Куда я попал?

Гаспод уставился на него.

В этот момент открылась дверь в офис Достабля. Появилась сигара, а на конце ее — кашляющий Виктор.

— Отлично, отлично, — говорил вышедший следом Достабль. — Я так и знал, что мы все утрясем. Ты, парень, не трать сигару зря. Они по доллару за коробку стоят. О, я смотрю, ты свою собачонку привел.

— Гав, — раздраженно сказал Гаспод.

Второй пес коротко тявкнул и выпрямился, каждой шерстинкой излучая покорную готовность.

— А, — сказал Достабль, — а вот и наш чудопес.

Гасподово подобие хвоста дернулось раз, другой.

А потом на него обрушилось осознание.

Он взглянул на крупного пса, открыл рот, чтобы заговорить, но вовремя спохватился и успел вместо этого выдать:

– Тяв?

— Это я той ночью придумал, когда твоего пса первый раз увидел, — поведал Достабль. — Мне

в голову пришло: люди ведь любят животных. Я вот люблю собак. Собака — хороший образ. Жизни спасает, лучший друг Человека и прочая петрушка.

Виктор взглянул на разъяренную морду Гаспода.

— Гаспод *очень* умный, — сказал он.

— О, не сомневаюсь, что ты в это веришь, — сказал Достабль. — Но ты просто сравни их. С одной стороны — вот этот яркий, проворный, красивый зверь, а с другой — твой пыльный катышек с похмельем. Сразу ясно, кто победитель, верно?

«Чудо-пес» порывисто гавкнул:

– Куда я попал? Лэдди — хороший мальчик!

Гаспод закатил глаза.

— Видишь, о чем я? — спросил Достабль. — Подобрать ему правильное имя, чуток натаскать — и у нас на руках породистая звезда. — Он снова похлопал Виктора по спине. — Рад был встрече, рад был встрече, заглядывай когда угодно, только не слишком часто, давай как-нибудь перекусим вместе, а теперь выметайся. *Солл!*

— Иду, дядя.

Виктор неожиданно остался в одиночестве, если не считать собак и всех остальных людей в комнате. Он вытащил изо рта сигару, плюнул на

зажженный кончик и осторожно спрятал ее за горшок с цветком.

— У нас на руках породистая балда, — донесся снизу тихий убийственный голос.

– *Чего он сказал? Куда я попал?*

— На меня не смотри, — сказал Виктор. — Я тут ни при чем.

— Да ты только взгляни на него! Ну полный же кретин, разве нет? — процедил Гаспод.

– *Лэдди — хороший мальчик!*

— Пойдем, — сказал Виктор. — Мне через пять минут нужно быть на рисовальной площадке.

Гаспод потащился за ним, что-то бормоча себе под облезлый нос. Время от времени до Виктора доносилось «коврик старый» и «лучший друг Человека» и «чудо-пес, так его перетак». В конце концов он не вытерпел.

— Ты просто завидуешь, — сказал он.

— Кому, щенку-переростку с коэффициентом интеллекта меньше десятка? — съязвил Гаспод.

— А *еще* с блестящей шерстью, холодным носом и родословной длиной с твою ру… с мою руку, — добавил Виктор.

— Родословной? *Родословной?* Да что такое эта родословная? Это же просто размножение. У меня тоже отец был, знаешь ли. И два деда. И целых

четыре прадеда. И многие из них вообще были одним и тем же псом. Так что не надо тут говорить, что у меня нет родословной, — сказал Гасод.

Он остановился, чтобы задрать лапу у одного из столбиков, на которых висел новенький знак «Студия движущихся картинок “Век Летучей Мыши”».

Это была еще одна из тех вещей, что озадачили Томаса Сильверфиша. Тем утром он пришел на работу и увидел, что нарисованная вручную вывеска «Интересной и Познавательной Синематографии» исчезла, сменившись этим огромным знаком. Он как раз сидел в офисе, схватившись за голову, и пытался убедить себя, что это была его идея.

— Это *меня* призвал Голывуд, — бубнил полным жалости к себе голосом Гаспод. — Я сюда притащился, а они выбрали этого здорового волосатого обалдуя. Он небось и работать будет за миску мяса в день.

— Слушай, а может быть, Голывуд тебя призвал не для того, чтобы ты был чудо-псом, — предположил Виктор. — Может, у него на тебя другие планы.

«Бред какой-то, — подумалось ему. — Почему мы так о нем говорим? У места не может быть

разума. Оно не может кого-то призвать… ну, если не считать таких вещей, как тоска по дому. Но ведь нельзя тосковать по месту, в котором ты ни разу не был, — это просто нелогично. А сюда люди не заглядывали уже несколько тысяч лет».

Гаспод обнюхал стену.

— Ты Достаблю все сказал, что я тебе велел? — осведомился он.

— Да. Он очень встревожился, когда я упомянул «Союзалхимик».

Гаспод усмехнулся:

— А мои слова про то, что устный договор не стоит бумаги, на которой напечатан, ты передал?

— Да. Он сказал, что не понимает, о чем я. Но предложил мне сигару. И пообещал *заплатить* нам с Джинджер за скорую поездку в Анк-Морпорк. Вроде как он у него в планах очень масштабная картинка.

— Какая? — подозрительно спросил Гаспод.

— Он не сказал.

— Слушай, парень, — заговорил Гаспод. — Достабль гребет деньги лопатой. Я их посчитал. На столе у Солла было пять тысяч двести семьдесят три доллара и пятьдесят два пенса. И их заработал ты. Ну, вместе с Джинджер.

— Вот это да!

— Так вот, я хочу, чтобы ты заучил кое-какие новые слова, — сказал Гаспод. — Ты как, сможешь?

— Надеюсь, что да.

— «Про-цент от сбо-ров», — сказал Гаспод. — Вот. Запомнишь?

— «Про-цент от сбо-ров», — повторил Виктор.

— Умничка.

— И что это значит?

— Об этом не беспокойся, — сказал Гаспод. — Ты, главное, скажи, что требуешь этого. В правильный момент.

— И когда настанет этот правильный момент? — поинтересовался Виктор.

Гаспод неприятно ухмыльнулся:

— О, лучше всего — когда Достабль только-только набьет себе рот едой.

Голывудский холм кишел деятельностью, как муравейник. На обращенном к морю склоне студия «Братья Дворнеры» рисовала «Третьего гнома». Студия «Микролит», почти целиком состоявшая из гномов, в поте лица трудилась над «Золотоискателями 1457 года» и готовилась запустить в производство «Золотую лихорадку». Студия «Рыбий пузырь» доделывала «Косу Бланка». А в заведении Боргля яблоку было негде упасть.

— Не помню, как она там называется, но мы делаем картинку, в которой все ищут волшебника. Что-то там про лизоблюдный город.

— А я думал, в Голывуд волшебников не пускают.

— О, да это не такой волшебник. Он и колдовать-то толком не умеет.

— А остальные что, умеют?

Звук! Вот в чем была главная загвоздка. Алхимики гнули спины в сараях по всему Голывуду, орали на попугаев, умоляли скворцов, выдували сложнейшие бутылки, в которые ловили звук, чтобы он там блуждал, пока не настанет время выпустить его на свободу. Периодический грохот взрывающейся октоцеллюлозы перемежался теперь с утомленными всхлипами и истошными воплями, раздававшимися, когда обозленный попугай путал неосторожный палец с орешком.

Попугаи не оправдывали возложенных на них на-дежд. Да, они и правда запоминали то, что слышали, и могли это повторить, однако выключить их было нельзя, и еще у них была вредная привычка импровизировать, добавляя другие звуки, которым их научила жизнь или — как подозревал Достабль — проказливые рукояторы. Поэтому между репликами романтического диа-

лога время от времени возникало что-то вроде «Ваааарррк! Покажитруселя!», а Достабль утверждал, что такого рода картинки выпускать не собирается — по крайней мере, пока.

Звук! Говорили, что тот, кто первым его получит, будет править Голывудом. Пока что народ валом валил на клики, но народ непостоянен. Даже цвет был не так важен. Чтобы получить цвет, всего-то и нужно было, что вывести бесов, которые смогут достаточно быстро раскрашивать картинки. А вот звук стал бы чем-то совершенно новым.

Пока что принимались временные меры. Гномья студия отказалась от всеобщей практики показывать реплики на табличках между сценами и изобрела субтитры, которые неплохо работали, если актеры, забывшись, не делали лишний шаг вперед и не опрокидывали буквы.

В отсутствие звука приходилось от края до края заполнять экран пиршеством для глаз. Стук молотков всегда был фоновым шумом Голывуда, но теперь он удвоился…

В Голывуде возводили города всего Плоского мира.

Первой за это взялась студия «Союзалхимик», построившая из холста и дерева копию Великой

Пирамиды Цорта в одну десятую натуральной величины. Вскоре на задних дворах проросли целые анк-морпоркские улицы, дворцы Псевдополиса, замки Пупземелья. В отдельных случаях улицы рисовались на задниках дворцов, так что принцев от нищих отделяла лишь раскрашенная мешковина.

Остаток утра Виктор провел, рисуясь в однокатушечнике. Джинджер не обменялась с ним ни словом, даже после обязательного поцелуя, которым окончилось ее спасение от той твари — как бы она там ни называлась, — которую изображал сегодня Морри. Сегодня голывудская магия не сработала. Виктор был рад покончить с работой.

Потом он забрел на задний двор, чтобы посмотреть, как дрессируют Чудо-Пса Лэдди.

Увидев, как его изящная фигура стрелой пролетает над всеми препятствиями и кусает дрессировщика за руку в плотной перчатке, нельзя было не поверить, что этот пес самой Природой создавался для движущихся картинок. Он даже лаял фотогенично.

— А знаешь ли ты, что он говорит? — спросил у Виктора недовольный голос. Это был Гаспод — воплощение кривоногого несчастья.

— Нет. А что?

— «*Моя Лэдди. Моя хороший мальчик. Лэдди — хороший мальчик*», — перевел Гаспод. — Блевать хочется, правда?

— Да, но можешь ли ты перескочить шестифутовый барьер? — поинтересовался Виктор.

— А это типа показатель разума? — спросил Гаспод. — Я барьеры всегда *обхожу*... а что они там делают?

— Кажется, кормят его.

— И это они называют кормежкой?

На глазах у Виктора Гаспод подошел к миске и заглянул в нее. Лэдди покосился на него. Гаспод тихо гавкнул. Лэдди заскулил. Гаспод снова гавкнул.

Последовал долгий обмен тявканьем.

Затем Гаспод неспешно вернулся к Виктору и уселся рядом с ним.

— Смотри, что будет, — велел он.

Лэдди поднял миску зубами и перевернул ее.

— Редкостная дрянь, — сказал Гаспод. — Кишки да прочие потроха. Я бы таким собаку кормить не стал, а я *и есть* собака.

— Ты подговорил его перевернуть миску с собственным обедом? — ужаснулся Виктор.

— Ну, он же такой послушный мальчик, — самодовольно ответил Гаспод.

— Какая *подлость*!

— О нет. Я ведь ему еще и совет дал.

Лэдди решительно облаял собравшихся вокруг него. Виктор слышал, как они перешептываются.

– Пес не хочет обед, — говорил Детрит, — *значит, пес будет голодный.*

– С ума сошел? Господин Достабль говорил, он стоит больше, чем все мы.

— Может, он к такой кормежке не привык. Такой-то роскошный пес. А мы ему какую-то дрянь суем.

— Енто собачья *еда! Енто то, что едят собаки!*

— Да, но едят ли это чудо-собаки*? Чем их вообще кормят?*

— Господин Достабль тебя *ему скормит, если чего не так будет.*

— Ну ладно, ладно. Детрит, сходи до Боргля. Посмотри, что у него есть. Только то, что он клиентам подает, не бери.

— Так вот это самое он клиентам и подает.

— Вот и я о том же.

Через пять минут вернулся Детрит с девятифунтовым куском свежей вырезки. Ее бухнули в собачью миску. Дрессировщики уставились на Лэдди.

Лэдди покосился на Господа, и тот едва заметно кивнул.

Большой пес уперся лапой в один конец вырезки, ухватил другой зубами и оторвал кусок. Подошел к ограде и уважительно положил его перед Господом, который смерил мясо долгим расчетливым взглядом.

— Ну не знаю, — сказал он наконец. — Как по-твоему, Виктор, похоже это на десять процентов?

— Ты что, *комиссию* с него стребовал?

— По-моему, десять процентов — это справедливо. Особенно с учетом обстоятельств, — невнятно ответил Господ, потому что рот его был набит мясом.

— Знаешь, а ты *и впрямь* сукин сын, — сказал Виктор.

— И горжусь этим, — пробубнил Господ. Он заглотил остаток вырезки. — Ну, чем займемся теперь?

— Мне бы лечь пораньше. Завтра мы рано утром уезжаем в Анк, — с сомнением проговорил Виктор.

— С книгой так и не продвинулся?

— Нет.

— Дай-ка я на нее взгляну.

— А ты умеешь читать?

— Не знаю. Не пробовал.

Виктор огляделся. Никто не обращал на него внимания. Так было всегда. Стоило ручке перестать вращаться — и об актерах все забывали; они как будто на время превращались в невидимок.

Он сел на кучу бревен, открыл книгу на случайной странице, ближе к началу, и представил ее критическому взгляду Господа.

В конце концов пес сказал:

— Она вся в каких-то закорючках.

Виктор вздохнул:

— Это письмена.

Господ прищурился:

— Что, вот эти вот мелкие картиночки?

— В ранних языках так и было. Люди рисовали мелкие картинки, которые обозначали идеи.

— То есть… если одна картинка повторяется много раз, значит, это очень важная идея?

— Что? Ну да. Наверное, так.

— Как мертвец.

Виктор растерялся:

— Тот, которого я нашел на пляже?

— Нет. Мертвец на этих страничках. Видишь? Он тут везде.

Виктор обескураженно посмотрел на Господа, а потом перевернул книгу и уставился на нее.

— Где? Я не вижу никаких мертвецов.

Гаспод фыркнул.

— Посмотри на страницу повнимательнее, — посоветовал он. — Он похож на те надгробия, которые бывают во всяких там старых храмах. Понимаешь, о чем я? Где на крышке лежит этакая статуя жмурика с руками, сложенными на мече. Мертвой шишки.

— Боги! А ведь ты прав. Он и правда выглядит каким-то… мертвым…

— Наверное, там написано, каким он был славным парнем, когда был живой, — с видом знатока сказал Гаспод. — Ну, знаешь, «Победитель тысяч» и все такое. Наверное, оставил священникам кучу денег, чтобы они за него молились, свечки зажигали, козлов там резали. Раньше такое часто бывало. Все эти мужики развратничали, пили и ни о чем не думали всю свою жизнь, но только Мрачный Жнец принимался затачивать косу, как они сразу становились такими примерными-примерными и платили всяким-разным жрецам, чтобы те по-быстрому отмыли их душонки и рассказали богам, какие они хорошие ребята.

— Гаспод? — ровным голосом сказал Виктор.

— Чего?

— Ты ведь в цирке выступал. Откуда ты все это

знаешь?

— Я тебе не просто красавчик.

— Да ты даже и не красавчик, Господ.

Песик пожал плечами.

— Но глаза-то с ушами при мне были всегда, — сказал он. — Ты поразишься, сколько всего можно увидеть и услышать, если ты — собака. Раньше-то я, конечно, не знал, что все это значит. А теперь знаю.

Виктор снова взглянул на страницы. На них определенно присутствовало изображение, которое, если прищуриться, весьма напоминало статую рыцаря, возложившего руки на свой меч.

— Возможно, этот символ не означает именно человека, — сказал он. — Пиктографическое письмо не так работает. Все зависит от контекста. — Виктор напряг мозг, припоминая виденные когда-то книги. — Вот, например, в агатском языке значки «женщина» и «рабыня», если их рядом поставить, означают «жена».

Он пригляделся повнимательнее. Мертвый человек (или спящий человек, или человек, стоявший, сложив руки на мече, — фигурка была такой условной, что понять было сложно) возникал рядом с еще одной часто встречавшейся пиктограммой. Виктор пробежался пальцем

вдоль строчки.

— Смотри, — сказал он, — возможно, этот человек — лишь часть слова. Видишь? Он всегда стоит справа вот от этой картинки, которая похожа… на дверь, что ли. Так что на самом деле это может означать… — он поколебался. И предположил: — «Дверь/человек».

Виктор чуть наклонил книгу.

— Может, это какой-нибудь древний король, — сказал Господ. — Может, это значит что-нибудь вроде «Человек с Мечом Попал в Тюрьму». А может, «Берегись, За Дверью Человек с Мечом». Что угодно это может значить, в общем.

Виктор снова прищурился на книгу.

— Странно, — сказал он. — Он не выглядит мертвым. Он просто… неживой. Может, он ждет, когда станет живым? Ожидающий человек с мечом?

Виктор не сводил взгляда с маленькой фигурки. Особых черт лица у нее не было, но все равно она умудрялась выглядеть смутно знакомой.

— Ты знаешь, — сказал Виктор, — а он очень похож на моего дядю Озрика…

Кликакликаклика. Клик.

Пленка остановилась. Раздался гром аплодисментов, топот ног, пролился дождь пакетов

из-под хлопнутых зерен.

С первого ряда «Одиоза» глядел на опустевший экран Библиотекарь. Он смотрел «Песчанковую тень» уже четвертый раз за день, потому что в трехсотфунтовом орангутане было что-то такое, из-за чего люди не испытывали особенного желания выгонять его из зала между показами. У его ног лежали груды арахисовой шелухи и скомканных бумажных пакетов.

Библиотекарь обожал клики. Они задевали какие-то струны его души. Он даже начал писать историю, из которой, как он думал, выйдет отличная движущаяся картинка[17]. Все, кому Библиотекарь ее показывал, говорили, что получилось замечательно, часто еще до того, как успели ее прочитать.

Но что-то в этом клике его беспокоило. Библиотекарь посмотрел его четыре раза и до сих пор не успокоился.

Он слез с трех кресел, которые занимал, и, опираясь на кулаки, пошел в маленькую будку, где Безам перематывал пленку.

Когда дверь открылась, Безам поднял взгляд.

— Убирайся к… — начал он, а потом отчаянно

---

[17] Примечания: 17

В ней рассказывалось о юном примате, который теряется в большом городе и, взрослея, учится говорить на языке людей.

улыбнулся и сказал: — День добрый, господин. Неплохой клик, а? Еще несколько минут — и мы снова его покажем… *эй, ты что творишь? Нельзя этого делать!*

Библиотекарь сорвал с проектора большую катушку и протащил пленку сквозь кожаные пальцы, разглядывая ее на просвет. Безам попытался ее отобрать, но ему в грудь уткнулась ладонь, твердо усадившая его на пол, где на хозяина «Одеона» падали огромные витки пленки.

Он с ужасом увидел, как огромная обезьяна фыркнула, ухватила обеими руками кусочек пленки и парой укусов произвела монтаж. Потом Библиотекарь поднял Безама, отряхнул его, потрепал по голове, свалил ему на руки кучу размотанной пленки и быстрым шагом уковылял из будки, зажав в одной лапе несколько кадров.

Безам беспомощно смотрел ему вслед.

— Ноги твоей здесь больше не будет! — завопил он, когда ему показалось, что Библиотекарь его уже не услышит.

Потом Безам взглянул на два откушенных конца клика.

Разрыв пленки был делом обычным. Безам уже много нервных минут провел за лихорадочными обрезкой и склеиванием, пока зрители жизнера-

достно топали ногами и дружелюбно швырялись в экран арахисом, ножами и боевыми топорами.

Он уронил пленочные витки на пол и потянулся за ножницами и клеем. По крайней мере — как обнаружил Безам, подняв оба конца к фонарю, — Библиотекарь забрал не слишком интересный кусок. Странное дело. Безам не удивился бы, если бы орангутан забрал тот фрагмент, где у девушки слишком сильно оголилась грудь, или одну из боевых сцен. Но ему зачем-то понадобился отрывок, где Сыны гуськом выезжали из своей горной крепости на совершенно одинаковых верблюдах.

— Не знаю, зачем он ему, — пробормотал Безам, снимая крышку с горшочка с клеем. — Там и нет ничего, кроме груды камней.

Виктор и Гаспод стояли посреди песчаных дюн неподалеку от берега.

— Вон там стоит хижина из плавника, — показал Виктор, — а если приглядеться, можно увидеть, что к холму идет что-то вроде дороги. Но на холме ведь ничего нет, кроме старых деревьев.

Гаспод посмотрел в другую сторону, на Голывудский залив.

— Странно, что он круглый, — заметил песик.

— Я тоже так подумал, — признался Виктор.

— Я как-то слышал, что был однажды город, настолько провинившийся, что боги обратили его в лужу расплавленного стекла, — ни с того ни с сего припомнил Гаспод. — А единственный человек, который это видел, стал превращаться днем в соляной столб, а ночью — в сырницу.

— Жуть какая. А что натворили его жители?

— Не знаю. Наверное, ничего особенного. Богов обозлить нетрудно.

– Моя хороший мальчик! Хороший мальчик Лэдди!

Пес несся над дюнами, точно поросшая золотой и рыжей шерстью комета. Он затормозил перед Гасподом и принялся скакать на месте, возбужденно гавкая.

— Он сбежал и хочет, чтобы я с ним поиграл, — недовольно объяснил Гаспод. — Ну не чучело? *Лэдди, умри.*

Лэдди послушно перекатился на спину и задрал лапы в воздух.

— Видишь? Все понимает, что ни скажи, — проворчал Гаспод.

— Ты ему нравишься, — сказал Виктор.

— Ха, — фыркнул Гаспод. — Ну и чего собаки добьются, если будут с обожанием круги наматывать вокруг тех, кто им жратвы подкинул? А это

он мне зачем притащил?

Лэдди положил перед Гасподом палку и выжидательно на него смотрел.

— Он хочет, чтобы ты ее бросил?

— Зачем?

— Чтобы он принес ее обратно.

— Чего я не понимаю, — сказал Гаспод, когда Виктор подобрал палку и швырнул ее, а Лэдди унесся прочь, не отставая от нее ни на шаг, — так это как из волков получились мы. Ну, то есть обычный волк — тварь башковитая, понимаешь, о чем я? От зубов до хвоста набит хитростью. Серые лапищи несутся по непокоренной тундре и все такое.

Гаспод устремил мечтательный взгляд на далекие горы.

— Но проходит несколько поколений — и получается вот этакий щеночек-голубочек с холодным носом, ясными глазками, шелковистой шерсткой и мозгами как у оглушенной селедки.

— И еще ты, — сказал Виктор. Лэдди возвратился в вихре песка и уронил перед ним обслюнявленную палку. Виктор подобрал ее и снова бросил. Лэдди ускакал прочь, захлебываясь от восторженного лая.

— Ну да, — согласился Гаспод, гордо косола-

пя рядом с Виктором. — Только я сам за собой приглядеть могу. Жизнь в нашем мире собачья. Думаешь, этот Филя-простофиля протянул бы в Анк-Морпорке хоть пять минут? Да там такие улицы есть, на которые он только нос сунет — и превратится в три пары перчаток и Хрустящую Зажарку № 27 в ближайшей клатчской ночной забегаловке.

Виктор снова бросил палку.

— А скажи мне, — спросил он, — кто этот знаменитый Гаспод, в честь которого тебя назвали?

— Ты о нем не слышал?

— Нет.

— Он был чертовски знаменит.

— Он был псом?

— Ага. Это было много лет назад. Был в Анк-Морпорке один старикан, который откинул копыта, а принадлежал он к одной из тех религий, в которых после смерти людей положено хоронить, так что его закопали, а еще у него был старый пес…

— …по имени Гаспод?

— Ага, и этот старый пес был единственным его товарищем, а когда старикана похоронили, он улегся на его могилу и пару недель только и делал, что выл. И рычал на всех, кто к нему подходил. А потом умер.

Виктор замер, кидая палку.

— Какая грустная история, — сказал он. И бросил ее. Лэдди бросился бежать прямо под палкой и скрылся в рощице хилых деревьев на склоне холма.

— Ага. Все говорят, что она показывает невинную и неумирающую любовь собаки к ее хозяину, — ответил Гаспод, плюясь словами, точно пеплом.

— А ты, значит, в это не веришь?

— Не-а. Я верю в то, что ни один чертов пес никуда не денется и будет выть, если ему хвост надгробьем прищемить, — сказал Гаспод.

Послышался яростный лай.

— Не беспокойся. Он, наверное, жуть какой страшный камень нашел или еще что, — проворчал Гаспод.

На самом деле Лэдди нашел Джинджер.

Библиотекарь целеустремлено преодолел лабиринт библиотеки Незримого Университета и спустился по лестнице в секцию особо опасных изданий.

Почти все книги в библиотеке, будучи волшебными, представляли куда большую опасность, чем обычные; большинство из них были прикованы к полкам цепями, чтобы не летали вокруг

почем зря.

Однако на нижних этажах…

…хранились *мятежные* книги, книги, чье поведение, а то и просто содержание, требовало отдельной полки, а то и *комнаты.* Книги-каннибалы, которые, если оставить их на полке с более слабыми собратьями, поутру обнаруживались в кучке дымящегося пепла, заметно растолстевшие и самодовольные. Книги, одно оглавление которых могло обратить незащищенный мозг в серый сыр. Книги, которые были не просто книгами о магии, а магическими книгами.

О магии какой только чуши не несут. Люди болтают о мистических гармониях, и космических равновесиях, и единорогах — и все это имеет к подлинной магии примерно такое же отношение, как перчаточная кукла к Королевской шекспировской труппе.

Подлинная магия — это рука, смыкающаяся на ленточной пиле; искра, попавшая в бочонок с порохом; червоточина, переносящая тебя прямиком в сердце звезды; пылающий меч, объятый огнем *вместе с рукоятью*. Жонглировать факелами в смоляной яме и то безопаснее, чем соприкасаться с подлинной магией. И улечься на пути у тысячи слонов — тоже.

По крайней мере, так утверждают волшебники; потому они и дерут такие нечеловеческие суммы за то, что связываются с этой чертовой штуковиной.

Но здесь, внизу, в темных тоннелях, невозможно было укрыться за амулетами, и расшитыми звездочками мантиями, и остроконечными шляпами. Здесь, внизу, ты либо мог, либо не мог. А если ты не мог, то уже ничего и не сможешь.

Библиотекарь брел мимо запертых на тяжелые засовы дверей, из-за которых доносились какие-то звуки. Пару раз что-то тяжелое врезáлось в двери так, что петли дребезжали.

Что-то шумело.

Орангутан остановился перед арочной дверью, сделанной не из дерева, а из камня и установленной так, что она легко открывалась снаружи, но могла выдержать изрядный напор изнутри.

Он помедлил, а потом протянул лапу в маленькую нишу, достал маску из железа и закопченного стекла и надел ее вместе с парой плотных кожаных перчаток, покрытых стальной кольчугой. В нише был еще и факел из пропитанных маслом тряпиц; Библиотекарь зажег его от одного из мерцавших в тоннеле светильников.

У самой стенки ниши лежал медный ключ.

Библиотекарь взял его и глубоко вздохнул.

У каждой из Книг Силы свой особый характер. Октаво высокомерна и деспотична. «Гримуар крутой потехи» предпочитает убийственные розыгрыши. «Радость тантрического секса» приходится хранить в ледяной воде. Библиотекарь знал их все и знал, как с ними управиться.

Но эта книга была иной. Обычно люди знакомились с ней по десятым-двадцатым спискам, похожим на оригинал примерно так же, как рисунок взрыва похож, ну, на сам взрыв. Эта книга впитала в себя то чистейшее, графитово-серое зло, о котором в ней говорилось.

Имя ее было выбито в камне над аркой, чтобы ни один человек или орангутан его не позабыл:

«НЕКРОТЕЛИКОМНИКОН»

Библиотекарь вставил ключ в замок и вознес молитву богам.

— У-ук, — промолвил он истово. — У-ук.

Дверь распахнулась.

В темноте за ней чуть слышно звякнула цепь.

— Она все еще дышит, — сказал Виктор. Лэдди скакал вокруг них и истошно лаял.

— Может, тебе стоит на ней одежду расстегнуть? — предложил Господ. — Я просто так сказал, — добавил он. — Не надо так на меня

глядеть. Я же пес, что я вообще понимаю?

— Кажется, она в порядке, но… посмотри на ее руки, — сказал Виктор. — Что, черт возьми, она тут делала?

— Дверь открывала, — ответил Господ.

— Какую еще дверь?

— А вон ту.

Часть холма обрушилась. Из песка показались большие каменные блоки. И еще пеньки древних колонн, торчавшие словно фторированные зубы.

Между двумя из них высилась арка ростом с трех Викторов. Проход в нее закрывала светло-серая дву-створчатая дверь — то ли из камня, то ли из окаменевшего за долгие годы дерева. Одна створок была чуть приоткрыта, но распахнуться ей мешала песчаная куча. В песке виднелись лихорадочно прокопанные борозды. Джинджер пыталась одолеть его голыми руками.

— Глупо, на такой-то жаре, — отсутствующе пробормотал Виктор. Он перевел взгляд с дверей на море, а потом вниз, на Господа.

Лэдди взобрался на песчаную горку и возбужденно облаял щель между створками.

— Чего это он? — спросил Виктор, неожиданно испугавшись. — Смотри, у него шерсть дыбом встала. Как думаешь, может, это он своим таин-

ственным животным чутьем унюхал зло?

— Я думаю, что он придурок, — ответил Гас-под. — *Лэдди, заткнись!*

Раздался взвизг. Лэдди отшатнулся от двери, потерял равновесие на осыпающемся песке и скатился по склону. Потом вскочил и немедленно залаял снова: не как обычный глупый пес, а по-настоящему — так, словно загнал на дерево кошку.

Виктор склонился и коснулся двери.

Она была очень холодной, несмотря на вечную голывудскую жару, и еще ему почудился едва заметный намек на дрожь.

Виктор провел пальцами по ее поверхности. Дверь оказалась неровной, как будто раньше на ней была резьба, за много лет стершаяся до неразличимости.

— Такая дверь… — сказал у него за спиной Гас-под, — такая дверь, если тебе интересно мое мнение… такая дверь… такая дверь… — он глубоко вздохнул, — *предвещает*.

— А? Что? Что предвещает?

— А она не обязана предвещать что-то конкретное, — объяснил Гаспод. — Плохо уже то, что она вообще предвещает, ты уж мне поверь.

— Наверное, она очень важная. Похоже на вход

в храм, — сказал Виктор. — Зачем Джинджер ее открывать?

— Кусок холма отвалился — а под ним таинственная дверь, — покачал головой Гаспод. — Всем предвестьям предвестье. Давай-ка смотаемся куда-нибудь подальше, и там об этом хорошенько подумаем, ладно?

Джинджер застонала. Виктор присел рядом с ней.

— Что она сказала?

— Не знаю, — сказал Гаспод.

— Мне вроде как послышалось: «Я хочу плыть одна»…

— Бредит. Это у нее солнечный удар, — с видом знатока заявил Гаспод.

— Может, ты и прав. Лоб у нее определенно горячий.

Виктор поднял Джинджер, пошатнувшись под ее тяжестью.

— Пойдем, — пропыхтел он. — Вернемся в город. Скоро стемнеет.

Он оглядел росшие вокруг карликовые деревца. Дверь находилась в своего рода впадине, где, видимо, собиралось достаточно росы, чтобы растительность тут была не такой иссохшей, как в округе.

— Знаешь, а ведь мне это место знакомо, — сказал Виктор. — Мы здесь наш первый клик рисовали. Тут я с ней и познакомился.

— Очень романтично, — донесся издалека голос поспешно улепетывавшего Господа; Лэдди жизнерадостно скакал вокруг него. — Если оттуда полезет какая мерз-кая тварь — можете назвать ее Нашим Чудовищем.

— Эй! Подожди!

— Так пошевеливайся.

— Как думаешь, а куда она хотела плыть одна?

— И не представляю.

Когда они ушли, впадинку вновь затопило молчание.

Вскоре зашло солнце. Его длинные лучи озарили дверь, превращая мельчайшие царапины в глубокие борозды. Если включить воображение, показалось бы, что они складываются в изображение человека.

С мечом.

Песчинка за песчинкой, почти неслышно, песок утекал от двери. К полуночи она приоткрылась еще как минимум на шестнадцатую часть дюйма.

Голывуд грезил.

Он грезил о том, как пробуждается.

Рубина затушила огни под чанами, заворотила скамьи на столы и уже готова была закрыть «Голубую глину». Но прежде чем задуть последнюю лампу, она остановилась перед зеркалом.

Сегодня ночью он снова будет ждать у дверей. Он дежурил там каждую ночь. А этим вечером заглядывал внутрь, чему-то улыбаясь. Он явно что-то задумал.

Рубина прислушалась к советам рисовавшихся в кликах девушек и вдобавок к перьевому боа прикупила широкополую шляпку с какими-то ууграах — кажется, они назывались вишенками. Эффект, как ее заверяли, был сногсшибательный.

Беда была в том, что Детрит — Рубина не могла этого не признать — был весьма привлекательным троллем. Уже миллионы лет троллихи западали на мужчин, сложенных точно монолиты с яблочками на верхушке. Предательские инстинкты Рубины слали по ее спинному мозгу послания, коварно настаивая, что вот эти длинные клыки и кривые ноги — ровно то, что нужно избраннику юной троллихи.

Тролли вроде Скалы или Морри, конечно, были гораздо более современными — они, например, умели пользоваться ножом и вилкой, — но в Детрите было что-то… успокаивающее. Может быть,

то, как энергично он касался земли кулаками. А еще, помимо прочего, Рубина была уверена, что она умнее его. Детрит отличался этакой безмозглой целеустремленностью, которая казалась ей весьма привлекательной. Снова инстинкты — ум троллям для выживания никогда особенно нужен не был.

К тому же Рубина вынуждена была признать, что как бы она ни прикрывалась перьевыми боа и модными шляпками, ей уже под сто сорок, а весу в ней на четыреста фунтов выше, чем требуют того стандарты красоты.

Ах, если бы он только пошевелил извилинами.

Хотя бы одной.

Может, стоит попробовать эту самую косметику, про которую рассказывали девочки…

Рубина вздохнула, задула лампу, открыла дверь — и вышла в лабиринт корней.

Гигантское дерево заняло собой весь переулок. Детрит, должно быть, притащил его издалека. Немногие уцелевшие ветви залезали в окна или печально качались на ветру.

А посередине всего этого гордо восседал на стволе Детрит, улыбаясь точно расколотый арбуз и широко раскинув руки.

— Та-да-а-а! — провозгласил он.

Рубина испустила колоссальный вздох. Троллям романтика дается нелегко.

Библиотекарь заставил страницу открыться и приковал ее цепью. Книга попыталась его цапнуть.

Это содержимое «Некротеликомникона» сделало его таким, каким он был. Злобным и коварным.

А содержались в нем запретные знания.

Ну ладно, не совсем запретные. Никто их никогда не запрещал. Прежде всего, чтобы их запретить, нужно было знать, в чем они заключаются, — а это было запрещено. Но в книге определенно содержалась такая информация, узнав которую горько об этом жалеешь[18].

Легенды гласили, что любой смертный чело-

---

[18] Примечания: 18

«Некротеликомникон» был написан клатчским некромантом, известным всему миру как Ахмед Безумный, хотя сам он предпочитал, чтобы его называли Ахмед Просто-Голова-Болит. Говорят, книга была написана в тот день, когда Ахмет выпил слишком много того странного густого клатчского кофе, который не просто протрезвляет тебя, а выводит по ту сторону трезвости, где ты видишь истинную вселенную, обычно скрытую облаками теплого самообмана, которые разумная жизнь создает вокруг себя, чтобы не свихнуться. О его жизни до этого события известно немногое, потому что страница со сведениями об авторе самовозгорелась вскоре после его кончины. Однако раздел «Другие книги автора» подсказывает, что предыдущая его работа называлась «Забавные рассказы о кошках от Ахмеда Просто-Голова-Болит», что, конечно, многое объясняет.

век, прочитавший несколько строчек оригинала, умрет, лишившись рассудка.

И это была чистая правда.

Также легенды гласили, что в книге содержатся такие иллюстрации, от которых мозг даже самого сильного человека покинет голову сквозь уши.

Это, скорее всего, тоже была правда.

А еще легенды гласили, что если человек хотя бы просто откроет «Некротеликомникон», плоть с его ладони сбежит к предплечью.

Никто не знал, правда ли это, но звучало оно достаточно устрашающе, чтобы оказаться правдой, а экспериментировать никому не хотелось.

Легенды очень многое гласили относительно «Некротеликомникона», однако ни в одной из них ничего не говорилось об орангутанах, которые с точки зрения легенд могли книгу хоть грызть, хоть драть в мелкие клочья. Худшее, что случалось с Библиотекарем после ее чтения, — это легкая мигрень да мелкая сыпь, однако это был не повод рисковать. Он поправил закопченные стекла маски и пробежался затянутым в черную кожу пальцем по содержанию; когда палец приближался к ним, слова подбирались и пытались его укусить.

Время от времени Библиотекарь разглядывал

кусочек пленки под пляшущим светом от факела.

Из-за ветра и песка разглядеть их было непросто, но на камне определенно были письмена. И Библиотекарь такие уже видел.

Он нашел ту главу, которую искал, и, после недолгой борьбы, в процессе которой орангутану пришлось пригрозить «Некротеликомникону» факелом, заставил книгу открыться на нужной странице.

Он склонился поближе.

Старый добрый Ахмед Просто-Голова-Болит…

«…и говорят, что на холме том была найдена Дверь, ведущая за пределы Мира, и жители города узрели, Что показывалось Внутри, не зная, что в промежутке между вселенными затаился Ужас…»

Палец Библиотекаря проскользил по изображениям справа налево и перешел к следующему абзацу.

«…ибо *Другие* нашли Врата Голывуда и обрушились на Мир, и в одну ночь сотворилось Всевозможное Безу-мие, и воцарился Хаос, и Город скрылся под водами Моря, и все жители его упокоились на дне вместе с рыбами и омарами, кроме тех немногих, кто спасся бегством…»

Орангутан выпятил губу и перевел взгляд на нижнюю часть страницы.

«…Золотой Воин, что изгнал Демонов и спас Мир, и рек: Там, где Врата, Там и Я; Я — Дитя Голывуда, Страж Сумасбродной Идеи. И спросили они: Что сделать нам, чтобы Уничтожить Врата Навечно, и рек он: Вы Не Можете этого Сделать, ибо Это Так Не Работает, но Я стану ради вас Стражем Врат. А они, поскольку не вчера родились и боялись Лекарства больше, чем Болезни, спросили его: Какой Платы Потребуешь ты от Нас за Охрану Врат. Тогда он стал расти, пока не сравнялся ростом с вершиной дерева, и рек: Лишь Памяти вашей, что не даст Мне Уснуть. Трижды в день вы должны вспоминать Голывуд. Иначе Города всего Мира Падут, а Величайший из них Охватит Пламя. И сказав так, поднял Золотой Воин свой золотой меч и ушел в глубины Холма, дабы охранять Врата до скончания веков.

А Люди говорили друг другу: Забавно, он выглядит точь-в-точь как мой Дядя Осберт…»

Библиотекарь перелистнул страницу.

«…Но были среди них люди и животные, которых коснулась магия Голывуда. Она будет передаваться из поколения в поколение, точно древнее проклятие, пока жрецы не прекратят

Вспоминать и не уснет Золотой Воин. Горе тогда миру…»

Библиотекарь позволил книге захлопнуться.

Легенда эта была не такой уж редкой. Он читал ее и прежде — по крайней мере, большую ее часть — в книгах куда менее опасных, чем эта. Варианты ее можно было услышать в каждом из городов равнины Сто. Был когда-то, во времена, укрытые доисторическим туманом, город, и был он больше Анк-Морпорка, если такое вообще возможно. И жители его совершили *нечто*, какое-то невероятное преступление не просто против человечества или богов, но против самой сути вселенной, и был этот проступок так ужасен, что в одну грозовую ночь город поглотило море. И лишь несколько людей уцелело, чтобы обучить варварские народы в менее развитых частях Диска цивилизованным искусствам и ремеслам, таким как ростовщичество и макраме.

Никто и никогда не принимал эти легенды всерьез. Это был всего лишь очередной миф из серии «будешь так делать — ослепнешь», которыми цивилизации любили грузить своих потомков. В конце концов, сам Анк-Морпорк широко признавался городом, развращеннее которого и за целый год отпусков на берег не сыскать, и тем не

менее успешно избегал любых сверхъестественных кар — хотя никогда не стоило исключать возможность, что на самом деле они были и их просто никто не заметил.

Легенды всегда говорили, что безымянный город существовал давным-давно и далеко-далеко.

Никто не знал, где он располагался и был ли он вообще.

Библиотекарь снова взглянул на символы.

Они были очень знакомыми. Ими были покрыты древние руины по всему Голывуду.

Ажурал стоял на невысоком холме и смотрел, как под ним волнуется слоновье море. То здесь, то там, словно лодки без руля и ветрил, покачивались повозки с припасами. Целая миля вельда превращалась в грязное месиво, лишенное растительности, — впрочем, судя по запаху, когда настанет сезон дождей, зеленее места на Диске не будет.

Ажурал промокнул глаза уголком халата.

Триста шестьдесят три! Кто бы мог подумать?

Триста шестьдесят три хобота гневно трубили, сотрясая воздух. Отряды следопытов и ловцов уже отправились вперед, а значит, скоро слонов должно было стать еще больше. Если верить М’Бу, по крайней мере. Но Ажурал с ним спорить

не собирался.

Так странно. Несколько лет он считал, что М'Бу — это всего лишь ходячая улыбка. Рукастый парнишка с метелкой и совком — но не из тех, кому суждены великие свершения.

А потому кому-то где-то вдруг понадобилась тысяча слонов — и парнишка поднял голову, и в глазах у него что-то блеснуло, и стало *очевидно*, что за этой улыбкой скрывается одаренный килопахидермолог, готовый ответить на зов. Странно. Можно знать человека всю жизнь — и не представлять, что боги послали его в этот мир для того, чтобы он стал погонщиком тысячи слонов.

У Ажурала не было сыновей. Он уже принял решение завещать все своему помощнику. На данный момент все его имущество равнялось тремстам шестидесяти трем слонам и — аха-ха — одному мамонту, но само-то решение что-нибудь да значило.

М'Бу поднялся к нему, крепко зажав под мышкой планшет.

— Все готово, шеф, — сказал он. — Только скомандуйте.

Ажурал выпрямился. Оглядел колышущуюся равнину, далекие баобабы, сиреневые горы. Ах да. Горы. Насчет гор он сомневался. Ажурал упо-

мянул об этом в разговоре с М'Бу, который сказал: «Перейдем эти мосты, когда доберемся до них, шеф», а когда Ажурал напомнил, что никаких мостов там *нет*, посмотрел ему прямо в глаза и твердо сказал: «Сначала построим, а потом перейдем».

Далеко за горами лежали Круглое море, и Анк-Морпорк, и этот самый Голывуд. Далекие места со странными именами.

Над вельдом пронесся ветер, и даже сюда он донес легкие шепотки.

Ажурал поднял свой посох.

— Всего пятнадцать сотен миль до Анк-Морпорка, — сказал он. — У нас триста шестьдесят три слона, пятьдесят повозок с припасами, вот-вот начнется сезон дождей, и мы в… в… таких штуках из стекла, только темного… в таких темных стеклянных штуках… — Он умолк. И насупился так, словно прислушался к собственным словам и ничего из них не понял.

Воздух словно мерцал.

Ажурал увидел, что М'Бу смотрит на него.

Он пожал плечами.

— Вперед, — сказал он.

М'Бу сложил ладони рупором. Он всю ночь провел, прорабатывая порядок выдвижения.

— Погонщик Синей Секции дядюшка Н'гру — *марш*! — прокричал он. — Погонщица Желтой Секции тетушка Гугуль — *марш*! Погонщик Зеленой Секции троюродный братец КцК! — *марш*...

Час спустя вельд у подножия невысокого холма опустел, если не считать миллиарда мух и одного навозного жука, который поверить не мог своей удаче.

Что-то шлепнулось в красную пыль, образовав маленький кратер.

И еще, и еще.

Молния расколола ствол ближайшего баобаба.

Начался сезон дождей.

У Виктора начинала болеть спина. Теоретически относить девушек в безопасные места — превосходная идея, однако после первой сотни ярдов у нее появляются заметные недостатки.

— Ты, случайно, не знаешь, где она живет? — спросил Виктор. — И близко ли это?

— Не знаю, — ответил Гаспод.

— Она как-то раз упомянула, что у нее комната над магазином одежды, — припомнил Виктор.

— Значит, это в переулке рядом с забегаловкой Боргля.

Гаспод и Лэдди привели его по улочкам к шаткой наружной лестнице. Возможно, они нашли

жилище Джинджер по запаху. Виктор не собирался спорить с таинственным животным чутьем.

Он поднялся по лестнице как можно тише. У него было смутное представление о том, что места обитания людей зачастую являются гнездами Домоправительницы Обыкновенной, она же Крайне Подозрительная, и Виктор считал, что проблем у него и без того достаточно.

Он распахнул дверь ногами Джинджер.

Комнатка была маленькая, с низким потолком, и украшением ей служила жалкая обшарпанная мебель, какую можно найти в съемных комнатах по всей мультивселенной. По крайней мере, так было изначально.

Теперь украшением ей служила Джинджер.

Она сберегла каждую афишу. Даже от самых ранних кликов, где очень мелким шрифтом значилась как «девушка». Они были пришпилены к стенам кнопками. Лицо Джинджер — и его собственное — глядело на Виктора со всех сторон.

В одном конце убогой комнатушки стояло большое зеркало, а перед ним — пара полусгоревших свечей.

Виктор бережно уложил девушку на узкую кровать и осторожно огляделся. Его шестое, седьмое и восьмое чувства вопили. Он был в месте,

насыщенном магией.

— Это похоже на храм, — сказал он. — Храм, посвященный… ей самой.

— У меня от него шерсть дыбом, — признался Гаспод.

Виктор осматривался. Остроконечной шляпы и большого посоха он успешно избегал, но инстинкты волшебника все-таки выработал. Неожиданно перед его глазами встал ушедший на дно город с осьминогами, неслышно заползающими в затопленные двери, и лобстерами, стерегущими улицы.

— Рок не любит, когда люди занимают больше места, чем должны. Все это знают.

«Я стану самой великой знаменитостью в мире, — вспомнил Виктор. — Так она говорила». Он покачал головой.

— Нет, — громко сказал он. — Ей просто нравятся афиши. Обычное тщеславие.

Даже ему самому это не показалось убедительным. Комната заметно вибрировала от…

…от чего? Виктор ничего подобного прежде не ощущал. Это определенно была какая-то сила. Что-то дразнившее его чувства. Не вполне магия. По крайней мере, не такая, к которой он привык. Но что-то казавшееся очень на нее похожим и

при этом отличавшееся, как сахар от соли: форма и цвет такие же, но…

В амбициях магии не было. Сила была, да, но не магия… правда ведь?

В магии нет ничего сложного. Весь запутанный институт волшебничества был воздвигнут только для того, чтобы скрыть эту страшную тайну. Любой, у кого найдется терпение и немножко мозгов, может творить магию — именно поэтому волшебники прятали ее за ритуалами и остроконечными шляпами.

Фокус был в том, чтобы творить магию и *выходить сухим из воды.*

Дело в том, что человечество подобно пшеничному полю, а магия помогает тем, кто ее использует, вырасти повыше, и они выделяются на общем фоне. А это привлекает внимание богов и — Виктор засомневался — иных Тварей из-за пределов этого мира. Те, кто пользуется магией, не понимая, что делает, обычно приходят к печальному финалу.

Порой забрызгав собою всю комнату.

Он представил себе Джинджер, какой она была на пляже. «Я стану самой великой знаменитостью в мире». Если подумать, это было что-то новенькое. Не стремление обладать золотом, или

властью, или землей, или еще чем-то из привычных составляющих человеческого мира. Просто стремление быть собой — настолько знаменитой, насколько это возможно. Не *обладать*, а *быть*.

Виктор покачал головой. Он ведь очутился в обычной комнатушке дешевого домишки в городке, в котором реальности — как… как… как… толщины в пленке для кликов. Разве это место для подобных размыш-лений?

Важно было помнить, что Голывуд совершенно нереален.

Он снова прошелся взглядом по афишам. Джинджер говорила, что в жизни тебе достается лишь один шанс. Проживешь ты лет семьдесят, но шанс у тебя будет один, да и то если повезет. Только подумай обо всех прирожденных лыжниках, которые родились в пустыне. Подумай обо всех гениальных кузнецах, родившихся за сотни лет до изобретения лошади. Обо всех талантах, которым не нашлось применения. Обо все упущенных шансах.

«Повезло мне, — мрачно подумал Виктор, — что я живу именно в это время».

Джинджер заворочалась во сне. Что ж, хотя бы дыхание у нее успокоилось.

— Пойдем отсюда, — сказал Гаспод. — Это

неправильно — что ты один в будуаре у дамы.

— Я не один, — возразил Виктор. — Она тоже здесь.

— Вот и я о том же, — сказал Гаспод.

— Гав, — преданно добавил Лэдди.

— Знаете, — сказал Виктор, спускаясь по лестнице вслед за псами, — мне начинает чудиться, что здесь творится что-то *неправильное*. Что-то происходит, а я не знаю что. Зачем она пыталась попасть внутрь холма?

— Наверное, она в сговоре с кошмарными *Силами*, — предположил Гаспод.

— Этот город, и этот холм, и старая книга, и все остальное, — продолжил Виктор, не обращая на него внимания. — Все стало бы ясно, если бы я только понял, как они связаны.

Он шагнул в ранний вечер, в свет и шум Голывуда.

— Завтра мы отправимся туда при свете дня и разберемся в этом раз и навсегда, — сказал он.

— Не-а, не отправимся, — напомнил Гаспод. — Мы ведь завтра в Анк-Морпорк едем, забыл?

— Мы? — удивился Виктор. — Еду я и Джинджер. Насчет тебя не уверен.

— И Лэдди тоже, — сказал Гаспод. — Я…

– *Хороший мальчик Лэдди!*

— Да, да. Я слышал, как об этом говорили дрессировщики. Поэтому я должен отправиться с ним и проследить, чтобы он не угодил в какие неприятности.

Виктор зевнул:

— Ладно, я спать. Завтра, видимо, придется рано выезжать.

Гаспод с невинным видом оглядел улицу. Где-то распахнулась дверь; послышался пьяный смех.

— А я, наверное, немножко прогуляюсь перед сном, — сказал он. — Покажу Лэдди…

– *Лэдди — хороший мальчик!*

— …достопримечательности и всякое такое.

Виктор засомневался.

— Только допоздна не задерживайтесь, — сказал он. — А то его хватятся.

— Ну да, ну да, — кивнул Гаспод. — Спокойной ночи.

Он уселся и посмотрел вслед Виктору.

— Угу, — пробормотал он себе под нос. — Обо мне-то, конечно, никто не побеспокоится.

Гаспод взглянул на Лэдди, и тот немедленно подскочил, обратившись в слух.

— Ну ладно, щеночек-дружочек, — сказал Гаспод. — Пора тебя кое-чему научить. Урок первый: как добывать бесплатную выпивку в барах. Повез-

ло тебе, — добавил он, — что ты меня встретил.

Два собачьих силуэта неловко брели по полуночной улице.

— Мы бедные ягнятки, — завывал Гаспод, — мы сби-ились с пути…

– *Гав! Гав! Гав!*

— Мы заблудшие ягнятки, мы… мы… — Гаспод уселся и почесал ухо — точнее, то место, где, по его смутным представлениям, это ухо находилось. Его лапа неуверенно задрыгалась в воздухе. Лэдди с сочувствием поглядел на него.

Вечер прошел невероятно успешно. Гаспод всегда добивался бесплатной выпивки тем, что сидел и не-отрывно пялился на людей, пока им не становилось неловко и они не наливали ему блюдечко пива в надежде, что он выпьет его и уйдет. Методика была медленная и скучная, но работала хорошо. А вот Лэдди…

Лэдди показывал *трюки*. Лэдди умел пить из бутылок. Лэдди мог пролаять столько раз, сколько ему показали пальцев; Гаспод, конечно, тоже мог, но ему никогда не приходило в голову, что за такие фокусы полагается вознаграждение.

Лэдди умел подойти к юным девушкам, которых вывел прогуляться таящий надежду кавалер, и положить голову им на колени, и так проник-

новенно заглянуть в глаза, что кавалер покупал ему блюдце пива и пакетик крекеров в форме золотых рыбок, лишь бы только впечатлить свою возлюбленную. У Господа это никогда не получалось — ему рост не позволял дотянуться до коленок, да и в любом случае ничего, кроме криков омерзения, он таким образом не добивался.

Сначала он сидел под столом в недоуменном презрении, а потом — в пьяном недоуменном презрении, потому что Лэдди был сама щедрость и делился с ним заработанным пивом.

Теперь, когда их обоих вышвырнули на улицу, Господ решил, что настало время лекции на тему «Что такое истинный пес».

— Нельзя примыкать. Примыкаться. *Пресмыкаться* перед людьми, — выговорил он. — Ты же всю нашу породу подводишь. Мы никогда не сбросим оковы зависимости от человечества, если псы вроде тебя будут все время скакать от счастья при виде людей. Я, например, был лично оскорблен, когда ты плюхнулся на спину и притворился мертвым.

– *Гав*.

— Ты всего лишь собачка на побегушках у человеческих империалистов, — сурово проговорил Господ.

Лэдди прикрыл нос лапами.

Гаспод попытался встать, запутался в лапах и тяжело плюхнулся на землю. По его шерсти поползла пара крупных слез.

— Конечно, — сказал он, — у меня-то и шансов никаких не было, понимаешь? — Он кое-как поднялся на лапы. — Ну, то есть погляди, с чего я начал свою жизнь. Меня запихнули в мешок и швырнули в реку. В самый настоящий мешок. Милый маленький щеночек открывает глаза, восторженно оглядывает мир, все дела, а он, оказывается, в мешке. — Слезы скатились с его носа. — Первые две недели я кирпич мамой считал.

– *Гав*, — непонимающе посочувствовал ему Лэдди.

— Повезло мне, что меня скинули в Анк, — продолжал Гаспод. — В любой другой реке я бы утонул и отправился в собачий рай. Я слушал, что, когда умираешь, за тобой приходит такой большой черный пес-призрак и говорит: пришло твое племя. Пришло. Время.

Гаспод уставился в никуда.

— Но в Анке не утонешь, — задумчиво сказал он. — Твердая речка этот Анк.

– *Гав*.

— Собачья жизнь, — проговорил Господ. — Метафорически выражаясь.

– *Гав*.

Господ подслеповато посмотрел на сияющую, живую и безнадежно глупую морду Лэдди.

— Ты ведь ни единого клятого словечка не понял, да? — пробормотал он.

– *Гав!* — сказал Лэдди и поднялся на задние лапки.

— Счастливый ты, поганец, — вздохнул Господ.

На другом конце переулка послышался шум. Кто-то крикнул:

— Да вот же он! Ко мне, Лэдди! Ко мне, малыш!

Голос прямо-таки сочился облегчением.

— Это люди, — прорычал Господ. — Ты не обязан к ним бежать.

– *Лэдди — хороший мальчик! Хороший мальчик Лэдди!* — протявкал Лэдди и послушно, хоть и пошатываясь, бросился вперед.

— Мы тебя обыскались, — проворчал один из дрессировщиков, замахиваясь палкой.

— Не бей его! — крикнул другой. — Ты же все испортишь.

Он заглянул в переулок и встретился взглядом с Господом.

— Это тот кабыздох, что вечно в округе оши-

вается, — сказал он. — У меня от него мурашки по коже.

— Так кинь в него чем-нибудь, — посоветовал второй.

Дрессировщик нагнулся и подобрал камень. Когда он выпрямился, переулок уже опустел. Хоть трезвый, хоть пьяный, в некоторых обстоятельствах Гаспод отличался идеальными рефлексами.

— Видишь? — спросил дрессировщик, вглядываясь в темноту. — Он как будто мысли читает.

— Да это самая обычная шавка, — сказал его напарник. — Нечего из-за него беспокоиться. Давай-ка посадим нашего на поводок и отведем обратно, пока господин Достабль ничего не пронюхал.

Лэдди покорно вернулся с ними в студию «Век Летучей Мыши» и позволил посадить себя на цепь возле конуры. Возможно, ему этого и не хотелось, но было сложно понять это в паутине обязанностей, чувства долга и смутных эмоциональных теней, из которых состояло то, что за неимением лучшего слова приходилось называть его сознанием.

Лэдди пару раз, для пробы, подергал цепь, а потом улегся и стал ждать, что будет дальше.

Чуть погодя по ту сторону забора раздался тихий хриплый голос:

— Я бы прислал тебе напильник в косточке, так ведь ты его сожрешь.

Лэдди навострил уши.

– Хороший мальчик Лэдди! Хороший мальчик Гаспод!

— Тсс! Тсс! Они обязаны позволить тебе поговорить с адвокатом, — сказал Гаспод. — Когда тебя сажают на цепь — это нарушение прав человека.

– Гав!

— Ну ничего, я им отплатил. Проводил самого мерз-кого до дома и помочился на его дверь.

– Гав!

Гаспод вздохнул и убрел прочь. Где-то в глубине души он задавался вопросом, не было ли бы приятно все-таки кому-нибудь *принадлежать*. Не просто быть собственностью этого кого-то или сидеть на цепи, но по-настоящему *принадлежать* — радоваться, завидев его, и приносить ему в зубах тапочки, и тосковать, когда он умрет, и так далее.

Лэдди все это по-настоящему нравилось, если, конечно, слово «нравилось» здесь применимо; скорее это было что-то встроенное в него от природы. Гаспод мрачно подумал, не в этом ли

кроется подлинная собачья суть, и в горле его родился рык. Вот уж нет, он с этим не согласен. Настоящая собачья суть была не в тапочках, прогулочках и тоске по людям — в этом Господ был уверен. Собачья суть заключалась в том, чтобы быть сильным, независимым и свирепым.

Вот так.

Господ слышал, что все собаки могут скрещиваться между собой, и даже с волками, а это значило, что глубоко внутри каждая собака оставалась волком. Можно сделать из волка собаку, но волка из собаки не вытравишь. Когда его донимала чумка, а блохи особенно наглели и вели себя как хозяева, эта мысль его утешала.

Господ попытался представить себе, каково это — спариваться с волчицей и что случается с тобой впоследствии.

Впрочем, это было неважно. Важно было то, что настоящие собаки не дуреют от удовольствия, стоит человеку что-то им сказать.

Вот так.

Он зарычал на гору мусора, подначивая ее не согласиться.

Мусор зашевелился, и на Господа уставилась кошачья морда с покойной рыбиной в зубах. Он готов уже был без особой охоты гавкнуть на нее

— традиция все-таки, — когда кот выплюнул рыбу и заговорил с ним:

— Привет, Гафпод.

Гаспод расслабился.

— А-а. Привет, кот. Без обид. Я не знал, что это ты.

— Ненафифу рыбу, — признался кот, — но она хотя бы фо мной не рафговаривает.

Мусор снова зашевелился — и показалась Писк.

— А вы двое, что тут делаете? — спросил Гаспод. — Вы же вроде говорили, что на холме безопаснее.

— Уже нет, — ответил кот. — Там фтало флишком *жутко*.

Гаспод нахмурился.

— Ты же кот, — сказал он неодобрительно. — Жуть — это как раз по твоей части.

— Ага, но только не когда у тебя ф шерфти фыплютфя фолотые ифкры, а фемля пофтоянно тряфетфя. И еще ты флышишь какие-то голофа у фебя в голове, — объяснил кот. — Там что-то *фверхъефтефтвенное* творится.

— Поэтому мы все ушли с холма, — добавила Писк. Господин Попрыгун с утенком прячутся в дюнах…

В этот момент с соседнего забора спрыгнул еще один кот. Был он крупный и рыжий и не одаренный голывудским интеллектом. Он с недоумением уставился на мышь, расслабленно болтающую с котом.

Писк подтолкнула кота.

— Избавься от него, — сказала она.

Кот злобно посмотрел на пришельца.

— Пшел вон, — велел он. — Давай, проваливай. Боги, как это *унифительно*.

— Не для тебя одного, — сказал Гаспод, когда второй кот потрусил прочь, качая головой. — Видели бы городские собаки, как я тут с котами разговоры разговариваю, — и прощай уважение.

— Мы тут подумали, — начал кот, время от времени нервно косясь на Писк, — может быть, нам фмириться и попробовать… попробовать…

— Он хочет сказать, что для нас может найтись местечко в движущихся картинках, — объяснила Писк. — Ты как думаешь?

— Дуэтом работать хотите? — спросил Гаспод.

Они кивнули.

— Не выгорит, — сказал он. — Кто станет платить деньги за то, чтобы поглядеть, как кот с мышью друг за другом гоняются? Им и собаки-то интересны только тогда, когда они перед людьми

на задних лапках ходят, а уж на кота, который за мышью носится, они и смотреть не захотят. Вы уж мне поверьте. Я в движущихся картинках разбираюсь.

— Значит, пора твоим людям во всем разобраться, чтобы мы смогли вернуться домой! — рявкнула мышь. — А то мальчишка ничего не делает. Он *бесполезный*.

— Он влюбленный, — объяснил Гаспод. — А это дело сложное.

— Да, я фнаю, как это бывает, — сочувственно проговорил кот. — Люди в тебя фтарыми башмаками кидаются.

— Старыми башмаками? — удивилась мышь.

— Фо мной каждый раф такое было, когда я влюблялфя, — с ностальгией припомнил кот.

— У людей все по-другому, — неуверенно сказал Гаспод. — Ботинок и ведер с водой гораздо меньше. У них все больше цветы да споры.

Животные мрачно переглянулись.

— Я за ними наблюдала, — сказала Писк. — Она его дурачком считает.

— Это все часть ухаживаний, — добавил Гаспод. — Они это романтикой зовут.

Кот пожал плечами.

— По мне, так лучше ботинок. С ботинками

хотя бы все понятно.

Мерцающий дух Голывуда изливался в мир — уже не струйкой, но потоком. Он бурлил в венах у людей и даже у животных. Он присутствовал, когда рукояторы вращали свои ручки. Когда плотники забивали гвозди, они делали это во славу Голывуда. Голывуд наполнял собой рагу Боргля, и песок, и воздух. Он рос.

И он собирался расцвести…

Себя-Режу-Без-Ножа Достабль, или С.Р.Б.Н, как ему нравилось себя называть, уселся в постели и уставился в темноту.

В голове у него пылал город.

Он торопливо нашарил возле кровати спички, кое-как зажег свечу и в конце концов отыскал ручку.

Бумаги не было. А ведь он специально велел, чтобы у его постели всегда была бумага — на случай, если во сне у него родится идея. Все лучшие идеи приходят во сне.

Но у него хотя бы были чернила и ручка.

Перед глазами Достабля проносились образы. Не поймаешь их сейчас — улетят навечно.

Он схватил ручку и принялся писать на простыне.

«Мужчина и Женщина, Сжигаемые Страстию В

Городе, Пожратом Грашданской Вайной!»

Ручка царапала и заливала чернилами грубый лен.

Да! Да! Вот оно!

Он им всем носы утрет с их дурацкими гипсовыми пирамидками и грошовыми дворцами. На этот клик им всем придется оглядываться! Когда напишут историю Голывуда, именно на него укажут и скажут: вот та Движущаяся Картинка, что Повергла В Прах все прочие Движущиеся Картинки!

Тролли! Битвы! Любовь! Мужчины с тонкими усиками! Солдаты удачи! И одинокая женщина, пытающаяся сохранить — тут Достабль засомневался — какую-то там штуку, которая ей дорога, в обезумевшем мире!

Ручка зацепилась, порвала ткань и помчалась дальше.

Брат идет на брата! Женщины в кринолинах отвешивают всем пощечины! Могучий род приходит в упадок!

Великий город горит! «Не страстью, — приписал Достабль сбоку, — а огнем».

Быть может, даже…

Он закусил губу.

Да. Именно этого он и ждал. *Да!*

Тысяча слонов!

(Позже Сол Достабль сказал:

— Послушай, дядюшка, анк-морпоркская гражданская война — отличная идея. Никаких претензий. Знаменитое историческое событие, никаких проблем. Вот только никто из историков не упоминал ни о каких слонах.

— Война была большая, — встал на защиту своего видения Достабль. — Могли и проглядеть.

— Но не тысячу же слонов.

— Так, кто в этой студии главный?

— Да я же просто…

– *Слушай*, — сказал Достабль. — Может, у них там и не было тысячи слонов, зато у нас тысяча слонов *будет*, потому что с тысячей слонов *реалистичнее*, понял?

Простыня потихоньку покрылась взбудораженным почерком Достабля. Он дошел донизу и перешел на спинку кровати.

Боги, вот это — настоящий клик! Тут не будет никаких суетливых мелких драчек. Тут потребуется каждый рукоятор Голывуда!

Достабль выпрямился, задыхаясь от восторженной усталости.

Клик стоял у него перед глазами. Он был, считай, уже отрисован.

Оставалось только название. Что-нибудь звучное. Что-нибудь запоминающееся. Что-нибудь такое — он почесал ручкой подбородок, — что намекало бы, что дела обычных людей — не более чем пыль, поднятая бурей истории. Точно, буря. Буря — отличный образ. Гром. Молнии. Дождь. Ветер.

Ветер. Вот оно!

Он переполз к верхушке простыни и очень аккуратно вывел:

«СДУТЫЕ ШКВАЛОМ».

Виктор метался и ворочался в своей узкой постели, пытаясь заснуть. Сквозь его полузадремавший мозг маршем проходили образы. Гонки на колесницах, и пиратские корабли, и что-то такое, чему он не мог подобрать названия, а посреди всего этого взбиралось на башню *существо*. Огромное и устрашающее, глядевшее на мир с непокорной усмешкой. И еще кто-то кричал…

Он сел, обливаясь потом.

А через несколько минут встал с постели и подошел к окну.

Над огнями города угрюмо возвышался Голывудский холм, подсвеченный первым тусклым лучом зари. День, как всегда, обещал быть погожим.

Голывудские грезы накатывали на улицы огромными незримыми золотыми волнами.

А вместе с ними пришло Нечто.

Нечто такое, что никогда, никогда не грезило. И никогда не спало.

Джинджер поднялась с кровати и тоже взглянула на холм, хотя вряд ли его увидела. Двигаясь точно слепая в знакомой комнате, она подошла к двери, спустилась по лестнице и вышла в уходящую ночь.

Маленький песик, кот и мышь следили из теней за тем, как она неслышно пересекла переулок и направилась к холму.

— Вы *глаза* ее видели? — спросил Гаспод.

— Они светились, — кивнул кот. — Жуть!

— Она пошла на холм, — сказал Гаспод. — Мне это не нравится.

— Ну и что? — спросила Писк. — Она вечно шляется вокруг этого холма. Каждую ночь поднимается на него и бродит там вся такая драматичная.

— Что?

— Каждую ночь. Мы думали, это с ней из-за, как ее там, романтики.

— Да ведь по тому, как она движется, ясно, что что-то неладно, — отчаянно проговорил Гас-

под. — Она ведь не идет, она ковыляет. Как будто ее внутренний голос какой куда-то тащит.

— А мне так не кажется, — сказала Писк. — По мне, так ходить на двух ногах — это и есть «ковылять».

— Да ты на лицо ее взгляни — сразу же ясно, что с ней что-то не так!

— Естественно, с ней что-то не так. Она же человек, — сказала Писк.

Гаспод прикинул варианты действий. Их было не-много. Самым очевидным было найти Виктора и притащить его сюда. Гаспод его сразу отбросил. Такие дурацкие, порывистые поступки были слишком уж в духе Лэдди. Они говорили, что лучшее, на что способен пес, столкнувшийся с загадкой, — это найти человека, который ее решит.

Он пустился бежать и ухватился зубами за волочившуюся по земле ночную сорочку девушки. Та не остановилась и потащила его за собой. Кот рассмеялся — на взгляд Гаспода, слишком уж саркастически.

— Пора просыпаться, госпожа, — прорычал он, выпустив сорочку. Джинджер не остановилась.

— Видишь? — спросил кот. — Отрастили себе противостоящие пальцы и думают, что особен-

ные.

— Я пойду за ней, — сказал Гаспод. — С одинокой девушкой ночью всякое может случиться.

— Фобаки, — проговорил кот, обращаясь к Писк. — Вечно вокруг людей увиваютфя. Попомни мои флова, у него фкоро и ошейник с бриллиантами будет, и мифка именная.

— Если хочешь шерсти лишиться, котеночек, так ты по адресу обратился, — прорычал Гаспод, вновь оскалив гниющие клыки.

— Я не обяфан терпеть такое обращение. — Кот надменно задрал нос. — Пойдем, Пифк. Отыщем себе мусорную кучу, где поменьше *дряни*.

Гаспод проводил их гневным взглядом.

— Слабаки! — прокричал он вслед.

А потом, ненавидя себя, бросился догонять Джинджер. «Будь я волком — а формально это и правда так, — подумал он, — дело бы точно кончилось блеском клыков и всем таким прочим. Любая девица, бродящая в одиночестве, узнала бы, что почем. Я ведь *могу* напасть, в любой момент могу, просто сознательно этого не делаю. И я уж точно за ней не приглядываю. Я знаю, что Виктор попросил меня за ней приглядывать, но никто не посмеет сказать, что я слушаюсь людей. Хотел бы я посмотреть на человечишку, который

посмеет мне что-нибудь приказать. Я бы ему глотку выгрыз. Ха.

А если с ней что-нибудь случится — он ведь целыми днями будет ходить и грустить и наверняка забудет меня покормить. Оно, конечно, собакам вроде меня и не нужно, чтобы люди их кормили, я ведь и оленя могу завалить — запрыгнуть ему на спину и яремную вену перекусить, — просто на блюдечке еду получать удобнее».

Джинджер шагала быстро. Гаспод, вывалив язык, изо всех сил старался поспеть за ней. Голова у него раскалывалась.

Несколько раз он осторожно оглядывался, чтобы посмотреть, не следят ли за ним другие собаки. Если следят, подумал он, можно будет притвориться, что он за ней гонится. Тем более что он и так это делает. Да. Беда в том, что у него и в лучшие-то времена с дыхалкой были проблемы, и не отставать от Джинджер становилось все сложнее. Приличной девушке хватило бы совести притормозить.

Джинджер уже поднималась на холм.

Гаспод решил было залаять — если потом кто-нибудь станет об этом болтать, всегда можно будет сказать, что он хотел ее напугать. Вот только воздуха у него в легких едва хватило бы на

устрашающий хрип.

Джинджер взобралась по склону и скрылась в маленькой ложбинке между деревьев.

Гаспод на подгибающихся лапах последовал за ней, восстановил равновесие, открыл было рот, чтобы проскулить предупреждение, — и чуть не подавился языком.

Дверь приоткрылась еще на несколько дюймов. На глазах у Гаспода гора песка осела еще сильнее.

И еще он слышал голоса. Казалось, что они произносят не слова, а *скелеты* слов, голые смыслы. Они гудели вокруг его круглой головы, словно комары-побирушки, выпрашивая, и умоляя, и…

…он был самым знаменитым псом на свете. Не было больше никаких колтунов, проплешины скрылись под лоснящимися кудряшками, шерсть покрыла все его внезапно постройневшее тело и больше не застревала между зубами. На тарелках перед ним возникали не таинственные разноцветные потроха, которыми он привык питаться, а багровые куски вырезки. Миска с его именем была полна сладкой воды — нет, пива. Витавшие в воздухе манящие ароматы подсказывали, что после того, как он утолит голод и жажду, множество собачьих леди будут рады

составить ему компанию. Тысячи людей восхищались им. У него был именной ошейник и…

Нет, это неправильно. Только не ошейник. Согласишься на ошейник — а там и до игрушек с пищалками недалеко.

Видение недоуменно схлопнулось, и вот уже…

…он вел стаю между темных, увенчанных снежными шапками деревьев: красные пасти распахнуты, длинные лапы пожирают дорогу. У улепетывавших на санях людишек не было ни единого шанса; один из них, крича, распластался на дороге, когда под полозья подвернулась ветка, и вот уже Гаспод и волки набросились…

Нет, и это неправильно, содрогнувшись, подумал он. Людей есть *нельзя.* Бесят они ужасно, видят боги, но *есть* их нельзя.

Столкновение инстинктов грозило закоротить его шизофренически собачий мозг.

Голоса с отвращением сдались и обратили свое внимание к Джинджер, которая методично рылась в песке.

Одна из Гасподовых блох впилась в него. Должно быть, вообразила себя величайшей блохой в мире. Он автоматически задрал лапу, чтобы почесаться, и чары спали.

Гаспод моргнул.

— Чтоб меня, — проскулил он.

Так вот что творится с людьми! Интересно, что чудится *ей*?

Шерсть на хребте Гаспода поднялась дыбом.

Здесь не нужны были никакие таинственные животные инстинкты. Для того чтобы перепугаться, ему хватило и обычных, повседневных. По ту сторону двери скрывалось что-то жуткое.

А она пыталась его выпустить.

Гаспод должен был ее разбудить.

Укусить Джинджер было не лучшей идеей. Зубы у него в последнее время были не в лучшем состоянии. И Гаспод сильно сомневался, что лай подействует лучше. Оставался единственный выход…

Песок зловеще колебался под его лапами; быть может, песчинкам чудилось, что они — скалы. Хилые деревца, окружавшие ложбинку, мнили себя секвойями. Даже воздух, окутывавший круглую головенку Гаспода, лениво волновался — но кто может сказать, о чем грезит воздух?

Гаспод подбежал к Джинджер и ткнулся носом ей в ногу.

У вселенной есть множество ужасных способов разбудить человека — например, шум толпы, выламывающей входную дверь, вой пожарных

сирен или осознание, что понедельник, который в пятницу вечером казался таким далеким, уже наступил. Строго говоря, мокрый собачий нос среди них не самый худший, но есть у него своя, особая кошмарность, которую знают и страшатся ценители ужасного и собаковладельцы всей вселенной. Больше всего это похоже на любовно приложенный к вашему телу кусок полуразмороженной печенки.

Джинджер моргнула. Сияние ушло из ее глаз. Она посмотрела вниз, и выражение испуга на ее лице сменилось изумлением, а потом, когда она увидела ухмылявшегося ей Гаспода, будничным испугом.

— Приветик, — подхалимски сказал Гаспод.

Джинджер отшатнулась, закрываясь руками. Между ее пальцев сыпался песок. Она недоуменно посмотрела на него и снова перевела взгляд на Гаспода.

— Боги, это *омерзительно*, — сказала она. — Что *происходит*? Как я здесь *оказалась*?

Ее руки взлетели к губам.

— О нет, — прошептала Джинджер, — только не снова!

Она посмотрела на Гаспода, потом на дверь, развернулась, подобрала сорочку и бросилась в

город сквозь утренний туман.

Гаспод, спотыкаясь, поспешил за ней, чувствуя разлитый в воздухе гнев и отчаянно пытаясь оказаться как можно дальше от двери.

«Там, внутри, что-то страшное, — подумал он. — Какие-нибудь твари со щупальцами, которые всем лица отрывают. Ну правда, когда находишь таинственные двери в склоне холма, логично же, что то, что из них вылезет, не радо будет тебя увидеть. Жуткие твари, которых человек не должен… это самое… и есть тут один пес, который их тоже не желает… это самое. И с чего ей…»

Он ворчал всю дорогу до города.

За спиной у него отворилась на мельчайшую долю дюйма дверь.

Голывуд пробудился задолго до Виктора, и эхо молотков со студии «Век Летучей Мыши» разносилось повсюду. Целые повозки бревен выстроились в очередь перед воротами. Целый поток маляров и плотников обрушился на Виктора и оттолкнул его в сторону. На территории студии целые толпы рабочих роились вокруг поглощенных яростным спором фигур Сильверфиша и С.Р.Б.Н. Достабля.

Виктор подошел к ним как раз в тот момент,

когда Сильверфиш пораженно воскликнул:

— Весь город?

— Окраины можно не делать, — сказал Достабль. — Но центр мне нужен весь. Дворец, Университет, Гильдии — все, что делает его настоящим городом, ясно? Город должен быть как настоящий!

Лицо у него было красное. Позади маячил Детрит и одной рукой, как официант, терпеливо держал над головой что-то, очень похожее на кровать. Достабль сжимал в кулаке простыню. Виктор вдруг осознал, что и простыня, и вся кровать целиком исписаны словами.

— Но траты… — запротестовал Сильверфиш.

— Деньги мы как-нибудь найдем, — спокойно заверил его Достабль.

Сильверфиш так не перепугался бы, заявись Достабль к нему в женском платье. Он попытался взять себя в руки.

— Ну, если ты *уверен*, Себя-Режу…

— Вот именно!

— …полагаю, мы можем отбить его стоимость за несколько кликов, и может даже сдать его в аренду…

— Что ты несешь? — рявкнул Достабль. — Мы строим его для «Сдутых шквалом»!

— Да, да, конечно, — успокаивающе сказал Сильверфиш. — Но потом мы сможем…

— Потом? Не будет никакого потом! Ты что, сценарий не читал? Детрит, покажи ему сценарий!

Детрит послушно уронил кровать между ними.

— Это же твоя *кровать*, Себя-Режу…

— Сценарий, кровать — какая разница? Смотри… вот здесь… чуть выше резьбы…

Пока Сильверфиш читал, стояла тишина. Она была довольно долгой. Сильверфиш не привык читать то, что не было записано в столбик с итоговой суммой внизу.

Наконец он сказал:

— Ты… собираешься его… сжечь?

— Это исторический факт. С историей не поспоришь, — самодовольно заявил Достабль. — В гражданскую войну город сгорел, это каждый знает.

Сильверфиш подтянулся.

— Город, может, и сгорел, — холодно сказал он, — но бюджет для этого я искать не обязан! Это безответственная расточительность!

— Я как-нибудь его оплачу, — спокойно ответил Достабль.

— Давай я тебе объясню в двух словах: это не-

возможно.

— Это три слова, — заметил Достабль.

— Я ни в коем случае не стану над этим работать, — сказал Сильверфиш, не обращая внимания на то, что его перебили. — Я пытался взглянуть на вещи твоими глазами, понятно? Но ты пытаешься сотворить из движущихся картинок… сотворить из них… сотворить из них *грезы*. Я не собирался их в это превращать! Я в этом не участвую!

— Хорошо. — Достабль поднял взгляд на тролля. — Господин Сильверфиш уходит, — сказал он. Детрит кивнул и медленно, но твердо поднял Сильверфиша за воротник.

Алхимик побледнел.

— Ты не сможешь от меня просто так избавиться, — сказал он.

— Поспорим?

— Ни один алхимик Голывуда не станет на тебя работать! И рукояторов мы заберем! У тебя ничего не останется!

— Слушай сюда! После этого клика весь Голывуд ко мне за работой приползет! Детрит, вышвырни этого оборванца!

— Слушаюсь, господин Достабль, — пророкотал тролль, сжимая воротник Сильверфиша.

— Ты обо мне еще услышишь, ты… коварный, вероломный мегаломан!

Достабль достал изо рта сигару.

– *Господин* Мегаломан, — поправил он.

Потом вернул сигару на место и со значением кивнул Детриту, который осторожно, но твердо ухватил Сильверфиша еще и за ногу.

— Тронь меня хоть пальцем — и тебе в этом городе больше не работать! — завопил алхимик.

— Так у меня уже есть работа, господин Сильверфиш, — спокойно ответил Детрит, унося его к воротам. — Я вице-президент по делам выкидывания людей, которые не нравятся господину Достаблю.

— Тогда тебе придется нанять помощника, — прошипел Сильверфиш.

— У меня племянник работу ищет, — сообщил тролль. — Доброго дня вам.

— Ну ладно, — сказал Достабль, потирая ладони. — Солл!

Солл возник из-за стоявшего на козлах стола, нагруженный скатанными в трубки планами, и вытащил изо рта карандаш.

— Да, дядюшка?

— Сколько времени это займет?

— Дня четыре, дядюшка.

— Слишком долго. Найми больше людей. Я хочу, чтобы до завтра все было готово, ясно?

— Но дядя…

— Иначе ты уволен, — сказал Достабль. Солл испугался.

— Я же твой племянник, дядюшка, — запротестовал он. — Племянников не увольняют.

Достабль огляделся и, похоже, только сейчас заметил Виктора.

— А-а, Виктор. Ты у нас умеешь со словами обращаться, — сказал он. — Могу я уволить племянника?

— Э-э. Не думаю. Кажется, от них отрекаются, или что-то в этом роде, — промямлил Виктор. — Но…

— Точно! Точно! — воскликнул Достабль. — Молодец. Я же знал, что есть какое-то такое слово. Я от тебя отрекусь. Слышал, Солл?

— Слышал, дядюшка, — уныло ответил Солл. — Ну что, я пошел искать новых плотников?

— Вот именно.

Уходя, Солл метнул в сторону Виктора перепуганный и пораженный взгляд. Достабль принялся разглагольствовать перед компанией рукояторов. Указания хлестали из него, как вода из фонтана.

— Похоже, в Анк-Морпорк сегодня никто не поедет, — сказал кто-то рядом с коленом Виктора.

— Он сегодня весьма, гм, амбициозен, — ответил Виктор. — Совершенно на себя непохож.

Гаспод почесал ухо.

— Что-то я хотел тебе сказать. Только что? Ах да. Вспомнил. Твоя подружка — агент демонических сил. Когда мы ночью встретили ее на холме, она, наверное, шла причащаться зла. Что ты на это скажешь?

Гаспод ухмыльнулся. Он был доволен тем, как вырулил на эту тему.

— Это здорово, — рассеянно пробормотал Виктор. Достабль определенно вел себя еще страннее обычного. Страннее даже, чем было заведено в Голывуде…

— Ага, — сказал Гаспод, несколько раздраженный такой реакцией. — Резвится по ночам с потусторонними сверхъестественными Разумами с Той Стороны, вот оно как.

— Хорошо, — сказал Виктор. В Голывуде, как правило, декорации не сжигали. Их сберегали и разрисовывали с обратной стороны. Он волей-неволей заинтересовался.

— …тысячи актеров, — говорил между тем Достабль. — Мне плевать, где вы их возьмете, надо

будет — весь Голывуд наймем, понятно? И еще я хочу…

— Пособничает в их злодейских планах по захвату всего мира, если я верно понимаю, — сказал Гаспод.

— Правда? — спросил Виктор. Теперь Достабль разговаривал с парочкой подмастерьев-алхимиков. Что-что он сказал? *Двадцать* катушек? Да ведь до сих пор никто даже и на шесть не замахивался!

— Копает и копает, чтобы прервать их стародавний сон и наслать на мир, такие дела, — сказал Гаспод. — И кошки ей наверняка помогают, попомни мои…

— Слушай, помолчи минутку, а? — раздраженно буркнул Виктор. — Я пытаюсь разобрать, что они говорят.

— Ну *извини*, я что, я только мир спасти пытаюсь, — пробубнил Гаспод. — Если какая мерзопакость, уцелевшая с самой Зари Времен, начнет махать тебе щупальцами из-под кровати, ко мне жаловаться не прибегай.

— Да что ты там *несешь*? — спросил Виктор.

— О, ничего. Ничего.

Достабль поднял взгляд, заметил вытянувшего шею Виктора и помахал ему.

— Эй, парень! Иди сюда! Как думаешь, есть у меня для тебя отличная роль?

— Есть? — спросил Виктор, проталкиваясь сквозь толпу.

— Я же сказал, что есть!

— Нет, ты спросил… — начал Виктор и сдался.

— А где же наша госпожа Джинджер? — поинтересовался Достабль. — Снова опаздывает?

— *…проспала, наверное…* — проворчал недовольный и никому не интересный голос откуда-то из моря ног, — *…оно ведь утомительно, наверное, со злыми силами якшаться…*

— Солл, пошли кого-нибудь за ней…

— Слушаюсь, дядя.

– *…да и чего от нее можно было ждать-то — такие люди, которые кошек любят, они ведь на все способны, им доверять нельзя…*

— И найди кого-нибудь, чтобы переписал сценарий с кровати.

— Слушаюсь, дядя.

– *…но разве они слушают? Ни за что. А вот если бы я щеголял гладкой шерсткой, носился кругами и тявкал — вот тогда бы они меня послушали…*

Достабль открыл было рот, но вдруг нахмурился и поднял руку.

— А кто это бубнит? — спросил он.

– …а я ведь, наверное, мир спас, мне вообще статуя положена, но нет, о нет, только не тебе, господин Гаспод, потому что ты рылом не вышел, так что…

Нытье оборвалось. Толпа расступилась, открыв виду маленького криволапого серого песика, который бесстрастно воззрился на Достабля.

— Тяв? — с невинным видом спросил он.

События в Голывуде всегда разворачивались стремительно, однако работа над «Сдутыми шквалом» неслась точно комета. Все остальные клики «Века Летучей Мыши» заморозили. Как и большинство кликов в городе, потому что Достабль платил актерам и рукояторам вдвое больше всех остальных.

И вот среди дюн воздвиглось подобие Анк-Морпорка. Солл ныл, что было бы дешевле рискнуть прогневить волшебников, втихаря отрисовать что-нибудь в самом Анк-Морпорке, а потом всунуть кому-нибудь пригоршню долларов, чтобы он поджег дворец.

Достабль не соглашался.

— Помимо прочего, — провозгласил он, — это было бы неправдоподобно.

— Но это же настоящий Анк-Морпорк, дядя, — сказал Солл. — Он выглядит именно так, как надо.

Как он может быть неправдоподобным?

— Да понимаешь, Анк-Морпорк выглядит каким-то ненастоящим, — глубокомысленно объяснил Достабль.

— Да нет же, черт возьми, он настоящий! — рявкнул Солл; ниточка родственных связей натянулась, готовая лопнуть. — Анк-Морпорк существует! Анк-Морпорк — это Анк-Морпорк! Более настоящим его не сделать! Он и так уже настоящее некуда!

Достабль достал сигару изо рта.

— Это не так, — сказал он. — Вот увидишь.

Джинджер пришла ближе к обеду, такая бледная, что даже Достабль не стал на нее орать. Она то и дело поглядывала на Гаспода, который старался держаться от нее подальше.

Достабль, впрочем, был занят другим. Он сидел у себя в конторе и объяснял Сюжет.

Который, в общем-то, был довольно прост и привычен: Юноша Встречает Девушку, Девушка Встречает Другого Юношу, Юноша Теряет Девушку — вот только в этом случае посреди всего этого разражалась гражданская война.

Причины Анк-Морпоркской Гражданской войны (8:32 вечера третьего грюня 432 года — 10:45 утра четвертого грюня 432 года) всегда были

причиной горячих споров среди историков. Существуют две основные теории: 1. Простой люд, страдавший под непосильным бременем налогов, возложенным на него особенно глупым и неприятным королем, решил, что с него хватит и пора уже разделаться с устаревшей монархической системой и заменить ее, как потом оказалось, цепочкой деспотов, которые все так же драли с народа по три шкуры, но хотя бы имели совесть не притворяться, что это право даровано им богами, отчего всем стало немножко легче, либо 2. Играли это ребята в таверне в «дуркера», и один обвинил другого в том, что у того в рукаве тузов больше положенного, а потом они достали ножи, а потом кто-то кого-то шибанул скамейкой, а потом кто-то другой кого-то пырнул, а потом полетели стрелы, а потом кто-то уцепился за люстру, а потом неосторожно брошенный топор угодил в человека на улице, а потом позвали Стражу, а потом кто-то поджег таверну, а потом кто-то зашиб кучу народу столом, а потом у всех кончилось терпение и началась заварушка.

В любом случае все это привело к гражданской войне, которая должна случиться в истории лю-

бой зрелой цивилизации…[19]

— В общем, я это вижу так, — сказал Достабль, — есть девушка-дворянка, которая живет совсем одна в большом доме, и ее возлюбленный уходит сражаться за бунтовщиков, а она встречает другого парня, и между ними все начинает искрить…

— А потом они взрываются? — спросил Виктор.

— Он имеет в виду, что они влюбляются, — холодно пояснила Джинджер.

— Ага, вот именно, — кивнул Достабль. — Они встречаются взглядами в людном зале. А у нее во всем мире никого, кроме слуг, да еще, может, любимого пса…

— Его будет играть Лэдди? — уточнила Джинджер.

— Ага. И, конечно же, она готова на все, лишь бы сберечь фамильную шахту, так что она флиртует с ними обоими — с парнями, не с псом, — а потом одного из них убивают на войне, а второй ее бросает, но все будет хорошо, потому что характер у нее железный. — Он откинулся на спинку стула. — Ну, что скажете?

---

[19] Примечания: 19

Помимо прочего, это дает брату более веский повод пойти на брата, чем тот, что бывает обычно, т. е. из-за того, что его жена сказала про нашу мамулю на похоронах тети Веры.

Собравшиеся в комнате обменялись беспокойными взглядами.

Повисла неловкая тишина.

— Очень здорово, дядя, — сказал Солл, которому сегодня дополнительные проблемы были не нужны.

— Большой технический вызов, — сказал Гафер.

Остальные облегченно загомонили, выражая согласие.

— Ну не знаю, — медленно проговорил Виктор.

Все взгляды в комнате обратились к нему — так зрители вокруг ямы со львами следят за первым обреченным преступником, которого вталкивают через железные ворота.

Он продолжил:

— Я о чем: и это все? Как-то не слишком, ну, сложно для такого длинного клика. Люди влюбляются друг в друга, а где-то на фоне идет гражданская война… Я не понимаю, как из этого может получиться какая-то особенная картинка.

И опять воцарилась неловкая тишина. Парочка стоявших рядом с Виктором людей отодвинулась подальше. Достабль пялился на него.

Из-под стула, на котором сидел Виктор, до него доносился почти неслышный голосок:

— *...а, ну* конечно, *для Лэдди-то роль всегда найдется... да только что в нем есть такого, чего у меня нет, — вот что мне хотелось бы...*

Достабль не сводил взгляда с Виктор.

— Мне тоже так показалось, дядя, — поспешно сказал Солл. — Нам нужно его немножечко доработать.

Достабль неопределенно помахал сигарой:

— Придумаем что-нибудь по ходу дела, какие проблемы. Например... например... как насчет гонки на колесницах? Народу нравятся гонки на колесницах. Они захватывают. А вдруг он упадет, а вдруг колеса отвалятся? Точно. Гонка на колесницах.

— Я тут, э-э, немножко почитал про Гражданскую войну, — осторожно начал Солл, — и там вроде как ничего не говорится про...

— Про то, что во время нее *не было* гонок на колесницах, верно? — спросил Достабль лучезарным тоном, за которым таилось лезвие угрозы. Солл обмяк.

— А знаешь, дядя, — сказал он, — ты абсолютно прав.

— А еще... — Достабль задумчиво уставился в пространство, — может, попробуем добавить... большую белую акулу?

Судя по голосу, даже сам Достабль был немножко удивлен этим предложением.

Солл с надеждой посмотрел на Виктора.

— Я практически убежден, что в Гражданской войне акулы не сражались, — сказал тот.

— Точно?

— Думаю, люди бы их заметили, — сказал Виктор.

— Да их, наверное, слоны затоптали, — пробормотал Солл.

— Ну да, — с грустью сказал Достабль. — Я просто подумал. Если честно, сам не знаю, с чего я это сказал.

Он какое-то время смотрел в никуда, а потом резко помотал головой.

«Акула, — подумал Виктор. — Плавают это себе маленькие золотые рыбки твоих собственных мыслей и горя не знают, а потом вода *колышется*, и откуда-то извне приплывает огромная мысль-акула. Как будто кто-то думает за нас».

— Ты вообще не умеешь себя вести, — укорил Виктор Господа, когда они остались одни. — Я постоянно слышал, как ты бубнишь под стулом.

— Вести себя я, может, и не умею, зато не западаю на какую-то деваху, которая впускает в мир чудовищных Порождений Ночи, — буркнул

Гаспод.

— Уж надеюсь, — сказал Виктор, а потом спросил: — Это в каком смысле?

— Ага! Вот *теперь* он слышит! Твоя девушка…

— Она мне не девушка!

— Твоя мнимая девушка, — сказал Гаспод, — каждую ночь ходит на холм и пытается открыть ту дверь. Этой ночью она попыталась еще раз, после того как ты ушел. Я ее заметил. Я ее *остановил*, — гордо добавил он. — Но лавров я, конечно, не жду. Там, внутри, что-то жуткое, и она его освобождает. Неудивительно, что по утрам она вечно опаздывает и ходит невыспавшаяся — выспишься тут, когда копаешь всю ночь.

— А с чего ты взял, что там что-то жуткое? — неубедительно воспротивился Виктор.

— Скажем так, — ответил Гаспод. Если что-то запихнули в пещеру под холмом и поставили там здоровенную дверь — то уж, наверное, люди не хотели, чтобы оно каждый вечер выходило и помогало им посуду мыть, верно? Конечно, — великодушно добавил он, — я не говорю, что она делает это *сознательно.* Должно быть, оно завладело ее слабым и жалким котолюбивым умишком и подчинило его своей злобной воле.

— Ты иногда такую чушь порешь, — сказал

Виктор, но даже ему самому это убедительным не показалось.

— Ну так спроси ее саму, — самодовольно предложил песик.

— И спрошу!

— Вот и спроси!

«Вот только как? — подумал Виктор, когда они вышли наружу, на солнце. — “Простите, госпожа, мой пес утверждает, что вы…” Нет. Надо сказать: “Джин-джер, я так понял, ты ходишь…” Нет. “Эй, Джинджи, а чего это мой пес тебя видел…” Нет».

Возможно, стоит просто завязать разговор и дождаться, пока он естественным образом не коснется Чудовищ Из Бездны.

Но это должно было подождать, потому что сейчас разразился скандал.

Причиной была третья главная роль в «Сдутых шквалом». Виктор, разумеется, был неотразимым, но опасным героем, Джинджер — единственно возможной претенденткой на роль героини, а вот роль второго героя — скучного, но надежного — вызывала споры.

Виктор никогда прежде не видел, чтобы кто-то в гневе топал ногой. Он всегда думал, что такое бывает только в книгах. Но Джинджер именно это и делала.

— Потому что я буду выглядеть как идиотка, вот почему! — кричала она.

Солл, к этому моменту казавшийся себе громоотводом в грозовой день, отчаянно махал рукой.

— Но он идеально подходит на эту роль! — говорил он. — Это ведь крепкий персонаж…

— Крепкий? Ну конечно он крепкий! Он ведь *из камня* сделан! — завопила Джинджер. — Ну да, на нем кольчуга и накладные усы, но он все равно тролль!

Скала, монолитом нависавший над ними, шумно откашлялся.

— Прошу прощения, — сказал он, — я надеюсь, это было не элементалистское замечание?

Теперь настал черед Джинджер размахивать руками.

— Мне *нравятся* тролли, — сказала она. — Как тролли, я имею в виду. Но не хотите же вы, чтобы я всерьез изображала любовь к… к… отвесной круче.

— Послушай-ка, — начал Скала; голос его был точь-в-точь взведенная пружина. — Ты, значит, хочешь сказать, что показывать, как тролли всех колошматят дубинами, нормально, а показывать, что у троллей бывают возвышенные чувства, как у мяконьких людишек, — нет?

— Она вовсе не это хочет сказать, — в отчаянии возразил Солл. — Она не…

— Уколи меня — и разве не потечет кровь? — вопросил Скала.

— Нет, не потечет, — ответил Солл, — но…

— Ну да, но ведь *могла бы*. Будь у меня кровь, я бы тут вам все ей залил.

— И вот еще кое-что, — сказал какой-то гном, ткнув Солла в коленку. — В сценарии написано, что она, мол, владелица шахты, в которой полным-полно радостных, смеющихся, поющих гномов, верно?

— Ну да, — ответил Солл, отвлекаясь от проблемы с троллем. — А что?

— Немножко стереотипно, тебе не кажется? — спросил гном. — Как будто все гномы — шахтеры. Я не понимаю, почему мы должны все время играть одинаковые роли.

— Но ведь большинство гномов *и правда* шахтеры, — безнадежно проговорил Солл.

— Ну да, но это их не радует, — сказал другой гном. — И они не поют весь день напролет.

— Верно, — подключился третий гном. — Техника безопасности, понимаешь? Будешь песни распевать — так на тебя потолок обрушится.

— И вообще, рядом с Анк-Морпорком никаких

шахт нет, — это, кажется, сказал первый гном, хотя для Солла они все были на одно лицо. — Это всем известно. Он же на глине стоит. Да нас родные на смех поднимут, если увидят, как мы добываем самоцветы на окраине Анк-Морпорка.

— И вовсе я не похож на отвесную кручу, — пророкотал Скала, которому порой требовалось немножко времени, чтобы переварить услышанное. — Ну, крутоват местами, да, но не отвесный же.

— Дело вот в чем, — сказал один из гномов, — мы не понимаем, с чего это все хорошие роли достаются людям, а нам — только крошечные эпизодики.

Солл издал жизнерадостный смешок загнанного в угол человека, который надеется, что шутка немножко разрядит атмосферу.

— А-а, — сказал он, — это потому, что вы сами…

– *Что?* — хором спросили гномы.

— Э-э, — выдавил Солл и быстренько сменил тему: — Понимаете, весь смысл, как я его понимаю, в том, что Джинджер готова на что угодно, лишь бы заполучить средства для сохранения дома и шахты, и…

— Надеюсь, мы скоро начнем, — сказал Гафер, —

а то мне через час надо за бесами убирать.

— А, я понял, — сказал Скала. — Это я, значит, «что угодно», да?

— Так для сохранения шахты не нужны никакие средства, — сказал кто-то из гномов. — Это шахта тебе дает средства к существованию. Ты выносишь из нее сокровища. А обратно ничего не заносишь. Это же основа всего горного дела.

— Ну, может быть, эта шахта иссякла, — быстро ответил Солл. — В любом случае она…

— А тогда ее незачем и сохранять, — перебил его другой гном снисходительным тоном, по которому было ясно: он готовится пуститься в долгие, подробные объяснения. — Ее нужно бросить, где нужно — поставить подпорки и пройти новый штрек по линии залегания пласта…

— С учетом сбросовых уступов и моноклинальных структур, — добавил еще один гном.

— Да, разумеется, с учетом сбросовых уступов и моноклинальных структур, а потом…

— А также общего смещения земной коры.

— Верно, а потом…

— Если, конечно, вы не выемку с закладкой делаете.

— Ну да, однако…

— Я вообще не понимаю, — начал Скала, — как

меня можно сравнить…

— ЗАТКНИТЕСЬ! — завопил Солл. — Заткнитесь все! ЗАТКНИТЕСЬ! Тому, кто не заткнется, в этом городе больше не работать! Понятно? ПОНЯТНО, я спрашиваю? Вот и хорошо. — Он откашлялся и продолжил уже обычным голосом: — Итак. Мне нужно, чтобы вы все поняли, что это Захватывающая, Сенсационная Романтическая история о стремлении одной женщины сохранить… — он сверился со своим планшетом и уверенно продолжил: —…все, что она любит, разворачивающаяся на фоне Обезумевшего Мира, и я не хочу, чтобы хоть кто-нибудь из вас доставлял мне еще хоть какие-то проблемы.

Один из гномов робко поднял руку:

— Прошу прощения.

— Чего тебе? — спросил Солл.

— А почему все истории господина Достабля разворачиваются на фоне обезумевшего мира? — спросил гном.

Солл прищурился.

— Потому что господин Достабль, — прорычал он, — крайне наблюдательный человек.

Достабль оказался прав. Новый город стал квинтэссенцией старого. Узенькие переулочки стали еще уже, высокие здания — выше. Гаргульи

были уродливее, крыши — остроконечнее. Возносившаяся над Незримым Университетом Башня Искусства вознеслась еще сильнее, хоть и была при этом высотой всего в четверть оригинала; сам Университет оброс новыми завитушками и контрфорсами, а дворец патриция — колоннами. Плотники роились вокруг сооружения, которое в законченном виде должно было заставить Анк-Морпорк казаться довольно блеклой копией себя самого, разве что здания в изначальном городе, как правило, не были нарисованы на растянутом между балками холсте и грязь на них осторожненько не разбрызгивали. Анкморпоркским зданиям приходилось пачкаться самостоятельно.

Этот город походил на Анк-Морпорк больше, чем это когда-либо удавалось самому Анк-Морпорку.

Джинджер увели переодеваться в палатку прежде, чем Виктор улучил шанс с ней поговорить, а потом началась рисовка, и было уже слишком поздно.

В студии «Век Летучей Мыши» (теперь на вывеске буковками поменьше значилось: «Больше

Звезд, Чем На Небесах»[20]) считалось, что производство клика должно быть в десять раз короче, чем сам клик. Со «Сдутыми шквалом» дело обстояло иначе. В нем были сражения. В нем были ночные сцены, и недовольные бесы рисовали при свете факелов. Гномы радостно трудились в шахте, из гипсовых стен которой выглядывали фальшивые золотые самородки размером с курицу — подобных шахт мир не видывал ни до, ни после этого. Поскольку Солл требовал, чтобы в кадре было видно, как шевелятся губы гномов, они распевали скабрезную версию песни «Хайхо-хайхо», которая обрела большую популярность среди гномьего населения Голывуда.

Возможно, Солл и знал, во что это все в итоге сложится. Виктор не знал. Он уже понял, что лучше всего и не пытаться уследить за сюжетом клика, в котором рисуешься; к тому же Солл снимал не только от конца к началу, но и от боков к середине. Разобраться в этом было невозможно — прямо как в настоящей жизни.

Когда же Виктору подвернулась возможность поговорить с Джинджер, за ними наблюдали двое рукояторов и все актеры, которым в тот момент

---

[20] Примечания: 20

49873, согласно механическому Звездному Регистратору Риктора-Счетовода.

нечего было делать.

— Так, народ, — сказал Солл. — Эта сцена происходит ближе к финалу, и в ней Виктор и Джинджер после стольких испытаний наконец-то встречаются, и он говорит ей… — Он взглянул на врученную ему большую черную табличку с репликой. — Ах да, он говорит: «Если честно, моя дорогая, я бы все отдал за порцию… отборных… свиных… ребрышек… Харги… в… специальном… соусе… карри…»

Голос Солла замедлился и осекся. Когда он наконец сделал вдох, создалось впечатление, что это всплыл на поверхность океана кит.

– *Кто* это НАПИСАЛ?

Один из художников боязливо поднял руку.

— Это господин Достабль велел, — поспешно объяснил он.

Солл перебрал большую стопку табличек, в которой содержалась большая часть реплик для клика. Губы его поджались. Он кивнул одному из ассистентов с планшетами и сказал:

— А сбегай-ка, пожалуйста, в контору и попроси моего дядюшку заглянуть сюда, если у него найдется лишняя минутка.

Потом Солл вытащил из стопки другую табличку и прочел:

— «По старой шахте я, конечно, скучаю, но если мне хочется настоящей деревенской еды, я всегда… заглядываю… в… Реберный… дом…» *Понятно*.

Он выдернул еще одну случайную табличку.

— Ага. Значит, последними словами раненого солдата-роялиста у нас будут «Что угодно отдал бы сейчас за специальное предложение «Ешь-пока-не-лопнешь-за-доллар» в… Реберном… доме… Харги… Мамочка!»

— По-моему, очень трогательно, — сказал у него за спиной Достабль. — У всех слезы на глаза навернутся, вот увидишь.

— Дядя… — начал Солл.

Достабль поднял руки.

— Я же сказал, что как-нибудь добуду деньги, — сказал он, — а Шем Харга даже поможет нам с едой для сцены с барбекю.

— Ты говорил, что не будешь править сценарий!

— А я и не правил, — невозмутимо возразил Достабль. — Разве же это правка? Я его только чуток подрихтовал. По-моему, стало гораздо лучше. К тому же по нынешним временам «Все-Что-Сможешь-Проглотить-За-Доллар» Шэма Харги — отличное предложение.

— Но действие клика-то происходит сотни лет назад! — завопил Солл.

— Ну-у, — протянул Достабль. — Кто-нибудь наверняка подумает «Интересно, а сотни лет спустя кормежка в “Реберном Доме Харги” все такая же вкусная?»…

— Да это же не движущиеся картинки. Это наглая коммерция!

— Уж надеюсь, — сказал Достабль. — А то у нас будут серьезные проблемы.

— Слушай меня внимательно, — угрожающе начал Солл.

Джинджер повернулась к Виктору.

— Можем мы где-нибудь поговорить? — прошептала она. — Только без твоего пса, — добавила она уже нормальным голосом. — Определенно без твоего пса.

— Ты хочешь поговорить *со мной*? — удивился Виктор.

— Ну, у нас же не было такой возможности, верно?

— Ну да. Точно. Гаспод, *сидеть.* Вот так, хороший песик.

При виде промелькнувшего на морде Гаспода неприкрытого отвращения Виктор испытал тихое удовлетворение.

Позади них набрал крейсерскую скорость бесконечный голывудский спор; Солл и С.Р.Б.Н. стояли нос к носу и ругались в кругу любопытствующих и забавляющихся работников.

— Я это терпеть не обязан, знаешь ли! Я могу уволиться!

— Нет, не можешь! Ты мой племянник! С должности племянника уволиться невозможно!..

Джинджер и Виктор присели на ступеньках особняка из холста и древесины. Их уединение было абсолютным. Никому и в голову бы не пришло следить за ними, когда всего в нескольких ярдах кипит такая ссора, что животик надорвешь.

— Э-э, — сказала Джинджер. Ее пальцы бесконечно переплетались. Виктор не мог не заметить, что ногти у нее поломаны.

— Э-э, — снова сказала она. Под слоем грима ее бледное лицо искажала мука. «Она не красавица, — подумалось Виктору, — но поверить в это непросто».

— Я, э-э, не знаю, как бы это сказать, — выговорила наконец Джинджер, — но, э-э, ты не знаешь, никто не замечал, что я хожу во сне?

— На холм? — спросил Виктор.

Она резко, по-змеиному, обернулась.

— Ты знаешь? Откуда ты знаешь? Ты что, шпионишь за мной? — рявкнула она. Это снова была прежняя Джинджер — сплошь огонь, яд и агрессивная паранойя.

— Лэдди нашел тебя… спящей вчера поздно днем, — сказал Виктор, откидываясь назад.

– Днем?

— Да.

Джинджер прикрыла губы ладонями.

— Все хуже, чем я думала, — прошептала она. — Все становится хуже! Помнишь, как мы встретились на холме? Перед тем, как нас нашел Достабль и подумал, что мы там… милуемся… — Она залилась румянцем. — Так вот, я не знала даже, как там оказалась!

— И прошлой ночью ты туда вернулась, — сказал Виктор.

— Это тебе пес рассказал? — тоскливо спросила Джинджер.

— Да. Прости.

— Теперь так каждую ночь бывает, — простонала Джинджер. — Я точно знаю, потому что даже если просыпаюсь в постели, у меня весь пол в песке и ногти переломаны! Я хожу туда каждую ночь — и не знаю зачем.

— Ты пытаешься открыть дверь, — сказал Вик-

тор. — Там обвалился склон холма, а под ним оказалась такая большая древняя дверь, и…

— Да видела я ее, но *зачем*?

— Ну, у меня есть парочка предположений, — осторожно признался Виктор.

— Так расскажи!

— Гм. Ты слышала когда-нибудь о таком явлении — гений места?

— Нет. — Она насупила брови. — Это кто-то очень умный?

— Это что-то вроде души места. Она может быть очень сильной. Ее можно *сделать* очень сильной — если достаточно долго поклоняться ей, любить ее или ненавидеть. И вот я думаю — не может ли дух места призывать к себе людей? И животных. Голывуд ведь необычное место, правда? Люди здесь ведут себя иначе. Во всем остальном мире самое важное — это боги, деньги или скот. Здесь самое важное — это быть знаменитым.

Джинджер ловила каждое его слово.

— Ну? — подтолкнула она его, а потом добавила: — Пока что все не так уж страшно.

— К страшному я подбираюсь.

— А-а.

Виктор сглотнул. Его мозг кипел, точно суп. Полузабытые факты дразняще всплывали на по-

верхность и снова тонули. Когда-то сухие ветхие учителя в высоких ветхих аудиториях делились с ним скучными ветхими знаниями, которые неожиданно сделались жизненно необходимыми, и он отчаянно пытался их выловить.

— Но я не… — прохрипел Виктор. Он откашлялся. — Но я не уверен, что это на самом деле так, — выговорил он. — Это пришло *не отсюда*. Такое случается. Ты слышала про идеи, время которых настало?

— Да.

— Ну так вот, это смирные идеи. Бывают и другие, идеи, которые так полны энергии, что они и не дожидаются своего времени. Сумасбродные идеи. Беглые идеи. И беда в том, что когда возникает что-то подобное, возникает еще и дыра…

Виктор посмотрел на вежливое, пустое лицо Джинджер. Сравнения всплывали на поверхность супа, точно размокшие сухарики. Представь себе, что все миры, которые когда-либо существовали, в каком-то смысле прижимаются друг к другу, как ингредиенты в сэндвиче… как карты в колоде… как страницы в книге… как части сложенной простыни… и при некоторых условиях вещи могут не скользить по своему слою, а проникать в соседние… но открытие врат между мирами

грозит страшными опасностями, например…

Например…

Например…

Например, какими?

Ответ вынырнул из глубин его памяти, точно внезапный кусочек подозрительного щупальца, обнаружившийся именно тогда, когда ты решил было, что паэлья съедобна.

— Возможно, что-то другое пытается пробиться сюда тем же путем, — предположил он. — В, э-э, в небытии между слоями бытия водятся твари, которых я предпочел бы тебе не описывать.

— Ты их уже описал, — напряженно сказала Джинджер.

— И, э-э, они, как правило, жаждут пробраться в реальный мир, и, возможно, они каким-то образом контактируют с тобой, когда ты спишь, и…

Виктор сдался. Выражение ее лица сделалось невыносимым.

— Я могу ошибаться, — быстро добавил он.

— Ты должен помешать мне открыть эту дверь, — прошептала она. — Я могу быть одной из Них.

— О, я так не думаю, — благородно заверил ее Виктор. — По-моему, у них обычно гораздо больше рук.

— Я пыталась оставить на полу кнопки, чтобы про-снуться, — сказала Джинджер.

— Жуть какая. И как, сработало?

— Нет. Утром они снова оказались в пакете. Наверное, я их все подобрала.

Виктор поджал губы.

— Это может быть добрым знаком, — сказал он.

— Почему?

— Если бы тебя призывали к себе, гм, неприятные создания, я не думаю, что им было бы какое-то дело до того, на что ты там наступаешь.

— Фу.

— Ты точно не знаешь, почему это с тобой происходит? — уточнил Виктор.

— Нет! Но при этом я всегда вижу один и тот же сон. — Она прищурилась. — Эй, а откуда ты все это знаешь?

— Я… мне один волшебник рассказывал, — сказал Виктор.

— А ты сам, случайно, не волшебник?

— Ни в коем случае. В Голывуд волшебников не пускают. Так что там у тебя за сон?

— О, он слишком странный, чтобы в нем был какой-то смысл. И вообще, он мне снится еще с детства. Он начинается с горы, только это не

обычная гора, потому что…

Над ними навис Детрит.

— Молодой господин Достабль говорит, что пора возвращаться к рисовке, — прогремел он.

— Ты можешь сегодня переночевать у меня? — прошипела Джинджер. — Пожалуйста! Разбуди меня, если я снова буду ходить во сне.

— Гм, ну хорошо, но твоей домоправительнице это может не понравиться…

— О, у госпожи Космопилит очень широкие взгляды, — успокоила его Джинджер.

— Да?

— Она просто подумает, что мы занимаемся сексом, — объяснила Джинджер.

— А-а, — отрешенно протянул Виктор. — Ну тогда все в порядке.

— Молодой господин Достабль не любит, когда его заставляют ждать, — сообщил Детрит.

— Ой, да заткнись, — сказала Джинджер. Она встала и отряхнула платье. Детрит моргнул. Заткнуться ему обычно не говорили. На лбу у него проступило несколько обеспокоенных трещинок. Он повернулсяя и на этот раз попытался нависнуть над Виктором.

— Молодой господин Достабль не любит…

— Да отвали ты! — рявкнул Виктор и убрел

следом за Джинджер.

Детрит остался в одиночестве и скосил глаза в попытке задуматься.

Конечно, время от времени ему говорили что-ни-будь вроде «отвали» или «заткнись», но голоса их при этом дрожали от испуганной бравады, поэтому он всегда отвечал им остроумным «Хур-хур» и бил их по голове. Но никто и никогда не разговаривал с ним так, словно его существование — это последняя в мире вещь, которая их беспокоит. Его массивные плечи обмякли. Возможно, все эти ухаживания за Рубиной плохо на него влияли.

Солл стоял над душой у художника, переделывавшего таблички. Когда подошли Виктор с Джинджер, он поднял взгляд.

— Ладно, — сказал он, — все по местам. Начнем со сцены бала.

Солл выглядел очень довольным собой.

— А с репликами разобрались? — спросил Виктор.

– *Никаких* проблем, — гордо ответил Солл. Потом взглянул на солнце. — Мы кучу времени потеряли, — добавил он, — так что давайте не будем тратить его и дальше.

— Удивительно, что С.Р.Б.Н. вот так тебе усту-

пил.

— А у него не было никаких шансов. Думаю, он сейчас дуется у себя в конторе, — высокомерно сказал Солл. — Ну ладно, ребята, давайте-ка…

Художник, делавший таблички с репликами, потянул его за рукав.

— Господин Солл, я только хотел спросить, что мне написать для большой сцены, раз Виктор теперь не упоминает ребрышки…

— Не отвлекай меня, я занят!

— Но, может быть, вы мне хоть идейку подкинете…

Солл решительно отцепил пальцы художника от своего рукава.

— Если честно, — сказал он, — мне на это плевать.

И зашагал к рисовальной площадке.

Художник остался в одиночестве. Он поднял свою кисть. Его губы неслышно двигались, пробуя слова на вкус.

А потом он сказал:

— Хм-м. А неплохо.

Банана Х'Ула, самый умелый из охотников великих желтых равнин Клатча, затаил дыхание, щипчиками устанавливая на место последнюю деталь. По крыше его хижины барабанил дождь.

Вот так. Готово.

Он никогда прежде ничего подобного не создавал, но знал, что делает все *как надо.*

За свою жизнь он кого только не ловил, от зебр до тарг, но чего он этим добился? Однако вчера, отвозя шкуры в Н'Куф, он услышал, как один торговец сказал: мол, если кому удастся создать улучшенную мышеловку, то мир проложит к его жилищу широкую дорогу.

Всю ночь Банана пролежал без сна, размышляя об этом. Потом, с первым лучом зари, он палочкой нарисовал на стене хижины несколько чертежей и принялся за работу. В городе он воспользовался возможностью взглянуть на несколько мышеловок, и они определенно были далеки от идеала. Те, кто их придумал, не были охотниками.

Он взял в руку веточку и осторожно коснулся ею механизма.

Щелк.

Превосходно.

Теперь ему оставалось только отнести мышеловку в Н'Куф и узнать, захочет ли торговец…

Дождь сегодня был на редкость громкий. Собственно говоря, он больше напоминал…

Когда Банана пришел в себя, он лежал в руинах своей хижины посреди полосы утоптанной гли-

ны в полмили шириной.

Он недоуменно оглядел останки своего жилища. Он взглянул на бурый шрам, простиравшийся от горизонта до горизонта. Он увидел, как далеко-далеко на одном конце этого шрама клубится темное, грязноватое облако.

А потом он посмотрел себе под ноги. Улучшенная мышеловка превратилась в довольно симпатичный двухмерный рисунок, впечатанный в след огромной ступни.

— Вот уж не думал, что получилось *настолько* удачно, — пробормотал он.

Согласно учебникам истории, битва, решившая исход Анк-Морпоркской Гражданской войны, произошла туманным утром на болоте между двумя горстками вусмерть измотанных людей, и, хотя одна из сторон утверждала, что победила, настоящий итоговый счет был 0:1000 в пользу воронья, как, собственно, бывает почти в любой битве.

Оба Достабля сходились на том, что, будь их воля, такой третьесортной войной никто бы не отделался. Это же сущее преступление — что важнейшему, поворотному событию в истории города позволили пройти без участия тысяч бойцов, и верблюдов, и траншей, и земляных валов,

и осадных орудий, и требуфетов, и лошадей, и знамен.

— Да еще и в клятом тумане, — проворчал Гафер. — А об освещении кто думать будет?

Он обозрел предполагаемое поле битвы, прикрывая ладонью глаза от солнца. Над этой сценой предстояло работать одиннадцати рукояторам, рисовавшим ее со всех возможных ракурсов. Один за другим они показали большие пальцы.

Гафер постучал по своему картиночному ящику.

— Готовы, парни? — спросил он.

Послышался писклявый хор.

— Молодцы, — похвалил Гафер. — Сделайте все как следует, и воздастся вам лишней ящерицей к чаю.

Он ухватился одной рукой за ручку ящика, а другой поднял рупор.

— Ждем команды, господин Достабль! — прокричал он.

С.Р.Б.Н. кивнул и собрался было поднять руку, но тут за нее ухватился Солл. Его племянник внимательно разглядывал выстроившихся в шеренги всадников.

— Одну секундочку, — спокойно сказал он, а потом сложил ладони и прокричал: — Эй, ты!

Пятнадцатый рыцарь с конца! Да, ты! Будь другом, разверни свое знамя! Спасибо. А теперь, пожалуйста, сходи к госпоже Космопилит за новым. Спасибо.

Солл повернулся к дяде и поднял брови.

— Это… это геральдический герб, — быстро проговорил Достабль.

— Перекрещенные ребрышки на поле из салата? — уточнил Солл.

— Эти древние рыцари так любили покушать…

— И девиз мне понравился, — сказал Солл. — «Ребрышки от Харги: остры как меч, красны как кровь». Интересно, а если бы у нас был звук, какой бы у этого рыцаря оказался боевой клич?

— Ты же моя плоть и кровь, — понурил голову Достабль. — Почему ты так со мной поступаешь?

— Потому что я твоя плоть и кровь, — ответил Солл.

Достабль просветлел. Ну да, если взглянуть с этой точки зрения, все было не так уж плохо.

Это Голывуд. Чтобы время текло быстрее, нужно просто зарисовать стремительный бег стрелок на часах.

Ресограф в Незримом Университете фиксировал уже семь плибов в минуту.

А под конец дня они предали Анк-Морпорк огню.

За его долгую историю настоящий город поджигали уже много раз — из мести, по неосторожности, из вредности, а порой и для того, чтобы получить страховку. Большая часть каменных строений, которые и делали Анк-Морпорк *городом*, переживали эти пожары без проблем, и многие горожане[21] считали даже, что хороший пожар примерно раз в сотню лет полезен для здоровья города, поскольку помогает снизить популяцию крыс, тараканов, блох и, разумеется, людей, недостаточно богатых, чтобы жить в каменных домах.

Знаменитый Пожар, случившийся во время Гражданской войны, был примечателен лишь потому, что город подожгли обе стороны *одновременно*, чтобы он не достался врагу.

Если верить учебникам, в остальном пожар был не слишком впечатляющим. Река Анк тем летом разлилась особенно широко, и большая часть города слишком отсырела, чтобы сгореть.

В этот раз все прошло гораздо лучше.

Пламя изливалось в небеса. Поскольку это был

---

[21] Примечания: 21
По крайней мере, те, что жили в каменных домах.

Голывуд, сгорело *вообще все*, потому что каменные и деревянные здания отличались друг от друга лишь цветом краски на холсте. Сгорел двухмерный Незримый Университет. Сгорел фасад дворца патриция — а других частей у него и не было. Даже уменьшенная копия Башни Искусства извергала пламя, точно римская свеча.

Достабль обеспокоенно наблюдал за этим зрелищем.

Немного погодя стоявший у него за спиной Солл спросил:

— Дядюшка, ты, никак, чего-то ждешь?

— Хм-м? О нет. Просто надеюсь, что Гафер рисует башню, вот и все, — ответил Достабль. — Это же очень важная, знаковая достопримечательность.

— Полностью с тобой согласен, — сказал Солл. — Очень важная. Такая важная, что за обедом я послал туда нескольких ребят, чтобы они удостоверились, что все в порядке.

— Правда? — виновато спросил Достабль.

— Да. И знаешь, что они обнаружили? Они обнаружили, что кто-то приколотил к ней снаружи фейерверки. Много-много фейерверков с фитилями. И хорошо, что они их нашли, потому что если бы фейерверки взорвались, они *испортили* бы нам кадр, а мы никогда бы не смогли его по-

вторить. Кстати, мне сказали, что фейерверки, похоже, должны были сложиться в слова — можешь поверить? — добавил Солл.

— Какие слова?

— Да мне что-то в голову не пришло уточнить, — сказал Солл. — Просто в голову не пришло.

Он засунул руки в карманы и принялся тихонько насвистывать. А немного погодя бросил на дядюшку косой взгляд.

— «Самые горячие ребрышки в городе», — пробормотал он. — Серьезно?

Достабль надулся.

— А было бы смешно, — буркнул он.

— Послушай, дядя, так продолжаться не может, — сказал Солл. — Завязывай с этими коммерческими выкрутасами, хорошо?

— Ну ладно, ладно.

— Точно?

Достабль кивнул:

— Я же сказал «ладно», разве не слышал?

— Мне нужно что-то посерьезнее, дядя.

— Торжественно обещаю больше не вмешиваться в клик, — мрачно проговорил Достабль. — Я же твой дядя. Мы *родня*. Разве тебе этого недостаточно?

— Ну ладно. Хорошо.

Когда пламя унялось, они сгребли угольки в кучу и нажарили барбекю, а потом устроили под звездами вечеринку в честь завершения клика.

Бархатная накидка ночи укрывает попугайскую клетку Голывуда, а в такие теплые ночи у многих людей находятся тайные дела.

Юная парочка, рука об руку прогуливавшаяся по дюнам, перепугалась чуть ли не до потери сознания, когда перед ними с воплем «Аааааргх!» выскочил из-за камня и замахал руками огромный тролль.

— Напугал, да? — с надеждой спросил Детрит.

Побледневшая парочка кивнула.

— Ну и хорошо, — сказал тролль. Он потрепал их по головам, отчего их ноги немножко ушли в песок. — Спасибо большое. Премного благодарен. Доброй вам ночи, — грустно добавил он.

Парочка ушла, по-прежнему держась за руки, а Детрит поглядел им вслед и разрыдался.

С.Р.Б.Н. Достабль стоял в сарае рукояторов и задумчиво смотрел, как Гафер склеивает нарисованные за день пленки. Рукоятор был весьма польщен; господин Достабль прежде не выказывал ни малейшего интереса к тому, как на самом деле производятся клики. Возможно, поэтому он не так ревностно, как обычно, хранил секреты

Гильдии, передававшиеся от одного поколения тому же самому поколению.

— А почему все эти маленькие картиночки одинаковые? — поинтересовался Достабль, пока рукоятор наматывал пленку на бобину. — По мне, так это зряшная трата денег.

— На самом деле они не одинаковые, — объяснил Гафер. — Каждая немного непохожа на другие, видите? И когда у народа перед глазами очень быстро проносится множество очень маленьких и чуть-чуть отличающихся друг от друга картинок, его глазам кажется, что они видят движение.

Достабль извлек изо рта сигару.

— Ты хочешь сказать, это все фокусы? — пораженно спросил он.

— Вот именно. — Рукоятор хохотнул и потянулся за горшочком с клеем.

Достабль зачарованно наблюдал за ним.

— А я думал, это такая особенная магия, — немного разочарованно признался он. — А это, оказывается, все равно что игра «Найди даму»?

— Что-то вроде. Люди ведь на самом деле *не видят* ни одну из картинок. Они видят сразу много, понимаете, о чем я?

— Ты меня потерял на слове «видят».

— Каждая картинка влияет на общий *эффект*. Люди не видят — извиняюсь — каждую из них, они видят эффект, который создается, когда все они на большой скорости пролетают мимо.

— Правда? Очень интересно, — сказал Достабль. — Очень, очень интересно.

Он стряхнул сигарный пепел рядом с бесами. Один из них поймал его и слопал.

— А что будет, — медленно проговорил Достабль, — если, скажем, одна картинка в клике будет отличаться от остальных?

— Забавно, что вы об этом спросили, — сказал Гафер. — Как раз недавно у нас была такая история, когда мы клеили «За пределами долины троллей». Один из подмастерьев вставил туда всего одну картинку из «Золотой лихорадки», и мы все целое утро думали только о золоте и не могли сообразить почему. Оно как будто проникло напрямую к нам в головы, минуя глаза. Парня я, конечно, выпорол, когда мы заметили, что он натворил, но этого не случилось бы, если бы я случайно не просмотрел пленку медленно.

Он снова взял кисточку для клея, приставил друг к другу два куска пленки и слепил их воедино. Потом до него дошло, что за его спиной воцарилась полная тишина.

— С вами все в порядке, господин Достабль? — спросил он.

— А? О. — Достабль был погружен в глубокие размышления. — Значит, всего одна картинка произвела такой эффект?

— О да. Так вы в порядке, господин Достабль?

— Никогда не чувствовал себя лучше, дружище, — сказал Достабль. — Никогда не чувствовал себя лучше.

Он потер руки.

— Давай-ка мы с тобой поговорим как мужчина с мужчиной, — предложил он. — Потому что, видишь ли… — он дружески возложил ладонь на плечо Гафера, — …мне кажется, что сегодня твой *счастливый* день.

А в другом переулке сидел и бормотал себе под нос Гаспод.

— Ха. Он говорит мне сидеть. *Приказы* мне отдает. Только чтобы его подруженьке не пришлось терпеть у себя в комнате жуткую вонючую псину. И вот я, лучший друг человека, сижу под дождем. То есть сидел бы, если бы шел дождь. Его, конечно, нет, но если бы он шел, я бы весь вымок. Вот он попляшет, если я возьму и уйду. А я ведь могу. В любой момент, как только захочу. Я тут сидеть не обязан. Надеюсь, никто не думает, что я тут

сижу, потому что мне велели сидеть. Хотел бы я посмотреть на человечишку, который сможет мне приказать. Я тут сижу, потому что *хочу*. Да.

Потом он немного поскулил и спрятался в тени, где было меньше шансов, что его заметят.

В комнате наверху стоял лицом к стене Виктор. Это было унизительно. Ему хватило уже и того, что на лестнице он столкнулся с ухмыляющейся госпожой Космопилит. Она встретила его широкой улыбкой и сложным, требующим изрядной работы локтей жестом, который — Виктор был в этом уверен — милые маленькие старушки знать вообще не должны.

За спиной у него слышалось звяканье и, время от времени, шорох — это Джинджер укладывалась спать.

— На самом деле она очень приятная. Вчера она мне рассказывала, что у нее было четверо мужей, — сказала Джинджер.

— И куда она спрятала кости? — спросил Виктор.

— Я не понимаю твоих намеков, — фыркнула Джинджер. — Ладно, можешь поворачиваться. Я легла.

Виктор расслабился и развернулся. Джинджер натянула одеяло до подбородка и держала его

там, словно осажденный гарнизон — оборону.

— Только пообещай мне, — сказала она, — что, если что-нибудь случится, ты не воспользуешься ситуацией.

Виктор вздохнул:

— Обещаю.

— Просто мне ведь нужно о карьере беспокоиться, понимаешь?

— Понимаю.

Виктор сел рядом с лампой и достал из кармана книгу.

— Ты не думай, я вовсе не неблагодарная, — продолжала Джинджер.

Виктор перелистал желтеющие страницы в поисках места, на котором остановился. Масса людей провела свою жизнь подле Голывудского холма — судя по всему, только для того, чтобы не давать костру погаснуть и трижды в день петь гимны. Почему?

— Что ты читаешь? — спросила немного погодя Джинджер.

— Да вот, нашел тут одну старую книжку, — коротко ответил он. — Она про Голывуд.

— О.

— Я бы на твоем месте попробовал поспать, — сказал Виктор, изворачиваясь, чтобы разобрать в

свете лампы корявый почерк.

Он услышал, как Джинджер зевнула.

— А я закончила рассказывать тебе про мой сон? — спросила она.

— Кажется, нет, — ответил Виктор, как он надеялся, вежливым, но не способствующим продолжению разговора тоном.

— Он всегда начинается с горы…

— Слушай, тебе правда не стоит разговаривать…

— …а гору эту окружают звезды — ну, знаешь, в небесах, толко потом одна из них падает вниз, и оказывается, что это и не звезда вовсе, а женщина, которая держит над головой факел…

Виктор медленно вернулся в самое начало книги.

— А дальше? — осторожно сказал он.

— И она пытается мне что-то сказать, только я ее не понимаю, что-то о том, что нужно кого-то разбудить, а потом появляются лучи света и слышится рев, как будто львиный или тигриный, представляешь? А потом я просыпаюсь.

Виктор бездумно обвел пальцем очертания окруженной звездами горы.

— Думаю, это просто сон, — сказал он. — Скорее всего, он ничего не значит.

У Голывудского холма, разумеется, не было острой вершины. Но, быть может, когда-то она все-таки была, в те дни, когда на месте залива стоял город. Боги. Кому-то, видимо, очень сильно *не понравилось* это место.

— А больше ты ничего из этого сна не помнишь? — спросил он с притворной небрежностью.

Ответа не было. Виктор осторожно подкрался к кровати.

Джинджер спала.

Он вернулся на стул, обещавший где-то через полчаса стать мучительно неудобным, и задул лампу.

Внутри холма. Вот где крылась опасность.

Но куда опаснее было то, что ему тоже хотелось спать.

Виктор сидел в темноте и беспокоился. Как вообще разбудить человека, который ходит во сне? Он смутно припоминал, что это вроде бы очень опасно. Ходили истории о людях, которым снилось, что их казнят, а когда их трясли за плечи, чтобы разбудить, у них отваливались головы. Откуда все знали, что именно снилось мертвецам, оставалось загадкой. Наверное, потом они возвращались в виде призраков, вставали в

изножье постели и жаловались.

Он изменил позу, и стул угрожающе заскрипел. Быть может, если вытянуть ногу *вот так*, получится положить ее на край кровати, и тогда даже если Виктор уснет, Джинджер не сможет проскользнуть мимо, не разбудив его.

Странно. Уже несколько недель он целыми днями только и делает, что носит ее на руках, отважно защищая от Морри в очередном костюме, целует и, как правило, уезжает с ней в закат, чтобы жить в счастье и, возможно даже, в экстазе. Наверное, во всем мире не было ни одного человека, который, посмотрев один из этих кликов, поверил бы, что Виктор провел ночь в ее комнате, сидя на стуле, состоявшем исключительно из заноз. Даже самому Виктору трудно было в это поверить, а ведь это происходило с ним. В кликах такого не бывает. В кликах бывает только Страсть в Абизумевшем Мире. Если бы это был клик, Виктор не сидел бы в темноте на жестком стуле. Он бы… ну, он определенно не сидел бы в темноте на жестком стуле.

Казначей запер за собой дверь своего кабинета. Ему приходилось это делать. Аркканцлер считал, что стучаться в дверь положено только другим.

По крайней мере, этот ужасный человек, по-

хоже, утратил интерес к ресографу, или как там Риктор поименовал свое изобретение. День у казначея выдался скверный — ему приходилось заниматься университетскими делами, ни на секунду не забывая, что документ спрятан в его комнате.

Он достал листок из-под ковра, зажег лампу и начал читать.

Казначей был готов первым признать, что с механикой у него нелады. Он быстро забросил ту часть, где говорилось об осях, октироновых маятниках и нагнетаемом мехами воздухе.

Он вновь отыскал абзац, в котором говорилось: «Следовательно, если нарушение в ткани реальности породит волны, распространяющиеся от эпицентра, маятник качнется, извлекая струю воздуха из соответствующих мехов, что заставит декоративного слоника, находящегося ближе всего к эпицентру, выплюнуть в чашечку маленький свинцовый шарик. Таки образом местонахождение нарушения…»

…вумм… вумм…

Даже здесь, наверху, казначей слышал этот звук. Вокруг горшка только-только навалили новые мешки с песком. Никто уже не осмеливался его передвигать. Казначей попытался сосредото-

читься на чтении.

«…может быть определено, исходя из количества и силы…»

…вуммм… *вумм*ВУММ*ВУММММ.*

«…выплюнутых шариков, которые, по моим расчетам, в случае серьезных нарушений…»

Плиб.

«…могут оказаться выше…»

Плиб.

«…двух шариков…»

Плиб.

«…выброшенных на расстояние…»

Плиб.

«…в несколько дюймов…»

Плиб.

«…в течение…»

Плиб.

«…одного…»

Плиб.

«…месяца».

Плиб.

Гаспод проснулся и поспешно принял то, что, как он надеялся, выглядело настороженной позой.

Кто-то кричал — правда, как-то вежливо, будто бы хотел, чтобы ему помогли, но только если это

никого не затруднит.

Гаспод взбежал по ступенькам. Дверь была приоткрыта. Он подтолкнул ее головой.

Виктор лежал на спине, привязанный к стулу. Гаспод сел и внимательно на него уставился — на случай, если он выкинет что-нибудь интересное.

— Ну что, у тебя все под контролем? — спросил он наконец.

— Не сиди там просто так, болван! Развяжи узлы! — потребовал Виктор.

— Может, я и болван, зато не привязанный, — спокойно ответил Гаспод. — Что, врасплох тебя застала, да?

— Я, наверное, задремал на секундочку, — сказал Виктор.

— Этой секундочки ей хватило, чтобы встать, разодрать простыню и привязать тебя к стулу.

— Ну ладно, ладно, да. Ты не можешь перегрызть узлы или еще что-нибудь с ними сделать?

— С моими-то зубами? Но я могу кое-кого позвать, — сказал Гаспод и ухмыльнулся.

— Э-э, мне не кажется, что это такая уж хорошая…

— Да не бойся. Я сейчас вернусь, — пообещал Гаспод и вышел наружу.

— Но ведь трудно будет объяснить… — начал

было Виктор, но пес уже спустился по лестнице и ковылял по лабиринту переулочков и рисовальных площадок к заднему двору студии «Век Летучей Мыши».

Он подошел к высокому забору. За ним легонько звякнула цепь.

— Лэдди? — хрипло прошептал Гаспод.

Ему ответило восторженное гавканье:

– *Хороший мальчик Лэдди!*

— Вот именно, — сказал Гаспод. — Вот именно.

Он вздохнул. Неужели и он когда-то был таким же? Если да, то какое счастье, что он этого не осознавал.

– *Мой хороший мальчик!*

— Конечно, конечно. Лэдди, потише, — прошептал Гаспод и протиснул свое артритическое тело под забором. Когда он вылез, Лэдди облизал ему морду.

— Староват я для таких дел, — проворчал Гаспод и оглядел конуру. — Ошейник-удавка, — сказал он. — Клятый ошейник-удавка. Да не тяни ты его, голова дубовая. Назад. *Назад.* Вот так.

Гаспод просунул лапу под ошейник и стащил его с голову Лэдди.

— Вот и все, — сказал он. — Если бы мы все умели это делать, мы бы правили миром. А теперь

кончай баловаться. Ты нам нужен.

Лэдди вывалил язык и встал в позу готовности. Если бы собаки умели отдавать честь, он бы так и сделал.

Гаспод снова пролез под забором и стал ждать. Он слышал с другой стороны шаги Лэдди, но крупный пес, похоже, уходил прочь от забора.

— Нет! — прошипел Гаспод. — Следуй *за мной*!

Послышался топот лап, свистящий звук, и Лэдди, перескочив через забор, приземлился перед ним на все четыре лапы.

Гаспод кое-как отлепил язык от неба.

— Хороший мальчик, — пробормотал он. — Хороший мальчик.

Виктор сел, потирая затылок.

— Я изрядно ушибся, когда стул опрокинулся, — объяснил он.

Лэдди выжидающе сидел, держа в зубах останки простыни.

— А чего он ждет? — спросил Виктор.

— Ты должен сказать ему, что он хороший мальчик, — вздохнул Гаспод.

— А может, ему кусочек мяса нужен или что-нибудь сладкое?

Гаспод покачал головой:

— Просто скажи ему, какой он хороший маль-

чик. Для собак это лучше всякой твердой валюты.

— Да? Ну ладно: хороший мальчик Лэдди.

Лэдди возбужденно заскакал. Гаспод выругался себе под нос.

— Прости, что тебе приходится это видеть, — сказал он. — Жалкое зрелище, да?

— Хороший мальчик, найди Джинджер, — велел Виктор.

— Слушай, это даже *я* сделать могу, — с отчаянием сказал Гаспод, когда Лэдди принялся обнюхивать пол. — Мы все знаем, куда она пошла. Совсем не обязательно…

Лэдди грациозно выбежал за дверь. Спустившись по лестнице, он замер и пылким лаем пригласил их следовать за ним.

— Позорище, — страдальчески проговорил Гаспод.

Звезды над Голывудом как будто светили ярче. Конечно, здесь и воздух был чище, чем в Анке, и дыма было меньше, но все равно… они ведь еще и крупнее казались, как будто небо сделалось огромной линзой.

Лэдди летел над дюнами, время от времени останавливаясь, чтобы Виктор мог его догнать. Гаспод бежал последним, переваливаясь с лапы

на лапу и задыхаясь.

Следы привели их в пустую ложбинку.

Дверь была приоткрыта где-то на фут. Притоптанный песок вокруг нее подсказывал, что изнутри, может быть, никто и не вышел, но вот Джинджер точно зашла внутрь.

Виктор уставился на дверь.

Лэдди уселся рядом с ней, с надеждой на него поглядывая.

— Он ждет, — сказал Гаспол.

— Чего? — недовольно сказал Виктор.

Гаспод застонал:

— А ты как думаешь?

— А-а. Да. Ты *очень* хороший мальчик, Лэдди.

Лэдди тявкнул и попытался сделать сальто.

— Что дальше? — спросил Виктор. — Видимо, придется идти внутрь?

— Наверное, — сказал Гаспод.

— Гм. Или мы можем дождаться, пока он выйдет. Тут такое дело — я никогда особенно не любил темноту, — признался Виктор. — То есть к ночной темноте у меня претензий нет, а вот к беспросветной…

— А вот Коэн-Варвар, наверное, темноты не боится, — сказал Гаспод.

— Ну да…

— И Черная Тень Пустыни тоже ее не боится.

— Согласен, но…

— А Очудноземье Смит, Охотник на Балгрогов, темноту вообще на завтрак лопает, — продолжал Гаспод.

— Да, но я-то — не они! — взвыл Виктор.

— Ты это расскажи тем, кто отдал свои пенни, чтобы посмотреть, как ты их играешь, — сказал Гаспод. Его укусила страдающая бессоницей блоха, и он почесался. — Вот потеха была бы, если бы здесь сейчас вдруг оказался рукоятор, да? — весело продолжил он. — Какая комедия вышла бы. Можно было бы ее назвать «Господин Герой боится темноты». Вышло бы лучше, чем «Коса Бланка». И смешнее, чем «Ночь на Арене». Да народ в очереди бы выстраивался, чтобы…

— Ну ладно, ладно, — сдался Виктор. — Я туда зайду, только недалеко. — Он бросил обреченный взгляд на окружавшие ложбинку сухие деревца. — И с факелом, — добавил он.

Виктор ожидал, что его встретят пауки и сырость, а может, и змеи, если не что похуже.

Вместо этого за дверью оказался всего лишь сухой квадратный коридор, полого уходивший вниз. Воздух отдавал солью, подсказывая, что где-то впереди тоннель соединяется с морем.

Виктор сделал несколько шагов и остановился.

— Подождите, — сказал он. — Если факел погаснет, мы можем безнадежно заблудиться.

— Не можем, — ответил Гаспод. — У нас чутье, забыл?

— Да, логично.

Виктор прошел чуть дальше. Стены были покрыты увеличенными копиями идеограмм, которые он видел в книге.

— Знаешь, — сказал он и остановился, чтобы провести пальцами по одной из них, — на самом деле они не похожи на письменный язык. Они больше похожи…

— Перестань находить отговорки и шевели ногами, — велел шедший позади Гаспод.

Нога Виктора врезалась во что-то, ускакавшее во тьму.

— Что это было? — дрожащим голосом спросил он.

Гаспод ухромал во мрак, а потом вернулся.

— Бояться нечего, — сказал он.

— Да?

— Это просто череп.

– *Чей?*

— Он не представился, — съязвил Гаспод.

— Заткнись!

Под сандалией Виктора что-то хрустнуло.

— А *это*… — начал Гаспод.

— И знать не хочу!

— А между тем это всего лишь ракушка, — сказал Гаспод.

Виктор вглядывался в отступающий перед ними квадрат тьмы. Самодельный факел колебался на сквозняке, а если прислушаться, можно было различить ритмичный звук: то ли вдалеке ревело чудовище, то ли это море плескалось в каком-то подземном тоннеле. Виктору больше нравился второй вариант.

— Что-то призывало ее, — сказал он. — Во сне. Кто-то желающий, чтобы его освободили. Я боюсь, что с ней что-нибудь случится.

— Она того не стоит, — заявил Гаспод. — Связываться с девицами, которых обратили в рабство Порождения Пустоты, себе дороже, уж поверь моему слову. Никогда не знаешь, рядом с чем проснешься поутру.

— Гаспод!

— Вот увидишь, я прав.

Факел погас.

Виктор принялся отчаянно размахивать им и дуть на него в последней попытке разжечь. Вспыхнула и погасла парочка искорок. На факеле

просто нечему уже было гореть.

Тьма нахлынула на них. Подобной тьмы Виктор никогда еще не ощущал. Сколько бы он в нее ни вглядывался, глаза не привыкали. Привыкать было просто не к чему. Это была тьма и мать тьмы, тьма абсолютная, тьма подземельная, тьма, плотная настолько, что ее почти можно было ощутить кожей, как холодный бархат.

— Чертовски темно тут, — высказал свое экспертное мнение Гаспод.

«Меня прошибло то, что люди называют «холодным потом», — подумал Виктор. — Так вот каково это. Мне всегда было интересно узнать».

Он осторожно пошел вбок, пока не коснулся стены.

— Нам лучше вернуться, — сказал Виктор спокойным, как он надеялся, голосом. — Впереди может оказаться что угодно. Ямы, например. Мы можем взять больше факелов и больше людей и вернуться.

Откуда-то издалека донесся глухой звук.

Вввуххх.

За ним последовал свет, такой яркий, что спроецировал в глубины черепа Виктора изображение его глазных яблок. Через несколько секунд он унялся, но все равно оставался чуть ли не до

боли ярким. Лэдди заскулил.

— Вот видишь, — хрипло сказал Господ. — Теперь у тебя есть свет, так что беспокоиться не о чем.

— Да, но откуда он взялся?

— Мне-то откуда знать?

Виктор осторожно двинулся вперед; его тень плясала у него за спиной.

Где-то ярдов через сто коридор выходил в зал, видимо бывший когда-то природной пещерой. Свет исходил из высокой арки в одном его конце, но был так ярок, что позволял разглядеть все до мельчайших подробностей.

Помещение превосходило размерами даже университетский Главный зал и когда-то, должно быть, впечатляло еще сильнее. Свет отражался от пышной золотой лепнины и от сталактитов, которыми порос потолок. В широкую темную яму в полу вели лестницы, достаточно широкие, чтобы по ним могла пройти целая рота солдат; запах соли и размеренные шум и плеск подсказывали, что море отыскало себе лазейку где-то внизу. Воздух был влажный.

— Какой-то храм? — прошептал Виктор.

Господ обнюхал бордовую портьеру, висевшую сбоку от входа. От одного его прикосновения она

склизкой кучей обрушилась на пол.

— Фу, — сказал пес. — Да тут все заплесневело!

Какое-то многоногое создание торопливо пробежало по полу и спряталось в яму.

Виктор осторожно потянулся и прикоснулся пальцем к толстой красной веревке, висевшей между двух позолоченных столбиков. Веревка рассыпалась в прах.

К далекой светящейся арке вела потрескавшаяся лестница. Они поднялись по ней, спотыкаясь о кучи высохших водорослей и плавника, принесенных сюда каким-то стародавним приливом.

За аркой обнаружилась еще одна широкая пещера, напоминавшая амфитеатр. Целые ряды кресел простирались до самой… стены?

Она блестела, точно ртуть. Если бы вы смогли наполнить ртутью прямоугольный бассейн размером с дом, а потом, не пролив ни капли, перевернули бы бассейн набок, результат был бы примерно таким же.

Разве что не настолько жутким.

Стена была плоской и пустой, однако Виктор не-ожиданно почувствовал, что его разглядывают — как будто через линзу.

Лэдди скулил.

А потом Виктор понял, что именно его так

встревожило.

Это была *не стена*. Стены обычно к чему-то присоединяются. Эта штуковина не присоединялась ни к чему. Она просто висела в воздухе, колыхаясь и рябя, похожая на отражение в зеркале, только без зеркала.

Источник света находился где-то позади нее. Теперь Виктор видел его — яркую точку, дрожавшую в тени на другом конце пещеры.

Он зашагал по наклонному проходу между рядами каменных кресел; псы тащились по бокам от него, прижав к голове уши и поджав хвосты. То, по чему они шли, видимо, было когда-то ковровой дорожкой; она с хлюпаньем рвалась и распадалась под ногами.

Через несколько ярдов Господ заговорил:

— Не знаю, заметил ли ты, но некоторые…

— Я знаю, — мрачно сказал Виктор.

— …сиденья до сих пор…

— Я знаю.

— …заняты.

— Я *знаю.*

Все эти люди — те, кто когда-то *был* людьми, — сидевшие в креслах… Они как будто смотрели клик.

Виктор уже почти достиг серебряного экрана.

Он мерцал в воздухе над ним — прямоугольник, обладающий длиной и шириной, но не объемом.

Прямо перед ним, почти под самым серебряным экраном, была небольшая лестница, спускавшаяся в круглую яму, наполовину заваленную всякой дрянью. Спустившись по ней, Виктор разглядел, что находится за экраном и откуда берется этот свет.

Это была Джинджер. Она стояла, воздев руку над головой. Зажатый в руке факел горел, точно фосфор.

Джинджер неотрывно смотрела на тело, лежавшее на каменной плите. Это был великан. Или, по крайней мере, что-то похожее на великана. Быть может, это был всего лишь пустой доспех с мечом, полупогребенный под пылью и песком.

— Это же тот мертвец из книги! — прошептал Виктор. — Боги, о чем она только думает?

— По-моему, она ни о чем не думает, — сказал Гаспод.

Джинджер повернулась к ним боком, и Виктор увидел ее лицо. Она улыбалась.

За каменной плитой Виктор разглядел что-то вроде огромного ржавого диска. Он хотя бы висел на настоящих цепях, приделанных к потолку, а не бросал гравитации пугающий вызов.

— Так, — сказал Виктор. — Я положу этому конец сейчас же. *Джинджер!*

Его крик отразился эхом от далеких стен. Виктор слышал, как он отдается в пещерах и коридорах — *эр, эр, эр.* Где-то за его спиной послышался грохот упавшего камня.

— Потише! — сказал Гаспод. — А то на нас весь потолок обрушится!

— Джинджер! — прошипел Виктор. — Это я!

Она обернулась и посмотрела на него — а может, сквозь него или вглубь него.

— Виктор, — нежным голосом проговорила она. — Уходи отсюда. Далеко отсюда. Уходи, или случится великая беда.

— Случится великая беда, — пробормотал Гаспод. — Это она предвещает.

— Ты не знаешь, что делаешь, — сказал Виктор. — Ты *сама* меня попросила тебя остановить! Вернись. Вернись вместе со мной.

Он попытался забраться наверх…

…но что-то просело у него под ногой. Послышалось далекое бульканье, звяканье металла, а потом одинокая водянистая нота окружила его и разнеслась по всей пещере. Виктор торопливо передвинул ногу на другую часть карниза, но та подалась так же, как и предыдущая, породив

другую ноту.

К ней добавился еще и какой-то скрежет. До этого Виктор стоял в небольшой яме. Теперь он, к своему ужасу, осознал, что поднимается под аккомпанемент громкой музыки, а также гудения и скрипа древнего механизма. Он вытянул руки и задел проржавевший рычаг, который вызвал к жизни очередной аккорд, а потом переломился. Лэдди выл. Виктор увидел, как Джинджер обронила факел и зажала руками уши.

Из кладки медленно выпал и разбился о сиденья обтесанный блок. Кусочки камня осыпáлись дождем, а грохочущий контрапункт к реву музыки говорил о том, что шум меняет облик всей пещеры.

А потом музыка умерла — после долгого придушенного бульканья и последнего вздоха. Серия вздрагиваний и скрипов поведала о том, что доисторическая машинерия, которую случайно пробудил Виктор, скончалась, сделав все, на что была способна.

Возвратилась тишина.

Виктор осторожно выбрался из музыкальной ямы, оказавшейся теперь на высоте в несколько футов, и побежал к Джинджер. Та упала на колени и всхлипывала.

— Пойдем, — сказал он. — Давай выбираться от-сюда.

— Где я? Что происхоит?

— Слишком долго объяснять.

Упавший факел плевался искрами на полу. Он уже не излучал мощное сияние, превратившись в обычный кусок обгоревшего и почти погасшего плавника. Виктор подхватил его и замахал им, пока не разгорелось тусклое жетое пламя.

— Гаспод! — рявкнул он.

— Да?

— Вы двое пойдете первыми.

— О, спасибо тебе огромное.

Пока они одолевали подъем, Джинджер прижималась к Виктору. Вопреки зарождающемуся ужасу, он вынужден был признать, что это очень приятное ощущение. Он оглянулся на тех, кто занимал кресла, и содрогнулся.

— Кажется, будто они умерли, когда смотрели клик, — сказал он.

— Ага. Комедию, — поддакнул бежавший впереди Гаспод.

— С чего ты взял?

— А смотри, как они ухмыляются.

— Гаспод!

— Так ведь нужно глядеть на вещи оптими-

стично, разве нет? — съязвил пес. — Да и с чего унывать — ну подумаешь, очутился ты в какой-то богами забытой подземной гробнице с сумашедшей кошатницей и факелом, который вот-вот погаснет…

— Пошевеливайся! Пошевеливайся!

Они наполовину сбежали, наполовину скатились по лестнице, неприятно оскользнувшись на валявшихся внизу водорослях, и направились к маленькой арочке, за которой лежало восхитительное обещание свежего воздуха и яркого солнца. Факел начинал обжигать руку Виктора. Он отбросил его. По крайней мере, в тоннеле никаких проблем не будет; если они станут придерживаться одной стены и не натворят никаких глупостей, они не промахнутся мимо двери. А сейчас, должно быть, уже рассвет, и, значит, очень скоро они должны увидеть свет.

Виктор расправил плечи. А ведь в этом и впрямь было что-то героическое. Драться с чудовищами не пришлось — впрочем, если они тут когда-то и обитали, то, должно быть, уже много веков как истлели. Конечно, местечко все равно довольно жуткое, но на самом-то деле тут нет ничего, кроме, ну, археологии. Теперь, когда все это осталось позади, оно казалось не таким уж и страшным…

Бежавший впереди всех Лэдди резко гавкнул.

— Что он говорит? — спросил Виктор.

— Он говорит, — перевел Гаспод, — что тоннель завалило.

— О нет!

— Это все твой органный концерт.

— Совсем завалило?

Совсем завалило. Виктор обшарил всю груду камней. Обрушились несколько больших потолочных плит, а вместе с ними — тонны камня. Виктор подергал и потолкал несколько обломков, но груда только осыпалась еще сильнее.

— Может, есть какой-то другой выход? — сказал он. — Вы же собаки, может, вы пойдете и…

— Забудь об этом, приятель, — отрезал Гаспод. — И вообще, отсюда можно выбраться еще только по той лестнице. Она ведь в море выходит, да? Ну вот, тебе всего-то и нужно, что нырнуть и надеяться, что легкие не подведут.

Лэдди тявкнул.

— Да не *тебе*, — сказал Гаспод. — Я не с тобой разговаривал. *Никогда* не вызывайся добровольцем.

Виктор продолжал ковыряться в камнях.

— Я не уверен, — сказал он немного погодя, — но мне кажется, что я вижу какой-то свет. Что

скажешь?

Он услышал, как Гаспод карабкается по камням.

— Может быть, может быть, — проворчал песик. — Похоже, пара плит уперлась друг в друга и оставила пустое место.

— И его хватит, чтобы протиснулся кто-нибудь маленький? — подбадривающе закончил Виктор.

— Я знал, что ты это скажешь, — сказал Гаспод.

Виктор услышал, как царапают по камням когти. Наконец до него донесся приглушенный голос:

— Какой-то проход тут есть… тесный только… зараза…

Наступила тишина.

— Гаспод? — встревоженно позвал Виктор.

— Все нормально. Я пролез. И вижу дверь.

— Отлично!

Виктор ощутил движение воздуха и услышал, как что-то царапается. Он осторожно вытянул руку и нащупал невероятно волосатое туловище.

— Лэдди пытается пролезть за тобой!

— Он же слишком большой. Он застрянет!

Послышалось собачье кряхтение, Лэдди яростно заработал лапами, обдав Виктора каменной

крошкой, а потом торжествующе гавкнул.

— Хотя, конечно, он постройнее меня будет, — сказал, помолчав, Господ.

— Значит, так, вы двое бегите за помощью, — велел Виктор. — Э-э. Мы здесь подождем.

Он услышал, как они убегают. Далекий лай Лэдди возвестил, что псы вырвались на свежий воздух.

Виктор уселся на пол.

— Нам остается только ждать, — сказал он.

— Мы под холмом, да? — спросила из темноты Джинджер.

— Да.

— Как мы здесь оказались?

— Я пришел следом за тобой.

— Я же просила, чтобы ты меня *остановил.*

— Да, но потом ты меня связала.

— Я этого не делала!

— Ты меня связала, — повторил Виктор. — А потом пришла сюда, и открыла дверь, и соорудила какой-то странный факел, и отправилась в… в глубину. Мне подумать страшно, что бы ты натворила, если бы я тебя не разбудил.

Повисло молчание.

— Я правда все это сделала? — неуверенно спросила Джинджер.

— Правда.

— Но я ничего не помню!

— Я тебе *верю*. Но ты это сделала.

— Что… что это вообще за место такое было?

Виктор заерзал в темноте, пытаясь устроиться поудобнее.

— Понятия не имею, — признался он. — Сначала я подумал, что это храм. Похоже, что в нем смотрели движущиеся картинки.

— Но ему же сотни лет!

— Подозреваю, что тысячи.

— Слушай, этого не может быть, — сказала Джинджер тихим голосом девушки, которая пытается оставаться здравомыслящей, в то время как безумие ломится в дверь с топором. — Алхимики придумали их всего несколько месяцев назад.

— Да. Есть повод задуматься.

Он потянулся к Джинджер. Она сидела напряженно, точно палку проглотила, и вздрогнула от его прикосновения.

— Здесь мы более-менее в безопасности, — добавил Виктор. — Господ скоро приведет помощь. Не бойся.

Он старался не думать о море, захлестывающем лестницу, и многоногих тварях, которые бегали

по черному, словно полночь, полу. Он пытался выкинуть из головы мысли об осьминогах, неслышно ползающих по сиденьям в свете того живого, колышущегося экрана. Он силился забыть о зрителях, сидевших в темноте, пока где-то над ними проносились века. Быть может, они ждали, когда мимо пройдет женщина, продающая горячие сосиски и хлопнутые зерна.

Ему подумалось, что вся жизнь похожа на просмотр клика. Только ты приходишь на него через десять минут после начала, а сюжет тебе никто не объясняет, поэтому тебе приходится расшифровывать его по отдельным намекам.

И тебе никогда, никогда не позволят остаться на второй сеанс.

В коридоре Университета мерцали свечи.

Казначей не считал себя храбрецом. Он был готов сойтись в схватке разве что со столбиком чисел, а подняться в иерархии Незримого Университета ему куда больше помогло умение обращаться с цифрами, чем магия. Но этого он так оставить не мог.

…вумм… вумм… вумм*вумм*вуммВУММ*ВУММ.*

Казначей укрылся за колонной и насчитал одиннадцать шариков. Из мешков вылетали маленькие фонтанчики песка. Интервал между

извержениями шариков сократился уже до двух минут.

Казначей подбежал к груде мешков и начал их оттаскивать.

Реальность была неравномерной. Это знал каждый волшебник. В Плоском мире вообще не было мест, где она была хоть сколько-нибудь прочной. Кое-где она заметно истончилась. Только поэтому магия и *работала*. Риктор считал, что может вычислить *изменения* реальности, места, где реальное стремительно превращалось в нереальное. А каждый волшебник знал, что может случиться, если оно станет достаточно нереальным, чтобы образовалась дыра.

«Но, — думал казначей, неловко хватаясь за мешки, — для такого нужно огромное количество магии. Мы *обязательно* бы его заметили. Оно выделялось бы, как… ну, как огромное количество магии.

Я, должно быть, потратил уже как минимум пятьдесят секунд».

Он заглянул в обложенную мешками вазу.

«Ох».

А он-то надеялся, что ошибается.

Все шарики вылетали в одном и том же направлении. Полдюжины мешков покрылись

дырками. А ведь Счетовод думал, что пара шариков в месяц уже означает опасное нарастание нереальности…

Казначей мысленно прочертил линию от вазы сквозь продырявленные мешки до дальнего конца коридора.

…вумм… вумм…

Он отшатнулся, но потом сообразил, что беспокоиться не о чем. Все шарики вылетали из хобота того декоративного слона, что был с другой стороны от него. Казначей расслабился.

…вумм… вумм…

Ваза яростно зашаталась из-за пробудившейся внутри нее машинерии. Казначей пододвинулся поближе. Да, из вазы определенно доносился шипящий звук, как будто воздух исходил из…

Одиннадцать шариков на огромной скорости врезались в мешки.

Согласно знаменитому принципу отдачи, ваза качнулась в обратном направлении. Вместо того чтобы врезаться в мешок с песком, она врезалась в казначея.

Миннннннь.

Казначей моргнул. Сделал шаг назад. И повалился.

Поскольку слабые, но амбициозные щупальца

голывудских нарушений реальности дотянулись уже до самого Анк-Морпорка, вокруг головы казначея закружилась парочка синих пташек, пропела: «фьють-фьють-фьють» — и исчезла.

Гаспод лежал на песке и пыхтел. Лэдди плясал вокруг него и настоятельно лаял.

— Да мы и так уже на безопасном расстоянии, — выдавил Гаспод, поднялся и отряхнулся.

Лэдди невероятно фотогенично гавкнул.

— Ладно, ладно, — вздохнул Гаспод. — Предлагаю сначала позавтракать, потом немножко выспаться, а уж потом…

Лэдди снова гавкнул.

Гаспод вздохнул.

— Ну хорошо, — сказал он. — Будь по-твоему. Только помни, никакой благодарности ты не дождешься.

Лэдди унесся вдаль по песку. Гаспод неторопливо засеменил следом и весьма удивился, когда Лэдди вернулся, осторожно подхватил его зубами за шкирку и снова пустился бегом.

— Был бы я покрупнее, ты бы так со мной не обращался, — пожаловался Гаспод, раскачиваясь из стороны в сторону, а потом закричал: — Нет, не сюда! Так рано утром люди ни на что не годятся. Мы позовем троллей. Они еще не спят, и они

мастера по части всяких там подземных штук. На следующем повороте направо. Нам нужны «Голубая глина» и… ой, *блин*.

Он внезапно осознал, что ему придется разговаривать.

У всех на виду.

Так оно и бывает: столько времени скрываешь, что обладаешь даром речи, а потом бабах — ты в центре внимания и тебе нужно говорить. А иначе юный Виктор и Кошатница будут вечно тлеть под землей. Малыш Лэдди посадит Господа к чьим-нибудь ногам, выжидающе посмотрит на него, и Господу придется *объяснять*. А потом его до конца дней будут считать каким-то капризом природы.

Лэдди пробежал по улице и занырнул в дымный дверной проем «Голубой глины», в которой было не протолкнуться. Он преодолел лабиринт похожих на древесные стволы ножищ, пронзительно тявкнул и уронил Господа на пол.

И выжидающе посмотрел на него.

Шум голосов оборвался.

— Ento кто, Лэдди? — спросил какой-то тролль. — Чего ему надо?

Господ, шатаясь, подошел к ближайшему троллю и вежливо потянул его за ржавую кольчугу.

— Прошу прощения, — сказал он.

— Он чертовски умный пес, — сказал второй тролль и, не глядя, отпихнул Гаспода ногой. — Я его вчера в клике видал. Он умеет притворяться мертвым и до пяти считать.

— Ento, значит, на два больше, чем ты умеешь. — Эту реплику встретили бурным смехом[22].

— Так, заткнитесь. Кажись, — сказал первый тролль, — он нам что-то сказать пытается.

— …прошу прощения.

— Вы поглядите, как он скачет и лает.

— Ento да. Я его видел в одном клике, он там помогал найти в пещере потерявшихся детей.

— …прошу прощения…

Один из троллей наморщил лоб:

— Чтобы съесть их, что ли?

— Нет, чтобы наружу вывести.

— Ento для барбекю, что ли?

— …прошу *прощения*…

Еще одна нога саданула Гасподу по его круглой голове.

— Может, он еще каких детей нашел. Смотрите, как он к двери и обратно бегает. Умнейший пес.

---

[22] Примечания: 22

По меркам троллей, она была достойна Оскара Уайльда в его лучшие годы.

— Мы можем сходить посмотреть, — сказал первый тролль.

— Хорошая идея. А то я уж сто лет как чаю попил.

— Слушай, в Голывуде есть людей *нельзя.* Енто нам дурную славу создает! Кремниевая Лига по Защите Прав Троллей на тебя обрушится, как гора этих, прямоугольных, из которых дома строят.

— Ага, но нам за них могут какую-нибудь награду вручить.

— …ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ…

— Точно! И еще, если мы найдем пропавших детишек, енто поможет создать положительный образ тролля и поднимет наш престиж в обществе.

— А если не найдем, то можно ведь и пса съесть, верно?

Бар опустел; в нем остались только привычные дымные облака, чаны с расплавленными трольими напитками, Рубина, неспешно соскребающая с кружек застывшую лаву, да маленький, усталый, побитый молью песик.

Маленький, усталый, побитый молью песик тяжело задумался над тем, в чем заключается разница между «выглядеть и вести себя как чудопес» и «просто быть чудо-псом».

А потом сказал:

— Вот же блин.

В детстве Виктор боялся тигров. Объяснять ему, что до ближайшего тигра три тысячи миль, было бесполезно. Он спрашивал: «А между ними и нами море есть?» Ему отвечали: «Нет, но…» И тогда он говорил: «Значит, нас разделяет только расстояние».

С темнотой было то же самое. Все жуткие темные места объединяла сама суть темноты. Темнота присутствует всегда и всюду, она просто ждет, когда погаснет свет. Прямо как Подземельные Измерения. Которые просто ждут, когда реальность прохудится.

Он крепко обнял Джинджер.

— Не нужно, — сказала она. — Я уже взяла себя в руки.

— А-а, это хорошо, — неубедительно ответил он.

— Проблема в том, что и ты сделал то же самое.

Виктор расслабился.

— Ты замерз? — спросила Джинджер.

— Немножко. Здесь очень сыро.

— Это твои зубы стучат?

— А чьи еще? Нет, — поспешно добавил он, —

даже не думай об этом.

— Знаешь, — сказала, помолчав, Джинджер, — я совсем не помню, как тебя связала. У меня и узлы-то плохо получаются.

— Эти получились неплохо, — заверил ее Виктор.

— Я помню только сон. Чей-то голос говорил мне, что я должна пробудить… спящего?

Виктор вспомнил облаченную в доспех фигуру на каменной плите.

— Ты его хорошо разглядела? — спросил он. — Как он выглядел?

— Сегодня — не знаю, — осторожно ответила Джинджер. — А вот во сне он всегда напоминал мне моего дядю Освальда.

Виктор подумал о мече, который был выше его ростом. Такой не отобьешь, он что угодно рассечет. Почему-то очень сложно было представить, что таким мечом может владеть кто-то похожий на человека по имени Освальд.

— А почему он напоминал тебе дядю Освальда? — спросил он.

— Потому что дядя Освальд так же неподвижно лежал. Понимаешь, я его только один раз видела. На его похоронах.

Виктор открыл рот — и услышал далекие, неяс-

ные голоса. Камни зашевелились. Чей-то голос, уже ближе, проворковал:

— Привет, детишки. Сюда, детишки.

— Это Скала! — воскликнула Джинджер.

— Я этот голос где угодно узнаю, — сказал Виктор. — Эй! Скала! Это я! Виктор!

Наступила тревожная пауза. Затем голос Скалы проревел:

— Это же мой друг Виктор!

— Енто, значит, нам нельзя его есть?

— Никто не будет есть моего друга Виктора! Мы откопаем его как можно скорее!

Раздался хруст. Потом другой тролль пожаловался:

— И они называют это известняком? В нем и вкуса-то никакого нет.

Шум продолжился. Третий голос спросил:

— Не понимаю, почему нам нельзя его съесть. Кто узнает-то?

— Ты некультурный тролль, — укорил его Скала. — О чем ты только думаешь? Будешь людей есть — все будут над тобой смеяться, скажут: «Какой глупый тролль, не знает, как вести себя в приличном обществе», перестанут платить тебе три доллара в день и отправят обратно в горы.

Виктор издал звук, который, как он надеялся,

походил на легкомысленный смешок.

— Какие они забавные, правда? — сказал он.

— Умереть можно, — согласилась Джинджер.

— Конечно, все эти разговоры про поедание людей — просто бравада. Они этого почти никогда не делают. Тебе не стоит из-за этого беспокоиться.

— А я и не беспокоюсь. Я беспокоюсь из-за того, что постоянно куда-то хожу во сне и не понимаю почему. Ты говоришь, что я собиралась разбудить то спящее существо. Меня это пугает. Что-то пробралось ко мне в голову.

Тролли продолжали с грохотом оттаскивать камни.

— Вот что странно, — сказал Виктор. — Когда люди, э-э, одержимы, то, что их, э-э, одерживает, обычно не беспокоится ни о них, ни о чем-то другом. Такое создание не стало бы меня привязывать. Оно просто стукнуло бы меня чем-нибудь по голове.

Он нащупал в темноте руку Джинджер.

— То создание на каменной плите… — сказал он.

— Что?

— Я его уже видел. В той книге, которую нашел. Там десятки его изображений, и те, кто ее написал, видимо, считали, что очень важно, чтобы оно

оставалось за дверью. Кажется, об этом говорят пиктограммы. «Ворота»… «человек». «Человек за воротами». «Пленник». Понимаешь, я уверен, что все эти жрецы, или кем они там были, каждый день приходили на холм и пели там гимны, чтобы…

Лежавшую рядом с головой Виктора плиту оттащили в сторону, и в отверстие проник жидкий утренний свет. А следом за ним — Лэдди, который попытался облизать лицо Виктора и залаять одновременно.

— Да, да! Молодчина, Лэдди, — сказал Виктор, отбиваясь от него. Хороший пес. Хороший мальчик Лэдди.

– Хороший мальчик Лэдди! Хороший мальчик Лэдди!

От его лая с потолка осыпались несколько кусочков камня.

— Ага! — воскликнул Скала. Когда Виктор и Джинджер выглянули из отверстия, за его спиной возникло еще несколько тролльих голов.

— Никакие енто не детишки, — пробормотал тот, что был недоволен запретом на поедание людей. — Смотри, какие жилистые.

— Я же тебе сказал, — урожающе произнес Скала, — людей мы не едим. От этого одни про-

блемы.

— Может, хоть одну ногу? Тогда все будут…

Скала подобрал камень, в котором было не меньше полутонны, задумчиво взвесил его на руке, а потом ударил второго тролля так сильно, что камень раскрошился.

— Я тебе говорил, — сообщил он распростершемуся телу, — это из-за троллей вроде тебя нас никто не любит. Ну и как мы займем положенное нам по праву место в братстве разумных народов, если такие глупые тролли, как ты, нас все время подводят?

Он просунул руку в отверстие и извлек Виктора в целости и сохранности.

— Спасибо, Скала. Э-э. Там еще и Джинджер.

Скала лукаво пихнул его локтем, оставив на ребрах пару синяков.

— Да я вижу, — сказал он. — Да еще и в таком миленьком шелковом пюнюаре. Нашли уютное местечко, чтобы справиться о здоровье родни и весь Диск кружился вокруг вас, да?

Остальные тролли ухмыльнулись.

— Ну, можно и так сказать… — начал Виктор.

— Это неправда! — отрезала Джинджер, которой как раз помогали выбраться из дыры. — Мы вовсе не…

— Это правда! — сказал Виктор, отчаянно сигналя ей руками и бровями. — Чистая правда! Ты абсолютно прав, Скала!

— Агась, — сказал один из стоявших позади Скалы троллей. — Я их в кликах видел. Он ее постоянно целует да на руках носит.

— Значит, *так*… — начала было Джинджер.

— А теперь давайте-ка отсюда убираться, — сказал Скала. — Не нравится мне этот потолок. Может рухнуть в любую секунду.

Виктор посмотрел наверх. Из потолка зловеще выпирало несколько блоков.

— Ты прав, — сказал он. Схватил протестующую Джинджер за руку и потащил ее по тоннелю. Тролли подобрали своего бесчувственного товарища, не знавшего, как вести себя в приличном обществе, и затопали следом.

— Это *отвратительно*, что ты убедил их, будто мы… — зашипела Джинджер.

— Заткнись! — рявкнул Виктор. — Что я, по-твоему, должен был им сказать, а? Какое объяснение, по-твоему, показалось бы убедительным? О чем из этого ты хочешь рассказать всему миру?

Джинджер заколебалась.

— Ну ладно, — уступила она. — Но ты мог бы придумать и что-нибудь другое. Мог бы сказать,

что мы исследовали этот тоннель или искали там… искали там окаменелости… — она осеклась.

— Ага, посреди ночи ты искала окаменелости в шелковом пюнюаре, — съязвил Виктор. — Что вообще такое этот пюнюар?

— Он хотел сказать «пеньюар», — объяснила Джинджер.

— Ладно, давай вернемся в город. Может, я потом смогу вздремнуть хоть пару часиков.

— В каком смысле «потом»?

— Нам придется отблагодарить этих ребят выпивкой…

Из-под холма донесся низкий грохот. Пыльное облако вырвалось из дверей и окутало троллей. Потолок обвалился окончательно.

— Ну, вот и все, — сказал Виктор. — Кончено. Как думаешь, та ты, что любит гулять во сне, это поняла? Больше нет смысла пытаться туда проникнуть — дорога перекрыта. Завалена. Все кончилось. Слава богам.

Подобный бар есть в каждом городке. Он тускло освещен, а местные выпивохи, хоть и разговаривают, конечно, но не друг с другом и никого не слушают. Они просто выговаривают свою боль. Это бар для отверженных, для неудачливых, для

всех тех, кого временно согнали с гоночной трассы жизни и отправили на тех-обслуживание.

Дела у него всегда идут бойко.

Тем утром у стойки собрались самые разнообразные плакальщики, и каждого из них окружало собственное облако уныния, и каждый из них считал себя самым невезучим созданием на свете.

— Я их *придумал*, — мрачно проговорил Сильверфиш. — Я думал, они будут познавательными. Что они помогут людям расширить горизонты. Я не собирался превращать их в… в… в *балаган.* При участии тысячи слонов! — добавил он ехидно.

— Ага, — согласился Детрит. — Она сама не знает, чего хочет. Я делаю, что она просит, а она говорит: енто неправильно, ты неромантичный тролль, ты не знаешь, чего девушкам надо. Она говорит: девушки любят есть липкие штуки из коробочек с бантиком, я делаю коробочку с бантиком, она ее открывает, вопит, говорит, что не освежеванную лошадь просила. Сама не знает, чего хочет.

— Ага, — донесся голос из-под стула Сильверфиша. — Посмотрел бы я, что они запели, если бы я взял и к волкам ушел.

— Вот, например, эти самые «Сдутые шква-

лом», — продолжал Сильверфиш. — Ничего общего с реальностью. Все было совсем не так. Сплошное вранье. Наврать кто угодно может.

— Ага, — сказал Детрит. — Или вот, например, она говорит: девушки любят, когда им играют музыку под окном, я играю музыку под окном, вся улица просыпается и орет: ты плохой тролль, зачем камнями стучишь так поздно ночью? А она даже и не проснулась.

— Ага, — сказал Сильверфиш.

— Ага, — сказал Детрит.

— Ага, — сказал голос из-под стула.

Человек, заправлявший баром, был весел от природы. Да и не трудно быть веселым, когда твои клиенты служат громоотводами для всевозможных страданий. Он опытным путем выяснил, что не стоило говорить им: «Не вешай нос, взгляни на вещи со светлой стороны», потому что никакой светлой стороны не было, или «Не отчаивайся, может, ничего плохого и не случится», потому что очень часто плохое уже случилось. От него ждали только одного: чтобы он вовремя подливал выпивку.

Однако этим утром он был несколько озадачен. Ему казалось, что в баре есть еще какой-то посетитель — помимо того, который бормотал

из-под стула. Бармену постоянно мерещилось, что он подает напитки кому-то еще, и даже принимает оплату, и более того — разговаривает с таинственным клиентом. Но он его не видел. Он вообще не мог понять, на что смотрит или с кем разговаривает.

Бармен подошел к дальнему концу стойки.

К нему подъехал стакан.

— ПОВТОРИ, — сказал голос из тени.

— Э-э, — протянул бармен. — Да. Конечно. А что повторить?

— ДА ЧТО УГОДНО.

Бармен наполнил стакан ромом. Тот уехал прочь.

Бармен попытался придумать, что бы ему сказать. Почему-то ему было страшно.

— Нечасто вы сюда заглядываете, — выговорил он наконец.

— Я ПРИХОЖУ РАДИ АТМОСФЕРЫ. ПОВТОРИ.

— В Голывуде работаете, да? — спросил бармен, быстро наполняя стакан. Тот снова исчез.

— ДАВНЕНЬКО ЗДЕСЬ НЕ РАБОТАЛ. ПОВТОРИ.

Бармен помедлил. В глубине души он был хорошим человеком.

— А вам не кажется, что пора заканчивать? — спросил он.

— Я ТОЧНО ЗНАЮ, КОГДА МНЕ ПОРА ЗАКАНЧИВАТЬ.

— Но ведь так все говорят.

— А Я ТОЧНО ЗНАЮ, КОГДА ВСЕМ ПОРА ЗАКАНЧИВАТЬ.

Что-то в этом голосе было странное. Бармен не был до конца уверен, что воспринимает его ушами.

— О. Ну что ж, — сказал он. — Повторить?

— НЕ НАДО. ЗАВТРА БУДЕТ ЗАНЯТОЙ ДЕНЬ. СДАЧУ ОСТАВЬ СЕБЕ.

По стойке заскользила пригоршня монет. Они были по большей части заржавевшими и ледяными на ощупь.

— А… — начал было бармен.

Дверь отворилась и захлопнулась, впустив в бар поток холодного воздуха, хотя ночь была очень теплой.

Бармен рассеянно протер стойку, тщательно избегая прикасаться к монетам.

— Каких только странных типов в бары не заносит, — пробормотал он.

И тут прямо над ухом у него раздался голос:

— СОВСЕМ ЗАБЫЛ. И ПАКЕТИК ОРЕШКОВ, ПОЖАЛУЙСТА.

Снег мерцал на пупсторонних отрогах Овце-

пиков — огромного, растянувшегося на весь мир горного хребта, который, там где он огибает Круглое море, образует естественную стену между Клатчем и огромной и плоской равниной Сто.

Овцепики были домом для коварных ледников, голодных лавин и высоких, молчаливых снежных полей.

И для йети. Йети — это высокогорный подвид троллей, которые пока еще не выяснили, что есть людей уже не модно. Их взгляды просты: если что-то шевелится, ты его ешь. Если оно не шевелится, ты ждешь, когда оно зашевелится. А потом его ешь.

Весь день они прислушивались к звукам. Эхо перелетало над замерзшими горами от одного пика к другому, пока не превратилось в постоянный глухой грохот.

— Мой кузен, — сказал один йети, лениво ковыряясь когтем в дырявом зубе, — говорит, что енто такие огромные серые звери. Слоны.

— Что, огромнее нас? — спросил второй йети.

— Почти что, — ответил первый. — Он говорит, их там много. Больше, чем он может сосчитать.

Второй йети понюхал воздух и задумался.

— Так конечно, — мрачно сказал он. — Твой кузен ведь больше чем до одного считать не умеет.

— Он говорит, их там много. Большие, жирные серые слоны поднимаются на гору, и все связаны веревками. Большие и медленные. И тащат кучу ууграах.

— Ага.

Первый йети указал на широкий, пологий снежный склон.

— Снег сегодня хороший, глубокий, — сказал он. — По нему быстро не пройти, понял? Мы ложимся в снег, они нас не видят, пока не наткнутся, мы их застаем врасплох — и начинается Большая Жратва. — Он замахал своими огромными лапищами. — Кузен говорит, они очень тяжелые. Быстро не пойдут, ты уж мне поверь.

Второй йети пожал плечами.

— Ну давай, — сказал он под далекий, перепуганный рев.

Они улеглись в снег, и белые шкуры превратили их в два ничем не примечательных сугроба. Эта хитрость срабатывала не раз и уже много тысяч лет передавалась от одного поколения йети к другому — впрочем, этому как раз подходил конец.

Они ждали.

Стадо приближалось, яростно трубя.

В конце концов первый тролль сказал — очень

медленно, потому что очень долго продумывал эту шутку:

— А вот скажи мне, зачем слон переходит гору?

Ответа ему услышать было не суждено.

Йети оказались правы.

Когда пять сотен наскоро собранных двухместных слоновьих на скорости шестьдесят миль в час перевалили через находившийся в десяти футах гребень горы, их панически трубящие пассажиры не заметили йети, пока не наткнулись на них.

Виктор улучил лишь два часа сна, но проснулся на удивление бодрым и оптимистичным.

Все закончилось. Теперь дела должны были пойти в гору. Прошлой ночью — собственно, лишь пару часов назад — Джинджер была к нему вполне благосклонна, а то, что скрывалось под холмом, оказалось надежно и окончательно погребено.

«Такое иногда случается, — думал он, пока наливал воду в потрескавшуюся раковину и умывался. — Какого-нибудь жестокого древнего короля или волшебника погребли, а его дух до сих пор летает по округе и пытается что-то исправить. Широко известный эффект. Но теперь

тоннель заблокирован примерно миллионом тонн камня, и я не думаю, что кто-то сквозь него проберется».

В памяти у него всплыл неприятно живой экран, но он теперь казался не таким уж страшным. Под холмом царила темнота, там было полно движущихся теней, да и сам Виктор был взвинчен, как пружина, — неудивительно, что глаза сыграли с ним шутку. Да, там были еще и скелеты, но даже они перестали его пугать. Виктор слышал о том, что на холодных равнинах вождей хоронили вместе с целыми армиями всадников, чтобы их души продолжили жизнь в мире ином. Может, здесь когда-то давно произошло что-то подобное. Да, в холодном свете дня все это казалось куда менее жутким.

А свет был именно таким. Холодным.

Комнату заливал свет вроде того, какой бывает, когда ты просыпаешься зимним утром и *сразу* понимаешь, что выпал снег. Это был свет без тени.

Виктор подошел к окну и увидел серебристое сияние.

Голывуд исчез.

Ночные картины воспрянули в его мозгу, как тьма, которая возвращается, стоит только выключить свет.

«Постой, постой, — подумал он, борясь с паникой. — Это же обычный туман. Море совсем близко, естественно, с него иногда будет наползать туман. А светится он из-за солнца. В тумане нет ничего сверхъестественного. Это всего лишь мелкие капельки воды, парящие в воздухе. Вот и *все*».

Он оделся, распахнул дверь в коридор и чуть не споткнулся о Господа, который растянулся на полу, точно самый грязный в мире валик для защиты от сквозняка.

Песик неловко поднялся на передних лапах, уставился на Виктора желтым глазом и сказал:

— Я просто хочу, чтобы ты знал, что я лежу у твоей двери не из-за какой-то ерунды типа «верный пес защищает своего хозяина», а потому, что, когда я сюда пришел…

— Заткнись, Господ.

Виктор открыл дверь на улицу. Туман заплыл в дом. Казалось, что он исследует новое пространство; он проник внутрь так, словно только и ждал этой возможности.

— Туман — это всего лишь туман, — громко сказал Виктор. — Пойдем. Мы ведь сегодня в Анк-Морпорк едем, помнишь?

— Голова, — простонал Господ, — у меня голова

как днище кошачьей корзины.

— Сможешь выспаться в карете. И я тоже смогу, кстати говоря.

Виктор сделал несколько шагов в серебристом сиянии и тотчас же потерялся. В густом влажном воздухе над ним смутно нависали громадины домов.

— Гаспод? — неуверенно позвал Виктор. «Туман — это всего лишь туман, — повторил он про себя. — Но кажется, что в нем полно народу. Кажется, что, если он вдруг исчезнет, я увижу, как за мной наблюдает множество глаз. Снаружи. Но это бред какой-то, потому что я *уже* снаружи, а значит, никакой наружи нет. А еще он мерцает».

— Я так понимаю, ты хочешь, чтобы я шел впереди, — сказал рядом с его коленом самодовольный голос.

— Тихо сегодня, да? — спросил Виктор как можно беззаботнее. — Наверное, это туман все звуки глушит.

— Или, может, какие-нибудь мерзкие твари выползли из моря и поубивали всех, кроме нас, — непринужденно предположил Гаспод.

— Заткнись!

В сиянии проступила какая-то огромная фигура. Приближаясь, она становилась все меньше,

а щупальца и антенны, которыми снабдило ее воображение Виктора, сделались более-менее обычными руками и ногами Солла Достабля.

— Виктор? — неуверенно уточнил он.

— Солл?

Младший Достабль не сумел скрыть облегчения.

— В этом тумане ничего не разглядеть, — сказал он. — Мы думали, ты заблудился. Пойдем, а то скоро полдень. Мы уже почти готовы ехать.

— Я тоже готов.

— Отлично.

На волосах и одежде Солла оседали капельки ту-мана.

— Э-э, — протянул он. — А где мы вообще?

Виктор огляделся. Вроде как дом, где он жил, должен быть у него за спиной.

— В тумане все меняется, правда? — несчастно спросил Солл. — Как думаешь, твой песик сможет отыскать дорогу к студии? Он вроде умненький.

— Грр, грр, — сказал Гаспод, встал на задние лапки и принялся служить — саркастически, как было очевидно Виктору.

— Надо же, — удивился Солл. — Он как будто все понимает, правда?

Гаспод резко гавкнул. Через пару секунд до них

долетел залп возбужденного ответного лая.

— Ну конечно, Лэдди, — сказал Солл. — Что за умный пес!

Гаспод самодовольно ухмыльнулся.

— Но Лэдди всегда такой, — продолжил Солл, когда они пошли навстречу лаю. — Думаю, он может твою псину научить парочке трюков, а?

Виктор не осмелился посмотреть вниз.

После нескольких ошибочных поворотов над ними, точно призрак, проплыла арка ворот «Века Летучей Мыши». Здесь людей было больше; похоже, студию заполоняли заблудшие души, которые не знали, куда им еще податься.

Перед конторой Достабля их ждала карета, а рядом с ней, притопывая ногой, стоял сам Достабль.

— Быстрее, быстрее, — сказал он. — Я уже услал Гафера в город с пленкой. Залезайте оба.

— А мы вообще доедем туда на этой карете? — спросил Виктор.

— А что может пойти не так? — ответил вопросом на вопрос Достабль. — Дорога до Анк-Морпорка одна. Да и вообще, мы должны выбраться из тумана, как только отъедем от берега. Не знаю, чего все так дергаются. Это же просто туман.

— Вот и я то же самое говорю, — сказал Виктор,

забираясь в карету.

— Хорошо, что мы дорисовали «Сдутых шквалом» вчера, — сказал Достабль. — Это, наверное, что-нибудь сезонное. Беспокоиться не о чем.

— Ты это уже говорил, — напомнил Солл. — Раз пять за утро, не меньше.

На одном из сидений сгорбилась Джинджер; внизу лежал Лэдди. Виктор пододвинулся к ней.

— Ты поспать-то смогла? — прошептал он.

— Час или два, кажется, — ответила она. — Ничего не было. Никаких снов, ничего.

Виктор расслабился.

— Значит, все и правда закончилось, — сказал он. — Я не был уверен.

— А туман? — требовательно сказала она.

— Прости, что? — виновато переспросил Виктор.

— Откуда взялся *туман*?

— Ну, — сказал Виктор, — насколько я понимаю, когда холодный воздух соприкоснулся с теплой землей, вода…

— Ты знаешь, о чем я! Это не обычный туман! Он… как-то странно клубится, — неуверенно закончила она. А потом добавила: — И в нем почти слышны голоса.

— Не бывает почти слышных голосов, — воз-

разил Виктор, надеясь, что его собственный рациональный ум этому поверит. — Ты их либо слышишь, либо нет. Послушай, мы оба просто устали. Вот и все. Мы тяжело работали и, гм, мало спали — неудивительно, что нам кажется, будто мы почти слышим или видим что-то странное.

— Ах, так, значит, ты почти видишь что-то странное? — торжествующе спросила Джинджер. — И нечего говорить со мной таким спокойным и разумным тоном, — добавила она. — Ненавижу, когда со мной говорят спокойным и разумным тоном.

— Надеюсь, вы, голубки, тут не разругались?

Виктор с Джинджер напряглись. Достабль уселся на противоположное сиденье и ободряюще осклабился. Следом за ним в карету залез Солл. Кучер захлопнул дверь.

— На полпути остановимся пообедать, — сообщил Достабль, когда карета покатила вперед. Он осекся и подозрительно принюхался.

— А чем это так воняет? — спросил он.

— Боюсь, мой песик забрался под твое сиденье, — сказал Виктор.

— Он что, болеет? — спросил Достабль.

— Боюсь, он всегда так пахнет.

— А тебе не приходило в голову, что неплохо

было бы его помыть?

— А тебе не приходило в голову, что неплохо было бы, если бы тебе откусили ноги? — еле слышно пробормотал кто-то.

А тем временем над Голывудом сгущался туман…

Афиши «Сдутых шквалом» висели по всему Анк-Морпорку уже несколько дней, и народ сгорал от нетерпения.

На этот раз афиши добрались даже до Незримого Университета. Одну из них Библиотекарь повесил на стену зловонного, заваленного книгами гнезда, которое он называл домом[23], а еще несколько тайком переходило из рук в руки среди волшебников.

Художник создал шедевр. На фоне пылающего города Виктор держал на руках Джинджер, демонстрировавшую почти все, что у нее было, и довольно много того, чего у нее, строго говоря, не было.

Это произвело на волшебников именно тот эффект, на который и надеялся Достабль. В Необщем зале афишу передавали из одних трясущихся рук в другие, как будто она могла взорваться.

---

[23] Примечания: 23

Собственно, Библиотекарь-то называл его «у-ук». Но в переводе это с большой вероятностью означало «дом».

— А у этой девушки есть То, Что Надо, — сказал заведующий кафедрой беспредметных изысканий. Он был из числа самых толстых волшебников, и изрядно напоминал кресло, в котором сидел. Казалось, что бока его вот-вот лопнут и наружу полезет конский волос. При виде его люди испытывали сильнейшее желание пошарить в складках на предмет затерявшейся мелочи.

— А что тебе от нее надо? — спросил другой волшебник.

— О, ну ты же и сам *понимаешь*. То, Что Надо. Пыдыщ. Старое доброе э-ге-гей.

Волшебники не сводили с него вежливых и выжидающих взглядов, как будто им вот-вот должны были объяснить соль шутки.

— Боги, неужели я должен все разжевывать? — воскликнул он.

— Он говорит о сексуальном магнетизме, — радостно объяснил профессор современного руносложения. — О распутной притягательности мягчайших персей, и необъятных волнующих бедер, и запретных плодах желания, которые…

Парочка волшебников осторожно отодвинула свои кресла подальше от него.

— Ах, о *сексе*, — сказал декан пентаклей, прервав профессора современного руносложения

посреди вздоха. — Слишком много его везде стало, вот что я вам скажу.

— Ну не знаю, — возразил профессор современного руносложения. Взгляд у него был томящийся.

Шумиха пробудила Ветром Сдумса, дремавшего в своем кресле у огня. В камине Необщего зала всегда ярилось пламя, хоть зимой, хоть летом.

— Чего-чего? — спросил Ветром Сдумс.

Декан склонился к его уху.

— Я говорил, — сказал он во весь голос, — что, когда мы были молоды, мы вообще не знали, что значит слово «секс».

— Это правда. Чистейшая правда, — подтвердил Сдумс. Он задумчиво посмотрел в огонь. — А кстати, мм, ты не помнишь, мы это в итоге выяснили?

На мгновение в зале воцарилась тишина.

— Говорите что хотите, а фигура у нее такая, какая и должна быть у юной девушки, — воинственно заявил профессор современного руносложения.

— Такой фигуры и на нескольких девушек хватит, — съязвил декан.

Ветром Сдумс с трудом сфокусировался на афише.

— А что это за юноша такой? — спросил он.

— Какой еще юноша? — спросили хором сразу несколько волшебников.

— Который посреди картинки стоит, — объяснил Сдумс. — И девушку на руках держит.

Волшебники пригляделись.

— Ах, этот, — пренебрежительно протянул заведующий кафедрой.

— Сдается мне, я его, мм, где-то уже видел, — сказал Сдумс.

— Дражайший мой Сдумс, я искренне надеюсь, что ты не посещаешь тайком движущиеся картинки, — провозгласил декан, ухмыляясь остальным. — Ты же знаешь, что приобщаться к забавам простонародья — это ниже достоинства волшебника. Арккансцлер был бы нами очень недоволен.

— Чего-чего? — Сдумс приставил ладонь к уху.

— Хотя теперь, когда ты об этом упомянул, мне он тоже почему-то кажется знакомым, — добавил декан, изучая афишу.

Профессор современного руносложения склонил голову набок.

— Так это же юный Виктор, разве нет? — сказал он.

— Ась? — спросил Ветром Сдумс.

— А знаешь, ты можешь быть прав, — сказал заведующий кафедрой беспредметных изысканий. — У него были такие же худосочные усики.

— У кого? — спросил Сдумс.

— Но он ведь был студентом. Он мог бы стать волшебником, — поразился декан. — С чего ему куда-то удирать, чтобы тискать юных дамочек?

— Его и правда зовут Виктор, но это не наш Виктор. Тут написано, что его зовут Виктор Мараскино, — сообщил заведующий кафедрой.

— Ой, да это же просто псевдоним для кликов, — легкомысленно сказал профессор современного руносложения. — У них у всех такие странные имена. Делорес Де Грех, и Бланш Истома, и Скала Пикк, и тому подобное… — Тут он осознал, что на него осуждающе смотрят. — По крайней мере, мне так рассказывали, — неубедительно добавил он. — Наш привратник. Он почти каждый вечер ходит клики смотреть.

— О чем вы там трещите? — вопросил Сдумс, размахивая в воздухе тростью.

— И повар тоже каждый вечер ходит, — сказал заведующий кафедрой. — И большинство его подручных тоже. После девяти даже бутерброд с ветчиной добыть — и то проблема.

— Почти все туда ходят, — сказал профессор. —

Кроме нас.

Кто-то из волшебников внимательно приглядел к нижней части афиши.

— Тут написано, — сказал он, — что это «Лигенда о Страсти и Внизапных Поворотах Бурной Истории Анк-Морпорка!».

— А-а. Так это, значит, исторический клик? — протянул профессор.

— А еще тут написано «Эпичиская История Любови, паразившая Багов и Людей!!».

— О? И религиозный к тому же.

— А внизу подпись: «При Участии 1000 слонов!!!»

— Вот как. Дикая природа. Дикая природа — это очень познавательно, — заметил заведующий кафедрой, с намеком поглядывая на декана. Остальные волшебники делали то же самое.

— Я полагаю, — медленно проговорил профессор, — что никто не может возражать против того, чтобы старшие волшебники ознакомились с работой, представляющей интерес с исторической, религиозной и, гм, дикоприродной точек зрения.

— Университетские правила очень строги, — возразил декан, но не слишком рьяно.

— Но они ведь наверняка предназначены

только для студентов, — сказал профессор. — Я прекрасно понимаю, почему студентов нельзя допускать на подобные показы. Они ведь будут свистеть и швыряться чем попало в экран. Но разве кто-то в здравом уме может заявить, будто таким заслуженным волшебникам, как мы, нельзя ознакомиться с этим популярным феноменом?

Ветром Сдумс яростно хлестнул тростью по ляжкам декана.

— Я требую, чтобы мне объяснили, о чем тут все говорят! — завопил он.

— Мы считаем, что старшим волшебникам должно быть позволено смотреть движущиеся картинки! — прокричал заведующий кафедрой.

— Это правильно! — гаркнул Сдумс. — Кому же не захочется взглянуть на красивую девушку.

— Никто ничего не говорил ни о каких красивых девушках. Мы гораздо больше заинтересованы в ознакомлении с популярными феноменами, — возразил заведующий кафедрой.

— Ну-ну, называйте как хотите, — хихикнул Ветром Сдумс.

— Если народ увидит, как волшебники покидают Университет, чтобы отправиться на простонародные движущиеся картинки, он потеряет

всякое уважение к нашей профессии, — сказал декан. — Это ведь даже не настоящая магия. Это просто фокусы.

— Вы знаете, — задумчиво проговорил кто-то из волшебников пониже уровнем, — я все никак не могу уяснить, что вообще такое эти жалкие клики. Какое-то кукольное представление? Эти люди что, на сцене выступают? Или это театр теней?

— Вот видишь? — сказал заведующий кафедрой. — Мы же вроде как мудрецы, а ничего не *знаем*.

Все уставились на декана.

— Да, но кому вообще сдалось глядеть на толпы юных девиц, пляшущих в трико? — безнадежно спросил он.

Думминг Тупс, самый везучий аспирант в истории Университета, беззаботно направлялся к тому участку стены, где можно было тайно через нее перебраться. В его ничем не обремененном мозгу приятно колыхались мысли о пиве, и о походе на клик, и, может быть, об экстраостром клатчском карри, чтобы вечер совсем уж удался, и еще об…

Из самых ужасных мгновений в его жизни это было на втором месте.

Они *все* были там. Все старшие преподаватели.

Даже декан. Даже старик Сдумс в своем инвалидном кресле. Все они стояли в тени и строго глядели на него. В мусорной корзине его мозга разразился темный фейерверк паранойи. *Они все поджидали его.*

Думминг застыл как вкопанный.

Декан заговорил.

— О. О. О. Э. А. Гм. Гм, — начал он, а потом, видимо, совладал с языком. — *О*. Это что такое? Признавайтесь немедленно, молодой человек!

Думминг замялся. А потом сбежал.

Немного погодя профессор современного руносложения спросил:

— Это ведь был юный Тупс, да? Он не вернется.

— Не думаю.

— Он обязательно кому-нибудь расскажет.

— Не расскажет, — уверенно сказал декан.

— Как думаете, он заметил, какие мы вытащили кирпичи?

— Нет, я загородил собой дырки, — сказал заведующий кафедрой.

— Ну тогда за дело. На чем мы там остановились?

— Послушайте, я правда считаю, что мы поступаем очень опрометчиво, — сказал декан.

— Заткнись и подержи кирпич.

— Ну хорошо, но скажите мне вот что: как вы собираетесь перетаскивать через стену кресло?

Все уставились на кресло-каталку Ветром Сдумса.

Кресла-каталки бывают легкими, спроектированными так, чтобы их хозяева могли быть полноценными и независимыми членами современного общества. По сравнению с чудовищем, в котором сидел Сдумс, они были что газели рядом с гиппопотамом. Сдумс прекрасно осознавал, каким членом современного общества он является: тем, которого повсюду возят и которому всячески потворствуют.

Кресло было широким и длинным и управлялось с помощью небольшого руля и длинного чугунного рычага. Собственно, оно и сделано было в основном из чугуна. Каркас его украшали железные завитушки, сделанные, судя по всему, из сваренных между собой водосточных труб. На задних колесах не было лезвий, но выглядели они так, словно приделать к ним эти самые лезвия можно было в любой момент. Кресло щетинилось целым рядом устрашающих рычагов, предназначение которых было известно лишь самому Сдумсу. Всего за несколько часов над ним можно было раскрыть складной клеенчатый

верх, способный защитить пассажира от дождя и снега, а возможно, и от метеоритов и падающих зданий. А для легкой забавы передний поручень был усеян разнообразными гудками, звонками и свистками, с помощью которых Сдумс имел обыкновение возвещать о своем перемещении по коридорам и дворикам Университета. Дело в том, что хотя для того, чтобы сдвинуть кресло с места, требовались нешуточные усилия как минимум одного силача, когда оно приходило в движение, остановить его не мог никто; тормоза на нем, может, и были, но Ветром Сдумс так и не озаботился тем, чтобы это выяснить. И преподаватели, и студенты знали, что выжить, заслышав неподалеку гудок или звонок, можно лишь распластавшись по ближайшей стене до тех пор, пока адская колесница не прогрохочет мимо.

— Мы никогда его не перетащим, — твердо сказал декан. — В нем же весу не меньше тонны. И вообще, нечего нам брать Сдумса с собой. Он слишком стар для таких зрелищ.

— А вот по молодости я лазал через эту стену каждую ночь, — недовольно проворчал Сдумс. А потом хихикнул: — Ох и хулиганили мы в те дни. Если бы каждый раз, когда за мной гналась стража, мм, мне давали пенни… — его древние

губы задвигались в нежданном арифметическом припадке, — …у меня было бы пять с половиной пенни.

— Может, нам… — начал было заведующий кафедрой, а потом спросил: — Как это — пять с половиной пенни?

— Один раз они сдались на полпути, — счастливо ответил Сдумс. — Ох и славные были времена. Помню, как-то мы с Риктором-Счетоводом и стариной Спольдом забрались на Храм Мелких Богов прямо посреди службы, а у Спольда был с собой мешок с поросенком, и он…

— Гляди, что ты натворил, — пожаловался профессор современного руносложения. — Его же теперь не заткнуть.

— Можно попробовать поднять кресло с помощью магии, — предложил заведующий кафедрой. — Невесомый Подъемник Гиндля должен сработать.

— …а потом верховный жрец обернулся, и, хе-хе, ну и рожа у него была! А потом старина Счетовод и говорит: а давайте…

— Не думаю, что достойно использовать магию для решения подобной проблемы, — фыркнул декан.

— Уж куда достойнее, чем самим перетаски-

вать эту клятую махину через стену, тебе не кажется? — поинтересовался профессор современного руносложения, закатывая рукава. — За дело, ребята.

— …не успели мы опомниться — а Пупырь уже колотится в двери Гильдии Убийц, а старик Скоттидж — он там привратником служил, хе-хе, тот еще упырь был, — так вот, он выглядывает наружу, мм, и тут из-за угла выворачивают стражники…

— Готовы? Поехали!

— …а еще, помню, как-то мы с Огурчиком Фрамером добыли клея и пошли…

— Поднажми, декан!

Волшебники пыхтели от напряжения.

— …как вчера, мм, помню, какое у него лицо было, когда…

— А теперь опускаем!

Кованые колеса тихо звякнули о булыжники мостовой.

Сдумс довольно кивнул.

— Какое время было. Какое время, — пробормотал он и заснул.

Волшебники медленно и неловко перебрались через стену, блестя в свете луны откормленными задами, и, тяжело дыша, собрались на той

стороне.

— А вот скажи мне, декан, — заговорил профессор, привалившись к стене, чтобы унять дрожь в ногах, — мы стену… случайно… не надстраивали в последние лет пятьдесят?

— Да… вроде… нет.

— Странно. Раньше-то я по ней взлетал как газель. А лет-то прошло всего ничего. Нет, правда, всего ничего.

Волшебники утерли пот со лбов и боязливо уставились друг на друга.

— Я почти каждую ночь через стену лазал пропустить кружечку-другую пивка, — припомнил заведующий кафедрой.

— А вот *я* по вечерам учился, — чопорно заявил декан.

Заведующий кафедрой прищурился.

— Ну да, ну да, конечно, — сказал он. — Я помню.

До них начинало доходить, что они в первый раз за много десятилетий очутились за пределами Университета ночью и без разрешения. Некое потаенное волнение передавалось от одного волшебника другому. Любой наблюдатель, умеющий читать язык тела, готов был бы поспорить, что после клика кто-то из них предложит

заодно куда-нибудь завалиться и пропустить по стаканчику, а потом кому-то другому захочется перекусить, а это всегда влечет за собой еще несколько стаканчиков, а потом настанет пять утра, и в ворота Университета уважительно постучатся стражники и поинтересуются, не соблаговолит ли арккансцлер пройтись с ними до каталажки и опознать нескольких предполагаемых волшебников, в шесть глоток распевающих скабрезную песенку, и не будет ли он так любезен захватить с собой деньги для уплаты штрафа за причиненный ущерб. Потому что внутри каждого старика живет юноша, так и не сообразивший, что случилось.

Заведующий кафедрой ухватился за поля своей высокой, широкой и обвисшей остроконечной шляпы.

— Ну что, ребята, — сказал он. — Шляпы долой.

Волшебники подчинились, но неохотно. Всякий волшебник горячо привязывается к своей остроконечной шляпе. Она дарит ему чувство самосознания. Но, как указал чуть раньше заведующий кафедрой беспредметных изысканий, волшебник узнается по остроконечной шляпе, а это значит, что, если ее *снять*, все примут тебя, ну, например, за самого обычного богатого торговца.

Декан вздрогнул.

— Я словно голышом стою, — сказал он.

— Спрячем их под пледом Сдумса, — предложил заведующий кафедрой. — Никто и не поймет, что это мы.

— Ага, — сказал профессор современного руносложения, — а сами-то мы поймем?

— Они подумают, что мы зажиточные бюргеры.

— Я, — сказал декан, — и чувствую-то себя зажившимся бургером.

— Или торговцы, — закончил заведующий кафедрой. Потом пригладил свои седые волосы и добавил: — Запомните, если кто-нибудь нас о чем-нибудь спросит, мы н*е волшебники.* Мы просто честные торговцы, решившие приятно провести вечер, ясно?

— А как вообще выглядит честный торговец? — спросил кто-то из волшебников.

— А мне-то откуда знать? — отмахнулся заведующий кафедрой. — И магией никому не пользоваться, — продолжил он. — Не мне вам рассказывать, что случится, если арккансцлер прослышит, что его подчиненных заметили на увеселениях для простонародья.

— Меня больше тревожит, что нас могут узнать

студенты, — содрогнулся декан.

— Накладные бороды, — торжественно произнес профессор современного руносложения. — Мы должны надеть накладные бороды.

Заведующий кафедрой закатил глаза.

— Да у нас у всех уже СВОИ бороды есть, — напомнил он. — И чем нам накладные помогут?

— Ага! Вот в этом-то и хитрость! — сказал профессор. — Разве кто-нибудь заподозрит, что под фальшивой бородой может быть укрыта настоящая?

Заведующий кафедрой распахнул рот, чтобы возразить, но вдруг засомневался.

— Ну… — протянул он.

— Но где же мы отыщем накладные бороды так поздно вечером? — спросил один из волшебников.

Профессор просиял и засунул руку в карман.

— А нам и не нужно, — сказал он. — В этом-то и кроется самая большая хитрость. Смотрите, я захватил с собой немножко проволоки, и все, что вам нужно сделать, — это отломить по два кусочка, заплести их в бакенбарды, а потом загнуть кончики за уши так, чтобы торчали, — он продемонстрировал, как это делается, — и готово.

Заведующий кафедрой уставился на него.

— Поразительно, — наконец выговорил он. — И правда! Ты выглядишь как человек, напяливший совершенно неубедительную накладную бороду.

— Здорово, правда? — спросил довольный профессор, раздавая проволоку. — Это вам головология, а не что-нибудь.

Следующие несколько минут были полны усердной работой и периодическими вскриками уколовшихся проволокой волшебников, но в конце концов с маскировкой было покончено. Волшебники застенчиво поглядывали друг на друга.

— А если найти наволочку без подушки и запихнуть ее под мантию заведующего кафедрой так, чтобы уголок торчал, он будет выглядеть как худой человек, который замаскировался под огромного толстяка с помощью подушки, — с энтузиазмом сказал кто-то. Потом поймал взгляд заведующего кафедрой и умолк.

Парочка волшебников ухватилась за поручни чудовищного кресла Ветром Сдумса и с грохотом покатила его по мокрой брусчатке.

— Ась? Чего это вы затеяли? — неожиданно пробудился Сдумс.

— Отправляемся играть зажиточных бюргеров, — объяснил декан.

— Отличная игра, — одобрил Сдумс.

— Эй, старина, ты меня слышишь?

Казначей разлепил глаза.

Изолятор в Университете был небольшой и использовался редко. Волшебники, как правило, либо здоровы, как кони, либо мертвы. Принять микстуру от изжоги да полежать до обеда в темной комнате — другого лечения им не требуется.

— Я тут тебе кое-чего почитать притащил, — неловко сказал голос.

Казначей кое-как сосредоточился на корешке «Приключений с арбалетом и удочкой».

— Сильно тебя приложило, казначей. Весь день провалялся.

Казначей осоловело вгляделся в розово-оранжевый туман, мало-помалу сгущавшийся в розово-оранжевое лицо аркканцлера.

«Так, — подумал он, — а как, собственно, я здесь…»

Он резко вскочил, ухватил аркканцлера за мантию и завопил прямо в его широкое розово-оранжевое лицо:

— Что-то страшное грядет!

Волшебники неспешно шли по сумеречным улицам. Пока что маскировка работала идеально. Их даже отпихивали с пути. Никто и никогда

сознательно не стал бы отпихивать с пути волшебника. Это было для них совершенно новым опытом.

У входа в «Одиоз» скопилась огромная толпа, а очередь растянулась на всю улицу. Декан ее проигнорировал и повел компанию прямиком ко входу, пока кто-то не крикнул:

— Эй!

Декан поднял взгляд на краснолицего тролля в сшитой не по фигуре военного вида форме, которая включала в себя эполеты размером с литавры, но не включала штанов.

— Да? — спросил декан.

— Там очередь, если ты не заметил, — сообщил тролль.

Декан вежливо кивнул. В Анк-Морпорке волшебники по умолчанию всегда оказывались во главе очереди.

— Я вижу, — ответил он. — И это правильно. А теперь, если ты соблаговолишь отойти, мы хотели бы занять свои места.

Тролль ткнул его в живот.

— Ты кем себя возомнил? — поинтересовался он. — Волшебником, что ли?

Стоявшие в очереди засмеялись.

Декан придвинулся к троллю.

— Так уж вышло, что мы *и правда* волшебники, — прошипел он.

Тролль ухмыльнулся.

— Ты мне кишки-то на уши не вешай, — посоветовал он. — Я ведь вижу, что борода у тебя не настоящая!

— Послушай-ка… — начал декан и тут же перешел на невразумительный писк, потому что тролль поднял его за воротник мантии и вытолкнул на дорогу.

— Вставай в очередь, как положено, — велел он. Толпа заулюлюкала.

Декан зарычал, поднял правую руку, растопырил пальцы…

Заведующий кафедрой ухватил его за плечо.

— Ну да, конечно, — прошипел он. — Это ведь нам так сильно поможет, правда? А ну-ка пошли.

— Куда?

— В конец очереди!

— Но мы же *волшебники*! Волшебники не стоят ни в каких очередях!

— Мы честные торговцы, забыл? — напомнил ему заведующий кафедрой. И покосился на ближайших любителей кликов, которые странно на них посматривали. — Мы честные торговцы, — громко повторил он. Потом подтолкнул декана и

прошептал: — Ну, давай.

— Что давать?

— Скажи что-нибудь… торговое.

— Это в каком смысле? — не понял декан.

— Да хоть *что-нибудь* скажи! На нас все пялятся!

— А-а. — Декан панически наморщился — и тут на него снизошло вдохновение. — Сочные яблочки, — сказал он. — Хватайте, пока горячие. Пальчики оближешь… Ну как, сойдет?

— Думаю, да. А теперь пойдем в конец…

В конце улицы загалдели. Народ ломанулся вперед. Очередь распалась и куда-то понеслась. Честные торговцы внезапно очутились в гуще отчаянной давки.

— Эй, тут очередь, если вы не заметили, — сообщил честный торговец современным руносложением, когда его оттолкнули в сторону.

Декан ухватил за плечо мальчишку, который яростно отпихивал его локтем.

— Что тут творится, молодой человек? — требовательно спросил он.

— Они уже здесь! — крикнул мальчишка.

— Кто?

— Звезды!

Волшебники, все как один, задрали головы к

небу.

— Нет, их тут нет, — сказал декан, но мальчишка уже вывернулся из его хватки и скрылся в человеческом водовороте.

— Какие-то странные примитивные суеверия, — сказал декан, и все волшебники, за исключением Сдумса, который жаловался и размахивал своей тростью, вытянули шеи, чтобы понять, что происходит.

Казначей встретил аркканцлера в коридоре.

— В Необщем зале никого нет! — завопил он.

— Библиотека пуста! — проревел аркканцлер.

— Я о таком слышал, — проскулил казначей. — Это спонтанное как-его-там. Они все спонтанировали!

— Уймись, дружище. Только потому, что…

— Я даже слуг отыскать не могу! А вы знаете, что бывает, когда в реальности появляются прорехи! Гигантские щупальца, должно быть, уже…

Послышалось далекое «*вумм… вумм*», а за ним — стук отлетающих от стены шариков.

— Всегда в одном и том же направлении, — пробормотал казначей.

— И в каком же?

— В том, откуда полезут Они! Кажется, я схожу с ума!

— Ну-ну, — успокоил его аркканцлер, похлопав по плечу. — Не надо так говорить. Так одни сумасшедшие говорят.

Джинджер в ужасе выглядывала в окно кареты.

— Кто все эти люди? — спросила она.

— Это почитатели, — ответил Достабль.

— Но мне нечего дать им почитать!

— Дядюшка имеет в виду, что это люди, которым нравится смотреть на тебя в кликах, — пояснил Солл. — Э-э. *Очень* нравится.

— Там и женщины есть, — заметил Виктор. Он осторожно помахал в окно. В толпе рухнула в обморок женщина.

— Ты знаменита, — сказал он. — Ты же говорила, что всегда мечтала быть знаменитой.

Джинджер еще раз посмотрела на толпу.

— Но я же не думала, что это будет вот так. Они все имена наши выкрикивают!

— Мы постарались, чтобы о «Сдутых шквалом» знало как можно больше людей, — похвастался Солл.

— Ага, — подтвердил Достабль. — Мы сказали, что это величайший клик за всю историю Голывуда.

— Но мы же рисуем клики всего пару меся-

цев, — напомнила Джинджер.

— Ну и что? Это уже история, — ответил Достабль.

Виктор заметил выражение лица Джинджер. Интересно, насколько долгая у Голывуда история на самом деле? Быть может, где-то там, на дне, в окружении омаров, покоится какой-нибудь древний каменный календарь. А может, ее невозможно измерить. Как ты измеришь возраст идеи?

— На показе будут присутствовать и многие значительные персоны, — сказал Достабль. — Патриций, и знать, и главы Гильдий, и кое-кто из верховных жрецов. Волшебников, конечно, не будет, старых зазнаек. Но все равно вечер будет незабываемый, уж не сомневайтесь.

— Неужели нас представят всем этим людям? — спросил Виктор.

— Нет. Это *их* представят *вам*, — поправил его Достабль. — И это будет самый захватывающий момент в их жизни.

Виктор снова взглянул на толпу.

— Это мне кажется, — спросил он, — или наползает туман?

Сдумс саданул тростью по ногам заведующего кафедрой.

— Что происходит? — рявкнул он. — Чему все так радуются?

— Патриций только что вылез из кареты, — объяснил заведующий кафедрой.

— Ну и что в этом такого замечательного? — проворчал Сдумс. — Я за свою жизнь сотни раз вылезал из кареты. Тут и уметь-то нечего.

— Это и правда немножко странно, — признал заведующий кафедрой. — Они и при виде главы Гильдии Убийц радовались, и первосвященника Слепого Ио. А теперь кто-то раскатывает красную ковровую дорожку.

— Что, на улице? В *Анк-Морпорке*?

— Да.

— Не хотел бы я, чтобы мне такой счет за стирку пришел, — сказал Сдумс.

Профессор современного руносложения с силой впечатал заведующему кафедрой локоть под ребро — или, по крайней мере, под то место, где над ребром за пятьдесят лет славных обедов отложился довольно толстый слой.

— Тихо! — прошипел он. — Они едут!

— Кто?

— Вроде какие-то важные шишки.

Лицо заведующего кафедрой исказилось страхом под его фальшивой настоящей бородой.

— Ты ведь не думаешь, что они пригласили аркканц-лера?

Волшебники попытались спрятать головы в мантии, будто двуногие черепахи.

Но карета оказалась куда более впечатляющей, чем те развалины, что стояли в конюшнях Университета. Толпа прихлынула к заградительной линии из троллей и стражников и нетерпеливо воззрилась на дверь кареты; даже воздух гудел от предвкушения.

Господин Безам, грудь которого так раздулась от осознания собственной важности, что он как будто парил над мостовой, вразвалочку подошел к двери, чтобы открыть ее.

Все как один затаили дыхание — за исключением той частички толпы, которая молотила окружающих тростью и бубнила: «Что происходит? Что тут творится? Почему никто не объясняет мне, что *происходит? Я требую*, мм, чтобы мне немедленно рассказали, *что происходит!*»

Дверь осталась закрытой. Джинджер вцепилась в нее, как будто в спасательный круг.

— Их же там *тысячи*! — воскликнула она. — Я туда не выйду!

— Но ведь все они смотрят твои клики, — взмолился Солл. — Это твои зрители.

— Нет!

Сол развел руками.

— Может, хоть ты ее убедишь? — попросил он Виктора.

— Я не уверен, что себя-то могу убедить, — ответил тот.

— Но ты же столько дней играла перед этими людьми, — сказал Достабль.

— Нет, не играла, — отрезала Джинджер. — Только перед тобой, и рукояторами, и троллями, и всеми остальными. Это другое. И вообще, это была не я, — добавила она. — Это была Делорес де Грех.

Виктор задумчиво закусил губу.

— Так и отправь туда Делорес де Грех, — предложил он.

— И как же я это сделаю, интересно? — сердито спросила она.

— Н-ну… может, притворишься, что это клик?..

Достабли — дядя и племянник — обменялись взглядами. После чего Солл приложил к лицу сложенные кружком руки, изображая глаз рисовального ящика, а Достабль, после того как его подтолкнули, положил на голову племянника руку и завращал воображаемую ручку в его ухе.

— Начали! — скомандовал он.

Дверь кареты распахнулась.

Толпа ахнула — как будто вздохнула гора. Наружу вылез Виктор, протянул руку, взял ладонь Джинджер…

Толпа завопила, как обезумевшая.

Профессор современного руносложения закусил от возбуждения костяшки пальцев. Заведующий кафедрой издал горлом странный придушенный звук.

— Помнишь, ты спрашивал, что может мальчишка отыскать такого, что лучше, чем быть волшебником? — спросил он.

— Настоящему волшебнику интересно только одно, — пробубнил декан. — И ты это знаешь.

— О, *мне ли* не знать.

— Я магию имел в виду.

Заведующий кафедрой пригляделся к приближающимся фигурам.

— А ведь это и правда юный Виктор. Я поклясться готов, — сказал он.

— Отвратительно, — проворчал декан. — Только представьте — он предпочел ошиваться вокруг красоток, а не творить волшебство.

— Ага. Как глупо, — отозвался профессор современного руносложения, пытаясь совладать с дыханием.

Послышался коллективный вздох.

— Но нельзя не признать, что она хороша, — сказал заведующий кафедрой.

— Я старый человек, и если кто-нибудь *сию же секунду* не пустит меня посмотреть, — раздался позади них надтреснутый голос, — этот кто-нибудь, мм, узнает, на что способна моя трость, ясно?

Двое волшебников расступились и пропустили вперед кресло Сдумса. Придя в движение, оно не остановилось, пока не подкатилось к самому краю дорожки, и наоставляло синяков на тех коленях и лодыжках, которым не повезло оказаться у него на пути.

Челюсть Сдумса отвисла.

Джинджер ухватила Виктора за руку.

— Смотри, вон те толстые старики в накладных бородах тебе машут, — проговорила она сквозь улыбку и стиснутые зубы.

— По-моему, это волшебники, — улыбнулся ей в ответ Виктор.

— А тот, что в кресле, скачет и кричит «Ух ты!», «Э-ге-гей!», и «У-лю-лю!».

— А это самый старый волшебник на свете, — сообщил Виктор. Он помахал пышнотелой даме в толпе, и та хлопнулась в обморок.

— Боги! Каким же он был лет пятьдесят назад?

— Начнем с того, что тогда ему было восемьдесят[24]. *Не посылай ему воздушный поцелуй!*

Толпа одобрительно взревела.

— Мне кажется, он очень милый.

— Просто улыбайся и маши.

— О боги, ты только посмотри, кто ждет, когда нам их представят!

— Я их вижу, — сказал Виктор.

— Но это же влиятельные люди!

— Ну так и мы тоже. Видимо.

— Но почему?

— Потому что мы — это мы. Понишь, о чем ты говорила тогда, на берегу? Мы — это мы, настолько знаменитые, насколько это возможно. Ты ведь именно этого хотела. Мы…

Виктор осекся.

Тролль, стоявший у дверей «Одиоза», неловко отдал ему честь. Его ладонь врезалась в ухо с таким стуком, что он перекрыл рев толпы…

Гаспод стремительно ковылял по переулочку, а Лэдди послушно бежал следом за ним. Никто не обратил на них никакого внимания, когда они

---

[24] Примечания: 24

Волшебники, которым удается не пасть жертвой амбиций других волшебников, как правило, проживают очень долгую жизнь. А окружающим она кажется еще более долгой.

выпрыгнули — точнее, в случае Гаспода, вывалились — из кареты.

— Тоже мне, развлечение — просидеть весь вечер в каком-то душном зале, — ворчал Гаспод. — Это большой город. Это тебе не Голывуд какой-нибудь. Держись меня, щеночек, и все будет отлично. Первая остановка — задняя дверь «Реберного Дома Харги». Меня там знают. Понял?

– *Хороший мальчик Лэдди!*

— Ага, — сказал Гаспод.

— Посмотри, во что он одет! — воскликнул Виктор.

— Красный бархатный камзол с золотым кантом, — уголком рта проговорила Джинджер. — Ну и что? Штаны вот ему бы не помешали.

— О боги, — выдохнул Виктор.

Они ступили в ярко освещенное фойе «Одиоза».

Безам потрудился на совесть. Тролли и гномы работали всю ночь, лишь бы успеть закончить.

Там были занавески из красного плюша, и колонны, и зеркала.

Пухлые херувимчики и разнообразные фрукты, сплошь облитые золотом, покрывали, казалось, каждую поверхность.

Они словно оказались внутри коробки безумно

дорогих шоколадных конфет.

Или в кошмарном сне. Виктор подсознательно ожидал услышать грохот моря, увидеть, как занавески расползаются в черную слизь.

— О боги, — повторил он.

— Да что с тобой? — спросила Джинджер, натянуто улыбаясь шеренге высокопоставленных лиц, ожидающих, когда их представят звездам.

— Подожди — и увидишь, — прохрипел Виктор. — Это же Голывуд! Голывуд пришел в Анк-Морпорк!

— Да, но…

— Ты разве всего этого не помнишь? Тогда, ночью, под холмом? Прежде чем ты проснулась?

— Нет. Я же тебе *говорила*.

— Подожди — и увидишь, — повторил Виктор. На глаза ему попался стоявший у стены богато изукрашенный щит.

На нем было написано: «Три показа в день!»

И Виктор задумался о песчаных дюнах, и о древних мифах, и об омарах.

Картография никогда не была в Плоском мире особенно точным искусством. Как правило, люди приступали к делу с добрыми намерениями, но потом так увлекались, рисуя пускающих фонтанчики китов, чудовищ, волны и прочую

украшательскую шелуху, что частенько вообще забывали про всякие там скучные горы да речки.

Аркканцлер придавил грозивший свернуться угол переполненной пепельницей. Провел пальцем по шершавой поверхности карты.

— Тут написано «Здесь водятся драконы», — прочитал он. — Прямо посреди города. Странно.

— Да это всего лишь «Солнечный свет» — санаторий госпожи Овнец для тяжело больных драконов, — рассеянно объяснил казначей.

— А здесь вообще «Терра Инкогнита», — сказал аркканцлер. — С чего бы?

Казначей выгнул шею, чтобы посмотреть.

— Ну, наверное, это интереснее, чем рисовать бескрайние капустные поля.

— А тут *опять* «Здесь водятся драконы».

— А вот это уже просто вранье.

Ороговевший палец аркканцлера продолжил движение в вычисленном ими направлении. Он смахнул оставленные мухами следы.

— Ничего тут нет, — сказал он, приглядываясь. — Только море. И еще… — аркканцлер прищурился, — …Голывуд. Тебе это о чем-нибудь говорит?

— А это не то место, куда переселились все алхимики? — припомнил казначей.

— А, *эти.*

— Надеюсь, — медленно проговорил казначей, — они там не творят какую-нибудь магию?

— Это же алхимики. Какая еще *магия*?

— Простите. Глупая мысль, я согласен. Привратник мне говорил, что они теперь какие-то представления с тенями, что ли, устраивают. Или с куклами. Или еще с чем. Я, честно говоря, не прислушивался. Они же… *алхимики.* Какая разница! Ну, то есть… убийцы — *да.* Воры — *да.* Даже торговцы… торговцы порой могут быть весьма коварными. Но алхимики — да покажите мне более оторванную от действительности, бестолковую, благонамеренную кучку…

Он осекся, потому что его собственные слова дошли до его ушей.

— Они ведь не осмелятся, правда? — спросил он.

— Правда?

Казначей безрадостно усмехнулся.

— Не-е-ет. Они не осмелятся! Они же знают, что мы на них мигом обрушимся, если они попробуют на нашей территории магией…

Казначей снова осекся.

— Я уверен, что они не станут этого делать, — сказал он.

— Даже так далеко от нас, — сказал он.

— Они не посмеют, — сказал он.

— Только не магией. Это ведь невозможно? — сказал он.

— Я *никогда* не доверял этим негодяям с пятнистыми руками! — сказал он. — Они ведь совсем не такие, как мы. У них нет ниакого понятия о чести!

Толпа, сгрудившаяся вокруг билетной кассы, с каждой минутой становилась все больше и все злее.

— Ну что, все карманы проверил? — требовательно спросил заведующий кафедрой.

— Да! — ответил декан.

— Ну так проверь еще раз.

Волшебники всегда считали, что платить деньги за проход — обязанность других людей. Им и остроконечной шляпы обычно хватало.

Пока декан копошился в карманах, заведующий кафедрой безумно улыбнулся девушке, продававшей билеты.

— Уверяю вас, юная госпожа, — отчаянно проговорил он, — мы *на самом деле* волшебники.

— Я вижу, что у вас накладные бороды. — Девушка шмыгнула. — У нас тут кого только не бывает. Откуда мне знать, что вы на самом деле

не трое мальчишек в папином плаще?

— Мадам!

— У меня есть два доллара пятнадцать пенсов, — вмешался декан, выбирая монетки из горсти ворса и таинственных оккультных предметов.

— Значит, два места в партере, — сказала девушка, неохотно отматывая пару билетов. Заведующий кафедрой лихорадочно их сгреб.

— Тогда пойдем мы со Сдумсом, — быстро сказал он, повернувшись к остальным. — А вам, боюсь, придется отправляться назад, к своей честной торговле. — Заведующий кафедрой с намеком задвигал бровями.

— Не понимаю, почему это мы должны… — начал декан.

— А иначе конкуренты нас *обойдут*, — продолжал заведующий кафедрой, яростно гримасничая. — Если вы не пойдете *назад*.

— Послушай, это ведь были мои деньги, так что… — сказал было декан, но тут ему в руку вцепился профессор современного руносложения.

— Пойдем со мной, — сказал он, медленно и демонстративно подмигнув заведующему кафедрой. — Пора нам отправляться *назад*.

— Я все равно не понимаю… — пробулькал

увлекаемый прочь декан.

В волшебном зеркале аркканцлера вихрились серые тучи. Такие зеркала были у многих волшебников, но немногие ими пользовались. Слишком уж они были капризными и ненадежными. С их помощью даже бриться было неудобно.

Но Чудакулли со своим управлялся на удивление умело.

— Я с ним добычу выслеживаю, — коротко объяснил он. — А то ползать еще часами по мокрым папоротникам — больно надо. Налей себе выпить, приятель. И мне тоже.

Облака замерцали.

— Ничего больше разглядеть не могу, — сказал аркканцлер. — Странно. Один только светящийся туман.

Он откашлялся. До казначея понемногу начинало доходить, что вопреки всем ожиданиям аркканцлер довольно умен.

— А ты хоть одну из этих движущихся теневых кукольных картинок видел? — спросил Чудакулли.

— На них слуги ходят, — ответил казначей. Это, как понял Чудакулли, означало «нет».

— Думаю, нам стоит на них взглянуть, — решил он.

— Как скажете, аркканцлер, — покорно отозвался казначей.

Во всей мультивселенной действует нерушимое правило строительства зданий для показа движущихся картинок: архитектурная чудовищность задней их части должна быть обратно пропорциональна архитектурному великолепию фасада. Спереди — колонны, арки, позолота, фонари. Сзади — странные трубы, таинственные провисшие провода, голые стены, вонючие тупики.

И окно в туалет.

— И все-таки я не могу понять, почему мы должны это делать, — стонал декан, пока волшебники копошились во мраке.

— Заткнись и толкай, — прошептал с другой стороны окна профессор современного руносложения.

— Можно ведь было просто превратить что-нибудь в деньги, — продолжил декан. — Быстренькая иллюзия. Кому бы это навредило?

— Это называется «разводнение валюты», — сказал профессор современного руносложения. — За такое и в яму со скорпионами могут бросить. Куда я поставил ноги? *Куда* я поставил *ноги*?

— Да все в порядке, — сказал кто-то из волшеб-

ников. — Ну что, декан. Твоя очередь.

— О боги, — простонал декан, когда его потащили сквозь узкое окошко в невообразимую внутреннюю тьму. — Ничем хорошим это не кончится.

— Ты, главное, смотри, куда ноги ставишь. Ну вот, видишь, что ты натворил? Разве я не говорил тебе смотреть, куда ноги ставишь? Ну ладно, пойдем.

Они прокрались (или, в случае декана, прохлюпали) через закулисье в темный людный зал, где Ветром Сдумс держал для них свободные места, замахиваясь тростью на всех, кто к ним приближался. Волшебники бочком пробрались к сиденьям, спотыкаясь о ноги друг друга, и заняли их.

И уставились на затененный серый прямоугольник на другом конце зала.

Через какое-то время заведующий кафедрой сказал:

— Честно говоря, не понимаю, что народ в этом находит.

— А «калечного кролика» уже показывали? — спросил профессор современного руносложения.

— Да еще не началось, — прошипел декан.

— Я хочу есть, — заныл Сдумс. — Я старый че-

ловек, и я хочу есть.

— Знаете, что он натворил? — пожаловался заведующий кафедрой. — Знаете, что натворил этот старый болван? Когда юная дама с факелом провожала нас к нашим местам, он ущипнул ее за… за основание!

Сдумс хихикнул.

— Ой-ей! А твоя мамка-то знает, что ты гулять пошел? — прокаркал он.

— Все это плохо на него влияет, — проворчал заведующий кафедрой. — Не надо было его с собой брать.

— А вы понимаете, что мы пропустили ужин? — спросил декан.

Волшебники умолкли. Дородная женщина, пробиравшаяся мимо кресла Ветром Сдумса, неожиданно вздрогнула, подозрительно огляделась, но ничего не увидела, кроме очевидно дремавшего милого старичка.

— А по вторникам у нас подают гусятину, — продолжил декан.

Сдумс приоткрыл один глаз и надавил на гудок.

— Та-да-да-дам! Свистать всех наверх! — торжествующе провозгласил он.

— Видите, о чем я? — спросил заведующий ка-

федрой. — Он и какой век-то на дворе не помнит.

Сдумс скосил на него черный, похожий на бусину глаз.

— Может, я и стар и, мм, выжил из ума, — сказал он, — но голодать не собираюсь.

Он закопался в непредставимые глубины своего кресла и извлек на свет засаленный черный мешочек. В нем что-то звенело.

— Там у входа юная дама продавала специальную еду для движущихся картинок, — сообщил он.

— Ты хочешь сказать, что все это время у тебя были деньги? — поразился декан. — И ты не признался?

— А вы меня не спросили, — парировал Сдумс.

Волшебники пожирали мешочек голодными глазами.

— Там есть хлопнутые зерна с маслом, и сосиски в тесте, и такие шоколадные штуки с другими штуками сверху, — сказал Сдумс. Потом хитро улыбнулся, показав беззубые десны, и великодушно добавил: — Себе тоже можете купить.

Декан перечислял свои покупки.

— Ну что, — сказал он, — получается шесть патрицианских порций хлопнутых зерен с дополнительным маслом, восемь сосисок в тесте,

большой стакан шипучки и пакетик изюма в шоколаде.

Он отдал деньги продавщице.

— Все так, — подтвердил заведующий кафедрой, собирая еду. — Э-э. Как думаешь, может, нам и для остальных что-нибудь купить?

В картиночной будке изрыгал проклятия Безам, сражаясь со здоровенной бобиной «Сдутых шквалом», которая никак не хотела влезать в световой ящик.

А в нескольких футах от него, в специально огороженной части балкона, патриций Анк-Морпорка, лорд Витинари, тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

Юная пара — он вынужден был это признать — оказалась довольно приятной. Вот только он никак не мог сообразить, почему сидит рядом с ними и что в них такого важного.

Он привык иметь дело с важными людьми — или, по крайней мере, с людьми, которые мнили себя важными. Волшебники становились важными посредством великих магических деяний. Воры становились важными благодаря отчаянному грабежу, и торговцы — хоть методы у них и были немножко другие — тоже. Воители становились важными потому, что побеждали в битвах

и оставались в живых. Убийцы становились важными, умело обеспечивая жертвам раннее погребение. Дорог к славе было много, но все они были *понятными*, их можно было разглядеть. Они были в какой-то степени логичны.

А вот эти двое попросту принимали интересные позы перед этой новомодной машинерией для производства движущихся картинок. Самый захудалый актер городского театра был по сравнению с ними многогранным мастером лицедейства, однако никому и в голову не приходило выстраиваться на улицах и выкрикивать его имя.

До этого патриций клики не посещал. Насколько ему было известно, Виктора Мараскино прославил жгучий взгляд, от которого дамы средних лет, которым стоило бы уже остепениться, лишались чувств в креслах, а специальностью госпожи де Грех было томно себя вести, отвешивать пощечины и потрясающе выглядеть, раскинувшись среди шелковых подушек.

В то время как *он*, патриций Анк-Морпорка, правил этим городом, оберегал этот город, любил этот город, ненавидел этот город и всю жизнь положил на службу этому городу…

И тем не менее, пока простой народ занимал

сиденья, острый слух лорда Витинари выцепил беседу двоих людей:

— А это кто там, наверху, сидит?

— Это же Виктор Мараскино и Делорес де Грех! Ты что, *вообще* ничего не знаешь?

— Да нет, я про высокого мужика в черном.

— А, *этого* я не знаю. Какая-то шишка, наверное.

Да, это было весьма любопытно. Можно было стать знаменитым просто потому, что ты, ну, знаменит. Патрицию пришло в голову, что это явление крайне опасное и, возможно даже, однажды ему придется кого-нибудь из-за этого убить, пусть и с величайшим нежеланием[25]. Но пока что на него падал отсвет славы поистине знаменитых людей, и, к собственному удивлению, лорд Витинари этим наслаждался. К тому же он сидел рядом с госпожой де Грех, и зависть прочих зрителей была настолько очевидна, что патриций практически ощущал ее вкус — чего нельзя было сказать о тех сухих белых воздушных штуковинах в пакетике, которыми ему предложили полакомиться.

По другую руку от него разъяснял принцип

---

[25] Примечания: 25

С его стороны, естественно. Нежелание жертвы подразумевается по умолчанию.

работы движущихся картинок этот чудовищный Достабль, весьма ошибочно полагавший, что патриций его слу-шает.

Неожиданно грянули аплодисменты.

Патриций склонился к Достаблю.

— А почему гасят лампы? — поинтересовался он.

— А-а, сэр, — ответил Достабль, — это для того, чтобы лучше было видно картинки.

— Неужели? Логично было бы предположить, что от этого картинки станут видны хуже.

— С *движущимися* картинками все наоборот, — объяснил Достабль.

— Как интересно.

Патриций наклонился в другую сторону, к Джинджер и Виктору. К его легкому изумлению, они были крайне напряжены. Он заметил это, как только они вошли в «Одиоз». Юноша разглядывал нелепые украшения так, словно они внушали ему ужас, а когда девушка вошла в зал, лорд Витинари услышал, как она ахнула.

Они выглядели чем-то пораженными.

— Полагаю, все это для вас совершенно привычно, — сказал патриций.

— Нет, — признался Виктор. — Не слишком. Мы никогда раньше не были в настоящем карти-

ночном зале.

— За исключением одного раза, — мрачно добавила Джинджер.

— Да. За исключением одного раза.

— Но вы же, а-а, *делаете* движущиеся картинки, — благожелательно проговорил патриций.

— Да, но мы их никогда *не видим*. Только кусочки, когда рукояторы их склеивают. Единственные клики, которые я видел, показывали на улице, на старой простыне, — объяснил Виктор.

— Значит, для вас это все в новинку? — спросил патриций.

— Не совсем. — Лицо у Виктора было серое.

– *Очень* интересно, — сказал патриций и продолжил не слушать Достабля. Свой пост он занял не благодаря тому, что его интересовало, как устроены вещи. Его интересовало, как работают люди.

Сидевший чуть дальше Солл придвинулся к дяде и уронил ему на колени небольшой завиток пленки.

— Это твое, — сладким голосом сообщил он.

— Что это? — не понял Достабль.

— Да понимаешь, я вдруг решил по-быстренькому проглядеть клик, прежде чем его покажут…

— Правда? — спросил Достабль.

— И, не поверишь, прямо посреди сцены с пылающим городом я обнаружил целых *пять минут* с изображением тарелки ребрышек в Особом Арахисовом Соусе Харги. И я, конечно, знаю, откуда она там взялась. Но мне интересно почему.

Достабль виновато улыбнулся.

— Ну, я как подумал, — признался он, — если из-за одной маленькой картиночки люди бросаются что-нибудь покупать — только представь, что будет после пяти минут.

Солл не сводил с него сердитого взгляда.

— Ты ранил меня в самое сердце, — сказал Достабль. — Ты мне не поверил. Своему родному дядюшке. После того как я торжественно поклялся ничего больше не делать, ты мне *не поверил?* Ты огорчил меня, Солл. Я глубоко огорчен. Что сталось с честью?

— Думаю, дядюшка, ты ее загнал кому-то по де-шевке.

— Я *очень сильно* огорчен, — повторил Достабль.

— Но ты *не сдержал* слова, дядя.

— А это тут ни при чем. Это просто бизнес. А мы говорим о *семье*. Ты должен научиться доверять своим родным, Солл. Особенно мне.

Солл пожал плечами:

— Ну ладно. Ладно.

— Точно?

— Да, дядюшка. — Солл ухмыльнулся. — Приношу тебе торжественную клятву.

— Вот и умничка.

А между тем сидевшие на другом конце ряда Виктор и Джинджер в невыразимом ужасе взирали на пустой экран.

— Ты ведь знаешь, что сейчас будет, — прошептала Джинджер.

— Да. Кто-то начнет играть музыку в той яме в полу.

— Та пещера что, *и правда* была картиночным залом?

— Думаю, чем-то вроде, — осторожно сказал Виктор.

— Но ведь здешний экран — это просто экран. Он не… ну это просто экран. Та же простыня, только поприличнее. В нем нет ничего…

С другого конца зала донесся музыкальный залп. Под лязг и отчаянное шипение утекающего воздуха из дыры в полу медленно поднялась дочь Безама Каллиопа, атаковавшая клавиши небольшого органчика со всем энтузиазмом человека, у которого за спиной всего пара часов практики; ей помогали два мощных тролля, изо всех

сил качавших мехи за сценой. Каллиопа была крепкой девицей, и с каким бы музыкальным произведением она ни сражалась, у того не было ни единого шанса.

Внизу, в партере, декан передал заведующему кафедрой пакетик.

— Возьми изюминку в шоколаде, — предложил он.

— Что-то они на крысиный помет похожи, — сказал заведующий кафедрой.

Декан пригляделся сквозь полумрак.

— А ведь это он и есть, — сказал он. — Это я минуту назад пакетик уронил, и ведь *подумал* еще, что их как-то слишком много.

— Тсс! — прошипела женщина с заднего ряда. Тощая голова Ветром Сдумса повернулась к ней, как примагниченная.

— У-тю-тю! — захохотал он. — Еще два пенса — и подымем осла!

Стало еще темнее. Экран осветился. На нем появились быстро сменяющиеся цифры, ведущие обратный отчет.

Каллиопа сосредоточенно вгляделась в стоявшую перед ней партитуру, закатала рукава, отбросила с лица волосы и яростно атаковала что-то, в чем едва-едва угадывался старый гимн

Анк-Морпорка[26].

Свет погас окончательно.

Небо мерцало. Это был совсем не обычный туман. Он источал аспидно-серебристое сияние и время от времени вспыхивал изнутри, как нечто среднее между «аврора кориолис» и летней молнией.

В той стороне, где лежал Голывуд, небо озарялось светом. Его было видно даже в переулке за «Реберным Домом» Шэма Харги, где парочка псов наслаждалась специальным предложением «Все-Что-Сможешь-Вы-удить-Из-Помойки-Бесплатно».

Лэдди поднял голову и зарычал.

— Я тебя не виню, — сказал ему Гаспод. — Я же говорил, что оно предвещало? Я разве не говорил, что там одни предвестья повсюду?

С его шерсти сыпались искры.

— Пойдем, — сказал он. — Надо предупредить людей. У тебя это *отлично* получается.

Кликакликаклика…

Это был единственный звук в зале «Одиоза». Каллиопа бросила играть и не сводила глаз с экрана.

Рты были распахнуты и закрывались лишь для

---

[26] Примечания: 26
«Мы правим вами оптом».

того, чтобы прожевать горсти хлопнутых зерен.

Виктор смутно припоминал, что боролся с этим. Он пытался отвернуться. Даже теперь тихий голосок внутри головы шептал ему, будто что-то неладно, но Виктор не обращал на него внимания. Все было правильно. Он вздыхал вместе со всеми, глядя, как героиня пытается уберечь фамильную шахту в Абизумевшем Мире… Он содрогался при виде сражений. Он следил за сценой бала сквозь романтическую дымку. Он…

…ощутил, как нечто холодное прикоснулось к его ноге. Как будто сквозь штанину просочилась вода с полурастаявшего ледяного кубика. Виктор попытался его проигнорировать, однако нечто отличалось явственной неигнорируемостью.

Он посмотрел вниз.

— Прошу прощения, — сказал Господ.

Глаза Виктора сфокусировались. А потом что-то снова притянуло их к экрану, на котором гигантская копия его самого целовала гигантскую копию Джин-джер.

Липкий холод возвратился. Виктор снова вернулся в чувство.

— Могу за ногу укусить, если хочешь, — предложил Господ.

— Я, э-э, я… — начал Виктор.

— Очень сильно укусить могу, — добавил Гаспод. — Ты только скажи.

— Нет, э-э…

— Говорил я: что-то предвещает. Предвещает, предвещает, предвещает. Лэдди лаял, пока не охрип, а его так никто и не услышал. Вот я и подумал: попробую-ка старую добрую методу с холодным носом. Ни разу еще не подводила.

Виктор огляделся. Все прочие зрители глядели на экран так, словно собирались оставаться на своих местах еще… еще…

Целую вечность.

Когда Виктор оторвал руки от подлокотников, на его пальцах заплясали искры; воздух был каким-то жирным — это ощущение даже у студентов-волшебников очень быстро начинало ассоциироваться с крупными накоплениями магического потенциала. А еще в зале клубился туман. Вопреки здравому смыслу, он укрывал пол бледно-серебристыми волнами.

Виктор потряс плечо Джинджер. Помахал рукой перед ее глазами. Покричал ей в ухо.

Потом он попробовал расшевелить патриция, потом — Достабля. Тела их были податливыми, но всякий раз возвращались в прежнее положение.

— Это клик что-то с ними делает, — сказал

Виктор. — Это точно клик. Но я не понимаю *как*. Он же совершенно обычный. В Голывуде магией не пользуются. По крайней мере… обычной магией…

Он протолкнулся мимо неподвижных коленей, добрался до прохода и пробежал по нему сквозь щупальца тумана. Забарабанил в дверь картиночной будки. А когда ему не ответили — высадил дверь пинком.

Безам неотрывно смотрел на экран сквозь маленькую квадратную дырочку в стене. Световой ящик довольно щелкал сам по себе. Ручку никто не вращал. По крайней мере, мысленно поправил себя Виктор, никто видимый.

Издалека донесся грохот, и пол содрогнулся.

Виктор взглянул на экран. Эпизод был ему знаком. Он происходил как раз перед сценой Сожжения Анк-Морпорка.

В голове его кипели мысли. Что там говорят про богов? Они не существовали бы, если бы люди в них не верили? Это было применимо к чему угодно. Реальность — это то, что происходит у людей в головах. А сейчас перед ним были сотни людей, которые по-настоящему *верили* в то, что видели…

Виктор переворошил все, что валялось на вер-

стаке Безама, в поисках ножниц или ножа, но ни того ни другого не нашел. А устройство все жужжало, перематывая реальность из будущего в прошлое.

Краем уха он уловил слова Гаспода:

— Получается, я мир спас, да?

Обычно мозг сотрясается от воплей самых разных мелких мыслей, требующих к себе внимания. Заткнуть их способна только чрезвычайнейшая из ситуаций. Вот она-то сейчас и происходила. И в тишине прозвучала одна-единственная ясная мысль, уже давно пытавшаяся быть услышанной.

Допустим, есть место, где реальность чуть тоньше обычного. И еще допустим, что в нем начнут заниматься чем-то, что истончает реальность еще сильнее. Книги тут не сгодятся. Даже обычный театр не подойдет, потому что в глубине души ты знаешь, что это сцена, на которой играют люди в смешной одежде. А вот Голывуд проникал через глаза прямиком в мозг. В глубине души ты считаешь, что все это правда. Клики на это способны.

Вот что скрывалось под Голывудским холмом. Жители древнего города использовали прореху в реальности для *развлечений*. А потом их нашли

Твари.

А теперь жители Плоского мира делали это снова. Словно учились жонглировать горячими факелами на фабрике фейерверков. А Твари только этого и ждали…

Но почему это до сих пор происходит? Он же *остановил* Джинджер.

Пленка продолжала щелкать. Вокруг светового ящика как будто сгущался туман, скрадывая его очертания.

Виктор схватился за вращающуюся ручку. Поначалу она воспротивилась, а потом сломалась. Он осторожно спихнул Безама на пол, поднял его стул и обрушил на ящик. Стул разлетелся в щепки. Виктор открыл клетку в задней части ящика, вытащил из нее саламандр — но клик продолжал свой танец на далеком экране.

Здание вновь сотряслось.

«Тебе достается лишь один шанс, — подумал Виктор, — а потом ты умираешь».

Он стянул с себя рубашку и обмотал ею руку. А потом потянулся к сияющей полосе пленки и схватил ее.

Она порвалась. Ящик отбросило назад. Пленка принялась разматываться сверкающими спиралями, которые рванулись было к Виктору, но

потом опали на пол.

Кликаклик… а… клик.

Бобины замедлились и остановились.

Виктор осторожно поворошил груду пленки ногой. Подсознательно он ожидал, что она бросится на него, будто змея.

— Ну что, мы спасли мир? — напомнил о себе Господ. — Мне бы очень хотелось знать.

Виктор взглянул на экран.

— Нет, — ответил он.

На экране все еще были изображения. Не слишком отчетливые, но тем не менее Виктор мог различить цепляющиеся за жизнь очертания: его собственное и Джинджер. А сам экран шевелился. То там, то здесь он набухал — как будто по бассейну тусклой ртути шла рябь. Выглядело это до отвращения знакомо.

— Они нас нашли, — сказал Виктор.

— Кто нашел? — спросил Господ.

— Помнишь тех мерзких тварей, о которых ты разглагольствовал?

Господ нахмурил лоб:

— Тех, что жили еще до зари времен?

— Там, откуда родом *эти*, никакого времени нет, — ответил Виктор. Зрители начинали шевелиться. — Нужно всех отсюда вывести. Только

без паники…

Раздался хор криков. Зрители просыпались.

Из экрана выбиралась копия Джинджер. Она была раза в три выше настоящей и заметно мерцала. А еще она была полупрозрачной, но обладала настоящим весом, потому что под ее ногами прогибался и трескался пол.

Зрители спотыкались друг о друга, пытаясь сбежать. Виктор сражался против потока, когда мимо него задом наперед пронеслось кресло Ветром Сдумса; пассажир его отчаянно трепыхался и вопил:

— Вы чего! Вы чего! Только-только самое интересное началось!

Заведующий кафедрой беспредметных изысканий схватил Виктора за руку.

— Так и должно быть? — требовательно спросил он.

— Нет!

— Так это, значит, не такой специальный синематографический эффект? — с надеждой поинтересовался заведующий кафедрой.

— Разве что за последние двадцать четыре часа они изобрели что-то *совсем* новенькое, — сказал Виктор. — Но мне кажется, это Подземельные Измерения.

Заведующий кафедрой внимательно к нему пригляделся.

— Ты ведь и правда молодой Виктор, да? — сказал он.

— Да. Простите, — сказал Виктор. Он протолкнулся мимо пораженного волшебника и по сиденьям перебрался туда, где до сих пор сидела Джинджер, уставившись на собственного двойника. Чудовищная Джинджер озиралась, моргая очень медленно, как ящерица.

— Это *я*?

— Нет! — крикнул Виктор. — То есть да. Возможно. Не совсем. Что-то вроде. Пойдем.

— Но она выглядит в точности как я! — воскликнула Джиндер голосом, дрожащим от истерики.

— Это потому, что они вынуждены использовать Голывуд! Он… кажется, он *придает им форму*, — торопливо объяснил Виктор. Он выдернул Джинджер из кресла и потащил, его ноги взбивали туман и расшвыривали хлопнутые зерна. Джинджер, спотыкаясь, бежала за ним, оглядываясь через плечо.

— Еще одна из них пытается вылезти из экрана, — сказала она.

— Не *останавливайся*!

— Это ты!

— Нет, я — это я. А это… что-то другое! Оно просто вынуждено пользоваться моей внешностью!

— А какой внешностью она пользуется обычно?

— Ты не хочешь этого знать!

— Нет, хочу! Зачем, по-твоему, я спросила? — вопила Джинджер, пока они перебирались через сломанные сиденья.

— Она выглядит хуже, чем ты можешь себе вообразить!

— Я могу вообразить себе довольно жуткие вещи!

— Поэтому я и сказал *«хуже».*

— О.

Огромная призрачная Джинджер миновала их, мигая, точно стробоскопическая лампа, и пробила себе путь через стену. Снаружи закричали.

— Кажется, она растет, — прошептала Джинджер.

— Беги наружу, — велел Виктор. — Заставь волшебников ее остановить.

— А ты что будешь делать?

Виктор выпрямился в полный рост.

— Есть вещи, — сказал он, — которые мужчина должен делать в одиночку.

Джинджер бросила на него взгляд, полный

раздраженного непонимания.

— Что? *Что?* Тебе что, в туалет захотелось, что ли?

— Просто убирайся отсюда!

Он подтолкнул ее к дверям, потом обернулся и увидел двух псов, выжидающе на него смотревших.

— И вы тоже, — сказал он.

Лэдди гавкнул.

— Пес, это самое, должен оставаться со своим хозяином до конца, — стыдливо проговорил Гаспод.

Виктор отчаянно огляделся, подобрал обломок кресла, распахнул дверь, забросил деревяшку так далеко, как только смог, и завопил:

— Апорт!

Оба пса, подгоняемые инстинктом, бросились за ней. Но у Гаспода все же хватило самоконтроля, чтобы по пути крикнуть:

— Скотина ты!

Виктор распахнул дверь картиночной будки и вышел наружу с охапкой «Сдутых шквалом».

Гигантскому Виктору никак не удавалось покинуть экран. Лишь голова и одна рука высвободились и обрели объем. Рукой он вяло попытался сцапать Виктора, пока тот методично

набрасывал на нее петли из октоцеллюлозы. Потом он бегом вернулся в будку и вытащил стопки кликов, которые Безам, в пику здравому смыслу, упрятал под верстак.

Работая с методичным спокойствием, свойственным для выворачивающего кишки ужаса, он за несколько ходок перетащил все жестянки к экрану и свалил под ним. Тварь сумела вызволить из двухмерного плена еще одну руку и попыталась их схватить, но то, что ей управляло, еще не освоилось с этим новым обликом. «Должно быть, не привыкло, что у него только две руки», — сказал себе Виктор.

Он бросил в кучу последнюю жестянку.

— В нашем мире ты вынуждена подчиняться нашим правилам, — сказал он. — Готов поспорить, горишь ты не хуже всего остального, а?

Тварь пыталась высвободить ногу.

Виктор похлопал себя по карманам. Метнулся в будку и лихорадочно ее обыскал.

Спички. Там не было никаких спичек!

Он распахнул двери в фойе и выскочил на улицу, где толпа в перепуганном упоении топталась на месте, наблюдая за тем, как пятидесятифутовая Джинджер высвобождает себя из руин дома.

Виктор услышал неподалеку щелканье. Рукоя-

тор Гафер самозабвенно запечатлевал эту сцену на пленку.

Заведующий кафедрой беспредметных изысканий орал на Достабля.

— Естественно, мы не можем использовать против нее магию. Они *нуждаются* в магии! Она делает их сильнее.

— Но на *что-то* ведь вы должны быть способны! — вопил Достабль.

— Мой дорогой господин, *мы* не связывались с тем, чему стоит оставаться… — Заведующий кафедрой запнулся посреди рыка, а потом неуверенно закончил: — Несвязанным с.

— Спички! — прокричал Виктор. — Спички! Быстрее!

Все уставились на него.

Потом заведующий кафедрой кивнул.

— Обычный огонь, — сказал он. — Ты прав. Он должен сработать. Отличная мысль, парень.

Он покопался в кармане и достал связку спичек — у волшебников, заядлых курильщиков, такая всегда при себе.

— Ты не можешь сжечь «Одиоз»! — рявкнул Достабль. — Там же куча пленок!

Виктор сорвал со стены афишу, соорудил из нее подобие факела и поджег кончик.

— Вот их-то я и собираюсь сжечь.

– *Прошу прощения…*

— Идиот! Идиот! — завопил Достабль. — Они же очень быстро сгорают!

— Прошу прощения…

— Ну и что? Я там задерживаться не собираюсь, — сказал Виктор.

— Я сказал «*очень* быстро»!

— Прошу прощения, — терпеливо повторил Гаспод. Все опустили глаза на него. — Мы с Лэдди можем это сделать. Четыре ноги лучше, чем две, и всякое такое. Особенно когда дело касается спасения мира.

Виктор взглянул на Достабля и поднял брови.

— Ну, они, может, и успеют, — уступил Достабль. Виктор кивнул. Лэдди грациозно подпрыгнул, выхватил у него факел и бросился обратно в здание, а Гаспод покосолапил следом.

— Мне послышалось или этот песик умеет говорить? — спросил Достабль.

— Он утверждает, что не умеет, — ответил Виктор.

Достабль задумался. От переживаний в голове у него немного помутилось.

— Ну, — сказал он, — ему, наверное, лучше знать.

Псы скачками приблизились к экрану. Тварь-Виктор, уже почти выбравшаяся наружу, распростерлась среди жестянок.

— Можно, я подожгу? — спросил Господ. — Это ведь, по-хорошему, моя работа.

Лэдди послушно гавкнул и уронил пылающую бумагу. Господ подхватил ее и осторожно приблизился к твари.

— Спасаю мир, — неразборчиво пробормотал он и уронил факел на скрученную пленку. Та немедленно занялась и вспыхнула жарким белым огнем, точно магний в замедленной съемке.

— Вот так, — сказал Господ. — А теперь давай-ка убираться отсюда ко всем…

Тварь закричала. Всякое сходство с Виктором оставило ее, и теперь между языков пламени корчилось что-то похожее на взрыв в аквариуме. Одно из щупалец выпросталось наружу и обвило заднюю лапу Господа.

Песик развернулся и попытался его укусить.

Лэдди возвращающимся бумерангом пересек разгромленный зал и набросился на извивающееся щупальце. То отдернулось, сбило его с ног и отшвырнуло Господа так, что он закрутился волчком.

Маленький песик поднялся, сделал несколько

неверных шагов и упал.

— Клятая лапа свое отслужила, — пробормотал он. Лэдди скорбно воззрился на него. Вокруг жестянок с кликами потрескивал огонь.

— Давай уже, вали отсюда, щенок безмозглый, — велел Господ. — Тут через минуту все рванет. *Нет!* Не поднимай меня! Брось! Ты не успеешь…

Стены «Одиоза» с кажущейся медлительностью вспучились; каждая доска и каждый камень сохраняли свое положение относительно всех остальных, но парили сами по себе.

А потом Время догнало ход событий.

Виктор бросился лицом в землю.

Ба-бах.

Оранжевый пламенный шар сорвал с «Одиоза» крышу и устремился в туманное небо. Обломки застучали по стенам соседних домов. Раскаленная докрасна жестянка из-под пленки с угрожающим «*вжух-вжух-вжух*» рассекла воздух над головами распростертых волшебников и взорвалась, столкнувшись с далекой стеной.

Послышался высокий слабый вопль, который резко прервался.

Тварь-Джинджер пошатнулась от жара. Порыв горячего воздуха поднял ее огромные юбки к та-

лии, и она замерла, мерцающая и колеблющаяся, пока вокруг нее проливался дождь обломков.

А потом она неловко повернулась и продолжила путь.

Виктор посмотрел на Джинджер, которая не сводила глаз с редеющих облаков дыма над горой булыжников, которая была «Одиозом».

— Это неправильно, — шептала она. — Так ведь не бывает. Так никогда не бывает. Как раз когда ты думаешь, что уже слишком поздно, они вырываются из дыма. — Джинджер обратила к нему тусклый взгляд и умоляюще спросила: — Ведь правда?

— То клики, — сказал Виктор. — А это реальность.

— А какая разница?

Заведующий кафедрой беспредметных изысканий схватил Виктора за плечо и развернул к себе.

— Она идет к библиотеке! — крикнул он. — Ты должен ее остановить! Если она туда доберется, магия сделает ее неуязвимой! Тогда нам ее не победить! Она сможет призвать и других!

— Вы же волшебники, — сказала Джинджер. — Почему вы ее не остановите?

Виктор замотал головой.

— Твари *обожают* нашу магию, — ответил он. — Используешь ее неподалеку от них — и они станут только сильнее. Но я не понимаю, что я могу сделать…

Он осекся. Вся толпа с ожиданием глядела на него.

И они глядели на него не так, словно он был их единственной надеждой. Они глядели на него так, словно он был их единственной уверенностью.

Он услышал, как маленький ребенок спросил:

— Мама, а что же теперь будет?

Толстая женщина, державшая его на руках, уверенно ответила:

— Очень просто. Он побежит и остановит ее в самый последний момент. Так каждый раз бывает. Я уже видела, как он это делал.

— Да я ни разу этого не делал! — воскликнул Виктор.

— А я *видела*, — самодовольно возразила женщина. — В «Песчанковой тени». Когда вот эта госпожа, — она сделала книксен, глядя на Джинджер, — скакала на лошади и та сбросила ее с обрыва, *ты* прискакал и ухватил ее в последний момент. Я тогда очень впечатлилась.

— Это было не в «Песчанковой тени», — педантично поправил ее какой-то старик, набивая

трубочку, — это было в «Долине троллей».

— Нет, в «Тени», — сказала стоявшая позади него худая женщина. — Я точно знаю, я ее двадцать семь раз посмотрела.

— Да, *очень* хороший клик, правда? — сказала первая женщина. — Когда она его оставляет, а он поворачивается к ней и этак на нее смотрит, я каждый раз реву…

— Прошу прощения, но это *не* «Песчанковая тень», — медленно и с расстановкой произнес старик. — Это вы знаменитую сцену на площади из «Пылающих страстей» вспоминаете.

Толстая женщина взяла безвольную руку Джин-джер и потрепала ее.

— Хороший тебе парень достался, — сказала она. — Каждый раз тебя выручает. Если б меня сумасшедшие тролли куда утаскивали, мой старик им и слова бы поперек не сказал, только спросил бы, куда мои шмотки присылать.

— А *мой* муженек из кресла не вылезет, даже если меня драконы жрать будут, — добавила худая женщина. Она легонько подтолкнула Джинджер локтем. — Одевалась бы ты только потеплее, госпожа. В следующий раз, когда тебя будут похищать, чтобы он потом тебя спас, ты *требуй*, чтобы тебе теплый плащик позволили прихватить. А то

я как тебя на экране вижу, так каждый раз думаю: продует ее, бедную, если будет так ходить.

— А где его меч? — спросил ребенок, пиная маму в голень.

— Так он за ним вот прямо сейчас и кинется, — ответила она и ободряюще улыбнулась Виктору.

— Э-э. Да, — сказал он. — Пойдем, Джинджер.

Он схватил ее за руку.

— Дайте парню пройти! — скомандовал старик с трубочкой.

Вокруг них образовалось свободное место. Джинджер и Виктор увидели, как на них с предвкушением смотрит тысяча лиц.

— Они думают, что мы *настоящие*, — простонала Джинджер. — О боги, никто ничего не делает, потому что они все держат тебя за героя! А мы ничего не можем сделать! Эта Тварь здоровее, чем мы оба!

Виктор уткнулся взглядом в мокрую брусчатку. «Я, наверное, мог бы припомнить парочку заклинаний, — подумал он, — вот только против Тварей из Подземельных Измерений обычная магия не работает. К тому же я почти уверен, что настоящие герои не ошиваются посреди ликующих толп. Они просто делают свое дело. Настоящие герои похожи на бедного старину

Гаспода. Никто их не замечает, пока все не закончится. Такова реальность».

Он медленно поднял голову.

Или реальность — это что-то другое?

Воздух искрил. Существовала ведь и другая магия. Как раз сейчас она бешено рассекала мир, словно порвавшаяся пленка. Если бы только Виктору удалось ее поймать…

Реальность не обязана быть *реальной*. Быть может, при благоприятных условиях ей достаточно быть такой, какой ее видят люди…

— Отойди назад, — прошептал он.

— Что ты хочешь сделать? — спросила Джинджер.

— Опробовать голывудскую магию.

— Но в Голывуде нет никакой магии.

— Я… мне кажется, что есть. *Иная* магия. Мы ее чувствовали. Магия есть везде, где ты ее находишь.

Он несколько раз глубоко вздохнул и позволил своему разуму медленно распуститься. Вот в чем секрет. Делай, а не думай. Позволяй командам приходить извне. Это всего лишь работа. Стоит только ощутить взгляд рисовального ящика — и вокруг тебя уже другой мир, мир мерцающего серебристого квадрата.

Вот в чем секрет. В мерцании.

Обычная магия просто перемещает вещи с места на место. Она не может *создать* настоящую вещь, которая просуществует дольше секунды, потому что для этого нужно слишком много сил.

А вот Голывуд с легкостью создает вещи, снова и снова, десятки раз в секунду. От них и не требуется существовать долго. От них требуется существовать столько, сколько нужно.

Но голывудская магия творится по голывудским правилам…

Виктор вскинул к небесам твердую, как камень, руку:

— Свет!

Весь город осветился молнией…

— Рисовальный ящик!

Гафер яростно завращал ручку.

— Крути!

Никто не понял, откуда взялся конь. Он просто *возник*, перескочив через головы зевак. Конь был белым, с тончайшей работы посеребренной уздечкой. Когда он проносился мимо, Виктор взмыл в седло и заставил коня впечатляюще подняться на дыбы, взбивая копытами воздух. А потом он выхватил меч, которого секунду назад у него еще не было.

И меч, и конь едва заметно мерцали.

Виктор улыбнулся. От его зуба отразился свет. *Тинь*. Отблеск был, а вот звука не было; звук так и не изобрели.

Верить. Вот и все, что для этого требовалось. Ни на секунду не прекращать верить. Обманывать глаза, обманывать мозг.

Он галопом направил коня между выстроившихся рядами ликующих зрителей — к Университету, к кульминационной сцене.

Рукоятор расслабился. Джинджер постучала его по плечу.

— Если ты перестанешь крутить свою ручку, — нежно проговорила она, — я сверну твою чертову шею.

— Но он же почти вышел из кадра…

Джинджер подтолкнула его к древнему креслу Ветром Сдумса и улыбнулась Сдумсу так, что у него из ушей вылетело по облачку испарившейся серы.

— Прошу прощения, — сказала она таким знойным голосом, что у всех волшебников в остроконечных туфлях поджались пальцы, — можно вас одолжить на минутку?

— Э-ге-гей! Полегче на поворотах!

…вумм… вумм…

Думминг Тупс, конечно же, знал о вазе. Все студенты уже успели на нее поглазеть.

Но он не обратил на нее никакого внимания, когда крался по коридору, в очередной раз пытаясь обрести этим вечером свободу.

…вумм*вумм*ВУММ*ВУММ*ВУММ*вумм.*

Ему оставалось только стрелой метнуться через галерею, и…

ПЛИБ.

Все восемь глиняных слонов одновременно выстрелили шариками. Ресограф взорвался, сделав из крыши некое подобие перечницы.

Спустя минуту, а может две, Думминг очень осторожно поднялся. Его шляпа превратилась в коллекцию связанных ниточками дырок. Одно ухо лишилось кончика.

— Я же только выпить хотел, — невнятно пробормотал он. — Разве это так плохо?

Библиотекарь, сгорбившись, сидел на куполе библиотеки, наблюдая за тем, как толпы разбегаются по улицам по мере того, как чудовищная фигура подходила все ближе.

Он был несколько удивлен, обнаружив, что за ней гнался какой-то призрачный конь, чьи копыта не издавали ни единого звука, ударяясь о мостовую.

А следом за *ним* неслось, огибая угол на двух колесах и рассыпая искры, трехколесное кресло. Оно было до отказа нагружено волшебниками, вопившими во весь голос. Время от времени кто-то из них соскальзывал и вынужден был гнаться за креслом, пока не набирал достаточную скорость, чтобы вновь на него заскочить.

У троих это не получилось. Точнее, один из них все же смог ухватиться за болтающийся кожаный верх, а двое других уцепились за его мантию, и теперь каждый раз, когда кресло поворачивало, над дорогой с воплем «Уа-а-а» стремительно пролетал хвост из трех волшебников.

На кресле были еще и обычные люди, но вопили они даже громче, чем волшебники.

За свою жизнь Библиотекарь повидал немало странностей, но эта, вне всяких сомнений, была достойна пятьдесят седьмого места[27].

Сверху ему были прекрасно слышны голоса.

— …должна вращаться! То, что он делает, будет работать, только пока ты ее вращаешь! Это *голывудская* магия! Он заставляет ее работать в реальном мире! — Это был голос девушки.

— Ну ладно, только вот бесы взбунтуются, ес-

---

[27] Примечания: 27
Он отличался обстоятельным умом.

ли… — А это был голос мужчины, находящегося под огромным давлением.

— К черту бесов!

— Как он ухитрился сотворить коня? — Это говорил декан. Библиотекарю было хорошо знакомо его нытье. — Это же магия высшего разряда!

— Это не настоящий конь, это конь из движущихся картинок. — Снова девушка. — Ты! Ты замедляешься!

— Не замедляюсь! Не замедляюсь! Смотри, я кручу ручку, я кручу ручку!

— На ненастоящем коне скакать невозможно!

— Ты колдун — и веришь в такую чушь?

— Я *волшебник*.

— Да какая разница. Это не ваша магия.

Библиотекарь кивнул и перестал прислушиваться. У него были другие дела.

Тварь почти уже поравнялась с Башней Искусства и вскоре должна была повернуть к библиотеке. Твари всегда нацеливались на ближайший источник магии. Они в ней нуждались.

Библиотекарь отыскал в одной из затхлых университетских кладовок длинную железную пику. Теперь он крепко сжимал ее одной ногой, распуская веревку, которую незадолго до того привязал к флюгеру. Веревка тянулась к самой

вершине Башни; на то, чтобы все это организовать, у Библиотекаря ушел весь вечер.

Он оглядел простиравшийся внизу город, а потом забарабанил себя в грудь и заревел:

— АааааАААааааААА… нгх, нгх.

«Может, барабанить и не стоило», — подумал Библиотекарь, дожидаясь, пока в ушах перестанет звенеть, а из глаз пропадут маленькие моргающие огоньки.

Он стиснул пику в одной руке, веревку в другой — и прыгнул.

Нагляднее всего полет Библиотекаря над зданиями Незримого Университета будет описать с помощью звуков, раздававшихся во время этого самого полета.

Сначала: «АааАААааааАААааа». Этот крик объяснений не требует и относится к первой части полета, когда казалось, что все идет хорошо.

Потом: «Аааргхххх». Этот звук он издал, когда промахнулся мимо ковыляющей Твари на несколько метров и начал осознавать, что когда ты привязал веревку к шпилю очень высокой и невероятно твердой каменной башни и теперь несешься к ней на полной скорости, о промахе мимо цели ты будешь жалеть весь недолгий остаток своей жизни.

Веревка завершила свой путь. Раздался звук, в точности напоминающий шлепок набитого маслом резинового мешка по каменной плите, а за ним, секунду или две спустя, последовал очень тихий «у-ук».

Пика, звеня, исчезла во тьме. Библиотекарь, растопырившись, как морская звезда, прижался к стене, втиснув пальцы рук и ног во все доступные им трещинки.

Быть может, он и смог бы потихоньку спуститься вниз, но такой возможности ему не представилось, потому что мерцающая рука Твари вытянулась и отодрала его от стены с тем же звуком, с каким вантуз прочищает особенно коварный засор.

Тварь поднесла Библиотекаря к тому, что в данный момент служило ее лицом.

Толпа прихлынула на площадь перед Незримым Университетом, и во главе ее были Достабли.

— Ты только посмотри. — Себя-Режу-Без-Ножа вздохнул. — Тысячи людей — и некому им что-нибудь продать.

Кресло-каталка затормозило, выбросив очередной сноп искр.

Виктор выжидал; под ним мерцал призрачный

конь. Не один конь, а целая их последовательность. Он не двигался, а изменялся от кадра к кадру.

Вновь сверкнула молния.

— Что он делает? — спросил заведующий кафед-рой.

— Пытается помешать Ей добраться до библиотеки, — ответил декан, вглядываясь в дождь, который начинал барабанить по мостовой. — Чтобы выжить в реальности, Тварям нужна магия, иначе они распадутся. Видишь ли, у них нет естественного морфогенного поля, и…

— Сделайте что-нибудь! Взорвите ее магией! — крикнула Джинджер. — Ох, бедная обезьянка!

— Мы не можем пользоваться магией! Это как пожар маслом заливать! — отрезал декан. — К тому же… я вообще не представляю себе, как можно взорвать пятидесятифутовую женщину. Меня таким заниматься еще никогда не просили.

— Это не женщина! Это… это кликовое чудище, идиот! Ты что, думаешь, я правда такая здоровая? — завопила Джинджер. — Оно использует Голывуд! Это голывудский монстр! Из страны кликов!

— Рули, разрази тебя гром! Рули!

— Но я не знаю как!

— Наклоняйся туда, куда надо лететь!

Казначей нервно стиснул черенок метлы. «Тебе-то легко говорить, — подумал он. — Ты к этому привычный».

Они как раз выходили из Главного зала, когда мимо ворот протопала гигантская женщина с верещащей обезьяной в руке. И вот теперь казначей пытался управиться со старинной метлой из университетского музея, а сидевший позади него безумец лихорадочно пытался зарядить арбалет.

«В воздух», — сказал аркканцлер. Им срочно необходимо подняться в воздух.

— Ты что, не можешь ее ровно вести? — требовательно спросил Чудакулли.

— Эта метла на двоих не рассчитана, аркканцлер!

— Ну и как мне целиться, когда ты в воздухе кренделя выписываешь?

Заразительный дух Голывуда, мотавшийся над городом, точно внезапно обрезанный стальной трос, в очередной раз коснулся сознания аркканцлера.

— Мы своих людей не бросаем, — проговорил он.

— Обезьян, аркканцлер, — машинально поправил его казначей.

Тварь приближалась к Виктору. Она шагала с трудом, борясь с разрывавшей ее на части силой реальности. Она мерцала, пытаясь сохранить ту форму, в которой пришла в этот мир, и под обликом Джинджер проглядывало что-то извивающееся и змеящееся.

Тварь нуждалась в магии.

Она оглядела Виктора и его меч и — если она вообще была способна на что-то столь сложное, как понимание, — поняла, что уязвима.

Она развернулась и обрушилась на Джинджер и волшебников.

Которые вспыхнули.

Декан горел пламенем особенно симпатичного голубенького оттенка.

— Не бойтесь, юная госпожа, — сказал заведующий кафедрой из глубин своего костерка. — Это иллюзия. Она не реальна.

— Это вы *мне* говорите? — спросила Джинджер. — Беритесь уже за дело!

Волшебники двинулись вперед.

Джинджер услышала у себя за спиной шаги. Это были Достабли.

— Почему она боится огня? — спросил Солл, когда Тварь отшатнулась от наступавших на нее волшебников. — Он же не настоящий. Она ведь

должна чувствовать, что он не горячий.

Джинджер замотала головой. Она выглядела так, словно оседлала курчавую волну истерики — возможно, потому, что ей не каждый день доводилось видеть, как ее собственная гигантская копия растаптывает город.

— Она воспользовалась магией Голывуда, — сказала Джинджер. — А значит, вынуждена подчиняться голывудским правилам. Она не может чувствовать, она не может слышать. Она может только видеть. Что она видит — то и реально. А пленка боится огня.

Джинджер-великанша прижалась к башне.

— Ну что, она в ловушке, — сказал Достабль. — Теперь ей конец.

Тварь заморгала, глядя на приближающийся огонь.

Она повернулась. Вытянула свободную руку вверх. И начала забираться на башню.

Виктор соскочил с коня и перестал на нем сосредотачиваться. Конь исчез.

Вопреки панике, он позволил себе чуточку злорадства. Если бы волшебники ходили на клики, они бы в точности знали, что делать.

Критическая частота слияния. Даже у реальности она есть. Если ты заставил нечто возникнуть

лишь на крошечную долю секунды, это не значит, что ты потерпел неудачу. Это значит лишь, что тебе нужно делать это снова и снова.

Он бочком, по-крабьи, начал обходить основание башни, глядя вверх на карабкающуюся Тварь, — и споткнулся обо что-то металлическое. Это была оброненная Библиотекарем пика. Чуть поодаль в луже лежал конец веревки.

Виктор уставился на них, а потом с помощью пики отрубил несколько футов веревки и соорудил примитивную перевязь для оружия.

Он ухватился за веревку, подергал, чтобы убедиться, что она закреплена, и…

Пробный рывок не встретил сопротивления. Виктор успел отпрянуть за мгновение до того, как сотни футов промокшей веревки влажно шмякнулись о брусчатку.

Он безнадежно огляделся в поисках другого пути на крышу.

Достабли с отвисшими челюстями смотрели, как Тварь взбирается на башню. Она передвигалась не слишком быстро, к тому же время от времени ей приходилось упихивать визжавшего Библиотекаря за удачно подвернувшийся контрфорс, пока она искала новую опору, — но тем не менее она поднималась.

— О да. Да. Да, — выдохнул Солл. — Какая картинка! Чистый синематограф!

— Гигантская женщина затаскивает кричащую обезьяну на высокую башню, — вздохнул Достабль. — И нам даже платить никому не надо!

— Ага, — сказал Солл.

— Ага… — сказал Достабль. В голос его закралась крошечная нотка неуверенности.

Солл задумался.

— Ага, — повторил он. — Хм.

— Я тебя понимаю, — медленно проговорил Достабль.

— Это… это, конечно, замечательно, но… ну, мне почему-то кажется…

— Ага. Тут что-то неправильно, — твердо сказал Достабль.

— Не то чтобы неправильно, — с отчаянием пробормотал Солл. — Не совсем неправильно. Совсем не неправильно. Просто тут не хватает… — Он осекся, не в силах подобрать слов.

Он вздохнул. И Достабль тоже вздохнул.

Над их головами прокатился гром.

И в небесах появилась метла, которую оседлали двое вопящих волшебников.

Виктор распахнул дверь в основании Башни Искусства.

Внутри было темно, и он слышал, как с далекой крыши капает вода.

Ходили слухи, что Башня — это старейшее здание в мире. Он был готов в это поверить. Ее давно ни для чего не использовали, и внутренние этажи уже много лет как сгнили, так что внутри осталась только лестница.

Она закручивалась спиралью, а ступеньки ее были сделаны из вмурованных в стену огромных каменных плит. Кое-где их не хватало. Даже днем подъем был бы опасным.

А уж в темноте… ни за что.

За его спиной с грохотом распахнулась дверь, и внутрь вошла Джинджер, волоча за собой рукоятора.

— Чего ты ждешь? — спросила она. — Пошевеливайся. Ты должен спасти эту бедную мартышку.

— Обезьяну, — рассеянно сказал Виктор.

— Да какая разница.

— Тут слишком темно, — пробормотал Виктор.

— В кликах не бывает слишком темно, — отрезала Джинджер. — Вспомни.

Она пихнула рукоятора локтем, и тот быстро, очень быстро сказал:

— Она права. В кликах темно не бывает. Это же

логично. Чтобы увидеть темноту, нужен свет.

Виктор бросил взгляд вверх, во мрак, а потом перевел его на Джинджер.

— Послушай! — торопливо сказал он. — Если я... если что-то пойдет не так, расскажи волшебникам о... ты знаешь о чем. О пещере. Через нее Твари тоже попытаются пролезть.

— Я туда не вернусь!

Прогремел гром.

— Шевелись! — завопила побледневшая Джинджер. — Свет! Рисовальный ящик! Крути! И все такое!

Виктор стиснул зубы и побежал. Света было достаточно, чтобы придать тьме форму, и он перескакивал со ступеньки на ступеньку, прокручивая в голове голывудскую мантру.

— Чтобы увидеть тьму, — пыхтел Виктор, — нужен свет.

Он споткнулся.

— А еще в Голывуде я никогда не устаю, — добавил Виктор, надеясь, что ноги ему поверят.

Это помогло ему одолеть следующий виток.

— А еще в Голывуде я успеваю в последний момент! — прокричал он. Потом на секунду привалился к стене, отчаянно переводя дыхания. — Всегда успеваю в последний момент, —

пробормотал он.

И снова побежал вверх по лестнице.

Плиты мелькали под его ногами как во сне, похожие на квадратики клика в световом ящике.

Конечно, он успеет в последний момент. Тысячи людей знали, что так и будет.

Если герои не будут успевать в последний момент, в чем тогда вообще смысл? И…

Под его ногой не оказалось плиты.

А вторая нога уже покидала ступеньку.

Виктор вложил все свои силы в один-единственный толчок, от которого зазвенели сухожилия, ощутил, как пальцы ног ударились о край следующей плиты, бросился вперед, а потом прыгнул снова, потому что иначе сломал бы ногу.

— Безумие какое-то.

Виктор продолжил бег, отчаянно высматривая отсутствующие ступеньки.

— Я всегда успеваю в последний момент, — бормотал он.

Так, может, ему остановиться и отдохнуть? Он же все равно успеет в последний момент. Слова «в последний момент» именно это и означают…

Нет. Нужно играть по правилам.

Впереди не хватало еще одной плиты.

Виктор бездумно уставился в провал.

Весь подъем будет вот таким.

Он сосредоточился и прыгнул в пустоту. Пустота превратилась в ступеньку ровно на ту долю секнуды, в которой Виктор нуждался, чтобы перескочить на следующую.

Он усмехнулся в темноте, и на его зубе сверкнула искорка света.

Ничто из сотворенного магией Голывуда не может быть реальным долго.

Но можно заставить его пробыть реальным достаточно долго.

Слава Голывуду.

Тварь теперь мерцала медленнее; она все реже бывала похожа на Джинджер и все чаще — на содержимое помойного ведра таксидермиста. Она перевалила свою мокрую тушу через край башни и распласталась по крыше. Из ее дыхательных трубок со свистом вырывался воздух. Под ее щупальцами крошились камни — это утекала магия, а на смену ей приходил неутолимый аппетит Времени.

Тварь была озадачена. Где все остальные? Она очутилась одна в незнакомом месте, ее окружали…

…и она разъярилась. Тварь вытянула глазной стебелек и уставилась на орангутана, силивше-

гося высвободиться из того, что недавно было рукой. Башню сотрясал гром. Дождь водопадами лился с камней.

Тварь вытянула псевдоподию и обвила ею талию Библиотекаря…

…и вдруг заметила, как из лестничного колодца вырвалась еще одна, до нелепого крошечная фигура.

Виктор сорвал пику со спины. Что теперь? Когда имеешь дело с людьми, у тебя есть выбор. Можно, например, сказать: «Эй ты, а ну-ка отпусти обезьяну и выходи с поднятыми сяжками». А можно…

Увенчанное когтем щупальце врезалось в камни, растрескав их.

Виктор отскочил назад и размахнулся пикой, прочертив на шкуре Твари глубокий желтый порез. Тварь завыла и с неприятным проворством развернулась, замахиваясь на него сразу несколькими щупальцами.

«Форма, — подумал Виктор. — В этом мире у них нет настоящей формы. Ей приходится тратить слишком много времени на то, чтобы удерживать себя во-едино. Чем больше внимания она будет уделять мне, тем меньше сможет концентрироваться на том, чтобы не развалиться

на кусочки».

С самых разных концов Твари выдвинулось множество непохожих друг на друга глаз.

Заметив Виктора, они покрывались гневной сеткой вен.

«Ну ладно, — подумал он. — Внимание ее я привлек. Дальше что?»

Он отбил рванувшуюся к нему клешню и подпрыгнул, задрав ноги под подбородок, когда какая-то, к счастью неопознаваемая, часть тела попыталась оттяпать ему ноги.

Наружу вызмеилось очередное щупальце.

Его прошила стрела, произведя примерно такой же эффект, какой бывает, если прострелить стальным шариком наполненный заварным кремом носок. Тварь скрипуче завизжала.

Над вершиной башни пронеслась метла; сидевший на ней аркканцлер поспешно перезаряжал арбалет.

Виктор услышал далекое: «Если мы можем его ранить, значит, можем и убить!», а следом — «В каком это смысле *мы?*».

Он бросился в бой, рубя все, что выглядело уязвимым. Тварь меняла форму, пыталась сделать свою шкуру толще или отрастить панцирь там, куда целилась пика, но делала это недостаточно

быстро. «Они правы. Ее можно убить, — подумал Виктор. — На это может уйти целый день, но она не бессмертна…»

И тут перед ним возникла Джинджер, и лицо ее искажали боль и паника.

Виктор замешкался.

В то, что могло было быть телом Твари, врезалась стрела.

— Ату ее! Казначей, заходи на следующий круг!

Иллюзия растаяла. Тварь завизжала, отбросила Библиотекаря, будто куклу, и рванулась к Виктору, вытянув все свои щупальца. Одно из них сбило его с ног, еще три вырвали у него пику, а потом Тварь вскинулась, точно пиявка, и замахнулась железной пикой, чтобы выбить с небес своих мучителей.

Виктор поднялся на локтях и сосредоточился.

«Можно заставить его пробыть реальным достаточно долго».

Удар молнии очертил Тварь контуром бело-синего света. После раската грома чудовище пьяно пошатнулось; крошечные ниточки электричества все еще змеились по нему, потрескивая. Несколько щупалец дымилось.

Тварь пыталась сохранить свою целостность

вопреки силам, бушевавшим в ее теле. Она безумно закружилась по камням, странно мяукая, а потом, злобно зыркнув на Виктора единственным уцелевшим глазом, шагнула в пустоту.

Виктор, отталкиваясь руками и коленями, подполз к краю.

Даже по пути вниз Тварь не сдавалась. Она отчаянно отращивала перья, и панцири, и мембраны, пытаясь эволюционировать во что-то, способное пережить падение…

Время замедлилось. Воздух заволокла пурпурная дымка. Смерть замахнулся косой.

— ПОЗДОРОВАЙСЯ С МОЕЙ МАЛЕНЬКОЙ ПОДРУЖКОЙ, — сказал он.

…а потом раздался такой звук, словно мокрое белье шлепнулось о стену, и стало ясно, что такое падение мог пережить только труп.

Толпа подходила ближе под проливным дождем.

Теперь, когда Тварь утратила всякий контроль над собой, ее тело распадалось на составлявшие его молекулы, которые вода уносила в канавы, а потом — в реку, а потом — в холодные глубины моря.

— Она дезинтегрируется, — сказал профессор со-временного руносложения.

— Так вот что это слово означает? — удивился заведующий кафедрой. — А я-то думал, оно как-то с парфюмерией связано.

Он потыкал Тварь ногой.

— Осторожнее, — предупредил декан. — Не мертво то, что в вечности живет.

Заведующий кафедрой критически осмотрел тушу.

— А по-моему, она вполне себе мертвая, — сказал он. — Хотя подожди… вроде что-то шевельнулось…

Одно из безвольно разбросанных щупалец Твари подергивалось.

— Она что, на кого-то упала? — спросил декан.

Оказалось, что да. Они извлекли из-под щупальца подрагивающее тельце Думминга Тупса и по-доброму тыкали и хлестали его, пока он не открыл глаза.

— Что случилось? — спросил он.

— На тебя шлепнулось пятидесятифутовое чудище, — без обиняков объяснил декан. — Ты, гм, как, в порядке?

— Я всего-то одну кружечку пропустить хотел, — пробормотал Думминг. — И сразу бы назад вернулся, честно.

— Ты это о чем, парень?

Думминг проигнорировал вопрос. Он встал и, покачиваясь, убрел в сторону Главного зала и больше никогда, никогда не покидал стен Университета.

— Странный парнишка, — сказал заведующий кафедрой. Волшебники снова посмотрели на Тварь, которая уже почти утекла.

— Это красавица убила чудовище, — заявил декан, любивший изрекать подобные фразочки.

— И вовсе нет, — возразил заведующий кафедрой. — Это сделала брусчатка.

Библиотекарь сел и потер голову.

Перед его глазами немедленно очутилась книга.

— Прочитай ее! — велел Виктор.

— У-ук.

— Пожалуйста!

Орангутан открыл книгу на странице с пиктограммами. На мгновение уставился на них, непонимающе моргая. А потом ткнул пальцем в правый нижний угол страницы и начал водить им вдоль рисунков справа налево.

Справа налево.

«Ах вот, значит, как их нужно было читать», — подумал Виктор.

А это значило, что все это время он ошибался.

Рукоятор Гафер зарисовал выстроившихся в шеренгу волшебников, а потом нацелил ящик на стремительно расползавшееся чудовище.

Ручка перестала вращаться. Гафер поднял голову и жизнерадостно улыбнулся волшебникам.

— Господа, а вы не можете встать плотнее? — попросил он. Волшебники послушно придвинулись друг к другу. — Свет тут не очень хороший.

Солл написал на картонке: «Волшебники глядывают Трупп, дубль 3».

— Жалко, что ты падение не зарисовал, — сказал он чуть тронутым истерикой голосом. — Может, нам удастся как-нибудь его сымитировать?

В тени башни, обняв колени, сидела Джинджер и пыталась унять дрожь. Среди обличий, которые примерила на себя Тварь перед самым концом, было и ее лицо.

Джинджер заставила себя подняться и, опираясь на стену, чтобы не упасть, неловко зашагала прочь. Она не знала, что готовит ей будущее, но если это хоть как-то от нее зависит, чашка кофе в нем будет.

Когда она проходила мимо двери башни, изнутри донесся топот и наружу вывалился Виктор, а следом за ним показался Библиотекарь.

Виктор открыл было рот, чтобы заговорить, но

вместо этого принялся глотать воздух. Орангутан оттолкнул его и решительно ухватил Джинджер за руку. Хватка была мягкой и теплой, но намекала, что если на то будет нужда, Библиотекарь с легкостью превратит любую руку в мешочек желе с острыми кусочками.

— У-ук!

— Послушайте, все кончено, — сказала Джинджер. — Чудовище повержено. На этом истории заканчиваются, ясно? А теперь мне нужно чего-нибудь выпить.

— У-ук!

— От у-ука слышу.

Виктор поднял голову.

— Еще… ничего не кончено, — выдохнул он.

— Для меня — кончено. Я только что видела, как превращаюсь в… в ТВАРЬ со щупальцами. Для девушки это изрядное потрясение, знаешь ли.

— Это неважно! — выдавил Виктор. — Мы все неправильно поняли! Послушай, они еще не остановлены! Ты должна вернуться в Голывуд! Там они тоже полезут!

— У-ук, — подтвердил Библиотекарь, тыча в книгу фиолетовым ногтем.

— Пусть лезут без меня, — отрубила Джинджер.

— Нет, они не могут! В смысле, они все равно это сделают! Но ты можешь их остановить! И перестань так на меня смотреть! — Он подтолкнул Библиотекаря. — Ну же, скажи ей.

— У-ук, — терпеливо объяснил Библиотекарь. — У-ук.

— Я его не понимаю! — взвыла Джинджер.

Виктор наморщил лоб:

— Не понимаешь?

— Для меня это все мартышкин язык!

Виктор скосил глаза в сторону:

— Э-э…

На мгновение Библиотекарь обратился в маленькую доисторическую статую. А потом очень осторожно взял Джинджер за руку и потрепал ее.

— У-ук, — благодушно сказал он.

— Извини, — пробормотала Джинджер.

— Послушай! — сказал Виктор. — Я все неправильно понял! Ты не пыталась Им помочь, ты пыталась Их остановить! Я читал книгу задом наперед! Это не человек за воротами, а человек у ворот! А человек у ворот, — он набрал воздуха в грудь, — это *Страж!*

— Да, но мы не можем попасть в Голывуд! Он далеко!

Виктор пожал плечами.

— Тащи сюда рукоятора, — сказал он.

Земли, окружающие Анк-Морпорк, плодородны и в основном заняты капустными полями, которые вносят свою нотку в незабываемый аромат города.

Серый предутренний свет озарил синевато-зеленый простор и парочку фермеров, которые спозаранку занялись сбором шпината.

Они подняли взгляд, привлеченные не звуками, но движущимся пятном тишины там, где должны были быть звуки.

И увидели мерцавшую на ходу колесницу, а в ней — мужчину, женщину и что-то напоминавшее человека, завернутого в меховую шубу размеров на семь больше, чем требовалось. Колесница пронеслась по дороге на Голывуд и вскоре скрылась из виду.

Через пару минут за ней последовало кресло-каталка. Его ось раскалилась докрасна. Оно было полно оравшими друг на друга людьми. Один из них вращал ручку на ящике.

Кресло было так перегружено, что волшебники время от времени сваливались и с криками бежали рядом с ним, пока им не подворачивался шанс запрыгнуть обратно и снова перейти на ор.

Кто бы ни управлял креслом, получалось у него плохо, потому что оно виляло из стороны в сторону и в конце концов съехало с дороги и пробило дыру в стене амбара.

Один фермер подтолкнул другого.

— Я такое в кликах видал, — сказал он. — Оно каждый раз одинаково кончается. Они врезаются в амбар и выезжают с другой стороны, все покрытые квохчущими курями.

Его напарник задумчиво оперся на мотыгу.

— То еще было бы зрелище, — сказал он.

— Ну так.

— Потому что, парень, в этом амбаре ничего нет, кроме двадцати тонн капусты.

Послышался треск, и из амбара в облаке кур вырвалось кресло и на бешеной скорости помчалось к дороге.

Фермеры переглянулись.

— Вот же ыть, — сказал один из них.

Голывуд светился на горизонте. Земля дрожала все заметнее.

Мерцающая колесница выехала из рощицы деревьев и замерла на вершине склона, который спускался к городу.

Голывуд был окутан туманом. Вырывавшиеся из него копья света исчерчивали небо.

— Мы опоздали? — с надеждой спросила Джинджер.

— Почти опоздали, — ответил Виктор.

— У-ук, — добавил Библиотекарь. Его палец скользил по древним пиктограммам — справа налево, справа налево.

— Я ведь чувствовал, будто что-то не так, — сказал Виктор. — Та спящая статуя… Страж. Старые жрецы пели гимны и проводили церемонии, чтобы он не уснул. Они помнили Голывуд как могли.

— Но я ничего не знаю ни о каком страже!

— Знаешь. Где-то в глубине души.

— У-ук, — сказал Библиотекарь и постучал пальцем по странице. — У-ук!

— Он говорит, что ты, скорее всего, из рода изначальной Верховной Жрицы. Он думает, что все жители Голывуда — потомки… ну… Видишь ли, когда Твари прорвались в первый раз, город был уничтожен, и выжившие разбежались по всему свету, но, понимаешь, у каждого из нас есть способность вспоминать даже то, что случилось с нашими предками, как будто существует какой-то большой океан памяти, и мы все с ним связаны, так что, когда это начало происходить снова, это место призвало нас, и ты попыталась

все исправить, но оно было слишком слабым и могло достучаться до тебя только во сне…

Он беспомощно замолчал.

— Один «у-ук»? — подозрительно спросила Джинджер. — Ты все это услышал в одном «у-уке»?

— Ну, не то чтобы в одном, — признался Виктор.

— Я никогда в жизни не слышала такой кучи… — начала Джинджер — и осеклась. В ее руку втиснулась рука, которая была мягче самой мягкой кожи. Джинджер взглянула в лицо, в сравнении с которым даже сдутый футбольный мяч выглядел симпатичнее.

— У-ук, — сказал Библиотекарь.

Джинджер на мгновение заглянула в его глаза.

А потом сказала:

— Но я ни разу не чувствовала себя хоть сколько-нибудь похожей на верховную жрицу…

— Тот сон, о котором ты мне рассказывала, — напомнил Виктор. — По-моему, он вполне в духе верховной жрицы. Очень… очень…

— У-ук.

— Священнический. Вот именно, — перевел Виктор.

— Это всего лишь сон, — нервно сказала Джин-

джер. — Он мне время от времени снился, сколько я себя помню.

— У-ук у-ук.

— Что он сказал? — спросила Джинджер.

— Он говорит, что этот сон, скорее всего, приходит к тебе гораздо дольше, чем ты думаешь.

Перед ними блистал Голывуд — как изморозь, как город, построенный из твердого звездного света.

— Виктор? — сказала Джинджер.

— Да?

— А где все?

Виктор взглянул на дорогу. Там, где должны были быть люди, отчаянно удиравшие беглецы… не было никого.

Лишь тишина и свет.

— Где они? — повторила Джинджер.

Виктор взглянул на ее лицо.

— Но тоннель же обвалился! — воскликнул он в надежде, что если произнесет это вслух, оно станет правдой. — Прохода больше не было!

— Но тролли быстро смогли бы его расчистить, — сказала Джинджер.

Виктор подумал о… о Ктхинозале. И о первом показе, который длился уже тысячи лет. И представил, как все его знакомые будут сидеть там

еще одну тысячу лет. А где-то над ними будут меняться созвездия.

— Но они ведь могут оказаться… ну… где-нибудь еще, — соврал он.

— Но не окажутся, — сказала Джинджер. — Мы оба это знаем.

Виктор беспомощно взглянул на город огней.

— Почему мы? — спросил он. — Почему это происходит с нами?

— Всему нужно хоть с кем-нибудь произойти, — ответила Джинджер.

Виктор пожал плечами.

— А шанс тебе выпадает всего один, — сказал он. — Верно?

— И только у тебя возникает нужда спасти мир, как подворачивается мир, который нужно спасти, — отозвалась Джинджер.

— Точно, — сказал Виктор. — Повезло нам.

Двое фермеров заглянули в двери амбара. Во мраке флегматично ждали своей участи горы капусты.

— Говорил же тебе, тут капуста, — сказал один из них. — Я точно знал, что курей тут нет. Я капусту с первого взгляда узнаю́ и глазам своим верю.

Откуда-то сверху донеслись голоса, становив-

шиеся все ближе:

— Во имя богов, приятель, ты что, совсем рулить не можешь?

— Когда вы так ерзаете, аркканцлер, не могу!

— Где мы вообще, черт побери? В этом тумане ничего не видать!

— Попробую направить ее… не наклоняйтесь так! Не наклоняйтесь так! Я сказал, не наклоняйтесь…

Фермеры бросились в разные стороны; метла штопором ввинтилась в открытые двери и скрылась меж рядов капусты. Послышался далекий белокочанный хруст.

Потом чей-то приглушенный голос сказал:

— Вы наклонились.

— Чушь. В хорошенькую историю ты меня втравил. Что это вообще?

— Капуста, аркканцлер.

— Овощ, что ли, какой-то?

— Да.

— Терпеть не могу овощи. Они кровь разжижают.

Наступила пауза. А потом фермеры услышали, как второй голос сказал:

— Что ж, прошу прощения, кровожадный ты заносчивый мешок сала.

Еще одна пауза.

А после нее:

— А скажи мне, казначей, могу я тебя уволить?

— Нет, аркканцлер. У меня пожизненный контракт.

— В таком случае помоги мне выбраться отсюда, а потом пойдем и отыщем себе чего-нибудь выпить.

Фермеры отползли подальше.

— Ыть меня, — сказал тот, что верил в капусту. — Это же волшебники. В дела волшебников, ыть их, лучше не соваться.

— Это точно, — согласился второй. — Слушай… вот ты все про какую-то ыть говоришь. А это что вообще такое?

Наступило время тишины.

В Голывуде не двигалось ничего, за исключением света. Он медленно мерцал. «Голывудский свет», — подумал Виктор.

Воздух пронизывало ощущение жуткого предвкушения. Если декорации клика были грезой, ожидавшей воплощения в реальность, то город стал чем-то большим — реальным место, ожидавшим чего-то нового, чего-то такого, чему не было названия в обычном языке.

— , — сказал он и осекся.

— ? — спросила Джинджер.

— ?

— !

Они уставились друг на друга. Потом Виктор схватил ее за руку и затащил в ближайшее здание, которым оказалась столовая.

Обстановка внутри была неописуема и оставалась таковой до тех пор, пока Виктор не отыскал аспидную доску, использовавшуюся прежде для того, что здесь — смехотворно — именовалось «меню».

Он взял мелок.

«Я ГОВОРЮ, НО Я СИБЯ НЕ СЛЫШУ», — написал он и торжественно вручил мелок Джинджер.

«Я ТОЖ. ПАЧЕМУ?»

Виктор задумчиво подбросил мелок, а потом написал:

«ДУМАЮ, ПТОМУ, ЧТО МЫ ТАК И НЕ ИЗАБРЕЛИ ЗВУКАВЫЕ КЛИКИ. ЕСЛИ Б У НАС НЕ БЫЛО БЕ-СОВ, РИСУЮЩИХ ЦВЕТНЫЕ КАРТИНКИ, ЗДЕСЬ ВСЕ БЫЛО БЫ ЧЕРНА-БЕЛЫМ».

Они оглядели столовую. Почти на каждом столе стояли тарелки с недоеденными порциями. Для заведения Боргля такая картина была привычной, но к тарелкам, как правило, прилагались ожесточенно жалующиеся клиенты.

Джинджер осторожно окунула палец в ближайшую тарелку.

– *Еще теплая*, — произнесла она одними губами.

– *Пойдем*, — неслышно сказал Виктор, указывая на дверь.

Джинджер попыталась сказать ему что-то сложное, нахмурилась при виде его непонимающего лица и написала:

«НАДО ПОДАЖДАТЬ ВОЛШЕБНИКОВ».

Виктор на мгновение застыл. Потом его губы сформировали некую фразу — Джинджер в жизни бы не призналась, что знала, что она значит, — и он бросился наружу.

Перегруженное кресло уже неслось по улице, дымя осями. Виктор встал у него на пути и запрыгал, размахивая руками.

За этим последовала долгая беззвучная беседа. В ходе ее ближайшая стена оказалась вся исписана мелом. Наконец Джинджер не смогла сдержать нетерпения и подбежала ближе.

«ВЫ ДОЛЖНЫ ДЕРЖАЦА ПОДАЛЬШЕ. ЕСЛИ ОНИ ПРАРВУТСЯ, ОНИ ВАС САЖРУТ».

«ВАС ТОЖЕ». Этот почерк был аккуратнее; он принадлежал декану.

Виктор написал:

«ВОТ ТОЛЬКА Я, КАЖЕЦА, ЗНАЮ, ЧТО ПРСХОДИТ. И ВООБЩЕ, ВЫ БУДЕТЕ НУЖНЫ, ЕСЛИ ЧТО ПОЙДЕТ НЕ ТАК».

Он кивнул декану и поспешил к Джинджер и Библиотекарю. На орангутана он взглянул с беспокойством. Формально Библиотекарь являлся волшебником — по крайней мере, являлся, когда еще был человеком, и, вполне возможно, в этом плане ничего не изменилось. С другой стороны, он также был орангутаном и в случае непредвиденных обстоятельств мог оказаться весьма полезным человеком. Виктор решил рискнуть.

— Вперед, — изобразил он губами.

Путь к холму отыскать было легко. Там, где раньше была тропка, пролегла теперь широкая дорога, усыпанная сиротливыми следами торопливого бега. Сандалия. Отброшенный рисовальный ящик. Длинное боа из красных перьев.

Ведущие в глубину холма двери были сорваны с петель. Из глубины тоннеля доносилось тусклое свечение. Виктор пожал плечами и шагнул внутрь.

Полностью завал не разобрали, но обломки оттащили в сторонку или попросту растоптали, чтобы толпа смогла пройти. Потолок не обвалился. И не благодаря уже рухнувшим глыбам.

Благодаря Детриту.

Это он неустанно поддерживал потолок.

Почти неустанно. Ему уже пришлось опуститься на одно колено.

Виктор с Библиотекарем принялись укладывать булыжники вокруг тролля, пока тот не смог снять ношу со своих плеч. Детрит застонал — по крайней мере, выглядело это так, будто он стонет, — и повалился ничком. Джинджер помогла ему подняться.

— Что случилось? — спросила она у него одними губами.

— ?? — Детрит не мог уразуметь, куда подевался его голос, и пытался скосить глаза на собственные губы.

Виктор вздохнул. Ему зримо представились жители Голывуда, слепо несущиеся по тоннелю, и тролли, разбирающие завал. Поскольку Детрит был среди них самым сильным, он, разумеется, играл в этом важнейшую роль. А поскольку мозг ему обычно требовался только для того, чтобы макушка не проваливалась в глубь черепа, то, разумеется, именно его бросили поддерживать на себе вес холма. Виктор вообразил себе, как Детрит неслышно кричит, пока остальные бросают его позади.

Он задумался, не стоит ли написать троллю ободряющее послание, но в случае Детрита это почти наверняка стало бы зряшной тратой времени. К тому же тролль явно не собирался здесь задерживаться. Он с мрачным лицом ухромал в глубь тоннеля, сосредоточившись на каком-то своем личном деле. Волочившиеся по полу кулаки тролля оставляли в пыли две канавки.

Тоннель привел их в пещеру, которая, как понял теперь Виктор, была чем-то вроде вестибюля перед картиночным залом. Быть может, тысячи лет назад паства стекалась сюда, чтобы закупиться… чем? Быть может, благословленными сосисками и священными хлопнутыми зернами.

Теперь вестибюль полнился призрачным свечением. Везде, куда бы ни посмотрел Виктор, до сих пор царствовали сырость и древняя плесень. Но ему казалось, что везде, куда он *ни смотрел*, по краям поля зрения пещера походила на дворец, украшенный занавесями из красного плюша и вычурной позолоченной лепниной. Виктор непрестанно вертел головой, пытаясь поймать призрачное, искрящееся видение.

Он заметил обеспокоенный, хмурый взгляд Библиотекаря и написал мелом на стене пещеры:

«СЛИЯНИЕ РЕАЛЬНОСТЕЙ?»

Библиотекарь кивнул.

Виктор поморщился и повел свой маленький отряд голывудских герильерос — точнее, двух герильерос и одного орангутаньеро — вверх по истертым ступеням, ведущим в зал.

Позже он осознал, что всех их спас Детрит.

Они бросили всего один вгляд на вихрившиеся на чудовищном экране образы и…

Грезы. Реальность. Вера.

Ожидание…

…и тут Детрит попытался пройти сквозь них. Иллюзии, созданные для того, чтобы пленять и очаровывать любое разумное существо, отскакивали от внутренней стенки его каменистого черепа и вылетали обратно наружу. Тролль не обращал на них никакого внимания. У него были другие дела[28].

Виктор поднялся на ноги, подтащил к себе Джинджер с Библиотекарем, ткнул пальцем в сторону мерцающего, пульсирующего прямоугольника в дальнем конце зала и неслышно сказал:

— Не смотрите туда!

Они кивнули.

---

[28] Примечания: 28

Тролли в таких случаях говорят: «Мне нужно оглушить еще немало бешеных гризли».

Джинджер стиснула его руку, и они медленно по-шли вниз по проходу.

Здесь собрался весь Голывуд. В дрожащем свете неподвижно сидели знакомые им лица, и на каждом застыло одно и то же выражение.

Виктор почувствовал, как ногти Джинджер впиваются ему в кожу. Вот сидел Скала, а вот Морри, и Фрунткин из Борглева заведения, и костюмерша госпожа Космопилит. Вот сидел Сильверфиш — в ряду других алхимиков. Вот сидели плотники и рукояторы, и все невзошедшие звезды — все те, кто держал лошадей, и убирал со столов, и стоял в очередях, и ждал, и ждал счастливого случая…

«Омары, — подумал Виктор. — Был когда-то большой город, а потом погибла куча народу, и теперь там живут одни омары».

Библиотекарь указал на что-то пальцем.

Детрит отыскал Рубину в самом первом ряду и теперь пытался вытащить ее из кресла. Но в какую бы сторону тролль ее ни тянул, глаза Рубины устремлялись к танцу изображений. Когда же Детрит встал прямо перед ней, она моргнула, насупилась и оттолкнула его в сторону.

А потом ее лицо снова расслабилось и Рубина вернулась на место.

Виктор положил руку на плечо Детрита, а другой сделал несколько, как он надеялся, успокаивающих и привлекающих внимание жестов. Лицо тролля напоминало фреску, символически изображающую страдание.

Доспехи все еще лежали на каменной плите позади экрана, перед ржавым диском.

Виктор и остальные безнадежно уставились на них.

Виктор осторожно провел по доспехам пальцем, стирая пыль. Обнажилась полоска сверкающего желтого металла. Он посмотрел на Джинджер.

— Что теперь? — беззвучно спросил он.

Она пожала плечами. Это значило: откуда мне знать? Я ведь тогда спала.

Экран над ними заметно вспучился. Сколько времени осталось до того, как прорвутся Твари?

Виктор попробовал потрясти… что ж, назовем его человеком. Высокого человека. В монолитной золотой броне. С тем же успехом можно было попытаться расшевелить гору.

Он потянулся к мечу и попытался его высвободить, хотя меч был выше его самого, и даже если бы Виктор смог его поднять, был бы примерно таким же маневренным, как баржа.

Но он был стиснут намертво.

Библиотекарь пытался читать книгу в свете экрана, лихорадочно перелистывая страницы.

Виктор написал мелом на боку плиты:

«НЕУЖЕЛИ ТЕБЕ НИЧЕГО НЕ ПРИХОДИТ В ГОЛОВУ?

Джинджер отобрала у него мелок:

«НЕТ! ТЫ ВЕДЬ МЕНЯ РАЗБУДИЛ! Я НЕ ЗНАЮ, КАК ЭТО СДЕЛАТЬ!!! И ЧТО СДЕЛАТЬ, ТОЖЕ НЕ ЗНАЮ!!!.»

Четвертый восклицательный знак остался незавершенным лишь потому, что мелок сломался. Кусочек его ударился обо что-то со звонким «пинь».

Виктор взял у Джинджер оставшуюся половинку мелка.

«МОЖЕТ, В КНИГУ ЗАГЛЯНЕШЬ?» — предложил он.

Библиотекарь кивнул и попытался всунуть книгу в руки Джинджер. Та отмахнулась от него и на мгновение застыла, вглядываясь в тени.

Потом взяла книгу.

Потом посмотрела на орангутана, и на тролля, и на человека.

А потом замахнулась и отшвырнула книгу от себя.

На этот раз послышался не «пинь». Это был

отчетливый, низкий и весьма гулкий «боммм». Что-то звучало в этом месте, лишенном звуков.

Виктор обежал вокруг плиты.

Огромный диск оказался гонгом. Виктор легонько стукнул по нему. Посыпалась ржавчина, однако от слабого удара металл задрожал, издавая очередной звонкий гул. Теперь, когда глаза Виктора принялись активно его высматривать, он углядел на полу под гонгом шестифутовый металлический шест с обитым мягкой тканью шариком на одном конце.

Виктор ухватился за него и снял с подставки. Точнее, попытался снять. Колотушка надежно приржавела.

Библиотекарь встал с другого ее конца, посмотрел в глаза Виктору, и они попробовали оторвать ее вместе. В руки Виктору впивались чешуйки ржавчины.

Колотушка осталась неподвижна. Время и соленый воздух превратили ее в единое металлическое целое вместе с подставкой.

А потом время как будто замедлилось, обратившись в мерцающем свете серией застывших кадров, похожих на прокручивающиеся в ящике движущиеся картинки.

Клик.

Детрит протянул свою ручищу над головой Виктора, ухватил колотушку за середину и поднял, вырвав из камня заржавевшую подставку.

Клик.

Виктор с Библиотекарем распластались на полу, а Детрит взялся за колотушку обеими руками, напряг мышцы, размахнулся и ударил в гонг.

Клик.

Клик.

Клик.

Клик.

Запечатленный в череде неподвижных поз, Детрит словно бы моментально переходил из одной… *клик*… в другую, поворачиваясь на одной мозолистой ноге так, что головка колотушки… *клик*… прочерчивала во мраке сияющую дугу.

Клик.

Удар откинул гонг так далеко, что цепи его порвались и он врезался в стену пещеры.

Звук нахлынул так быстро и в таких количествах, словно томился в плену какой-то дамбы, а потом не-ожиданно вырвался на свободу, чтобы радостно захлестнуть собой мир и затопить все до одной барабанные перепонки.

Боммм.

Клик.

Гигантская фигура медленно поднималась с каменной плиты; пыль опадала с нее медленными каскадами. Под пылью скрывалось золото, не потускневшее со временем.

Движения ее были неспешными, но отточенными, словно под доспехами скрывался заводной механизм. Одной рукой она подняла колоссальный меч. Второй ухватилась за край плиты, опуская на пол свои длинные тонкие ноги.

Выпрямившись во весь свой десятифутовый рост, фигура возложила руки на рукоять меча и замерла. Она выглядела почти так же, когда лежала на плите, но теперь в этой позе ощущались готовность к действию и ждущая своего часа огромная сила. На пробудившую ее четверку фигура никакого внимания не обращала.

Экран прекратил свою безумную пульсацию. Что-то ощутило присутствие золотого стража и сосредоточило на нем все свое внимание. А значит, это внимание временно перестало быть направлено в другую сторону.

Зрители зашевелились. Они начинали приходить в себя.

Виктор ухватил Библиотекаря и Детрита за руки.

— Вы двое, — сказал он. — Уводите всех отсюда.

Уводите их *быстро*.

— У-ук!

Особого приглашения жителям Голывуда и не требовалось. Достаточно было увидеть фигуры на экране отчетливо, а не сквозь пелену гипноза, и любой, у кого мозгов было хоть чуточку больше, чем у Детрита, внезапно испытывал желание оказаться очень-очень далеко отсюда. Виктор видел, как они карабкаются по сиденьям, стремясь покинуть пещеру.

Джинджер бросилась следом за ними. Виктор ее остановил.

— Еще рано, — тихо сказал он. — Для нас еще рано.

— Что ты несешь? — требовательно спросила она.

Виктор покачал головой.

— Мы должны уйти последними, — сказал он. — Это все часть Голывуда. Ты можешь использовать ее магию, но и она тебя тоже использует. К тому же разве ты не хочешь посмотреть, чем все это закончится?

— Я, честно говоря, надеялась посмотреть, чем все это закончится, откуда-нибудь издалека.

— Ладно, давай взглянем на это с другой стороны… им всем потребуется еще где-то пара минут,

чтобы убраться отсюда. Отчего бы и не дождаться, когда никто не будет путаться у нас под ногами?

Из вестибюля доносились вопли — это бывшие зрители набивались в тоннель.

Виктор прошел по внезапно опустевшему проходу к заднему ряду и занял пустое кресло.

— Надеюсь, у старика Детрита на этот раз хватит ума не оставаться поддерживать потолок, — сказал он.

Джинджер вздохнула и уселась рядом.

Виктор задрал ноги на спинку сиденья в соседнем ряду и покопался в карманах.

— Хлопнутых зерен не хочешь? — спросил он.

Под экраном были видны очертания золотого стража. Он склонил голову.

— Ты знаешь, а он *и впрямь* похож на моего дядю Освальда, — заметила Джинджер.

Экран потемнел так внезапно, что тьма обрушилась почти что с грохотом.

«Должно быть, такое случалось уже много, много раз, — подумал Виктор. — В десятках вселенных. Возникает сумасбродная идея, и откуда-то является золотой воин — Освальд, или как его там на самом деле зовут. Чтобы усмирить ее. Наверное. Может быть, куда бы ни отправился Голывуд, Освальд следует за ним».

Появилась точка фиолетового света и приняла стремительно расти. Виктору казалось, что он проваливается в тоннель.

Золотая фигура подняла голову.

Свет искажался и принимал самые неожиданные формы. Экрана больше не было. Что-то пыталось проникнуть в мир. Это было уже не изображение на другом конце зала, а нечто, отчаянно пытающееся существовать.

Золотой страж поднял меч.

Виктор потряс Джинджер за плечо.

— А вот теперь, думаю, нам пора уходить, — сказал он.

Меч рухнул. Пещеру затопил золотой свет.

Когда земля сотряслась в первый раз, Виктор и Джинджер уже спускались по ступеням в вестиблюль. Они уставились на пустую пасть тоннеля.

— Ни за что на свете, — сказала Джинджер. — Я не хочу, чтобы меня там снова завалило.

Перед ними лежала затопленная лестница. Конечно же, она должна была уходить в море, и на самом деле оно находилось всего в нескольких ярдах, но вода была черна и, пользуясь выражением Гаспода, предвещала.

— Ты плавать умеешь? — спросил Виктор. По-

зади них обрушилась одна из раскрошившихся колонн пещеры. Из зала донесся жуткий вой.

— Не слишком хорошо, — сказала Джинджер.

— Вот и я тоже, — признался Виктор. Шум за их спинами становился все страшнее. — Ну что ж, — сказал он и взял ее за руку. — Будем считать это прекрасной возможностью *очень* быстро улучшить свои результаты.

Они прыгнули.

Виктор всплыл в пятидесяти ярдах от берега; легкие его пылали. Джинджер вырвалась из-под воды в нескольких футах от него. Они барахтались на месте и смотрели.

Земля тряслась.

Голывуд — сплошь сырая древесина и короткие гвозди — распадался на части. Дома медленно складывались, как будто были построены из карт. Кое-где небольшими взрывами обозначалось местоположение бывших складов октоцеллюлозы. Холщовые города и гипсовые горы обращались в ничто.

А посреди всего этого, уворачиваясь от падающих балок, но не позволяя больше ничему преградить себе путь, спасались бегством жители Голывуда. Рукояторы, актеры, алхимики, бесы, тролли, гномы — они бежали, точно муравьи из

горящего муравейника, опустив головы, работая ногами, не сводя яростных взглядов с горизонта.

Обрушился целый кусок холма.

На мгновение Виктору показалось, что он видит, как огромный золотой силуэт Освальда, бесплотный, словно пылинки в солнечном луче, встает над Голывудом и, размахнувшись, наносит единственный всеразрушающий круговой удар.

А потом он исчез.

Виктор помог Джинджер выбраться на берег.

Они вышли на главную улицу, где воцарилась тишина, нарушаемая только периодическими скрипами и стуками, когда от полуразрушенных домов отваливалась очередная доска.

Они пробирались мимо обвалившихся декораций и сломанных рисовальных ящиков.

Позади них с грохотом соскользнула с креплений и шлепнулась на песок вывеска «Века Летучей Мыши».

Они миновали останки забегаловки Боргля, после разрушения которой среднее качество еды по всему миру возросло — не сильно, но заметно.

Они цеплялись ногами за размотавшиеся клики, трепетавшие на ветру.

Они карабкались по рухнувшим грезам.

На окраине того, что прежде было Голывудом,

Виктор остановился и оглянулся.

— Что ж, в конечном итоге они оказались правы, — заметил он. — В *этом* городе нам больше не работать.

Он услышал всхлип. К его удивлению, Джинджер плакала.

Виктор обнял ее за плечи.

— Пойдем, — сказал он. — Я провожу тебя домой.

Голывудская магия, оторванная от источника и слабевшая, металась по земле, разыскивая место, где смогла бы укорениться.

Клик…

Был ранний вечер. Краснеющий свет заходящего солнца лился в окна «Реберного Дома Харги», который в это время суток был почти пуст.

Детрит и Рубина неловко сидели на рассчитанных на людей стульях.

Кроме них, в «Реберном Доме» присутствовал только Шэм Харга собственной персоной; он что-то насвистывал и с помощью тряпки более тонким слоем размазывал грязь по пустующим столикам.

— Ы-ы, — рискнул заговорить Детрит.

— Да? — выжидающе спросила Рубина.

— Ы. Да нет, ничего, — сказал Детрит. Он чув-

ствовал себя здесь не в своей тарелке, но Рубина настояла на своем. Детриту все казалось, что она ждет от него каких-то слов, но все, что он мог придумать, — это ударить ее по голове кирпичом.

Харга бросил насвистывать.

Детрит почувствовал, как его голова поворачивается. Его рот открылся.

— Сыграй еще раз, Шэм, — сказал Голывуд.

Грянул громоподобный аккорд. Задняя стена «Реберного Дома», отъехав, скрылась в том измерении, куда обычно деваются подобные декорации, а место, обычно занятое кухней Харги и шумным переулком за ней, занял расплывчатый, но очевидный оркестр.

Платье Рубины превратилось в водопад блесток. Все прочие столики, закрутившись волчками, разъехались в стороны.

Детрит поправил на себе нежданный смокинг и прочистил горло.

— Пусть впереди ждет беда… — запел он; слова, лившиеся с его губ, приходили из какой-то неведомой дали.

Детрит взял Рубину за руку. О его левое ухо стукнулась трость с золотым набалдашником. Внезапно материализовавшаяся черная шелковая шляпа отскочила от его локтя. Тролль не

обратил на них никакого внимания.

— Но пока есть лунный свет и музыка…

Детрит умолк. Золотые слова улетучивались. Стены вернулись. Столики заняли положенные места. Блестки вспыхнули и исчезли.

— Э-э, — протянул Детрит.

Рубина не сводила с него нетерпеливых глаз.

— Ы-ы. Прости, — сказал он. — Не знаю, чего енто на меня нашло.

К их столику подошел Харга.

— Что это было за… — начал он. Не отворачиваясь от Детрит, Рубина протянула крепкую, точно древесный ствол, руку, развернула Харгу и дала ему такого толчка, что он пролетел сквозь стену.

— Поцелуй меня, дурачок, — сказала она.

Детрит наморщил лоб.

— Чего? — спросил он.

Рубина вздохнула. Ладно, хватит с нее людских обычаев.

Она схватила стул и с хирургической точностью обрушила на голову Детрита. По его лицу расползлась улыбка, и он повалился лицом вниз.

Рубина с легкостью подняла его и забросила на плечо. Если она чему и научилась в Голывуде, так это тому, что нет смысла ждать, пока твой прекрасный принц саданет тебя по голове кир-

пичом. Нужно обжигать собственные кирпичи.

Клик…

В гномьей шахте за многие и многие мили от глины Анк-Морпорка очень злой бригадир постучал лопатой, требуя тишины, и объявил во всеуслышание:

— Я хочу, чтобы вы все на носу себе это зарубили, ясно? Еще раз — я это серьезно, еще хоть раз, поняли? Еще хоть раз вы, треклятые украшения для лужаек, затянете это ваше «Хайхо-хайхо» — и я достаю топор, усекли? Мы же *гномы*, демон вас раздери. Вот и ведите себя как гномы. И тебя это тоже касается, Засоня!

Клик…

Ну-давай-назови-меня-Господином-Попрыгуном вспрыгнул на вершину дюны и огляделся. А потом соскользнул обратно вниз.

— Все чисто, — доложил он. — Никаких людей. Одни руины.

— Наше шобштвенное мешто, — довольно проговорил кот. — Мешто, где вше животные, любых видов и форм, шмогут жить вмеште в абшолютной…

Утенок закрякал.

— Утенок говорит, — перевел Назови-меня-Господином-Попрыгуном-и-умри, — что стоит

попробовать. Если уж нам суждено жить разумными, давайте уж будем делать это *как следует*. Пойдемте.

И тут он вздрогнул. Как будто его прошил легкий разряд статического электричества. На мгновение маленький пятачок песчаных дюн пошел волнами, как на сильной жаре.

Утенок снова закрякал.

Какой-я-вам-Господин-Попрыгун наморщил нос. Неожиданно ему стало очень трудно сосредоточиться.

— Утенок говорит, — неуверенно сказал он, — утенок говорит… говорит утенок… говорит… говорит… «кря-кря»?

Кот посмотрел на мышь.

— Мяу? — спросил он.

Мышь пожала плечами.

— Писк, — прокомментировала она.

Кролик нерешительно наморщил нос.

Утенок прищурился на кота. Кот уставился на кролика. Мышь пялилась на утенка.

Утенок взмыл в небеса. Кролик обернулся быстро удаляющимся облачком песка. Мышь со всех лап рванула по дюнам. А кот, чувствуя себя намного счастливее, чем в последние несколько недель, погнался за ней.

Клик…

Джинджер и Виктор сидели за столиком в углу «Залатанного барабана». В конце концов Джинджер сказала:

— Они были хорошими псами.

— Да, — отстраненно согласился Виктор.

— Морри и Скала целую *вечность* копались в развалинах. Они говорят, там внизу сплошные подвалы и все такое прочее. Мне жаль.

— Да.

— Может, нам стоит в их честь какую-нибудь статую воздвигнуть?

— Не думаю, что это хорошая идея, — сказал Виктор. — Если вспомнить, что собаки делают со статуями. Может, гибель собак — это неотъемлемый элемент Голывуда. Не знаю.

Джинджер обвела пальцем дырку от сучка на столешнице.

— Все кончено, — сказала она. — Ты ведь это понимаешь? Голывуда больше нет. Все кончено.

— Да.

— Патриций и волшебники больше не позволят никому заниматься кликами. Патриций заявил об этом очень недвусмысленно.

— Не думаю, что кто-нибудь и захочет ими заниматься, — сказал Виктор. — Кто теперь будет

помнить Голывуд?

— В смысле?

— Те древние жрецы построили вокруг него какое-то дурацкое подобие религии. Они забыли, чем он был на самом деле. Но это не имело значения. Я не думаю, что для этого нужны гимны и костры. Нужно просто помнить Голывуд. Нам нужно, чтобы кто-нибудь *очень хорошо* помнил Голывуд.

— Ага, — усмехнулась Джинджер. — Для такого нужна целая тысяча слонов.

— Это точно. — Виктор рассмеялся. — Бедняга Достабль, — сказал он. — А ведь он их так и не дождался…

Джинджер гоняла кругами по тарелке кусочек картошки. Она о чем-то задумалась, и явно не о еде.

— Но ведь это было здорово, правда? — выпалила она наконец. — У нас ведь было что-то по-настоящему потрясающее, правда?

— Да.

— И люди действительно думали, что это хорошо?

— О да, — мрачно подтвердил Виктор.

— Разве мы не впустили в мир нечто умопомрачительное?

— Иначе и не скажешь.

— Да я не об *этом*. Быть богиней экрана не так-то просто, знаешь ли, — сказала Джинджер.

— Верно.

Джинджер вздохнула.

— Никакой больше магии Голывуда, — проговорила она.

— Мне кажется, она пока еще есть, — сказал Виктор.

— Где?

— Летает по миру. Ищет способы себя израсходовать, я думаю.

Джинджер уставилась на свой стакан.

— Что ты будешь делать теперь? — спросила она.

— Не знаю. А ты?

— Может, вернусь на ферму.

— Зачем?

— Разве ты не понимаешь — Голывуд был моим шансом! В Анк-Морпорке не так много работы для женщин. По крайней мере, — добавила она, — такой, которой я соглашусь заниматься. Мне уже три раза предложили руку. Весьма значительные господа.

— Правда? Зачем?

Джинджер насупилась.

— Эй, не такая уж я уродина…

— Да я не это имел в виду, — торопливо уточнил Виктор.

— Ну, наверное, когда ты влиятельный торговец, тебе приятно, что у тебя знаменитая жена. Это как покупать драгоценные камни. — Она потупила взгляд. — Госпожа Космопилит спросила, может ли она захомутать кого-нибудь из тех, которые мне не глянутся. Я сказала ей, чтобы забирала всех троих.

— Я тоже всегда так относился к выбору, — просветлел Виктор.

— Правда? Если это единственный выбор, который существует, я отказываюсь выбирать. Кем можно стать после того, как ты была собой — настолько знаменитой, насколько возможно?

— Никем, — ответил Виктор.

— Никто не знает, каково это.

— Кроме нас.

— Да.

— Да.

Джинджер улыбнулась. Виктор в первый раз видел ее лицо свободным от капризности, злости, беспокойства и голывудского грима.

— Не вешай нос, — сказала она. — Завтра будет новый день.

Клик…

Сержанта анк-морпоркской Городской Стражи Колона пробудил от мирной дремы в будке у главных ворот далекий грохот.

От горизонта до горизонта простиралось пыльное облако. Какое-то время Колон задучиво за ним следил. Оно становилось все больше и в конце концов исторгло из себя темнокожего подростка верхом на слоне.

Слон галопом одолел ведущую к воротам дорогу и остановился у городской стены. Колон не мог не заметить, что облако пыли на горизонте до сих пор не исчезло и становилось все больше.

Мальчик сложил ладони рупором и прокричал:

— Не покажете дорогу на Голывуд?

— Да вроде как нет больше никакого Голывуда, — ответил Колон.

Мальчик задумался. Потом взглянул на клочок бумаги, который сжимал в руке. И спросил:

— А не знаете, где я могу найти господина С.Р.Б.Н. Достабля?

Сержант Колон, неслышно шевеля губами, повторил инициалы.

— Это Себя-Режу, что ли? — переспросил он. — Себя-Режу-Без-Ножа Достабля?

— Он здесь?

Сержант Колон оглянулся на город.

— Пойду узнаю, — сказал он. — А кто его спрашивает?

— Мы доставили его заказ. Наложенным платежом.

— На… ложенным? — переспросил Колон, глядя на сгущающееся облако. — Вы наложниц ему, что ли, пригнали?

— Не наложниц.

Сквозь пыль начинали проглядывать широкие серые лбы. И Колон почуял тот характерный запах, который появляется, когда тысяча слонов на протяжении многих дней кормится на капустных полях.

— Подождите здесь, — сказал он. — Я пойду приведу его.

Колон втянул голову обратно в будку и подтолкнул дремлющее тельце капрала Шноббса, на данный момент представлявшего собой вторую половину бдительного боевого отряда, не смыкая глаз оберегавшего город.

— Што такое?

— Шнобби, ты старину Себя-Режу сегодня утром не видел?

— Видел, он на Легкой улице стоял. Я у него

экстра-сосиску купил.

— Он что, снова сосисками торгует?

— А что ему остается делать? Деньги-то он все потерял. А что стряслось?

— А ты наружу выгляни, — абсолютно спокойным голосом предложил Колон.

Шнобби выглянул.

— Да это же… как по-твоему, сержант, есть там тысяча слонов?

— Ага. Похоже на тысячу.

— Вот и я подумал, что тысяча, не меньше.

— Там один парнишка говорит, что их Себя-Режу заказал, — сказал сержант Колон.

— Да ладно? Он, значит, с размахом за свои экстрасосиски взялся?

Их взгляды встретились. Улыбка Шнобби была зловещей.

— Ну же, сержант, — попросил он. — Можно, *я* ему расскажу? Пожалуйста?

Клик…

Томас Сильверфиш, алхимик и неудачливый кликопродюсер, помешал содержимое тигля и тоскливо вздохнул.

В Голывуде осталось множество золота — для тех, у кого кишка была не тонка его откопать. Для тех же, у кого она была тонка (а Сильверфиш без

колебаний отнес бы себя к их числу), оставались старые и многократно проверенные — если точнее, многократно проверенные и ни разу ничего не принесшие — методы добычи средств к пропитанию. Поэтому он вернулся домой и продолжил с того места, где остановился.

— Получается что-нибудь? — спросил Жалоби, заглянувший пособолезновать.

— Ну, оно серебристое, — с сомнением проговорил Сильверфиш. — И выглядит как металл. И тяжелее свинца. Куча руды на него ушла, кстати. Вот незадача, а я-то думал, что на этот раз у меня что-то получится. Мне правда казалось, что мы вот-вот сделаем первый шаг к новому, светлому будущему…

— И как ты его назовешь? — поинтересовался Жалоби.

— Да я не знаю. Он, наверное, и названия-то не заслуживает, — отмахнулся Сильверфиш.

— Анкморпоркий? Сильверфиший? Несвинец? — предложил Жалоби.

— Бестолковий тогда уж, — сказал Сильверфиш. — Я, пожалуй, брошу его и займусь чем-нибудь более полезным.

Жалоби заглянул в печь.

— От него ведь никаких «ба-бахов» не будет? —

уточнил он.

Сильверфиш бросил на него ядовитый взгляд.

— От этой ерунды? — переспросил он. — Да как тебе такое могло в голову прийти?

Клик…

Под обломками царила непроглядная тьма.

Она царила там уже очень давно.

Гаспод чувствовал, что над ними нависают тонны камня. Для этого не нужно было никакое особое собачье чутье.

Он кое-как подполз к тому месту, где рухнувшая колонна пробила дыру в подвал.

Лэдди с трудом поднял голову, облизал морду Гас-пода и еле слышно тявкнул:

– Хороший мальчик Лэдди… Хороший мальчик Гаспод…

— Хороший мальчик Лэдди, — прошептал Гаспод.

Лэдди пару раз ударил хвостом по камням. А потом заскулил, и паузы между звуками с каждым разом становились все длиннее.

Что-то стукнуло. Как будто костью задели камень.

Гаспод навострил уши. Он взглянул на приближавшуюся фигуру, видимую даже в абсолютном мраке, потому что она всегда будет темнее какой-

то там обычной темноты.

Гаспод поднялся, встопорщил шерсть на хребте и зарычал.

— Еще шаг — и я твою ногу отгрызу и закопаю, — пообещал он.

Лишенная плоти рука протянулась к нему и почесала за ушами.

Из темноты послышался слабый лай.

– Хороший мальчик Лэдди!

Гаспод, обливаясь слезами, адресовал Смерти извиняющуюся улыбку.

— Позорище, да? — хрипло спросил он.

— НЕ МОГУ СКАЗАТЬ. НИКОГДА НЕ БЫЛ СОБАЧНИКОМ, — признался Смерть.

— Вот как? А мне, знаешь ли, никогда особенно не хотелось умереть, — парировал Гаспод. — Мы ведь умираем, да?

— ДА.

— Ну и неудивительно. Я всю жизнь умирал, — сказал Гаспод. — Правда, я думал, — с надеждой добавил он, — что для собак есть свой особый Смерть. Такой, знаешь, похожий на большого черного пса.

— НЕТ, — ответил Смерть.

— Забавно, — проговорил Гаспод. — А я слыхал, что у каждого вида животных есть собственный

жуткий черный призрак, который за ними является. Не хочу тебя обидеть, — поспешно добавил он. — Просто я-то думал, что вот придет ко мне этакий большой черный пес, да и скажет: «Ну ладно, Господ, ты тут сделал все, что мог, так что давай, сбрасывай свою тяжкую ношу и айда за мной в страну, изобильную вырезкой и потрошками».

— НЕТ. ЕСТЬ ТОЛЬКО Я, — сказал Смерть. — *САМЫЙ* ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ.

— А почему я тебя вообще вижу, если я еще не умер?

— У ТЕБЯ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ.

Господ насторожился.

— Правда? Ну и дела.

– *Хороший мальчик Лэдди!* — Лай сделался громче.

Смерть потянулся в таинственные глубины своего балахона и достал маленькие песочные часы. В верхней их части почти не осталось песка. Последние секунды жизни Господа с шипением перетекали из будущего в прошлое.

А потом их не осталось.

Смерть выпрямился.

— ТЕБЕ ПОРА, ГАСПОД.

Послышался едва уловимый звук. Так мог бы

звучать мимолетный блик.

Песочные часы заполнились золотистыми искор-ками.

Песок потек обратно.

Смерть усмехнулся.

А потом на том месте, где он стоял, возник треугольник ослепительного света.

– *Хороший мальчик Лэдди!*

— Вот он где! Говорил я вам, что слышу лай! — проревел голос Скалы. — Хороший мальчик! Сюда, мальчик!

— Ох, ребята, как я рад вас видеть… — начал Гаспод. Но тролли, сгрудившиеся вокруг отверстия, не обращали на него внимания. Скала поднял и отбросил колонну и нежно взял Лэдди на руки.

— Ничего, до свадьбы заживет, — пообещал он.

— А можно мы его теперь съедим? — спросил заглядывавший в дыру тролль.

— Ты совсем дурак? Этот пес — герой!

— …прошу прощения…

– *Хороший мальчик Лэдди!*

Скала передал пса стоявшим наверху троллям и выбрался из дыры.

— …прошу прощения… — прохрипел ему вслед Гаспод.

Он услышал далекое ликование.

Немного погодя, поскольку других вариантов у него, похоже, все равно не оставалось, он кое-как вскарабкался по рухнувшей колонне и выбрался из-под обломков.

Вокруг никого не было.

Гаспод напился из лужи.

Потом поднялся, опробовал поврежденную лапу.

Сойдет.

И, наконец, выругался:

— Гау, гау, гау!

Гаспод осекся. Это было неправильно.

Он попробовал снова:

— Гау!

Гаспод огляделся…

…и его мир выцвел, вернувшись в благословенное черно-белое состояние.

Гасподу пришло в голову, что Харга как раз сейчас должен выбрасывать мусор, а потом он наверняка отыщет себе какое-нибудь тепленькое стойло. А что еще нужно маленькому песику?

Где-то в далеких горах завывали волки. Где-то в любящих домах гладили по голове собак, у которых были именные миски и ошейники.

А где-то между ними, до странного довольный этим, хромал в сторону заката Чудо-Пес Гаспод.

Где-то в тридцати милях по вращению от Анк-Морпорка, там, где Круглое море встречается с Краевым океаном, на продуваемом ветрами, поросшем взморником, покрытом дюнами пятачке земли шумел прибой.

Над волнами летали крачки. Сухие головки морского мака гремели под вечным бризом, который разгонял в небе облака и чертил на песке причудливые узоры.

Холм был виден за многие мили отсюда. Пусть и не слишком высокий, среди дюн он высился, точно опрокинутый корабль или особенно неудачливый кит; его покрывали низкорослые деревца. Дождь здесь проливался лишь тогда, когда у него не оставалось другого выбора.

А вот ветер дул не переставая и засыпал песком высохшие, выбеленные доски Голывуда.

Он устраивал себе прослушивания на задних дворах студий.

Он играл клочками бумаги среди рушащихся гипсовых чудес света.

Он расшатывал доски, пока они не падали на песок и не скрывались под ним.

Кликакликаклика.

Ветер повздыхал над скелетом светового ящика, водруженным на пьяно накренившуюся

треногу.

Он поймал болтавшийся обрывок пленки и принялся разматывать последний клик, пустив крошащийся, блестящий завиток змеиться по песку.

В стеклянном глазу светового ящика судорожно заплясали, на мгновение ожив, крошечные фигурки…

Кликаклика.

Пленка вырвалась на свободу и, кружа, понеслась над дюнами.

Клика… клик…

Ручка качнулась назад, потом вперед — и остановилась.

Клик.

Голывуд грезит.